

С. Л. Агаев

ИРАН:

РОЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ

ПОЛИТИЗДАТ

С. Л. Агаев

ИРАН:

РОЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

**Предисловие и общая редакция
профессора Р. А. Ульяновского**

Агаев Семен Львович.

А23 Иран: рождение республики / Предисл. и общ. ред. Р. А. Ульяновского.— М.: Политиздат, 1984.— 336 с., ил.

В книге день за днем освещаются бурные политические события, в водовороте которых в Иране рождалась исламская республика. Изложение начинается со времени возвращения в страну из эмиграции аятоллы Хомейни и завершается событиями, связанными с захватом американского посольства в Тегеране. В живой форме автор раскрывает характерные черты «исламской революции» и исламской республики.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

А $\frac{0804000000-212}{079(02)-84}$ 255—84

66.2(5Ирп)
32И

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редакторы *Н. С. Алентьева, А. О. Доброправова*

Младший редактор *Т. В. Гуничева*

Художник *В. М. Аникиев*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 4099

Сдано в набор 20.02.84. Подписано в печать 31.05.84. А00101. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 18,06. Условн. кр.-отт. 19,32. Учетно-изд. л. 19,71. Тираж 90 тыс. экз. Заказ 4241. Цена 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И 473, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Исламский взрыв», «исламский ренессанс», «новая исламская революция»...

В течение последних нескольких лет эти слова не сходили со страниц западных газет, ежедневно передавались в эфир и произносились с экранов телевизоров. Наряду с огромной армией корреспондентов, обозревателей, комментаторов «исламским взрывом» занималось немало представителей научного мира, деловых кругов, политической элиты.

Приведенные термины использовались для обозначения самых разнородных общественных явлений в мусульманском мире: от контрреволюционной проимпериалистической деятельности «братьев-мусульман» и родственных им реакционных организаций в Афганистане и других странах до массовых революционных антиимпериалистических движений, подобных тому, которое потрясло Иран в 1978—1979 гг.

* * *

Отношение марксистов-ленинцев к политическим движениям под лозунгами ислама, как и к другим общественным явлениям, основывается на принципиальном классовом подходе. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду отмечалось: «В некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может разворачиваться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»¹.

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 13.

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена одному из ярких проявлений так называемого движения «исламского возрождения» — революции в Иране, единственной мусульманской стране, где исламские политические силы смогли взять в свои руки прямую государственную власть на волне подлинно всенародной революции. Книга представляет большой интерес потому, что в ней после краткого освещения антимонархической революционной борьбы, проходившей под религиозными лозунгами (такое уже не раз бывало в истории), подробно раскрываются именно особенности прямого политического правления религиозных кругов, в чем и состоит новизна современного иранского революционного феномена. В книге рассказывается о событиях девяти месяцев в Иране — от вооруженного восстания в феврале 1979 г. до падения Временного революционного правительства в ноябре того же года, событиях, составивших первый и самый сложный для понимания этап создания исламской республики в стране. Причины, предпосылки, движущие силы революции и процесса оживления религиозных традиций, равно как и ход февральского восстания, рассматриваются лишь в той степени, в какой это необходимо для понимания основной темы¹.

Поэтому в данной вступительной статье, по-видимому, целесообразно рассмотреть основные особенности развития иранской революции на всех уже происшедших ее стадиях и в тесной связи как с общей оценкой революционных событий, так и с некоторыми выводами, вытекающими из настоящей книги.

В материалах XXVI съезда КПСС иранская революция характеризуется как крупное событие в международной жизни последних лет, как антиимпериалистическое в своей основе революционное движение. Но этим не ограничивается ее общая оценка. В Отчетном докладе на съезде вместе с тем отмечался особый характер, сложность и противоречивость иранской революции². Тем самым определены необходимые рамки для характеристики многообразия ее внутренних тенденций.

¹ Первая группа вопросов более подробно освещена автором, в частности, в книге «Иран в прошлом и настоящем (Пути и формы революционного процесса)». М., 1981 (рецензию на эту книгу см. «Проблемы мирового революционного процесса». М., 1983, вып. 3, с. 273—282). По вопросам февральского восстания читателю может быть рекомендована весьма интересная работа А. Б. Резникова «Иран: падение шахского режима». М., 1983.

² См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 13.

Такая характеристика не может быть выражена какой-либо однозначной дефиницией. И это отнюдь не особенность иранской революции, а результат проявления той общей закономерности мирового революционного процесса, того его усложнения и многообразия, которые начали обнаруживаться еще с переходом мирового капитализма в свою высшую и последнюю стадию — империализм. В современную эпоху перехода от капитализма и докапиталистических отношений к социализму массовые революционные движения, особенно на бывшей колониальной периферии империализма, характеризуются, как это отмечал В. И. Ленин, еще большей сложностью и противоречивостью. Ввиду этого более или менее всесторонняя оценка соответствующих движений может быть дана, следуя ленинской методологии, лишь на основе конкретно-исторического анализа всех составных частей их сложившейся внутренней структуры, отличающейся не только единством, но и борьбой различных, иногда противоположных тенденций.

Вплоть до падения шахского монархического режима в феврале 1979 г. иранская революция, благодаря совместным действиям всех революционных сил, развивалась по восходящей линии как в смысле вовлечения в антишахскую борьбу различных общественных слоев, так и в плане наращивания революционных требований. На *первом этапе* — от начала революции в январе 1978 г. и до введения военного положения в сентябре того же года — революционная борьба, охватывавшая пока что в основном традиционные слои населения, развивалась под лозунгами демократизации существующей общественно-политической системы. На *втором этапе*, характеризовавшемся политическим маневрированием шахского режима и завершившемся передачей им в начале января 1979 г. части власти правительству Ш. Бахтияра, представлявшего либеральную часть «новых средних слоев», которые вместе с промышленным пролетариатом¹ активно включились в революционную борьбу, среди масс постепенно зрело сознание необходимости полной ликвидации монархического строя. На *третьем этапе*, в январе — феврале 1979 г., революционное движение всего народа, приняв ярко выраженный наступательный характер, добились решающей победы — свержения шахского режима.

---

¹ См.: Международное рабочее движение. М., 1980, с. 170—178; Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1981, с. 46—67.

Первое, что бросается в глаза при оценке антишахской революционной борьбы, так это ее *народный* характер. Он определялся не только составом движущих сил революции, не только использовавшимися в ней методами борьбы, проявившимися в разнообразных формах ненасильственного сопротивления, политических забастовках и, наконец, в вооруженном восстании, но и во всеобщих требованиях социальной справедливости, выразившихся в лозунге создания исламской республики. Но этот лозунг отразил, с одной стороны, стихийные стремления широчайших народных масс к кардинальному общественному переустройству, а с другой — стремления торгово-предпринимательской части «средних слоев» к широкому и массовому развитию национального капитализма, которое блокировалось шахской политикой насаждения «сверху» с помощью иностранного капитала современных капиталистических монополий и государственно-монополистических структур. Отсюда не случайна и последующая дифференциация относительно единого лагеря политических сил революции.

Другое, что явно бросается в глаза при попытке общей оценки иранской революции, так это ее *антимонархическая, антиимпериалистическая* и особенно *антиамериканская* направленность. В ходе революционных боев основные удары революции были направлены против деспотического шахского режима, поддерживающего его империализма США и тех капиталистических монополий и государственно-монополистических структур, которые насаждались ими в стране как в интересах укрепления своего политического господства, так и в целях ее приобщения к «новейшим» достижениям буржуазной цивилизации Запада. Уже в конце 1978 — начале 1979 г. почти повсеместно были разгромлены банки и другие экономические учреждения, в которых поднявшиеся на революционную борьбу народные массы видели символ разлагающего влияния Запада, столпы финансового грабежа и командные высоты капиталистической эксплуатации широких народных масс. В это же время началось изгнание из Ирана почти 40 тыс. американских, главным образом военных и полицейских, советников и членов их семей, а 16 января страну покинул и шах Мохаммед Реза Пехлеви. После победы февральского вооруженного восстания результаты антимонархической, антиимпериалистической и антиамериканской борьбы получили официальное закрепление: монархия была объявлена низложенной, многие военные и гражданские контракты с США и другими империалисти-

ческими державами расторгнуты, все банки, страховые компании и ряд крупных предприятий тяжелой промышленности национализированы.

Проведение указанных мер, выразивших ближайшие назревшие задачи революционной борьбы, в принципе не выходит за *буржуазно-демократические* рамки, хотя при более благоприятных условиях, при ином характере руководства революции эти меры могли бы стать исходным пунктом последовательных, крупных *антикапиталистических* преобразований во всем обществе. Учет именно этих обстоятельств дает возможность всесторонней оценки социального содержания иранской революции, достигнутого его уровня и дальнейших перспектив.

И наконец, весьма важное значение для полноты характеристики иранской революции имеет уяснение ее специфической организационно-идеологической основы. Не будет преувеличением признать, что в качестве первоначальной организационной базы революции выступала главным образом мечеть, а затем уже такие институты, как базар, университеты, заводы и нефтепромыслы. Основным идеологическим знаменем революции стала антиираническая по традиции *шиитская ветвь ислама*, воспринимавшегося всеми основными слоями населения как выражение национальной общности. Поскольку же религия выступала в качестве организационной и идеологической основы всенародного стремления к свободе и процветанию, исламская шиитская иерархия, естественно, оказалась во главе массовой революционной борьбы. Здесь нельзя не учитывать, что другие антишахские силы, подлинно левые, революционные, демократические силы, были крайне ослаблены. В частности и в особенности Народная партия Ирана более четверти века была на нелегальном положении, жестоко преследовалась, ее лучшие представители физически уничтожались или десятками лет содержались в Эвине, одной из самых страшных тюрем Ирана.

Таким образом, подытоживая все сказанное по вопросу о характере иранской революции, ее можно определить следующим образом: по движущим силам, методам борьбы и всеобщим требованиям социальной справедливости — как народную и потому демократическую; по основной направленности — как антимонархическую, антиимпериалистическую и остро антиамериканскую; по социальной сущности — как буржуазную (поскольку проявившиеся в ней определенные антикапиталистические тенденции пока что остались нереализованными); по идеологической форме и

руководящей роли шиитских богословов — как исламскую. Именно такие оценки вытекают из исследования автора настоящей книги, и с ними, по-видимому, можно в основном согласиться.

Из всего сказанного достаточно ясно видно, что иранская революция, как и все подобные политические движения, представляет собой не что иное, как выражение классовой борьбы, хотя и проявляющейся в нечетких, переходных, промежуточных, можно сказать, в несколько расплывчатых, смазанных формах. Последнее обстоятельство, очевидно, обусловлено недостаточной развитостью классовой дифференциации в Иране, как и в других подобных развивающихся странах, и той специфически исламской организационной основой и идеологической формой, которые наложили весьма существенный отпечаток на иранскую революцию. Именно в этом (и только в этом) смысле (то есть как отражение одного из действительных аспектов иранской революции) может быть понят и условно принят термин «исламская революция», широко используемый ныне не только в Иране, но и в западной печати.

Это, однако, отнюдь не является основанием для интерпретации событий в Иране как некой религиозной революции. Это всего лишь очевидное свидетельство того, что политическое движение имело религиозную форму, протекало под религиозной оболочкой, что бывало много раз и на Западе, и на Востоке, и в России. Правда, после победы февральского вооруженного восстания руководившее революцией духовенство, исходя из собственных интересов, сделало все от него зависящее, чтобы закрепить, институционализировать ее исламские организационные основы и идеологические формы. При таком положении термин «исламская революция» приобретает уже не только условное, формальное, но — в немалой степени — и сущностное значение. Шиитское духовенство закрепляет, конституирует, монополизирует свою власть, отрицая все силы оппозиции, давая ей не только идейный, но и вооруженный отпор. Тем более классовый подход к послефевральским событиям в Иране не может базироваться на их оценке как явлений исключительно клерикального характера. Ведь духовенство, хотя и действовало главным образом в своих корпоративных интересах, в конечном счете объективно продолжало выполнять и вполне определенные классовые цели. Весь комплекс проведенных социально-экономических мероприятий нового режима, как показано в книге, соответ-

ствовал в основном интересам мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала, оттеснившего от экономической власти узкую группу крупных финансово-промышленных и компрадорских магнатов. Но проведенные меры — и этому в книге имеются доказательства — осуществлялись в рамках политики шиитского духовенства, претендующего на роль выразителя общенациональных интересов и даже на положение некой надклассовой силы.

Февральское вооруженное восстание завершило антишахскую фазу революционной борьбы, за которой последовала фаза политической борьбы внутри самого революционного лагеря по вопросу о выборе пути дальнейшего развития. Поскольку же эта борьба происходила при исключительных преимуществах духовенства, имевшего массовую политическую опору и возможность пользоваться рычагами государственного правления, постольку оно смогло постепенно направить революцию в такое русло, в котором усилия по закреплению ее исламских организационных основ и идеологических форм определяли бы основное содержание антиимпериалистического народного движения. Ввиду этого автор определяет новую, послефевральскую фазу политической борьбы как критический пункт революции, как ее временный кризис, за которым обычно наступает или откат назад, или продвижение революции вперед.

В книге учитывается и то обстоятельство, что февральская победа, достигнутая в основном усилиями всех революционно-демократических сил иранского общества, не привела сразу же и непосредственно к единовластию духовенства, к чему стремились исламские политические силы, осуществлявшие общее руководство революцией. Вопрос о власти был решен лишь в самой общей форме: бесспорный руководитель революции аятолла Хомейни в течение почти года был неофициальным главой государства, утвердившим свою новую роль как общепризнанный лидер; в то же время духовенству в целом пришлось разделить некоторые функции исполнительной власти с происламски настроенными представителями центристских кругов «новых средних слоев» во главе с премьер-министром М. Базарганом, надеявшимся со временем добиться полновластия своего правительства; одновременно революционно-демократические силы добивались участия в определении правительственной политики. Таким образом, в процессе создания новой, революционной структуры власти сконцентрировались все внутренние противоречия

политических событий после февраля 1979 г., в которых в той или иной форме принимали участие и широкие массы народа. Отстранение от власти правительства Базаргана в ноябре того же года определяется в книге как завершение *первого этапа* создания исламской республики.

В дальнейшем борьба за руководящую роль происходила в основном уже в рядах самих исламских политических сил — между наиболее последовательными представителями духовенства и их активных сторонников, с одной стороны, и поборниками преимущественного использования достижений революции в интересах торгово-предпринимательских слоев, выразителями настроений которых выступала главным образом группировка президента А. Банисадра, — с другой. Начавшееся уже с лета 1980 г. ослабление гражданской власти президента было как бы временно приостановлено в результате ирано-иракской войны, вспыхнувшей в сентябре того же года и продолжающейся и поныне. Но к июню 1981 г. группировка Банисадра была все же отстранена от власти. На этом завершился *второй этап* создания исламской республики. Показательно, что и этот этап характеризовался привлечением широких народных масс к внутривнутриполитической борьбе.

Последующий, *третий этап*, начавшийся острыми столкновениями между закрепившими свое политическое господство богословскими шиитскими силами, несмотря на все их внутренние противоречия, и рядом леворадикальных и революционно-демократических организаций, привел к установлению полного единовластия духовенства и его наиболее активных сторонников. На этом этапе прямое привлечение масс к политической борьбе было заменено использованием созданных ранее новых вооруженных формирований, безраздельно преданных духовенству. Подлинно народный характер революции начал изменяться, ее широчайшая основа сужаться, от нее стала отходить та часть, которая разочаровалась в ее ограниченном руководстве. Окончательно выявилась постепенно обнаруживавшаяся закономерность: чем глубже заходили специфически исламские черты новой организации власти, чему правящее духовенство уделяло первостепенное внимание, тем больше углублялся кризис истинно народной, антиимпериалистической, демократической революции.

Прямым следствием усиления в правящих кругах Ирана влияния представителей правоконсервативного, традиционалистского крыла шиитского духовенства, все больше

тяготеющего к сближению с прозападно настроенной торгово-предпринимательской буржуазией и крупными помещиками, явилась развязанная в Иране широкая антикоммунистическая и антисоветская кампания, явно подстегиваемая извне спецслужбами империалистических держав. С начала 1983 г. исламские власти Ирана предприняли новое массированное наступление на позиции прогрессивных леводемократических сил, наиболее полно выражающих интересы иранских трудящихся, их стремление к социальной справедливости. На этот раз объектом преследований и репрессий со стороны реакции стала Народная партия Ирана (Туде) — авангардная партия иранских трудящихся, в течение многих лет боровшаяся против деспотического шахского режима, за освобождение страны от империалистической зависимости, за проведение коренных социально-экономических преобразований в интересах народных масс.

В феврале 1983 г. власти арестовали по сфабрикованным клеветническим обвинениям руководителей партии Туде (которая с марта 1979 г. действовала в Иране легально), а в мае объявили о ее роспуске. Общее число арестованных членов и сторонников Народной партии Ирана, по заявлениям официальных лиц, превысило тысячи человек. Приписывая НПИ абсурдные обвинения в «шпионаже» в пользу Советского Союза, консервативные круги Ирана рассчитывали на то, чтобы не только нанести удар по широкому кругу демократических и прогрессивных сил Ирана, но и осложнить советско-иранские отношения. С одной стороны, эта акция вписывается в рамки проводимого богословами курса на искоренение в стране всякого «инакомыслия», особенно на недопущение распространения в Иране «безбожных» идей марксизма-ленинизма, а с другой — свидетельствует о явном намерении части правящих кругов Ирана обострить нагнетаемую ими напряженность в советско-иранских отношениях, создать благоприятные предпосылки для сползания вправо от политики, проводившейся под шумливым лозунгом «ни Запад, ни Восток». Не случайно французская газета «Монд», сообщая о событиях в Иране, задавала вопрос: «Не являются ли репрессии против коммунистов и «холодная война» против Москвы прологом к нормализации отношений с Вашингтоном?»

Каждому здравомыслящему человеку ясно, что Народная партия Ирана подверглась репрессиям отнюдь не за те «преступления», которые ей приписывает официальная

иранская пропаганда. Правые силы, рядящиеся в исламские одежды, не могли примириться с тем, что она выступала за подлинно народные интересы, за права обездоленных, то есть за то, что было громогласно объявлено целью «исламской революции» самими ее руководителями во главе с Хомейни. Революция, которая должна была решить самые жизненные проблемы народа и улучшить его положение, оказалась заstopоренной своекорыстными классовыми интересами: обездоленные остались обездоленными, богатые — богатыми, спекулянты и нувориши процветают, крестьяне ждут земли. Удар, нанесенный реакцией по партии Туде, есть удар по самой иранской революции, завоеваниям которой теперь угрожает реальная опасность справа.

В сложившихся в стране условиях многое будет зависеть от соотношения сил в рядах самого духовенства, внутри которого уже по мере установления его единовластия все чаще обнаруживаются расхождения не только по вопросам форм и методов проведения текущей исламской политики, но и по более кардинальным проблемам общественного развития. Если в борьбе за власть эта социальная прослойка, объединенная корпоративными интересами, выступала в целом более или менее единым фронтом, сглаживая свои внутренние разногласия перед лицом общих противников, то после полного утверждения государственной монополии шиитского духовенства становится неизбежным и более глубокое влияние дифференциации, обусловленной его многоклассовым происхождением, различием социальных и групповых связей и политических интересов религиозных деятелей.

Внутренняя противоречивость обнаруживается также и во внешней политике нового режима, и в его отношении к проблемам современной общественной жизни вообще. Тяжелым бременем для страны стала трагическая в своей бессмысленности война с Ираком, которая уже стоила Ирану, по подсчетам некоторых западных органов печати, более сотни тысяч человеческих жизней и которая была широко использована американским империализмом в целях укрепления его позиций в районе Ближнего Востока.

Администрация США проявила также заинтересованность в продолжении и расширении ирано-иракской войны. Значительно увеличив так называемые «силы быстрого развертывания» и создав «центральное стратегическое командование» на случай военных действий, США вслед за тем привели в боевую готовность свой флот и десантные

отряды, находящиеся у Ормузского пролива. Опыт американской интервенции в Ливан и Гренаду говорит о существовании реальной опасности вмешательства США в ирано-иракский конфликт. Для этого могут быть использованы, как и в тех случаях, любые предлоги, даже самые неблагоприятные.

Вместе с тем в политике нынешней администрации США все сильнее проявляется другая тенденция — курс на стимулирование консервативных, прозападных и проамериканских элементов в Иране и проводимых ими репрессий в отношении леводемократических сил. В октябре 1983 г. газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «На Ближнем Востоке жизненно важное значение для Америки имеет Иран. Это, безусловно, самая могущественная и важная страна в Персидском заливе... Некоторые американские стратеги подумывают об интервенции Соединенных Штатов в случае, если Иран введет блокаду Ормузского пролива... Это явная глупость, за которую к тому же придется расплачиваться дорогой ценой. Мы не должны так вести себя... ибо, судя по некоторым признакам, положение в Иране меняется; есть данные, свидетельствующие о том, что правящий класс переключается на политику прагматизма... Реалистический курс Соединенных Штатов в отношении этой страны... мог бы наконец принести США благоприятные результаты на Ближнем Востоке».

Иллюзорные поиски «третьего пути» между капитализмом и социализмом, попытки утвердить в жизни иранского общества конца XX в. социальные, экономические и морально-этические идеалы, заимствованные из священных текстов коранических сур, как свидетельствует реальная общественная практика многих стран, да и самого Ирана, не могут иметь сколько-нибудь реальной обоснованности и долгосрочной исторической перспективы. Эта же практика свидетельствует о политической несостоятельности попыток занять нейтральную позицию в отношении основных проявлений современной классовой борьбы на международной арене, изолироваться от мирового социалистического содружества, друга и союзника народов развивающихся стран.

* * *

В заключение хотелось бы обратить внимание читателя на некоторые особенности рекомендуемой книги.

Написанная по горячим следам стремительно нараставших событий, настоящая книга основана главным образом

на данных ведущих органов мировой печати, сообщениях информационных агентств из Ирана, свидетельствах участников и очевидцев событий, почерпнутых из публицистических работ иностранных наблюдателей в Иране, а также на материалах различных научных публикаций, успевших выйти в свет за прошедшее короткое время. Вызванные к жизни исключительным интересом к событиям иранской революции, эти источники, разумеется, не равноценны ни по степени достоверности, ни по уровню профессионализма, ни тем более по объективности подхода к освещаемым фактам и явлениям. Исключение в данном случае составляют сообщения коммунистической, революционно-демократической и левой печати. И естественно поэтому, что наличие столь широкого круга материалов, хотя и создает необходимую для марксистского исследователя возможность критического сопоставления огромного множества данных, тем не менее при всей их всесторонности не может гарантировать совершенно адекватного анализа такой фундаментальной научной темы, как революционный процесс в Иране, который к тому же еще далеко не стал исключительным достоянием истории. Исламская республика бурлит и кипит, она воюет и стреляет, она разделяет мусульман на два противоположных лагеря, внутри каждого из которых множество политических и мировоззренческих течений, тенденций, стремлений и просто элементарных чаяний простого народа, все больше проявляющего разочарование в своих, еще недавних кумирах. Ф. Энгельс писал, что «все условия обобщающего изложения текущих событий неизбежно заключают в себе источники ошибок, что, однако, никого не заставляет отказываться писать *историю текущих событий* (курсив мой.— Р. У.)»¹.

Конечно, всестороннее и тщательное рассмотрение сложных и многоплановых проблем иранской революции может быть лишь результатом долгого и кропотливого исследования каждого их аспекта широким кругом историков, экономистов, социологов, философов. Но интересы же именно такого исследования вызывают острую необходимость как первичного обобщения лавинообразно нарастающего фактического материала, так и хотя бы самого общего решения возникающих на этой основе теоретических проблем. Ибо, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 530.

общие вопросы»¹. Приведенное высказывание В. И. Ленина имеет прямое отношение к науке, развитию и применению ее познавательных функций. Иранская революция — феномен, который надо по-ленински начинать познавать. Самая общая оценка ее сделана с высокой трибуны XXVI съезда. Задача иранистов, и прежде всего историков, экономистов, социологов, — активно продолжить начатое дело.

Следует, естественно, учитывать и существующий ныне огромный интерес широких читательских кругов ко всем вопросам иранской революции, интерес, который вправе не считаться с фактором времени, довлеющим над «большой наукой», которая сможет представить результаты своих изысканий через 5—10—15 лет. Более того, читатель — современник событий, с волнением следивший за всеми подъемами и изломами иранской революции, заинтересован в получении дополнительных, в том числе и частичных, фактических сведений и в таких формах изложения, которые наибольшим образом соответствовали бы характеру глубоко переживавшихся им событий и в то же время дали бы ему какие-то сравнительные ориентиры для понимания во многом нового явления иранской народной революции последней четверти нашего века, второй народной революции на Среднем Востоке, если иметь в виду национально-демократическую революцию в Афганистане, хронологически почти совпавшую с революцией в Иране. Читатель, конечно, понимает принципиальное различие этих революций.

Все отмеченные обстоятельства в той или иной степени отразились на предлагаемой вниманию читателя книге. Показательна, например, такая ее особенность: перед началом каждой главы — «месяца» приводятся краткие исторические заставки — эпитафии из времен Великой французской буржуазной революции. Создаваемая с помощью этого литературного приема «перекличка эпох» означает и своеобразное использование сравнительно-исторических методов исследования, подводящее читателя к размышлениям о некоторых характерных особенностях иранской революции, коренным образом отличающих ее от других буржуазных революций. Правомерность подобного использования идей и образов французской революции, олицетворяющей собой радикальный тип общедемократической революции, обоснована классиками марксизма-ленинизма, постоянно обращавшимися к ее историческим примерам.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

В данном случае речь идет, разумеется, об одном из возможных путей раскрытия особенностей исследуемых событий.

Таким образом, перед нами не академическое исследование и не обычное издание научно-популярного типа. Читатель найдет в этой книге и строго хронологическое описание событий, и публицистически заостренную постановку важных философских, морально-этических проблем, и попытки научного решения историко-социологических вопросов, и вместе с тем отдельные портретные зарисовки, биографические штрихи, монологи и диалоги, основанные на опубликованных в печати материалах. Ведь важно не только то, что делалось и говорилось в Иране, но в не меньшей мере и то, как все это понималось и обосновывалось.

Читатель этой книги не встретит в ней той мнимой занимательности, на которую легко могли бы сбить иного автора по-настоящему интересные события иранской революции. Книга интересна другим: ее автор старается воздерживаться от каких-либо готовых решений в виде однозначных выводов и поспешных суждений; вместо этого он пытается побудить читателя к самостоятельным раздумьям по освещаемым вопросам; именно такой цели и служат цитируемые в книге мнения западных буржуазных и демократических органов печати, высказывания героев французской революции и деятелей иранской революции, выдержки из Корана и тот неподражаемый фольклор, в котором воплотилась мудрость многих народов и, конечно, соседнего нам талантливой иранского народа.

Освещаемые в книге вопросы иранской революции затрагивают различные проблемы современной общественной жизни. Поэтому, надо полагать, книга будет интересна всем тем, кто искренне озабочен судьбами многомиллионных народов азиатских и африканских стран, кого глубоко волнует завтрашний день человечества, кому беспрдельно дороги идеалы мира, демократии и социализма и кто, как все советские люди, заинтересован в плодотворном добрососедстве Советского Союза и Ирана.

Профессор Р. А. Ульяновский

Силой можно опрокинуть троп,
но основать республику мож-
но только мудростью.

Робеспьер

ОТ АВТОРА

Изречение, взятое эпиграфом к этой книге, принадлежит выдающемуся деятелю Великой французской буржуазной революции 1789—1794 гг. В то далекое время народ Франции предпринял величайшую в истории попытку довести до самого решительного конца обычно непоследовательную и половинчатую буржуазную революцию. Максимилиан Робеспьер постоянно обличал тех, кто хотел остановить ее на полпути:

— Разум и интересы общества положили начало революции; интриги и честолюбие остановили ее ход; пороки тиранов и пороки рабов превратили ее в мучительное состояние смуты и кризиса;

— Какая она была возвышенная по своим принципам и по своей цели! Какая она хилая по своим нынешним проявлениям, по характеру людей, остановивших ее, и даже по характеру большинства тех, кто ее подготовил! Как велика была французская нация в своем пробуждении! Но какой она стала беспечной, слабой и доверчивой в состоянии покоя и в выборе новых должностных лиц!.. Какая возвышенная мораль и какое глубокое извращение!

Трибун революции был исполнен неистребимой веры в творческие силы народа:

— Народ — единственная опора свободы; невежество — единственная гарантия деспотизма;

— Народ, достойный свободы, не обожествляет своих представителей; он наблюдает за ними и уважает в их лице свое собственное достоинство... Народ умерен потому, что он горд; он мягок потому, что он силен; он терпелив потому, что непобедим. Он терпеливо переносит неудобства, неизбежно связанные с великою революцией. Он не выражает ни удивления, ни отчаяния при виде бед, временно причиняемых борьбою между предрассудками и принципами...

Робеспьер с горечью писал:

— Наша революция помогла мне понять весь смысл изречения, гласящего, что история есть роман... Я дошел до того, что подозреваю, что подлинные герои — не те, которые побеждают, а те, которые страждут... те, самые имена которых тираны похоронила в тех могилах, куда она их столкнула.

Спустя 19 десятилетий в далекой от Франции восточной стране свершилась революция, в результате которой возникла Исламская Республика Иран. Это — уникальное явление последней четверти XX в. После полутора десятилетий ускоренной буржуазной модернизации в огне народной революции стал складываться традиционный, по сути, теократический режим, хотя и использующий современные парламентско-представительные формы.

Иранская революция с ее мощным взрывом всенародной борьбы и небывалым в XX в. взлетом религиозных лозунгов не оставила безразличным никого из своих современников. Ее принимали или не принимали, но относиться к ней равнодушно никто не мог — разве что кому-то хотелось казаться нейтральным.

Друзья надеялись, что она станет составной частью общей антиимпериалистической борьбы, желали ей успешного решения назревших проблем:

— Особый характер имеет революция в Иране, которая стала крупным событием в международной жизни последних лет. При всей своей сложности и противоречивости это в своей основе антиимпериалистическая революция, хотя внутренняя и внешняя реакция стремится изменить этот ее характер. Иранский народ ищет свой путь к свободе и процветанию. Мы искренне желаем ему успеха в этом и готовы развивать с Ираном добрые отношения на началах равноправия и, конечно, взаимности (из Отчетного доклада ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза).

— Иранская революция не исключительная собственность иранского народа, она также и наша революция (руководство Исполкома Организации освобождения Палестины).

Недрузи расценивали ее прежде всего с точки зрения собственных материальных и стратегических интересов:

— Это первая серьезная революция с 1917 г. в смысле воздействия на международное положение, настоящее по-

трясение для американской внешней политики (Джеймс Шлесинджер, бывший министр обороны и энергетики США).

— Иранская революция, подобно многим революциям до нее, может быть, должна выпустить весь заряд, прежде чем начнется возврат к разумной политике. Она зародилась после периода правления, сочетавшего принудительную модернизацию с эксцессами и нравственной слепотой Людовика XIV. И роль США сводится к реставрации в духе реставрации Бурбонов (американская газета «Кристен сайенс монитор»).

Не остались в стороне и «нейтралы»:

— Исламская революция приведет к созданию Ирана, основанного не на реформистском компромиссном модернизированном исламе, приспособленном к требованиям XX в., а исключительно на фундаменталистском исламе, который попытается подогнать XX в. под свои собственные требования... Справедливости ради надо сказать, что муллы, вероятно, не пытаются вернуть Иран к первым векам существования ислама — хотя им и хотелось бы этого, — так как знают, что это невозможно. Они, пожалуй, удовлетворятся, если вернутся лет на 130 назад, к чему-то напоминающему Англию в 1850 г., викторианскую Англию в период наибольшего расцвета пуританизма, фарисейства и самоуверенности (английский еженедельник «Экономист»).

— Иранскую революцию нельзя сравнивать ни с какой другой. Она — единственная в своем роде. Вот почему трудно понимать ее повседневное развитие (французский журнал «Монд дипломатик»).

Высказывали свое мнение, разумеется, и сами участники революции:

— Революция в Иране — народная, антишахская и антиимпериалистическая — является одним из крупных мировых событий последней трети века... При всех своих особенностях она стоит в одном ряду с другими антиимпериалистическими революционными выступлениями трудящихся, последовавшими за Великой Октябрьской революцией, участвовавшими после второй мировой войны и прокатившимися волной по всему миру в 60—70-х годах (оценка руководства Народной партии Ирана).

Что касается религиозно-политических кругов, которые непосредственно руководили антишахским движением и которые в результате победы пришли к власти, то они постоянно говорили о некоем превосходстве иранской рево-

люции над всеми другими революциями — и Великой французской буржуазной революцией конца XVIII в., и даже Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. Ибо эти революции, как утверждалось, имели классовый характер и вели к господству либо буржуазии, либо пролетариата; иранской же революции, дескать, присущ не социально-классовый, а скорее духовно-идеологический характер, и она ведет к установлению власти не какой-то одной общественной группы, а надклассовой идеологии ислама. Именно в силу указанных особенностей «исламская революция» смогла обеспечить беспрецедентную мобилизацию народных масс, их беспримерные самопожертвование и героизм.

Не будем пристрастны. В рассуждениях об исламских чертах иранской революции, в ходе которой руководимые шиитским духовенством и выступавшие под идейным знаменем ислама практически безоружные массы противостояли вооруженным до зубов ультрасовременным оружием шахским легионам и затем свалили сильнейший бастион империализма на Среднем Востоке, содержится немалая доля истины. По степени вовлеченности широчайших масс в борьбу, по их исключительной самоотверженности и готовности отдать жизнь за торжество своих идеалов, по динамизму событий иранская революция, несомненно, не уступает многим крупнейшим массовым движениям прошлого. И было бы нелепо игнорировать ту огромную роль, которую сыграли в данном случае возрожденные традиции жертвенности антииранической идеологии шиитской ветви ислама.

Да, не будем пристрастны. В рассуждениях о феноменальности иранской революции тоже есть немалая толика истины. Как известно, классики марксизма-ленинизма отмечали, что выступление политического протеста под религиозной оболочкой — явление, свойственное всем народам на определенной стадии их развития. Своеобразие же и определенная уникальность иранской революции состоят в том, что облаченный в традиционные формы всенародный порыв к социальной справедливости был реакцией на модернистско-буржуазные нововведения шахского режима. После его свержения ислам был превращен усилиями пришедших к власти религиозных кругов из средства выражения общенародных чаяний в самоцель. Для ее реализации кое-кто был готов прибегнуть к различным социально-классовым средствам. Поэтому применительно к периоду, последовавшему за победой антишахского движения, тер-

мин «исламская революция» приобретает и определенное содержательное значение.

Таковы некоторые специфические черты революционного процесса в Иране, отличающие его от многих народных движений прошлого. Но правомерно ли абсолютизировать своеобразие иранской революции и на этой основе отрицать ее социально-классовое содержание, делать вывод о ее «превосходстве» над другими массовыми движениями, и в частности над Великой французской буржуазной революцией конца XVIII в.? Напомним, последняя, по словам В. И. Ленина, «сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»¹. Сейчас можно добавить: а в некоторых «концах мира» и в XX в.

Как подлинно великая революция она выдвинула плеяду выдающихся деятелей, имена которых стали нарицательными и впоследствии использовались — тоже «по частям» — для характеристики руководителей многих других буржуазных революций, даже тех, которые ей предшествовали. Ф. Энгельс называл Оливера Кромвеля «Робеспьером и Наполеоном» английской революции. И сегодня, спустя два столетия, не померкли имена героев и жертв французской революции 1789—1794 гг.

Так не будем кощунствовать. И не станем сравнивать буржуазное руководство последующих революций с героями Великого Октября. Не созвучны истерические порывы «халифов на час» и «государственных младенцев» мерной поступи бесстрашной гвардии большевиков — первопроходцев завтрашнего дня человечества. Кесарю кесарево, а богу богово.

Задержим наше внимание на основных этапах и характерных чертах французской революции 1789—1794 гг., на тех ее идеях и образах, которые — как это ни странно — позволят кое-что понять из истории «исламской революции» в Иране.

Общий ход волнообразного развития буржуазных революций, особенно ярко проявившегося во Франции, был прекрасно раскрыт Ф. Энгельсом: «...то, что было завоевано в результате первой победы, становилось прочным лишь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 367.

благодаря второй победе более радикальной партии; как только это бывало достигнуто, а тем самым выполнялось то, что было в данный момент необходимо, радикалы и их достижения снова сходили со сцены»¹.

Революция во Франции, начавшаяся народным восстанием 14 июля 1789 г., сперва привела к власти крупную финансовую буржуазию и либеральное дворянство — сторонников конституционной монархии, лидеры которых позже объединились в Клуб фельянов. После народного восстания 10 августа 1792 г. политическое господство фельянов сменилось властью жирондистов (бриссотинцев), выражавших интересы республикански настроенной торгово-промышленной и земледельческой буржуазии. Жиронде с самого начала противостояла Гора, или организация якобинцев, представлявшая блок классово разнородных сил — революционной демократической буржуазии (низшей и средней), мелкой буржуазии (ремесленники, торговцы, крестьянство) и городского плебейства. В ходе и результате народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. установилась якобинская диктатура.

Приход к власти якобинцев ознаменовал начало высшего этапа в развитии французской революции. Уже 3 июня якобинцы приняли первый антифеодальный закон; в последующие шесть недель, к 17 июля, феодализму был нанесен смертельный удар. В июне же была принята конституция — одна из самых передовых буржуазных конституций. Одновременно новая власть добивалась разгрома внутренней и внешней контрреволюции и устранения опасности реставрации феодальной монархии. В борьбе за достижение этих целей якобинский блок действовал сплоченно и солидарно.

По мере решения антифеодальных задач в рядах ранее единого блока стали все сильнее проявляться острые разногласия, улаживать которые Робеспьер и его единомышленники предпочитали главным образом с помощью гильотины. Уже в сентябре 1793 г. были казнены руководители «бешеных» — самого левого течения во французской революции, возглавляемого Жаком Ру. С тех пор борьба развернулась в рядах самой якобинской партии. В марте 1794 г. робеспьеристы разгромили выделившуюся из рядов левых якобинцев группу эбертистов, одновременно удар был распространен и на других левых — кордельеров. В следующем месяце на эшафот были отправлены

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 534.

Жорж Дантон, Камилл Демулен и другие деятели из группы дантонистов. Через несколько дней был предан Революционному трибуналу и приговорен к смерти лучший представитель левых якобинцев Пьер Шометт.

Таким образом, через три месяца после установления новой власти начался раскол революционных сил, вызвавший кризис якобинской диктатуры и тем самым всей революции. Считая «умеренных» (дантонисты) и «ультрареволюционеров» («бешеные», эбертисты, левые якобинцы) двумя разветвлениями одной — враждебной революции — партии, Робеспьер и его единомышленники направляли удары как направо, так и налево.

Эти действия робеспьеристы, придерживавшиеся эгалитаристских (уравнительных) взглядов, сочетали с «перехватом» требований крайне левых сил, выражавших интересы «мелкого люда», плебейства и предпролетариата. Так, в сентябре 1793 г., в дни расправы с «бешеными», робеспьеристы провели через Конвент закон о «максимуме» (цен на продовольствие), являвшемся главным требованием «бешеных» и имевшем целью ограничение позиций выросшей в ходе революции спекулятивной буржуазии. В феврале — марте 1794 г. по инициативе Луи Сен-Жюста были приняты знаменитые вантозские декреты, предусматривавшие бесплатный раздел среди неимущих собственности врагов революции.

В конечном же счете репрессивная и ограничительная в отношении буржуазии политика якобинцев объективно проводилась во имя интересов той же буржуазии (не случайно вантозские декреты, бывшие самым крупным выражением эгалитаристских воззрений робеспьеристов, практически не проводились в жизнь). Пока существовала угроза восстановления феодальных порядков, новая буржуазия, связавшая себя с революцией, мирилась с такой политикой. Как только опасность реставрации миновала, она стала тяготиться репрессивным и ограничительным режимом, не дававшим ей возможности в полной мере воспользоваться плодами революционных завоеваний.

Робеспьеру, который в условиях буржуазной революции руководствовался абстрактными идеями «вечного разума», пришлось пережить большую личную трагедию. Его морально-этический, гуманистический идеал «золотого века человечества», «царства вечной справедливости», «счастья добродетели и скромного довольства» и т. п. ежечасно и ежеминутно разбивался о корыстные вожелания новой буржуазии. Справиться с этой стихией было гораздо

сложнее, чем с феодальной монархией, внутренней и внешней Вандеей. Отправив на плаху своих ближайших друзей — Дантона и Демулена, Робеспьер убедился в том, что «охвостье дантонистов» подобно сказочной гидре: на месте каждой отрубленной головы тотчас вырастало несколько новых голов. Дантонизм как социально-политическое явление выражал объективно неизбежную и закономерно обусловленную в ту эпоху тенденцию развития революции, точнее — ее затухания. Робеспьеризм же, сделавший свое главное, антифеодальное дело, представлял теперь не реальные, а иллюзорные задачи революции, и он был обречен историей.

Прозрение пришло не сразу. Робеспьер продолжал проводить свою интегристскую политику, то есть политику сохранения уже распавшегося блока классово неоднородных сил. Он фактически сошел с пути дальнейшего углубления социального содержания революции и попытался найти иной способ объединения и сплочения нации — на почве новой государственной республиканской религии. Но декретированный им в мае — июне 1794 г. культ «верховного существа» дал лишь иллюзию единства. Речи, декреты и манифестации религиозного и полурелигиозного характера не могли подменить решение больших социальных проблем, ликвидировать неизлечимый кризис революции.

У робеспьеристов оставалось одно средство решения внутренних противоречий революции — гильотина. 10 июня 1794 г. они реорганизовали Революционный трибунал с целью упрощения судебных процессов, чтобы быстрее карать своих врагов. За 45 дней до этого было приведено в исполнение 577 смертных приговоров, а в течение такого же срока после 10 июня — 1285. Но данное средство в конце концов должно было обернуться против самих робеспьеристов. К тому же и личный авторитет Робеспьера обнаружил свою иллюзорность.

Речи и выступления Робеспьера последних полутора месяцев его жизни проникнуты сознанием обреченности того дела, за которое столь долго и страстно боролся. Он понял, что уготовил себе и своим единомышленникам «путь к могиле и бессмертию», а врагам — «путь к трону». Хотя в «лиге всех клик», выступившей против робеспьеристов, оказалась и часть левых якобинцев, определяющую роль играла «клика снисходительных» (так Робеспьер называл «охвостье дантонистов»). Время «четвертого сословия» (плебейства и предпролетариата), не вышедшего пока что за рамки незрелых стремлений, еще не наступило.

27 июля 1794 г., или 9 термидора II года республики, якобинская диктатура пала. На следующий день Робеспьер и его единомышленники — Сеп-Жюст и Кутон — в числе 22 революционеров взшли на эшафот. За гильотиной, которой они давно уже вверили свои жизни, их ждало бесмертие...

На этом французская революция завершилась. Но история, говорят, повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Во Франции такие жизнелюбы, как Дантон, отвергали спасение от смертной казни бегством из страны — по причине невозможности унести отечество на подошве своих башмаков.

В Иране после победы антишахской борьбы некоторые деятели революции, вверившие себя всевышнему, находили отечество там, куда их заносили собственные башмаки, и в особенности во Франции.

Оговоримся сразу: искать сходство между двумя революциями на поверхности явлений — бесперспективное занятие. Тем более что всякое историческое сопоставление имеет смысл главным образом в рамках противопоставления. Не потому ли речи и выступления Робеспьера в некоторой своей части как будто принадлежат «исламским революционерам», но в большинстве случаев словно бы прямо адресованы им? Мы еще вернемся к этим вопросам в последнем разделе книги. Здесь же хотелось бы только отметить следующее.

При разработке основных сюжетов книги перед автором часто вставала с новой силой поднятая иранской революцией проблема соотношения таких всечеловечных категорий, как Закон и Любовь. Эта философская, морально-этическая проблема, разумеется, не вписывалась прямо в русло исторического повествования. Но каждый раз при соприкосновении с нею не высказанные в работе мысли обращались к памяти тех, кто прожил жизнь — большую или малую — в заботах об органичном слиянии того, что выражается обоими этими понятиями, в величайшем земном творении — Человеке. И от безвестных героев и жертв иранской революции мысли незаметно переходили к тем, кто провел наш народ через все тяжкие испытания. К воспоминаниям о погибших в сражениях с фашизмом наших отцах, о трагической доле наших матерей. К мечтам о том времени, когда Человечество станет настолько совершенным, чтобы жить по завету Руссо: «Ничто на земле не стоит цены крови человеческой».

МЕССИЯ С «БОИНГА»

(Навстречу
народной
революции)

Робеспьер метал гром и молнию против «суеверия и метафизики»:

— Мой культ — это культ справедливости и человечности! Я не люблю власти священников, это лишняя цепь, навязанная человечеству. Но эта цепь незримая, связывающая умы, и только разум может ее разбить. Законодатель может помочь разуму, но он не может его заменить... Какие бы законы вы нам ни дали, не забывайте, что ваш разум не должен деспотически подчинять себе всеобщий разум и что государственная власть должна оставлять общественному мнению свободу совершенствовать законы и правительство.

В канун памятной для всех иранцев ночи 12 бахмана 1357 г., или 1 февраля 1979 г., в 80 тысячах мечетей страны проходили небывало массовые богослужения. Из священного Корана зачитывались и такие места: «Удерживает людей уверовать, когда пришло к ним водительство, только то, что они говорят: «Неужели же послал Аллах человека посланником?» Скажи: «Если бы были на земле ангелы, которые ходят спокойно, тогда бы Мы низвели к ним с неба ангела посланником».

В ту ночь на борту специально зафрахтованного самолета «Боинг-747» авиакомпании «Эр-Франс» рейсом

Париж — Тегеран летел 79-летний мусульманский священнослужитель со своей свитой из 50 помощников и приближенных, в сопровождении 150 журналистов. Многие из 35-миллионного населения Ирана ждали его прибытия так, словно на землю спускался шиитский мессия — 12-й имам Махди, таинственно исчезнувший в последней трети IX в. и, по преданию, сокрытый на небе, чтобы, вернувшись в день страшного суда, установить среди людей на вечные времена царство истины и справедливости. Сам пассажир «Боинга» — Рухолла Мусави Хомейни — отнюдь не претендовал на столь высокую роль, считая себя лишь помощником, наместником 12-го имама, призванным подготовить народ к тому дню, который будет освящен явлением Махди.

Полтора десятилетия назад Хомейни покинул Иран рядовым аятоллой, хотя и весьма авторитетным среди сотен других. Тогда он был лишь главным претендентом на пост руководителя шиитской общины страны. Теперь же он признан всеми как верховный жрец иранских шиитов, а может стать — и всего шиитского мира — от Ливана до Индии. И ничего, что народ величает его имамом, этим исключительным в истории иранского шиизма титулом, ведь слово «имам» имеет и такое значение, как «предстоятель на молитве».

Величественный в своей длинной темной сутане, с неподвижным вытянутым лицом, обрамленным сверху высоким тюрбаном, снизу — окладистой бородой, с пронизывающим из-под нависших бровей взглядом, исполненным глубокой веры в божественное предначертание возложенной на него миссии, он и впрямь отличается от других религиозных деятелей, слащавых прелатов, заискивающих перед властью имущими и питающих скрытое презрение к неимущим. Он — аятолла бедняков, миллионы которых населяют трущобы и бидонвили иранских городов, слоняются по базарам в поисках какого-либо занятия, ютятся в жалких деревенских лачугах, днём и ночью гнут спину на других. Он — непримиримый враг монархии. Он должен вернуть свой народ к исламу и излечить его от разлагающего влияния атеизма и секуляризма (политики ликвидации собственности духовенства и утверждения светских начал во всех областях жизни).

Ровесник века, аятолла родился в Хомейне, небольшом городке к югу от Тегерана, в семье священнослужителей. В младенческом возрасте потерял отца, в 15 лет — мать. Но родители успели сделать все, чтобы религия ста-

ла смыслом его жизни, даже имя Рухолла по-персидски означает «дух Аллаха». Учился в религиозных школах Хомейна, затем священного города Кума — шиитского Ватикана, где остался жить и преподавать философию, мистику и этику в самом авторитетном религиозном учебном заведении страны, центре исламских исследований — Файзие. В конце 20-х годов женился на дочери ученого-мусульманина. Она жива и по сей день. Правда, с детьми — их было восемь — не повезло. Первые трое умерли в детском возрасте. В ноябре 1977 г. при загадочных обстоятельствах умер старший сын Мустафа в возрасте 49 лет. За день до смерти он был здоров, в тот вечер к нему приходили какие-то посетители... Что же произошло? В Иране полагают: это дело рук шахской тайной полиции САВАК. Трудно сказать... но зачем людей разубеждать? Ведь нет никакой разницы между Мустафой и теми, кто погиб в борьбе против шаха. В конце концов это случилось в изгнании, в Ираке, в том изгнании, которое действительно было делом рук того же шаха — Мохаммеда Реза Пехлеви.

Шахский режим — зло, абсолютное зло, и никакие компромиссы с ним невозможны. А религия... она несет не только разоблачение прогнившего режима, но и замену его исламской системой. Это, видно, понимал еще отец Мохаммеда Резы, основоположник династии Пехлеви — Реза-шах. В его правление (30-е годы) были запрещены лекции Хомейни. Однако он подпольно продолжал преподавать и подготовил сотни своих последователей и приверженцев для будущей борьбы с монархией. В начале 40-х годов, вскоре после отречения Реза-шаха от престола, Хомейни в одном из трактатов писал, что приказы, исходящие от диктаторского государства, не имеют силы и их надо сжигать. Вслед за тем он сформулировал три пункта, ставшие впоследствии основой его учения, — свобода, независимость и сопротивление иностранному господству. В 1944 г. Хомейни единственный среди духовных лиц отказался встать, когда новый шах посетил религиозный центр в Куме.

В 1951 г. Хомейни с одобрением отнесся к проведенной премьер-министром Мохаммедом Мосаддыком национализации нефтяной промышленности и попыткам ограничить власть шаха, хотя публично не высказывался, — это право принадлежит только аятолле, а он стал им лишь в конце 50-х годов. Но чего добился в конечном счете Мосаддык, светский деятель, не уважавший духовенство?

Уже в 1953 г. шах с помощью заокеанских покровителей отстранил его от власти и еще туже затянул путы деспотического ярма. А ведь Мосаддыка поддерживал народ, и поднял его своей верой не кто иной, как аятолла Аболь-касем Кашани. Вот кто был подлинным героем тех лет! И разве он был не прав, что порвал с человеком, не ведавшим, что дух сопротивления можно почерпнуть только в исламе? И пусть последователи и поклонники Мосаддыка твердят о предательстве Кашани — разве можно предать человека, не преданного Аллаху? Впрочем, о мертвых — или хорошо, или ничего.

Став аятоллой, Хомейни уже в ноябре 1962 г. одержал первую крупную политическую победу над правительством шаха, решившим, что свидетелей в суде можно приводить к присяге не на Коране. Он возглавил забастовку духовенства, и правительство пошло на попятный.

Тогда же начались первые выступления народа под духовным руководством Хомейни против шаха Мохаммеда Резы и задуманной им вместе с американскими хозяевами «белой революции». Ни пулеметы, ни танки, брошенные против народа, не могли сломить волю аятоллы к победе. Он писал шахскому премьер-министру, что его сердце готово быть пронзенным штыками солдат. А весной 1963 г., выступая с проповедями перед сотысячными толпами в Куме, говорил, что достаточно толкнуть пальцем «дьявола» и «эксплуататора», чтобы его свалить. Хомейни дважды арестовывали в попытках заставить замолчать, но тщетно.

Быль обрастает легендой, легенда воспринимается как быль. Рассказывают, что через посредника Мохаммед Реза предложил Хомейни свободу при условии переезда из Кума в Мешхед, однако получил отказ. Тогда шах лично заявил Хомейни: «Не доводи меня до того, чтобы я одел сапог своего отца». А в ответ услышал: «Сапог твоего отца тебе велик на несколько размеров». Эти слова тем сильнее заделли Мохаммеда Резу, мечтавшего во всем превзойти Реза-шаха, чем больше было в них правды. И все же шах велел освободить Хомейни. А он после полугодового молчания публично осудил мошенничество на парламентских выборах, за что подвергся восьмимесячному домашнему аресту. В 1964 г. Хомейни выступил против предоставления американским военным советникам статуса дипломатической неприкосновенности и вскоре был выслан в Турцию, где среди политически бессильного суннитского духовенства мог быть безопасным.

Спустя одиннадцать месяцев Хомейни переехал в Ирак, где в священном для шиитов городе Неджефе стал читать лекции в религиозной школе и продолжил разработку своей концепции исламского правительства. В трактате «Раскрытие тайн» (1943 г.) он еще исходил из посылки, что «плохое правительство лучше, чем отсутствие его», хотя и обосновывал право духовенства находиться в оппозиции и даже восстать в случае необходимости. В изданной же в 1971 г. книге «Исламское правительство» (сборник его лекций) автор уже призывал к разрыву с существующей властью и созданию нового, исламского правления.

Росла и политическая активность неджефского изгнанника. Он регулярно посылал в Иран зафиксированные на пленке послания, которые переписывались и распространялись в мечетях. В одной из особенно зажигательных проповедей аятолла критиковал шаха за устроенные осенью 1971 г. пышные торжества по случаю 2500-летия иранской монархии, обошедшиеся в миллионы долларов. Хомейни гневно обличал «императорский пир» над «грудой истлевших костей» древнеперсидских царей и призывал к восстанию против деспота. После смерти сына в 1977 г. Хомейни выступил с посланием, где говорилось, что долг иранской армии и ее руководителей — избавить родину от шахской чумы. Это послание было размножено в сотнях тысяч экземпляров и широко распространено в стране. В октябре 1978 г., идя на уступки развернувшемуся мощному народному движению, Мохаммед Реза разрешил Хомейни вернуться на родину, но тот отказался приехать до тех пор, пока шах остается у власти.

А что происходило после высылки Хомейни в Иране, где только за хранение его трудов грозило 10-летнее тюремное заключение? Расправившись с народным движением начала 60-х годов, шах заполонил страну 40 тысячами американских «специалистов» и членов их семей, получившими возможность жить в роскоши. Как привольно было им в северо-восточном пригороде Тегерана, в окрестностях шахского дворца Ниаваран, что у подножия горного хребта Эльбурс! Обеды в шикарном ресторане «Пиццаленд», завтраки и ужины из магазина «Митленд», танцы в дискотеке «Эль Руэдо», куда редко пускали иранцев, собственный клуб «Парс» с большим плавательным бассейном и баром, американская школа на три с половиной тысячи человек. На острове Киш в Персидском заливе для янки был открыт фешенебельный ку-

порт — символ того, что осуждают все добропорядочные мусульмане, символ преклонения перед Западом, морального растрепания и разврата, коррупции и крикливой роскоши. В Коране сказано: «Пусть же они наслаждаются, потом они узнают». И вот в конце 1978 — начале 1979 г. половина американцев в панике покинула страну из страха перед поднявшейся волной народной революции. «Не бывают счастливы неверные!.. Не будь же пособником неверным!»

Не слышал предостережений Корана пособник, поглощенный «белой революцией», мечтавший совершить «прыжок через столетия», перевести страну «из средневековья в ядерный век». Неужели и в самом деле верил, что судьбой ему предназначено привести Иран «к великой цивилизации», — так назвал свою последнюю книгу — и обеспечить мусульманам жизнь, за которую они не смогут не возлюбить его? Неужели и в самом деле думал, что мусульмане будут радоваться его стремлению ввести Иран при жизни одного поколения в «первую пятерку промышленно развитых стран мира», если заодно даст им западную легкость нравов, развратные кинофильмы, танцы, азартные игры и новые моды для женщин? Уже видны результаты его деяний: кругом гнезда разврата, а торгующих спиртными напитками заведений больше, чем библиотек.

На весь мир шах и его приспешники растрезвонили о своей политике индустриализации, которая, в сущности, была основана на импорте частей и деталей для сборки в стране заграничной техники с использованием дешевой местной рабочей силы. Кому нужны созданные на такой основе сверхсовременные отрасли промышленности? Разбазаривая главное богатство народа — нефть, которую следовало бы сохранить для будущих поколений, шах задумал построить более двух десятков ядерных электростанций, на что ухлопал миллионы. Об этом Хомейни постоянно говорил в интервью и скажет еще не один раз...

— В чем будет состоять программа индустриализации и модернизации при исламском правительстве? Откуда будет поступать оборудование? Как станут готовить и обучать специалистов и научных работников из среды народа?

— В процессе индустриализации мы никогда не вступим на путь строительства сборочных заводов. Мы будем создавать и развивать тяжелую промышленность, главные отрасли индустрии. Мы станем восстанавливать свою

страну наилучшим образом. Разумеется, не следует рассчитывать, что эта работа будет проведена, как только исчезнет шах, ибо он полностью разорил нашу родину. Ныне Иран напоминает страну, разрушенную войной. Чтобы избавиться от разрухи и создать основные отрасли промышленности, нам нужно время. Для приобретения оборудования мы будем использовать те источники, которые посчитаем наиболее выгодными для нашей страны. Дело в том, что мы богаты весьма квалифицированными специалистами. Тысячи иранцев трудятся в различных областях науки в других странах. Из-за шахского угнетения и отсутствия подлинно научных и обоснованных промышленных программ эти люди были вынуждены покинуть родину и работать на иностранные корпорации. С отъездом шаха они вернутся в Иран.

...А к чему привели хваленые аграрные реформы шаха? До этого Иран экспортировал сельскохозяйственные продукты, а сейчас в стране только вода еще как будто иранская. Что с того, что большинство крестьян получило земельные участки? Миллионы из них, привлеченные звоном и блеском нефтяных денег, бежали из деревень в города, продав или отдав свои участки в счет долгов. И вот сейчас они идут в первых рядах антишахских демонстраций, в белых саванах (одежде мусульманских мучеников) — в знак готовности умереть за правое дело Аллаха, пророка и имамов...

— Какую аграрную политику станет проводить одобренное Вами правительство? Будет ли поощряться использование сельскохозяйственных машин, чтобы покончить с тяжелым трудом крестьян? Откуда поступят эти машины?

— Мы механизуем сельское хозяйство. Исламское правительство будет в ответе за обеспечение крестьян наилучшим образом, то есть всем необходимым. Если развитие сельского хозяйства направить по верному пути, уже в ближайшем будущем мы превратимся в одного из ведущих экспортеров продовольствия... Иран относится к числу тех немногих стран, где одна или две провинции в состоянии удовлетворять большую часть потребностей всего населения в продуктах питания... К сожалению, сегодня импортируется свыше 93% продуктов питания. Для механизации сельского хозяйства мы станем сами производить самые надежные машины или приобретать у стран, которые запросят за них дешевле. Короче говоря, при исламском правительстве Иран будет ограждать свою экономическую независимость.

...А сколько писала пропаганда шаха о женской эмансипации, являющейся будто бы одним из важнейших компонентов и достижений «белой революции»? Сколько раз нападала на духовенство, которое во время выступлений начала 60-х годов высказывалось против мероприятий шахского режима? Да, женщинам разрешили ходить без чадры, предоставили избирательные права, а мужчин ограничили двумя женами вместо предусмотренных шариатом четырех. И зачем? Чтобы получить дешевую рабочую силу и создать новые гнезда разврата?..

— Какие изменения в положении женщин в иранском обществе, на Ваш взгляд, необходимы и как исламское правительство может улучшить его с точки зрения наделяния правом занимать посты в органах власти, работать врачами, архитекторами, научными работниками и т. д.; разводиться, делать аборты, свободно путешествовать; быть свободными в выборе одежды (обязательно ли ношение чадры)?

— Лживая пропаганда шаха и тех, кто куплен на его деньги, искусственно создала проблему женщин, поставив ее с такой остротой, что на Западе вообразили, будто ислам решил запереть женщин в стенах дома. Почему мы должны возражать против образования женщин? Почему мы должны лишать их возможности работать? Почему они не могут служить в государственных учреждениях? Почему мы должны возражать против путешествия женщин? Как и мужчины, они свободны заниматься любым из этих видов деятельности. Женщины не отличаются от мужчин, отнюдь нет. Ислам действительно предписывает, чтобы женщины были закрыты от постороннего глаза, но не обязательно чадрой. Они могут носить любое платье, по своему вкусу. Но мы, и ислам тоже, против того, чтобы женщина была предметом, куклой в руках мужчины. Ислам намерен оградить личность женщины, превратить ее в серьезного и дееспособного человека... Ислам запрещает аборты. При составлении брачного договора женщина может оговорить свое право на развод, если того пожелает. Я думаю, что ни одно другое учение не предусмотрело такого уважения и такой свободы для женщин, как ислам.

...Что кроме «эмансипированных» женщин дала «белая революция» народу? Возросшее в результате ее социальное неравенство особенно проявилось в Тегеране. В его северной части богатые кварталы, парки и виллы, американские автомобили и модные магазины, полуобнаженные

и покрашенные женщины, совсем как в Париже, а в южной части, за лабиринтами базара, — трущобы, лачуги из гофрированного железа, лохмотья и нищета, ни зелени, ни даже сточных канав. Он, Мохаммед Реза, хотел построить в городе метро, а там нет даже канализации. Каждой осенью и весной — при сильных дождях и таянии снегов — сточные потоки из северной части захлестывают узкие, грязные улочки южной окраины Тегерана. Безбожникам — рай, мусульманам — ад.

Режим называл себя мусульманским, а сам подрывал устой ислама: закрывал религиозные издания и мечети, разгонял собрания мусульман, все тщательнее контролировал религиозные пожертвования, а затем лишил духовенство субсидий. С целью укрепления собственной власти шах пытался оттолкнуть молодежь от ислама, внушал ей мысль о необходимости отделять религию от политики (хотя в исламе политических проблем гораздо больше, чем сугубо религиозных), заставлял усваивать западные ценности. В последние годы он все больше окружал себя не правоверными мусульманами, а последователями еретического учения — бехаизма. 13 лет ходил в премьер-министрах бехаит Амир Аббас Ховейда. Когда 6 ноября 1978 г. шах создал военное правительство, то главой опять назначил бехаита, начальника генерального штаба Голям Резу Азхари. Колеса антиисламского режима — репрессии и коррупция, глаза и уши — тайная полиция САВАК с почти 50 тысячами агентов и сотнями тысяч платных осведомителей... Не уйти от возмездия преступнику...

— Вы называете шаха преступником, но не уточняете своих обвинений. Могли бы Вы перечислить те его акты, которые считаете преступными?

— Преступления шаха бесчисленны. Даже краткий перечень занял бы слишком много времени. За последние два года своего правления, когда народ восстал, чтобы сокрушить шахский режим и учредить исламскую республику, этот преступник умертвил свыше 60 000 и покалечил более 100 000 иранцев. (Антишахская оппозиция в Иране определяла общее число жертв в период революции в 65 тыс. Западные наблюдатели называли 15—20 тыс.— *Авт.*) В дни своего правления шах поставил нас в экономическую зависимость от США и сделал Иран банкротом. Наша промышленность зависит от Запада. Он развалил наше сельское хозяйство. В политическом плане он проводил линию США и ввел Иран в компанию угнетателей

и тиранов. Позиция Ирана на международных форумах в годы правления шаха недвусмысленно подтверждает эти факты. Даже когда из страха навлечь на себя гнев народа шах занимал, казалось бы, антиамериканскую позицию, то за кулисами продолжал тесное сотрудничество с Америкой. Так, публично поддерживая палестинцев, он предоставлял нефть Израилю — врагу ислама и мусульман; подкармливал его и в военном отношении. Иными словами, охотно помогал этому архиагрессору. В военном плане шах поставил страну в полную зависимость от США. Чтобы увековечить свое монархическое правление, он отдавал нефть США и использовал полученные доходы на строительство американских военных баз в Иране. Но хуже всего то, что он намеревался искоренить ислам и истребить мусульман. Толкая молодежь на подражание Западу, он нанес серьезный ущерб нашей культуре. Шах одурманивал народ с помощью западной пропаганды. Нужны грандиозные усилия, чтобы освободить общество от порочных последствий его культурного предательства.

...Возмездие начало преследовать преступника уже с января 1978 г., когда против него поднимались один за другим иранские города. Волны, набегая друг на друга, к осени набрали такую силу, что ни пулеметы, ни танки, ни самолеты уже не могли остановить мусульман. Правоверным смерть не страшна, ибо это — дорога в рай. Ведь сказано в Коране: «Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: «Мертвые!» Нет, живые! Но вы не чувствуете». 8 сентября, в праздничный для мусульман день, через несколько часов после введения шахским правительством военного положения десятки тысяч людей, презирая смерть, вышли на улицы. Эту пятницу народ называл «черной». И в последующем молодежь, готовая пожертвовать жизнью, шла в первых шеренгах демонстрантов, ограждая их от солдат. На знаменах — портреты последних мучеников, мужчин и женщин: их не оплакивают (поскольку они возносятся на небеса), во имя их памяти борются. Разве понять шаху логику мученичества, которая заставляет правоверного мусульманина идти на добровольную смерть? Принять мученический венец — значит уподобиться имаму Хусейну, вышедшему в 680 г. на битву при Кербеле с узурпатором халифской власти Йезидом. «Лучше смерть, — сказал имам, — чем жизнь под гнетом». Имя Хусейна всегда было для правоверных символом протеста против тирании,

А новый Йезид не придумал ничего лучшего, как просить правительство Ирака выслать того, кого народ провозгласил своим новым имамом. И в этом Йезид не избегал кары Аллаха, лишившего его рассудка. Ведь в Ираке имам находился почти в безвестности, и голос его можно было услышать в Иране только благодаря записывавшимся на магнитную пленку проповедям, тайно переправлявшимся в страну. Правда, в последний момент Мохаммед Реза, кажется, отказался от своего требования, но имам уже оказался в пригороде Парижа — Нофль-ле-Шато. И шах не только не потребовал выслать имама из Франции, но и предостерег против этого, опасаясь ухудшить обстановку в Иране. Значит, он собственными руками способствовал тому, что имам получил возможность пользоваться всеми атрибутами западной цивилизации (пресса, радио, телевидение, телефонная и телеграфная связь и т. д.), которые помогли ускорить его же гибель.

Нофль-ле-Шато... На одной стороне улицы — маленькая семейная резиденция Хомейни, на другой — в небольшом домике — штаб-квартира революции, имевшая телефонную связь с Ираном. К телефону подключен магнитофон, а рядом — аппарат для размножения пленок. На другом конце линии, в Иране, установлена аналогичная аппаратура. Буквально через несколько часов кассеты с записями послания Хомейни проигрываются в 80 тысячах мечетей и на бесчисленных городских базарах. Так претворялась в жизнь стратегия, разработанная в парижском пригороде.

И что же? Теперь Хомейни летит туда, откуда шах вынужден был уехать две недели назад. Через несколько минут после того, как радио объявило об отъезде шаха, в стране начался грандиозный политический карнавал. Люди обнимались и целовались, многие солдаты втыкали в дула винтовок цветы, а с наступлением сумерек в Тегеране не осталось ни одной статуи — ни шаха, ни его отца. Памятные места в честь Йезида народ тут же переименовал в честь своего имама.

А сколько мучительных дней провел шах, прежде чем покинуть Иран?! Впав в глубокое уныние, надломленный и подавленный, он уединился во дворце Ниаваран, а рядом был готовый в любой момент подняться в воздух самолет. Куда делись его самоуверенность, властность и решительность? Деспотичный правитель, в течение десятков лет заставлявший дрожать свое окружение, за несколько месяцев превратился в жалкую тень. Когда

в конце ноября 1978 г. корреспондент американского журнала «Тайм» спросил, в чем он видит свою главную ошибку, шах печально ответил: «В том, что я вообще появился на свет». Но «разве к вам не приходили посланники из вас, которые читали вам знамения вашего господ и которые предупреждали вас о встрече с этим вашим днем?»

Шах дрогнул перед железной волей парода. Сверхсовременное оружие его бесчисленных легионов сникло от всеобщего лозунга, провозглашавшегося из окон и с крыши домов, — «Аллах велик!» Еще немного, и хваленая армия шаха распадется и перейдет на сторону революции.

Главное возмездие преступникам еще впереди. Ведь сказано в Коране: «Поистине, те, которые считали ложью Наши знамения и превозносились над ними, не откроются им врата неба, и не войдут они в рай, пока не войдет верблюд в игольное ушко. Так воздаем Мы грешникам! Им — из геенны ложа, а над ними — покрывала; и так воздаем Мы неправедным!.. Мы соберем их в день воскресения на их лицах слепыми, немыми, глухими. Пристаище их — геенна: как только она потухает, Мы прибавляем огня».

То же уготовано другим грешникам, стоящим на пути победы ислама. Главный из них — назначенный с начала января 1979 г. премьер-министром Шахпур Бахтияр, 63-летний худощавый нервный юрист, с изборожденным морщинами лицом, с мягкими манерами и явно прозападными взглядами. Он — последняя карта Йезида, взятая напрокат из его же тюремных застенков. Недурной послужной список: участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, в движении французского Сопротивления (в перерывах между пулеметными очередями, говорят, декламировал Камю и Поля Валери), тесное сотрудничество с Мосаддыком, антишахская борьба и шахские тюрьмы, второй деятель в руководстве либерально-национальной организации Национальный фронт, созданной еще Мосаддыком, — все это, казалось, должно было примирить революцию с деспотом. Но народ, истекая кровью и обливаясь слезами, продолжал борьбу. Не за либеральную систему западного типа, за которую ратуют Бахтияр и большинство его бывших коллег по Национальному фронту, а за ислам, за исламскую республику. Не за капиталистическое развитие в интересах «свободного предпринимательства», а опять же за ислам, за исламскую республику.

Вода пробьет себе дорогу. Придет и черед Бахтияра. Даже Национальный фронт был вынужден исключить его из своих рядов. Авторитет Бахтияра не простирается за пределы канцелярии премьера, его министры не могут пробраться сквозь толпы демонстрантов к своим кабинетам, где почти никто не слушается их приказаний. А он, премьер лишь номинально, пытается «перехватить» программу революции: разрешил издание оппозиционных газет, освободил политических заключенных, аннулировал многие контракты на закупку американского оружия, объявил о предстоящем роспуске САВАК, выходе из сколоченного империалистами военного блока СЕНТО, об отказе Ирана быть, как прежде, жандармом Персидского залива и продавать нефть Израилю и ЮАР. Между тем народ и не заметил, что Шахпур Бахтияр фактически осуществляет его требования. Народ скандирует: «Ни шаха, ни шах-пура!» (игра слов: «шах-пур» — сын шаха). Самый мягкий лозунг демонстрантов в отношении Бахтияра: «Шахский пес, мы выпустим тебе кишки!» Ведь дело не в отдельных требованиях, а в характере власти. Разве преданный исламу народ пойдет на компромисс?

Такие компромиссы — дело рук предателей типа Шахпура Бахтияра, да и таких его бывших коллег и друзей, как Карим Санджаби, добропорядочный и благовоспитанный 75-летний руководитель Национального фронта, правовед с парижским образованием, бывший министр в правительстве Мосаддыка. Еще в сентябре 1978 г. он, Санджаби, призывал к «эволюции, а не революции» и в конце октября приезжал к Хомейни во Францию, чтобы убедить его занять менее непримиримую позицию в отношении переговоров с шахом и тем самым положить конец кровавым столкновениям. Как могла проходить встреча с таким мягкотелым интеллигентом? Хомейни — сказал, Санджаби — согласился. Только после этого лидер Национального фронта прямо заявил, что у монархии нет никакой законной основы.

И кого представляет Национальный фронт, выступающий за «демократизацию», а не исламизацию страны? Никого, кроме самого себя и либеральной интеллигенции. Он — не только не большинство, но и даже не меньшинство. Небольшая контора, один телефон и... весьма слабые связи с народом. Допустим, в годы пребывания у власти правительства Мосаддыка Национальный фронт активно поддерживали базарные торговцы и ремесленники, да и то благодаря аятолле Кашани. Ныне же руковод-

ство революцией в руках духовенства, — так к чему безбожный Национальный фронт? «Скажи: «Есть ли среди ваших сотоварищей тот, кто ведет к истине?» Скажи: «Аллах ведет к истине. Тот ли, кто ведет к истине, имеет более прав, чтобы за ним следовали, или тот, кто сам не ведет, если его не будут вести? Что с вами, как вы рассуждаете?» И большинство их следует только за предположениями. Ведь предположение ни в чем не избавляет от истины».

Конечно, среди либеральной интеллигенции есть и такие деятели, которые признают ислам в качестве интегрирующей основы новой власти. Но в целом и для них ислам — лишь фасад, внешняя облицовка светского по сути режима.

Вот, например, 73-летний Мехди Базарган, грузноватый инженер с парижским образованием, покладистый и набожный человек. Бывший сподвижник Мосаддыка, один из видных деятелей Национального фронта, четырежды заключавшийся в тюрьму за оппозицию шахскому режиму, еще в 60-х годах обсуждал с духовенством, и в частности с руководителем шиитской общины Тегерана аятоллой Махмудом Талегани, проблемы «модернизации» ислама, превращения его в идеологию антишахской оппозиции, создал Движение за свободу Ирана и руководил Комитетом защиты свободы и прав человека. Но если первая из этих организаций зиждется на исламских установках, то на второй, несомненно, сказалось влияние западного либерализма.

Поэтому не случайно Базарган в ходе революции не раз проявлял колебания и даже высказывал несогласие с антиимпериалистическим курсом имама, утверждая, что борьба против деспотизма должна предшествовать борьбе против империализма. Он приезжал в Нофль-ле-Шато, чтобы защищать «постепенную», «поэтапную» политику, результатом которой было бы сохранение института монархии. Здесь Базарган услышал твердый ответ: ислам ничего не добьется, если будет придерживаться такой политики, поскольку она лишь деморализует народ, ведет к утрате им революционного энтузиазма. Тем не менее он до сих пор не осудил своего друга Бахтияра, контрреволюционера и предателя.

И все же Базарган — нужный человек. Его поддерживает не только большая часть либеральной интеллигенции — как умеренной, так и близкой к левым кругам, но и масса торговцев, средних и мелких предпринимателей,

государственных и частных служащих. Некоторые левые организации могут рассчитывать — благодаря его либерализму — получить право гражданства в новой республике. Правда, бастующие рабочие-нефтяники, уже экономически почти удушившие шахский режим, оказали не очень теплый прием, когда по поручению имама он посетил нефтепромыслы с целью уговорить их возобновить добычу нефти для удовлетворения внутренних потребностей страны. У него тесные связи и с духовенством, и с Национальным фронтом. Со многими старшими офицерами ему удалось установить секретные контакты. Его многолетняя дружба с Бахтияром может быть весьма полезной для переговоров о сдаче власти этим шахским ставленником. Тем более что это должен быть мирный путь — и как логическое завершение поощрявшихся до сих пор имамом методов воинственного ненасилия, и как лучший способ удержать революционную волну в исламских берегах. Кто же лучше набожного, покладистого и всеядного Базаргана способен отвратить все опасности и помочь сохранению контроля над положением? К тому же он ловкий политик и неплохой администратор.

Конечно же исламской республике нужны интеллигенты другого склада, подлинно мусульманские интеллигенты, готовые сделать ислам действительной основой власти, социальной, культурной и семейной жизни народа. Такие интеллигенты у страны есть (недаром на Западе их называют «мирскими муллами»). Правда, многие из них уже давно эмигрировали из Ирана на Запад, но и там продолжали политическую борьбу против монархии. Разве не установили они контакты с имамом в эмиграции, не составили его ближайшее окружение в Париже, не взяли на себя ведение его дел? И разве не они летят вместе с ним навстречу неведомой судьбе? Самые видные среди них — Ибрагим Язди, Садек Готбзаде, Абольхасан Банисадр.

Конечно, их долгое пребывание за границей может дать повод для разного рода злопыхательств. Кое-кто уже приписывает и, наверное, еще не раз будет приписывать Язди и Готбзаде связи с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ). Действительно, Язди 18 лет прожил в США, где учился в Массачусетском технологическом институте и имел высокооплачиваемую должность. Что с того, если он даже гражданин США? Ведь и Готбзаде несколько лет разъезжал с сирийским паспортом, после того как его лишили иранского за антишахскую деятель-

ность за границей, — посему он, вероятно, и не окончил Джорджтаунский университет в Вашингтоне, где несколько лет изучал дипломатию. Важно, что Хомейни не первый год их знает как добрых мусульман, которые поддерживали связи с Организацией освобождения Палестины, с антиимпериалистическими режимами Ливии и Сирии. И оба — им еще пет по 50-ти — не лишены обаяния, неглупы, умеют держаться, одним словом, из тех, кого называют «сильными личностями». Такие нужны исламу. Вскоре вернется на родину и их коллега Мостафа Чамран, имеющий опыт работы в палестинских партизанских организациях в Ливане.

Особняком держится 46-летний Абольхасан Банисадр, маленький, усатый, с тихим голосом и лисьей улыбкой, с вечно удивленным выражением глаз за очками. Сын аятоллы, ныне покойного, он, подобно Язди и Готбзаде, стал заниматься политикой в начале 50-х годов, при Мосаддыке, а в 1963 г., после разгрома антишахских выступлений, эмигрировал во Францию. Не очень любит говорить вслух о политике, его любимый предмет — экономика. Работал в Сорбонне над докторской диссертацией об аграрной реформе в Иране и часто шутил: боюсь закончить диссертацию, иначе потеряю единственный предлог для получения вида на жительство во Франции. Однако его экономикой служит исламской политике. Разве в его книгах не характеризуется Иран как вотчина иностранцев, где Америка грабит природные богатства, тогда как бедные иранцы становятся еще беднее? А его теория «исламской экономики»? Все должны трудиться соответственно своим способностям и вознаграждаться по благодетелию — так писать может только ревностный мусульманин. Как говорят в народе, еще не созрел, а уже кишмиш. И пусть злобствующие западные экономисты, придерживающиеся порожденных сатаной взглядов, утверждают, что его концепция сформулирована туманно и противоречиво. Разве могут безбожники разобраться в «экономике божественной гармонии», как назвал Банисадр одну из своих книг? И вот что особенно важно: цвет иранской молодежи, подлинно мусульманская интеллигенция, изучая целых 15 лет на Западе экономические науки, приходит к выводу о необходимости создания в Иране именно «исламской экономики». Говорят, Банисадр еще 15 лет назад заявил французскому философу Жан-Поль Сартру, что станет первым президентом иранской республики. Что ж, все в руках Аллаха!

Да, все они нужные люди — Язди, Готбзаде, Банисадр и даже Базарган. Конечно, можно и ошибиться. От этого никто не застрахован. Еще древние говорили: всем свойственно ошибаться, но только глупцы упорствуют в своих ошибках. А как же умные? Наверное, они имеют право только на такие ошибки, из которых сумеют извлечь выгоду.

Подлинным революционером может быть только верующий мусульманин. Использовать же язык и символы ислама для изложения философии, носящей по сути характер неисламский, — значит хулить ислам. А ведь так поступал с 60-х годов человек, чьи портреты (вместе с портретами имама) нередко носят многие демонстранты, чьи силуэты (вместе с силуэтами имама) все чаще воспроизводятся на стенах тегеранских зданий. То был профессор Мешхедского университета Али Шариати, привлекавший на свои лекции в одной из мечетей иранской столицы толпы молодых людей. Но «Вольтеру иранской революции», как называют его многочисленные последователи, не суждено было увидеть, что во главе иранской революции окажутся тесно связанные с широкими массами хранители правоверного ислама. Не дожив до 50 лет, он в 1977 г. скончался при загадочных обстоятельствах (возможно, не без участия САВАК) в Лондоне, где вынужден был поселиться после того, как шахская охранка постигла смысл его зашифрованных проповедей и религиозных метафор.

Приверженцы Шариати, этого теолога с парижским образованием, несомненно, поймут, как опасно близко проповедуемое им учение к безбожным социалистическим идеалам, — вот ведь Язди и Готбзаде тоже раньше причисляли себя к его последователям. В Коране сказано: «Горе же тем, которые пишут писание своими руками, а потом говорят: «Это от Аллаха!»... Горе же им за то, что написали их руки». Впрочем, о мертвых — или хорошо, или ничего. Все же Шариати, хотел того или нет, способствовал превращению ислама в главное орудие борьбы против шаха. Его основная мысль сводилась к следующему: только революционными действиями можно доказать свою веру.

К чему может привести подобное учение, хорошо видно на примере Организации борцов за святое дело иранского народа (моджахедины), которую обычно называют «исламо-марксистской». Возникнув в середине 60-х годов под знаком партизанской борьбы против шахского режи-

ма, она постепенно начала эволюционировать в направлении, именуемом марксистами революционно-демократическим. Ее росту способствовали наряду с Шариати и такие правоверные мусульмане, как Базарган и Талегани. В результате моджахедины втиснули обе ноги в один башмак: попробуй теперь разобрать, чего больше в их идеологии — марксистского материализма или ислама. Но Аллах не приемлет такой ислам, ибо Коран не разрешает верующим брать в друзья неверных. Правда, после последнего раскола из этой организации вышли «чистые» марксисты. Тем не менее левые, использующие в собственных целях ислам, могут стать опаснее «чистых» левых.

Таких, «чистых», тоже немало. Вот хотя бы Организация жертвующих собой партизан иранского парода (федайны), которая почти одновременно с моджахедами начала партизанскую борьбу против шахского режима. Она открыто объявляет себя марксистско-ленинской, хотя и говорит о своей полной независимости от любых зарубежных центров. Но что с того, коль скоро все ее члены — неверующие? Ибо сказано: «О вы, которые уверовали! Не берите друзьями тех, которые вашу религию принимают как насмешку и забаву... Ведь они взяли шайтанов покровителями вместо Аллаха и думают, что они идут по прямому пути!.. Считают они ложью то, знания чего не объемлют и чего толкование еще не пришло к ним». Глаз да глаз нужен за федаянами.

А сколько мелких левых групп развелось в стране — экстремистских, троцкистских и бог ведает каких еще! Говорят, в одном Тегеранском университете их около двух-трех десятков. Вот этих-то нетрудно заставить слезть с осла шайтана: за нос тронь — из них дух вон. А пока пусть протягивают ноги соразмерно своему коврику.

Особое место среди левых сил занимает старейшая партия страны — Народная партия Ирана (Туде), созданная в 1941 г. и стоящая на марксистско-ленинских позициях. Будучи запрещенной в феврале 1949 г., она перенесла центр своей деятельности за границу. Более полутора десятилетий партия поддерживала и даже пропагандировала выступления имама против шаха и его американских хозяев. С начала революции она говорит, что полностью одобряет все его инициативы, признает его руководство в народном движении и прогрессивную роль в развитии страны. Конечно, Туде — самая зрелая, сплоченная и организованная левая сила страны, хотя

и значительно ослабленная репрессиями. С тем большей осторожностью духовенство должно отнестись к ее постоянным призывам к единству всех революционных сил. И в самом деле, как можно признавать идею исламской республики и одновременно говорить о «народной демократии», если ислам отвергает и восточное и западное понимание демократии с их атеизмом и секуляризмом. На такой основе не может быть единства. Единство во имя ислама — да, во имя чего-либо иного — никогда!

Левые силы — это не Национальный фронт: Хомейни — сказал, Санджаби — согласился. Этих — либо ублажай, либо истребляй. Имея ячейки по всей стране, они способны выставить более десятка тысяч хорошо вооруженных партизан и свыше сотни тысяч симпатизирующих из числа студентов, служащих, интеллигентов. Мало того, феодалы проникли в рабочие массы на нефтепромыслах, а моджахеды имеют тесные связи с базаром и молодым духовенством. И все неизменно призывают к вооруженному восстанию, понимая, что именно в этом их сила. К счастью, разногласия между левыми так велики, что им трудно договориться, кроме как по отдельным вопросам. Постоянно обвиняют друг друга либо в «правом оппортунизме», либо в «детской болезни «левизны». Чтобы их вода не потекла по одному руслу, она должна быть перекрыта у своих истоков. Удастся ли?

В народе говорят: бойся врага раз, друга — тысячу раз. И действительно, даже среди духовенства есть такие, которые мутят воду, чтобы ловить рыбку. Вот аятолла Мохаммед Казем Шариат-Мадари, 76-летний полнокровный старец, в последние годы фактически первое лицо в шиитской общине Ирана, и до сих пор считается таковым своими земляками на севере страны, в Иранском Азербайджане. Слывет либералом и демократом, имеет немалую поддержку среди торговцев базара, ремесленников, интеллигентов, служащих. Хитрый человек: в начале революции призывал к реформе монархии (чтобы «шах царствовал, но не управлял»), позже требовал дать шахскому ставленнику Бахтияру по крайней мере месячный «льготный срок» (чтобы он показал себя на деле). Объединяющий фактор видит не в исламе, а в монархии, выступает за то, чтобы власть осталась в руках светских правителей, а духовенство лишь имело право контроля за соответствием принимаемых законов предписаниям ислама. Постоянно ратуя за осторожность и умеренность, свои расхождения с имамом объясняет только тем, что

сам находится в Иране, а тот — за границей. Ну уж нет, как говорят, масло и вода не сладят никогда.

Конечно, Шариат-Мадари доставляет немало неприятностей. Он не только не признает лидерства имама, но и всячески высмеивает сочетание им борьбы за исламское правление, противоположное западной цивилизации, с использованием всех атрибутов той же цивилизации — от западноевропейских радио и телевидения до американского «Боинга». Но что поделать, если в самой революции все основано на таких сочетаниях? Люди говорят об исламской республике, а думают о материальных интересах и социальных правах. Женщины, даже и среди интеллигенции, в знак протеста против прозападной политики шаха почти поголовно облачились в чадру, а под ней носят джинсы или короткое платье. Многие из тех, кто идет за духовенством, слагают революционные песни во славу ислама, а поют их на мотивы зарубежных шлягеров. Дело дошло до того, что повсюду стали распространяться слухи, будто все одержанные духовенством победы над шахом обеспечили французские средства массовой информации, британская разведка, телекомпания Би-би-си, а также правительства США и Англии, которые отвернулись от Мохаммеда Резы и сдерживают иранский генералитет от выступлений против религиозных деятелей. Стоит ли придавать значение подобным слухам? Ведь свержение шахского режима не самоцель, а лишь средство борьбы за победу ислама, за исламское правление, когда религиозные лозунги будут не только на устах, но и в сердцах людей. Такие, как Шариат-Мадари, разумеется, не станут способствовать этому, однако из-за одного еретика мечеть не закрывают.

Да, разные люди встречаются среди духовенства — все же это часть населения страны. Вот, скажем, 68-летний аятолла Махмуд Талегани, руководитель тегеранской общины шиитов. Почти 14 лет с короткими перерывами провел в шахских тюрьмах, перенес самые унижительные пытки, после которых не может стоять более 10 минут, освобожден только в конце 1978 г. И он как соринка в глазу. Импозантен и прост, широк и умерен, мягок и терпим и в результате пользуется популярностью и симпатией среди самых различных слоев и групп — от бедных до богатых, от промосаддыковской интеллигенции, так называемых демократов и борцов за «права человека», до крайне левых организаций, в одной из которых, кажется, состоят два его сына. Впрочем, исламской республике

нужны такие апостолы Любви и Терпимости — пусть наводят мосты между духовенством и всеми остальными: симпатии к аятолле могут и должны стать преданностью исламу.

Конечно, расхождения среди религиозных деятелей — не что иное, как проявление противоречий, посеянных шахским режимом в мусульманской общине. Они разъедают и ближайшее окружение имама, разделяют даже самых близких его советников и помощников, как бы те ни старались скрыть это от него. Уж он-то знает, что и среди 50 человек его свиты есть и либералы, и радикалы, и консерваторы, и прогрессисты, все — от крайне правых до крайне левых. После победы, несомненно, возникнут религиозные организации и ассоциации, отражающие все те политические тенденции, которые существуют среди духовенства, а значит, и во всей общине. Хвала Аллаху, что духовенство имеет и свои общие интересы, побуждающие его если не сглаживать разногласия, то по крайней мере сдерживать открытые распри перед лицом опасностей, угрожающих этим интересам. Такие же общие стремления должны скрепить весь народ.

Ох, тяжел ты, тюрбан имама! Объединить все группы духовенства, сплотить все социальные слои, устроить счастье всей мусульманской общины — значит уметь быть по необходимости и либералом, и радикалом, и консерватором, и прогрессистом, и крайне правым, и крайне левым. Но каждая из этих политических тенденций должна выступать лишь как средство достижения высочайшей цели — утверждения ислама.

А ислам — это все. Все в нем, и ничего вне его. «И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, — поистине, Аллах знает, а вы не знаете!.. И простит Он, кому пожелает, и накажет, кого пожелает: поистине, Аллах над каждой вещью мощен!.. Решение принадлежит только Аллаху. Он повелел, чтобы вы поклонялись только Ему. Это — правая вера, но большая часть людей не ведает».

Если бы заблуждающиеся и невежды, ставшие жертвами учений сатаны, смогли понять смысл исламского правления, которое существовало лишь несколько лет при пророке Мохаммеде и имаме Али тринадцать с половиной веков назад, то основа остальных идеологий была бы сама собой уничтожена. Ведь Мохаммед — олицетворение всемирного универсализма, а Али — конструктивного миро-

вого правления. Все, кто любят Иран и стремятся к его независимости, не могут придерживаться иных идеологий (будь то правых или левых), служащих угнетению мусульман, и не желать установления исламской республики. Только невежда или предатель против исламского правления. Тот, кто противодействует исламской республике, выступает за шаха и САВАК. Ибо третьего не дано — либо монархия, либо исламская республика.

Главное в исламской республике — верховная власть священного Закона, предписанного Кораном, Закона, которому подчиняется сам правитель — факих, готовый во имя него, Закона, поступиться интересами и даже жизнью самых близких ему людей. Для него власть не конечная цель, а способ поощрения справедливого исламского правления. Его роль подобна роли пророка и имамов — вводить священный Закон. А раз он руководствуется таким добрым побуждением, то не может быть никаких злоупотреблений и возврата к деспотизму и тоталитаризму. Абсолютная же власть — это форма идолопоклонничества, греховное отрицание идеи о божественном единстве — единстве мнения, единстве слововыражения, единстве действия. «Скажи: «Поистине, путь Аллаха есть настоящий путь!..» Аллах — друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету... Вот пришли Мы к ним с книгой, которую изложили со знанием, как прямой путь и милосердие для людей, которые веруют. Неужели ждут они чего-либо, кроме толкования этого?»...

— Исламскому праву и судебной практике присущи многие традиции, благоприятствующие изменению общества. Но разве нет и таких традиций, которые больше не могут найти применения в современном обществе или должны быть отброшены как ведущие к угнетению народа?..

— Исламские законы всегда соответствуют условиям времени и места. Нельзя согласиться с тем, что в один период какой-то из них полезен, а в другой — вреден. Разумеется, может случиться, что на некоторых этапах истории объект какого-то исламского закона не существует в данном конкретном месте и тогда этот закон там неприемлем.

...Исламское правление коренным образом отличается от монархии и светской республики, где законы устанавливаются либо монархом, либо народом. При исламском режиме никакие другие законы, кроме божественных законов, не могут иметь силу. Переданные смертным через

Коран и пророка, они должны остаться неизменными до скончания времен. То, чего нет в Коране,— дело рук сатаны.

Таким образом, концепция исламского правления признает не три, как обычно, а два рычага управления страной: юридический и исполнительный.

Функции юридического аппарата ограничиваются соблюдением законов, которые непреложны. В отличие от неэффективной и дорогостоящей светской судебной системы, исламское правосудие, отправляемое специалистами в области шариата, действует быстро и справедливо. Исламский судья, вооруженный пером и чернильницей, улаживает споры без проволочек и наставляет на путь истины. Его решения окончательны и обжалованию не подлежат. Следовательно, нет нужды в адвокатах и апелляционных судах. Приговоры тут же приводятся в исполнение. Никаких смягчающих обстоятельств быть не может, ибо все наказания точно и недвусмысленно определены в шариате. Применение карательных законов ислама в течение небольшого промежутка времени привело бы к искоренению всех несправедливостей и аморальных явлений.

Что касается исполнительного органа, то он представляет собой ассамблею планирования. Она призвана планировать деятельность министерств в рамках божественных законов и осуществлять контроль над тем, чтобы намеченные меры проводились в общенациональном масштабе и во имя общественного благосостояния.

Верховным же толкователем божественных законов, высшим координатором деятельности юридического и исполнительного органа, духовным вождем, осуществляющим практическую власть вплоть до пришествия 12-го имама Махди, является факих.

Коль скоро при исламском правлении господствуют божественные законы, а единственный их толкователь — духовенство, то оно и должно управлять страной, следить за соблюдением законов. Все духовенство — от простых священников-ахундов и каиоников-мулл, от богословов-улемов и до высших духовных руководителей — ходжат-оль-эсламов и аятолл — должно по примеру пророка и имамов активно участвовать в политической жизни страны. Они должны всегда оставаться стражами Закона, социальной справедливости и общественной морали. 180 тысяч священнослужителей — огромная сила: один на каждые 200 жителей. А если к ним добавить 500 тысяч сеидов, прямых потомков пророка, и 600 тысяч «полусеидов», по-

томков пророка по материнской линии, то один человек духовного клана придется на каждые 30 жителей. Центральная роль духовенства может быть обеспечена и через светское правительство, составленное, однако, из истинных мусульман, — опыт и знания специалистов нужны исламской республике...

— Будут ли в случае создания исламского правительства в Иране руководить им религиозные деятели или любые лица, избранные на эти посты, независимо от вероисповедания или политических взглядов?

— Прежде всего они должны пользоваться доверием и быть мусульманами. Немусульманские меньшинства будут иметь своих представителей в парламенте в качестве группы религиозных меньшинств... Любой человек, избранный в парламент, будет представлять народ, независимо от того, религиозный ли это деятель, духовное или светское лицо, но в официальное правительство (кабинет) духовенство не войдет.

— Какое положение в исламской республике будут занимать религиозные меньшинства, например мусульмане-сунниты, иранские ассирийцы, армяне-христиане, иудеи, бехаиты и т. д.?

— Они будут пользоваться в Иране максимальным уважением. Их права будут уважаться и защищаться. Ислам предусматривает гуманное отношение к ним... и нет никаких оснований для опасений на сей счет... При исламском правительстве они будут пользоваться всей свободой, всей религиозной свободой, какую только пожелают.

— Будут ли немусульмане занимать те или иные посты в гражданских учреждениях либо в армии? Могут ли, например, марксисты или социалисты, а также женщины служить в гражданском аппарате или вооруженных силах?

— Никакого запрета на участие женщин в управлении страной нет. После создания исламского правительства придется изучить, не появится ли угроза безопасности нашей страны в результате деятельности на таких ответственных постах представителей тех немусульманских групп, которые Вы перечислили. Это еще следует изучить, а решение должно принять правительство, которое изберет народ.

— Будет ли предусмотрена религиозная или политическая свобода при исламском правлении для секты бехаитов?

— Они составляют политическую группировку, причиняющую вред, их деятельность не будет приемлема.

— Получат ли они свободу вероисповедания и богослужения?

— Нет.

...Наконец пробил час ислама! Миллионы демонстрантов скандируют: «Смерть или Хомейни!», «Иран — наша страна, а Хомейни — наш руководитель!», «Наш шах — Хомейни!» Это ли не подлинный референдум в пользу исламской республики, дающий имаму право во имя достижения целей ислама назначить новое руководство страной? Согласно нормам Закона и волеизъявлению подавляющего большинства иранского народа, оно уже образовано около двух недель назад. Пока это тайный Исламский революционный совет; имена его членов будут обнародованы в надлежащее время. Будет сформировано Временное революционное правительство, задача которого — провести выборы в Учредительное собрание (для одобрения новой конституции) и парламент. Конечно, оба собрания призваны не принимать законы, поскольку те содержатся в Коране, а определять рамки, в которых их сможет использовать постоянное правительство.

Ислам — не только религиозные обряды, не только свод жизненных правил, всеобъемлющий и практический кодекс, определяющий все стороны жизни — от налогов до личной гигиены. Это и основа бесклассового исламского общества. Он не приемлет ни капитализма, разрушившего иранскую экономику и превратившего человеческие отношения в товарные отношения, ни социализма. Исламская экономическая система зиждется не на законах рынка и конкуренции, не на планировании и государственном контроле экономической деятельности, а на моральных принципах — и в производстве, и в обмене, и в потреблении. Рабочие, ремесленники, крестьяне, торговцы, предприниматели — все будут жить в единой мусульманской общине как братья. При исламской социальной системе богат обязан помогать бедняку и каждый должен проявлять заботу о соседе. Такие формы эксплуатации, как, например, ростовщический ссудный процент, искореняются. В Коране сказано: только Аллаху принадлежит все, что есть на небесах и на земле; человек владеет лишь трудом своим, и если богатство заработано им честно, то оно должно находиться под защитой ислама...

— Если ислам осуждает стремление к извлечению прибыли и коррупцию, считает аморальной частную соб-

ственность, позволяющую наживаться на труде других, то как исламское правительство станет относиться, например, к базарным торговцам или к предпринимателям?

— Ислам требует справедливого отношения ко всем гражданам страны. Ислам задумал такие экономические отношения, которые сделают невозможными проявления несправедливости. Я уже неоднократно говорил, что торговцы в исламской республике будут не теми, что в наши дни. Торговцы в Иране стали такими, как мы их знаем, в результате неисламских экономических отношений, сложившихся в стране и превративших их в капиталистов. При исламском правлении никогда не будет такой глубокой пропасти между слоями общества и жизнь почти всех будет на одном и том же экономическом уровне.

...Пусть там, на Западе, утверждают, будто иранское духовенство говорит загадками и не объясняет конкретно, как можно использовать основы Корана для организации современной экономической и социальной жизни народа. Шах насадил в исламской стране столько противного Аллаху и всем мусульманам, что до ликвидации его наследия и не стоит думать о деталях. У этой пряжи длинный конец. Что будет дальше, покажет жизнь. Будет жизнь — будет борьба. Будет борьба — все решится так, как угодно Аллаху, всемогущему и милосердному. «У Него — ключи тайного; знает их только Он».

Теперь же важнейшая задача — восстановление исламского Закона, который положит конец господству колониализма, разделившего мусульман на соперничающие нации, расхищающего их ресурсы, способствующего ростовщичеству и проституции, превращающего людей в бессмысленных подражателей западного образа жизни с его жаждой потребления и тем самым обеспечивающего рынки для дальнейшего развития западного капитализма. Голова империалистической змеи — США. Но опасности исходят не только от западного империализма, бездушного, материалистического, аморального. Атеистический Восток не менее опасен для верующих мусульман. Спасение им и счастье несет один лишь ислам. Ибо сказано: «Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха...»

Еще более важная задача — восстановление исламских моральных отношений между людьми, всеобщий возврат к непреходящим ценностям мусульманской религии —

скромности, доброте, простоте в образе жизни и поведении. Жизнь великого пророка отличалась предельной простотой, хотя он был главой государства. Имамы спали на тонком матраце прямо на полу и ели самую скромную пищу. Так должно быть и при исламском правлении в Иране, в условиях которого общественный прогресс будет заключаться в том, чтобы подлинной целью материальной деятельности стали развитие и раскрытие собственного «я» мусульман. «И повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику! А если отвернетесь, то на Нашем посланнике только ясная передача».

...Ранним утром 12 бахмана 1357 г., или 1 февраля 1979 г., «Боинг-747» авиакомпании «Эр-Франс» с имамом на борту врезался в розовое небо Ирана и в 9 часов 27 минут совершил посадку на Мехрабадском аэродроме Тегерана. Аятолла шаркающей походкой направился к выходу... Большая часть жизни уже позади, но самое трудное время только начинается.

Месяц первый

БОЛЬШАЯ ПОБЕДА С МАЛЫМИ ПОТЕРЯМИ

Клевета на народ, стремление затормозить революционное движение были для Робеспьера самым страшным богохульством:

— Пусть не клеветают на народ! Предоставим его врагам раздувать насилия, поднимать... вопли о том, что революция якобы осквернена самым диким варварством... Все видели, как великий народ, став хозяином своей судьбы, восстановил порядок в то время, когда рушились все власти...

— Граждане, неужели вам пужна была революция без революции? Откуда это стремление к травле, с которым пришли, если можно так выразиться, ревизовать революцию, разбившую ваши оковы? Как можно достоверно судить о последствиях, которые могут повлечь за собой эти великие потрясения? Кто может точно указать, где должен остановиться поток народного восстания после того, как события развернулись?

Из Мехрабадского аэропорта, неизвестно как вместившего миллионное человеческое море, в сторону кладбища мучеников Бехеште-Захра плыло ритмичное скандирование: «Аллах велик! Шах ушел, имам пришел». Аятолла Рухолла Мусави Хомейни впервые за 15 лет ступил на иранскую землю, и восторги встречающих достигли апогея.

Женщины пели: «Пусть каждая капля мученической крови обратится в тюльпаны...» Хомейни проводили в зал для почетных гостей. Вездесущие фоторепортеры успели запечатлеть и такое: в то время как Язди и Готбзаде сопровождали аятоллу при ярком свете юпитеров телевизионных камер, Банисадр проталкивал тележку с его багажом через боковой выход.

От Мехрабада до Бехеште-Захра кортеж пробирался сквозь густые толпы, сдерживаемые тремя рядами молодых людей из 50 тысяч добровольцев, прошедших проверку на лояльность у духовенства. Через три с половиной часа наконец удалось достичь места назначения. У ворот кладбища сотни тысяч ревностных поклонников окружили кортеж, а некоторые даже вскарабкались на машину, в которой находился имам. В конце концов Хомейни пришлось пересесть в вертолет, доставивший его на участок № 17 Бехеште-Захра, — именно в семнадцатый день иранского месяца шахривар минувшей осенью произошла кровавая расправа, получившая название «черной пятницы».

Здесь Хомейни выступил со своей первой по прибытии в Иран программной речью. Выразив соболезнование семьям погибших, чье горе, как он сказал, возложило на его плечи ощущение невыносимой тяжести, заявил, что шах, разрушив все, построил для народа большие красивые кладбища. Но целью аятоллы было отнюдь не ритуальное оплакивание погибших. В свойственной ему простой и доходчивой манере он объявил незаконными и беглого шаха, и его правительство, и его парламент, пообещал «заткнуть рот» им и создать новое правительство при поддержке народа. Призвав продолжать борьбу до полного свержения старой власти, он сказал и о предстоящем в будущем созыве путем всенародного голосования «настоящего Учредительного собрания». Далее Хомейни призвал вооруженные силы «прийти в объятия народа», который, по его словам, хотел сохранить армию, но народную, а не шахскую.

Когда аятолла закончил речь, толпы вновь сомкнулись вокруг него и не давали пройти к вертолету. В конце концов Хомейни посадили в карету скорой помощи, в которой он и покинул кладбище. Эти восторги были ему наградой за целую жизнь, прожитую в благочестии, и за непоколебимую оппозицию тирании.

Народ выражал Хомейни свою решительную и безоговорочную поддержку не только не прекращавшимися ни на один день забастовками, митингами и демонстрациями,

стычками с силами безопасности и армией, но и массовыми манифестациями у его резиденции в просторном здании духовного училища на улице Иран в юго-восточной части Тегерана. Толпы часами ждали появления у окна своего имама, чтобы прикоснуться страждущими и алчущими губами к его холеной руке и тем самым почувствовать тепло и свет далекого от них всевышнего. «Нет бога, кроме Аллаха!», «Аллах велик!» — скандировали люди вслед за своим имамом.

Аятолла не спешил объявить правительству Бахтияра «священную войну» — джихад. В ходе организованной на следующий день, 2 февраля, пресс-конференции, выдержанной в более умеренном тоне, чем речь на кладбище, он сказал, что хочет урегулировать вопрос, пользуясь «ненасильственными средствами». Это, однако, не означало его согласия на какое-либо компромиссное решение. Это было требование мирной передачи власти. Вместе с тем Хомейни объявил, что если Бахтияр покинет свой пост, то готов принять его. Некоторые почувствовали в этих словах намек на такую возможность: при условии добровольной отставки Бахтияр мог вновь стать премьер-министром, но уже по поручению Хомейни.

Бахтияр, организовавший в тот день свою пресс-конференцию, тоже категорически заявил о нежелании идти на компромисс — ни с шахом, ни с Хомейни. Он выразил готовность встретиться с аятоллой при условии признания им законности его, Бахтияра, правительства. На следующей пресс-конференции он требовал разъяснений относительно содержания понятия «исламская республика» и говорил, что не допустит замены диктатуры шаха диктатурой духовенства. Бахтияр, кажется, искренне верил в возможность, опираясь на шахский аппарат подавления, обеспечить мирный переход страны к либеральной демократии и политическому плюрализму.

Непримиримость сторон привела к возникновению классического двоевластия. Его элементы зародились еще несколько недель назад в лице местных «исламских революционных комитетов» со штаб-квартирами в мечетях. Но они не поднялись до необходимого уровня централизации путем развития инициативы «снизу». С возвращением же Хомейни действительно появился второй центр власти — Штаб имама, или, как его называли в народе, Комитет Хомейни. Сразу же начались оживленные консультации с Базарганом, который еще со времени прихода к власти правительства Бахтияра старался наладить контакты

между ним, армией и Хомейни в целях разрешения кризиса мирным путем.

5 февраля Хомейни представил журналистам Мехди Базаргана в качестве премьера Временного революционного правительства. Охарактеризовав его как благочестивого и преданного шариату человека, способного на своем посту содействовать созданию исламской республики, аятолла призвал народ подчиняться новому правительству, противодействие которому объявил равнозначным противодействию исламу. Одновременно Хомейни вновь потребовал от Бахтияра уйти в отставку, дав при этом понять, что оценит его «благоразумие». Назвать имена членов назначенного им ранее Исламского революционного совета аятолла отказался.

Тактика Хомейни теперь преследовала цель: лишить кабинет Бахтияра реальной власти и обеспечить единовластие своему правительству. Политический курс оставался прежним — мирный путь развития революции, с тем чтобы добиться такого решения вопроса о власти, который привел бы к созданию исламской республики. Остались прежними и движущие мотивы: избежать вооруженной конфронтации народа с армией и возможного в этих условиях усиления левых организаций. Новый премьер спустя несколько часов после своего назначения сделал неофициальное заявление о том, что работе его правительства препятствуют главным образом армия и «крайние левые».

И действительно, благодаря деятельности левых сил народное движение грозило выйти из-под контроля духовенства. Федаины в своих прокламациях призывали рабочих объединиться в масштабе всей страны и сформировать из числа представителей забастовочных комитетов и новых профсоюзов подлинный Революционный совет, способный начать строительство основ свободного, демократического общества. Одновременно и федаины и моджахедины выступали с призывами к вооруженной борьбе. Сами рабочие не только продолжали наращивать, расширять свои политические и социальные требования, причем все чаще выдвигались лозунги самоуправления и рабочего контроля, равенства и даже рабочего правительства, но пытались самостоятельно осуществить их в рамках отдельных предприятий. Делались шаги с целью создания конфедерации трудящихся Ирана. В эти дни резко возросла популярность таких деятелей духовенства, как аятолла Талегани. Он открыто высказался за исламский строй, основанный на демократии и свободе, против тео-

кратического характера нового режима, за предоставление левым силам, в том числе и коммунистам, возможности свободной деятельности.

Бахтияр же, надеявшийся на поддержку армии, отчаянно цеплялся за власть. В одном из интервью он заявил, что, невзирая на неблагоприятное для него соотношение сил, не признает за Хомейни права назначать премьер-министра, и пообещал провести «после восстановления порядка» свободные демократические выборы. «Моя сила,— подчеркнул Бахтияр,— это мое прошлое патриота и мои демократические убеждения. Я свободен и независим, чего не может сказать о себе Базарган... Мы не заменим выдохшуюся диктатуру диктатурой полнокровной». Назвав Хомейни «ограниченным и невежественным человеком», придерживающимся «ретроградных взглядов», Бахтияр сказал, что его пафос — «это пафос отрицания, пафос разрушения», что многие слои населения, и особенно интеллигенция, сейчас не осмеливаются высказываться, но скоро «у людей откроются глаза».

В результате Штаб имама усилил давление на Бахтияра. По призыву Хомейни многие члены созданного шахом до отъезда из Ирана регентского совета и депутаты меджлиса (парламента) один за другим выходили в отставку. Сотрудники ряда министерств и государственных учреждений заявили о признании премьер-министром Базаргана, под контроль которого уже 7 февраля была передана государственная казна. Демонстрации и митинги приняли такие масштабы, что Бахтияру пришлось на вертолете добираться до меджлиса, утвердившего 5 февраля его законопроекты о роспуске САВАК и привлечении к суду бывших шахских премьеров и министров. Этим решениям никто в стране не придавал значения.

План Хомейни, предусматривавший мирное отстранение правительства Бахтияра от власти путем усиления всенародного давления на него и дальнейшего разложения шахских вооруженных сил, казалось, был близок к осуществлению. В антиправительственных демонстрациях впервые участвовали военнослужащие, главным образом технические работники военно-воздушных сил — хомафары. 8 февраля большая группа хомафаров перед резиденцией Хомейни и в его присутствии приняла резолюцию, где выражала верность исламу и пророку, клялась «защищать исламскую революцию до последней капли крови».

Одновременно активизировались переговоры эмиссаров Базаргана и Бахтияра с участием в той или иной форме

представителей вооруженных сил. 9 февраля на митинге на территории Тегеранского университета Базарган, так и не приступивший к формированию кабинета, предложил Бахтияру пост министра при условии отказа от притязаний на власть. При этом он подчеркнул, что новая республика должна быть «исламской и демократической». Еще до этого Бахтияр соглашался реорганизовать свой кабинет и включить в него Базаргана.

Однако революционный народ нарушил планы верхушечных комбинаций. Вечером 9 февраля, когда Базарган держал речь на митинге, в столице произошли события, положившие начало вооруженному восстанию. Поводом послужило нападение шахской гвардии «бессмертных» на военно-воздушную базу в тегеранском районе Фарахабаде. В случае успеха оно могло стать прологом военного переворота. С полудня 10 февраля на стороне хомаяфов выступили фedaины, а затем моджахедины, небольшие вооруженные группы членов Народной партии и других революционных организаций. Утром 11 февраля восстание охватило все население, которое разбирало оружие в арсеналах, казармах и полицейских участках. Восставшие захватили главные управления полиции и жандармерии, штаб-квартиру САВАК, тюрьмы, здания межлиса, радио и телевидения, шахские дворцы. Положение в городе полностью вышло из-под контроля религиозного руководства, которое даже в это время — вечером 10 февраля и утром 11 февраля — продолжало переговоры с Бахтияром и военным командованием. В 14 часов 11 февраля Высший военный совет заявил о своем нейтралитете в отношении политических событий и отдал приказ всем войскам вернуться в казармы. По существу, это была капитуляция шахских вооруженных сил, последние очаги сопротивления которых подавили к утру 12 февраля.

События 9—12 февраля в Тегеране, взорвавшемся в те дни, словно пороховой котел, были, по всеобщему признанию, одним из крупных восстаний. Из огромной массы сообщений особый интерес представляют, разумеется, свидетельства участников событий. Им — слово.

Юная иранка рассказывала спустя два месяца:

— В самый разгар восстания, когда происходили бои между частями шахской армии и народом, повсюду сновали микроавтобусы из Комитета Хомейни. Находившиеся там люди кричали в мегафоны: «Имам еще не призвал к джихаду, расходитесь по домам». После продления военным командованием (10 февраля в 16 часов 30 минут) ко-

мендантского часа появились плакаты: имам объявил недействительным комендантский час; никто не должен уходить домой; все должны оставаться на улице. Наконец религиозное руководство присоединилось к движению масс. Всюду — баррикады, вооруженные люди, одни обучают других обращаться с оружием. Комитет Хомейни тоже начал раздавать оружие тем, кто предъявлял удостоверения о прохождении военной службы.

На этом рассказ обрывается. Дополним его: вскоре духовенство стало выдавать оружие только по справкам мечетей о благонадежности. Почти одновременно тегеранское радио известило об открытии пунктов сдачи оружия, которое было выдано по распоряжению имама только на время и теперь подлежит возврату.

На пресс-конференции в Тегеране, состоявшейся через несколько дней после победы восстания, двое руководителей фedaинов сообщили:

— Вооруженное выступление и штурмы воинских частей были предприняты без какого-либо приказа религиозных лидеров. Они, наоборот, всячески старались избежать столкновений народа с армией. Утром 10 февраля организация фedaинов проводила мирную демонстрацию. Услышав разнесшуюся по городу весть об осаде шахской гвардией в Фарахабаде восставших авиатехников, демонстранты с оружием в руках бросились им на выручку — начался штурм гарнизонов и собственно само восстание.

А вот интервью студента — члена «исламского революционного комитета»:

— Мы узнали, что 9 февраля на военно-воздушной базе в Фарахабаде демонстрировался кинофильм. Когда на экране появились кадры о приезде Хомейни, зрители стали бурно выражать свое ликование. И среди них — большая часть рядовых военно-воздушных сил. Военный губернатор ввел на территорию базы «бессмертную гвардию» шаха. И персонал военно-воздушных сил, приняв бой, взялся за оружие. Гвардейцы кричали: «Говори: «Да здравствует шах» — и сдавайся!» Но солдаты отвечали: «Смерть шаху!» — и продолжали борьбу. Они вскоре получили поддержку со стороны фedaинов, вооруженных групп Туде и моджахединов, бросившихся к базе с кличем: «Убивают наших братьев». Рядовые военно-воздушных сил и вооруженные революционные силы отбили атаку гвардейцев и освободили казармы. 10 февраля в 16.30 был продлен комендантский час. В ответ народ вышел на улицы. Всюду проходили демонстрации, на перекрестках

воздвигались баррикады. Лозунгом было: мы должны вооружаться, ведь это — единственная возможность покончить с шахским режимом. Некоторые верующие предостерегали, что следует подождать, пока Хомейни призовет к «священной войне». Мы думали: сколько же человек из наших рядов еще нужно бросить в пасть смерти? Мы непременно должны перейти от обороны к наступлению. Но требовалось единство. Поэтому мы пошли в мечеть — там мулла держал речь. Он сказал, чтобы мы еще подождали. Тогда мы призывали к осторожности и, хотя всю ночь провели на улице, в наступление так и не пошли. Потом поступили вести из других частей города о том, что там подобное же положение... Господствовало революционное настроение.

Главной задачей «исламских революционных комитетов» был арест видных военных и политических деятелей старого режима, которых доставляли прямо в Штаб имама. (Бахтияру удалось скрыться и затем тайно покинуть Иран с помощью своего друга, близкого к Базаргану и западной разведке. В одном из интервью Базарган отрицал распространявшиеся в те дни слухи, будто он прячет Бахтияра, но при этом добавил: «Если бы он попросил меня об этом, я бы его принял».)

Вслед за Тегераном вооруженные восстания охватили и большинство провинциальных центров, где они вспыхнули тоже в основном без ведома, участия и руководства религиозных лидеров. Революция совершала триумфальное шествие по стране.

Западные наблюдатели тогда подсчитали, что революция победила всего лишь через 13 месяцев после первых революционных выступлений, менее чем через месяц после отъезда из страны шаха и по истечении 12 дней после возвращения Хомейни из ссылки.

Революционный Иран имел другой счет: сверх павших ранее десятков тысяч людей с начала восстания вечером 9 февраля и до его победы утром 12 февраля в Тегеране было убито 654 человека и 2703 ранены; в провинциях погибли 310 человек. Общий итог убитых — 964. Среди них 14 саваковцев и, судя по всему, ни одного представителя духовенства. 12 февраля, по сообщениям иранской прессы, в провинциях погибло не менее тысячи человек. Немало было жертв и в последующие дни. Только в Тебризе они составили почти тысячу.

Поздравляя 13 февраля иранский народ с торжеством «исламско-гуманистической революции», Хомейни охарак-

теризовал ее как «большую победу с малыми потерями». Он словно чувствовал, что в дальнейшем их будет неизмеримо больше.

Оказавшись на несколько дней отстраненным от руководства революционным движением, духовенство сделало все, чтобы восстановить свой контроль над ним. 11, 12, 13 февраля и в последующие несколько дней Хомейни выступил с серией речей, в которых варьировались одни и те же мысли и призывы. Главное теперь, говорил он, навести порядок. Народ должен как можно скорее покинуть улицы и пойти в мечети, где ученые улемы и почтенные проповедники будут наставлять его на путь благонравия и спасения душ, отвращать от смуты и вредных действий, противоречащих шариату. Оружие, которое попало в руки народа, следует сдавать в мечети; туда же надлежит доносить о тех, кто не сделает этого; носить оружие разрешается только «воинам ислама». Ответственными за поддержание порядка должны быть исламские комитеты под контролем улемов. Необходимо воздерживаться от демонстраций, беспорядков, насилий, поджогов и вообще от нанесения ущерба министерствам, государственным учреждениям и банкам, от мятежей и, не приведи Аллах, нападений на места, где пребывает власть — полиция, жандармерия и армия, ибо они уже полностью перешли на сторону революции и стали приверженцами ислама, и, следовательно, действия против них будут означать измену исламу и стране. Важнейшая задача отныне — сохранить и защитить единство, которое возможно только на почве ислама. Свободу деятельности получают те партии и организации, которые не связаны с иностранными державами.

В свою очередь Базарган уже вечером 11 февраля начал устанавливать контроль над важнейшими органами управления. На следующий день премьер объявил о первых и наиболее важных назначениях в правительстве, назвав трех своих заместителей: Ибрагим Язди (по делам революции), Аббас Амир-Энтезам (по административным вопросам и официальный представитель правительства), Хашем Саббагиан (по вопросам передачи власти). Последние двое, подобно Язди, были известны как деятели из ближайшего окружения Хомейни. 13 февраля получил пост директора-распорядителя национального радио и телевидения, один из ключевых в правительственном и государственном аппарате, Садек Готбзаде, сразу же после приезда в Иран объявивший себя «защитником босоногих». Тогда же Исламскому революционному совету бы-

ла представлена группа министров Временного правительства (сформирование кабинета закончилось лишь 23 февраля). Среди них находились два руководящих члена Национального фронта — Карим Санджаби (министр иностранных дел) и Дариуш Форухар (министр труда и социальных дел). Они вошли в правительство фактически на внепартийной основе. Западная печать характеризовала новый кабинет как «консервативный», «умеренный», «центристский», «ни политически радикальный, ни религиозно-экстремистский».

Другим важным мероприятием стало предотвращение дальнейшего развала вооруженных сил и органов безопасности. Уже 12 февраля были назначены начальник генерального штаба вооруженных сил и начальник полиции, а 13 февраля — командующий жандармерией. Все эти посты заняли лица, в той или иной мере сотрудничавшие с шахским режимом. 15 февраля Хомейни призвал солдат, примкнувших в дни восстания к народу, вернуться в казармы, ибо служба в исламской армии — священный долг мусульманина. В тот же день новый начальник генштаба вооруженных сил генерал Мохаммед Вали Гарани обещал, что за всеми служащими в армии, полиции и жандармерии, которые приступят к выполнению своих обязанностей, сохранят их должности. Тегеранская радиостанция призвала технических работников военной авиации возобновить работу.

Одновременно новый режим сразу же приступил к расправе с бывшим шахским генералитетом и другими приспешниками монарха. Уже 16 февраля только что созданный при штаб-квартире Хомейни Чрезвычайный исламский революционный трибунал приговорил к смертной казни четырех генералов, в том числе бывшего начальника САВАК Н. Насири и командующего воздушно-десантными войсками М. Хосроудада, обвиненных в массовых убийствах и пытках. Приговор сразу же привели в исполнение. Вслед за этим та же участь постигла почти два десятка других военных и политических деятелей, ответственных за репрессии и коррупцию в годы правления шаха. Несколько позже был составлен список около 16 тысяч сановников, которым запретили выезд из страны.

Подобные меры, имевшие целью ликвидацию реальной и потенциальной контрреволюции, новые власти и в дальнейшем сочетали с прощением и использованием сотрудничавших с монархическим режимом деятелей, которые по тем или иным причинам в последние годы находились в

опале. Это полностью соответствовало установлениям Корана: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых... Это — облегчение от господа вашего и милость... Для вас в возмездии — жизнь, о обладающие разумом!.. а если кто совершит несправедливость, а потом заменит добром после зла,— то ведь Я — прощающий, милосердный!»

В мировой демократической печати высказывались сомнения в пользу скоротечного и обставленного секретностью правосудия, поскольку публичные процессы позволили бы пролить свет на преступления монархии. Некоторые органы западной печати связывали поспешные казни со стремлением властей «успокоить левых партизан, которые еще не почувствовали своей революции», «показать крайне левым силам, что старый режим не получит снисхождения».

Каковы бы ни были мотивы этих действий властей, первый день победы февральского вооруженного восстания стал последним днем того относительного единства, которое существовало в рядах политической оппозиции в период антишахских революционных выступлений с января 1978 г. по февраль 1979 г.

Наступили дни жарких споров о республиканском будущем Ирана. Одни считали первоочередной задачей упразднение капитализма, другие — его развитие на новой основе; кто-то ратовал за установление демократии и плюрализма, кто-то — теократии и тоталитаризма; для кого-то революция была социально-экономической, для иных — политической или идеологической; одни подходили к ней как к антиимпериалистической и, естественно, светской, другие — как к антизападной и религиозной. Большинство же населения, политическое сознание которого пробудилось лишь в ходе революционного взрыва, стремилось действовать в соответствии с желанием аятоллы Хомейни.

На смену прежней революционной эйфории, питавшейся единодушным стремлением уничтожить ненавистный шахский режим, пришла эйфория ожиданий, слагавшаяся, однако, из разнородных и подчас противоречащих друг другу стремлений. Левые организации пытались сохранить достигнутое ранее единство народа на базе защиты и упрочения революционных завоеваний, совпадающих ближайших требований всех социально-политических сил.

Народная партия Ирана (НПИ), все еще находившаяся на нелегальном положении, в обращении от 12 февраля приветствовала революционную деятельность аятоллы

Хомейни. Призывая к осуществлению прогрессивных целей революции, в частности к окончательной победе над деспотическим режимом, наймиты которого затаились и плетут новые заговоры, партия предупреждала: «Будьте бдительны: раненая змея стала еще опасней».

В своих заявлениях и письмах фedaины, моджахедины, а также другие левые и демократические организации призывали не сдавать властям оружия до полной победы народа. Разоружение одних народных отрядов и раздача оружия другим, противопоставление исламских группировок левым силам, говорилось в этих документах, ведут к расколу единого революционного фронта, к ослаблению демократического движения в целом. Штабы фedaинов и моджахединов в Тегеранском университете продолжали военную подготовку юношей и девушек. Категорически отказываясь сдать оружие, фedaины и моджахедины не ставили под сомнение авторитет и религиозные полномочия аятоллы Хомейни.

В либеральной печати, в частности в газете «Аяндеган», ежедневно публиковались письма, авторы которых высказывали недовольство назначениями на руководящие посты в армии и силах безопасности генералов и офицеров, запятнавших себя службой шаху и преступлениями против народа. Власти критиковались также за стремление подменить реорганизацию армии заменой нескольких генералов и офицеров, за нежелание провести такую коренную перестройку вооруженных сил, которая сделала бы их подлинно народными.

14 февраля Хомейни выступил с новым заявлением, являвшимся, по существу, ответом левым и либеральным силам. Раскол в рядах революционных борцов, утверждал он, может лишить народ надежды на окончательную победу. «Сторонников фракционерства» аятолла объявил иностранными агентами и заговорщиками, ставящими своей целью саботировать революцию. Все иранцы должны организованно приступить к упорному труду с целью восстановления страны, с 17 февраля прекратить все забастовки. С подобным призывом выступил и Исламский революционный совет.

Таким образом, 17 февраля должно было стать показателем способности духовенства повести массы за собой. Накануне, 16 февраля, на улицы Тегерана вышли тысячи демонстрантов, преимущественно студенты, учащиеся, интеллигенция, протестуя против назначения прислужников старого режима на высшие посты в армии. Фактически это

*В мастерской
ремесленника.*

*На Исфганском
металлургическом
заводе, построенном
с помощью СССР.*

Антишахская демонстрация
женщин.

Массовая народная
демонстрация 7 сентября.

Шахские каратели.

Фотография жертвы
шахской охраны
САВАК.

*Свидетельство преступлений
САВАК и США.*

*Армия переходит
на сторону народа.*

*Вертолет с Хомейни
на кладбище мучеников.*

*На площади у мечети
обсуждают политические
проблемы.*

*Молодежь протестует
против введения
чадры (1979 г.).*

Митинг в Тегеране.

было первое массовое движение против политики новых властей. Митинги и демонстрации устраивали и военно-служащие, требовавшие чистки высшего офицерского состава от лиц, активно участвовавших в борьбе с народным движением. Рядовые военно-воздушных сил, хомафары и младшие офицеры, сыгравшие немалую роль в восстании, резко критиковали новые назначения и требовали права самим выбирать командиров.

Властям пришлось срочно заменить генералов, назначенных шефами полиции и жандармерии, никому не известными полковниками. Канцелярия Хомейни вынуждена была выступить с разъяснением, что назначения были произведены сразу же после победы революции с целью помешать действиям некоторых антинародных элементов и не являлись окончательными; начальник генштаба генерал Гарани был представлен как давний противник шаха, заключавшийся им в тюрьму по обвинению в подготовке переворота. Одновременно генштаб издал приказ о расформировании всех гвардейских частей, в том числе шахской гвардии «бессмертных», и включении их личного состава в пехотные части. Правительство объявило о намерении сформировать национальную гвардию из революционных сил.

Вместе с тем Временное революционное правительство постановило конфисковать все имущество династии, большая часть которого была сосредоточена в «благотворительном» Фонде Пехлеви и оценивалась по приблизительным подсчетам в 22 млрд. долларов (в виде капиталовложений в более чем 200 фирмах, банках, гостиницах, казино, промышленных, горнодобывающих, сельскохозяйственных, торговых и строительных предприятиях). На повестке дня стоял и вопрос о конфискации капиталовложений шахской семьи за границей, составлявших примерно такую же сумму. Правительство приказало провести строгий учет имущества арестованных деятелей шахского режима, обвиняемых в коррупции и злоупотреблении служебным положением. Ведущие религиозные деятели, в частности аятолла Хосейн Монтазери, в своих выступлениях обрисовывали в общих чертах будущую социально-экономическую систему иранского общества (основанную на «исламских законах, а не на коммунистическом или капиталистическом принципах»). Ее создание предполагало ликвидацию монополий, сохранение в ограниченных размерах частной собственности и дальнейшее расширение государственного сектора. Но еще долгое время прави-

тельство концентрировало свои усилия на укреплении старого управленческого аппарата путем бесконечных назначений и перемещений тех или иных руководителей и должностных лиц.

Главной же целью в политической области оставалась институционализация идеи исламской республики. Уже через несколько дней после победы восстания было объявлено о проведении в течение одного-двух месяцев референдума по этому вопросу, хотя ранее Хомейни считал, что таковой уже состоялся в ходе стотысячных и даже миллионных демонстраций. Таким образом, установленный аятоллой Хомейни срок восстановления «порядка» должен был стать пробным камнем и в деле проверки отношения широких масс к предлагаемому им новому государственному строю.

В назначенный день — 17 февраля — в стране начала восстанавливаться деловая жизнь. Открывались министерства, учреждения, предприятия, магазины и базары. На многие заводы и фабрики, на нефтепромыслы возвращались рабочие. Учебные заведения приступили к подготовке приема учащихся и возобновлению занятий. Возобновились приостановленные в дни восстания приказом правительства внутренние рейсы национальной авиакомпании. На улицах появлялись полицейские-регулирующие. По положению в столице и других городах теперь контролировали не феодалы и моджахеды, как в первые дни после восстания, а вооруженные отряды «исламских революционных комитетов». На призывы Хомейни сдать оружие откликнулась, по некоторым подсчетам, примерно треть тех, кто обзавелся им в ходе восстания.

Характерной чертой общественной жизни была дальнейшая дифференциация политических сил, участвовавших в антишахской борьбе. Различные организации выдвигали собственные программы нового государственного устройства, политических и социально-экономических преобразований (к 17 февраля некоторые уже были декларированы властями).

В своих заявлениях, распространенных 13—14 февраля за рубежом, Народная партия Ирана подчеркивала необходимость гарантии новым правительством полной свободы для всех политических организаций без какой бы то ни было дискриминации. Партия требовала высылки из страны всех американских специалистов, аннулирования военных соглашений с США, проведения политики неприсоединения, предания суду шаха, его семьи и ближайших

помощников, снятия с административных постов последней прошлого режима, роспуска шахской гвардии. В послании ЦК НПИ всем борцам за свободу и независимость Ирана, опубликованном 15 февраля, в качестве первоочередной задачи называлось достижение единства и сплоченности всех политических сил страны, организованности всех вооруженных отрядов народа как главное условие срыва заговоров империализма и обеспечения правительству возможности осуществить чаяния народа и выполнить то, что намечено аятоллой Хомейни. 16 февраля ЦК НПИ распространил обращение «Ко всем бастующим патриотам и всем профсоюзам рабочих и служащих Ирана». В нем подчеркивалась поддержка партией призыва Хомейни возобновить с 17 февраля работу и выражалось пожелание, чтобы правительство как можно скорее удовлетворило требования трудящихся. Вместе с тем партия вновь предупреждала о возможности заговоров империализма и реакции, призывала продолжать борьбу до полной и окончательной победы и предостерегала против разногласий и попыток «монополизировать революционное движение».

14 февраля была опубликована Программа-минимум организации фedaинов. Предлагаемые ею срочные меры включали полное расформирование шахской армии и замену ее народной армией. Выдвигалось требование, чтобы высший орган власти — Революционный совет не назначался «сверху», а был образован из представителей возникших на местах стачечных и других народных организаций, из числа рабочих, крестьян, служащих, торговцев, ремесленников, преподавателей, студентов, интеллигенции и, наконец, духовенства. Этот орган власти, по мнению фedaинов, должен ликвидировать господство империализма во всех областях жизни, национализировать капиталы иностранцев, династии Пехлеви и их сообщников, учредить открытые народные суды для разбора дел деятелей прежнего режима, отменить шахские антирабочие и антидемократические законы, способствовать созданию рабочих советов взамен старых профсоюзов, передать в ведение рабочих комитетов предприятия, вернуть крестьянам отнятые земли и вообще осуществить подлинно демократическую земельную реформу, провести в жизнь демократические свободы, в том числе в вопросах равноправия женщин и национальных меньшинств. Конечной целью провозглашались установление полновластия народа и ликвидация капитализма. В других своих документах фedaины тоже исходили из того, что революция еще

не закончилась и должна продолжаться до тех пор, пока Иран не станет государством трудящихся. Аграрная программа организации была дополнена и такими требованиями, как передача всей земли крестьянам, бесплатное снабжение их электроэнергией и водой, предоставление беспроцентных займов.

19 февраля Национальный фронт (НФ) опубликовал Программу срочного перехода власти к народу, рассчитанную на период деятельности Временного правительства. В каждом территориальном округе предлагалось сформировать коллективные органы власти на базе профессиональных комитетов — торговцев, ремесленников, преподавателей, студентов, работников культуры, служащих и промышленных рабочих, которые направили бы по одному представителю во временные Советы. Духовенству предусматривалось дать по пять мест.

Различные течения Национального фронта выдвигали собственные требования. Наиболее радикально настроенная часть членов НФ высказывалась за включение в правительство — наряду с базаргановским Движением за свободу Ирана и Национальным фронтом — членов организаций моджахединов и фedaинов, Совета университетских работников, Союза писателей и др. Обращалось внимание на недопустимость затягивания революционных преобразований в экономической сфере.

Взгляды умеренно-либеральной части Национального фронта выразил один из его основателей, соратник Мосаддыка — Али Шайеган, возвратившийся в Иран после 20-летней эмиграции. 25 февраля он выступил с заявлением о том, что страна не может вернуться в «первый век ислама» и должна стать современным государством. В этой связи он призвал учредить открытые суды (в отличие от тайных исламских трибуналов), установить парламентскую форму правления и правительственную систему по типу западногерманской, шахскую армию заменить демократической национальной гвардией. Спустя два дня Шайеган потребовал свободы слова и действия для всех политических и даже полувоенных организаций, «за исключением действующих в интересах иностранных держав, которые должны быть полностью запрещены». Он не скрыл, что имел в виду Народную партию Ирана.

Свои программные требования излагали и другие политические группы, общественные и профессиональные организации, во множестве возникшие в стране после победы восстания. Но не все организации ограничивались

публикацией заявлений. Так, фedaины, чтобы непосредственно довести свою программу до сведения властей, призывали тегеранцев принять участие в марше к резиденции Хомейни 22 февраля. Однако демонстрацию запретили власти.

За два дня до намеченного марша было опубликовано «Предупреждение имама» — послание народу, в котором подобного рода действия квалифицировались как заговор против «исламской революции». Хомейни требовал, чтобы верные ему силы во взаимодействии с войсками взяли под охрану Тегеран и ключевые объекты города для недопущения подрывной деятельности «антиисламских и антигуманных элементов». «Я не потерплю действий этих контрреволюционных элементов, — говорилось в послании. — Все слои населения, как бы они ни назывались, могут продолжать свою деятельность только под знаменем ислама, в противном случае их деятельность будет рассматриваться как восстание против исламской революционной власти».

23 февраля одна из каирских газет опубликовала интервью Хомейни ее корреспонденту, данное еще 5 января. Он тогда сказал: «Ислам и марксизм противоречат друг другу, и когда мы говорим «марксизм», мы не подразумеваем ислам... Демонстрации, охватившие Иран, осуществлялись не от имени марксизма. Все они говорят от имени ислама и требуют исламского режима. В этом вопросе мы не допустим никаких отклонений».

Не считая возможным входить в прямую конфронтацию с поддерживаемыми народом силами Хомейни, фedaины отказались от марша, но 23 февраля организовали на территории Тегеранского университета митинг. Несмотря на проливной дождь, пришли почти 100 тысяч человек. Фedaины огласили свои требования и зачитали письма, полученные от рабочих и крестьян из разных районов и призывавшие к радикальным изменениям в стране. Некоторые из них просили Хомейни ответить на вопрос, имеются ли в Исламском революционном совете рабочие-нефтяники, члены профсоюзов, служащие, солдаты и партизаны. Фedaины высказывали свое уважение Хомейни, который, однако, как подчеркивалось, оказался изолированным от народа своими советниками. Во время митинга произошло столкновение между сторонниками Хомейни и фedaинов.

На следующий день в столице состоялся митинг моджахединов, тоже требовавших роспуска старой армии и создания рабочего самоуправления на предприятиях.

Некоторые ораторы выступили и против деятельности тайных трибуналов. Западные органы массовой информации расценили митинг моджахединов, воздерживавшихся от резкой критики деятельности властей, как опасный сдвиг организации влево.

Власти не замедлили воспользоваться этими событиями для нападков на некоторые левые силы. В интервью американскому еженедельнику «Ньюсуик» Базарган заявил: «По существующему закону деятельность Туде запрещена, и мы будем следовать этому закону». Имелись в виду законоположения шахского режима. Эту фразу многие иранские газеты вынесли в заголовки своих сообщений об интервью Базаргана.

Разделяй и властвуй! В том же интервью Базарган осторожно высказался за возможность открытой деятельности организации фedaинов в рамках «лояльной оппозиции». Однако в прокатившейся по стране волне арестов среди левых кругов не делалось особых различий между отдельными группировками. Более того, членам таких полувоенизированных организаций, как фedaины, подчас оказывалось даже «предпочтение». А спустя несколько дней после публикации упомянутого интервью Базарган заявил, что члены НПИ не будут «пасынками революции» и что эта партия получит такие же права, как и другие политические организации.

Была сделана попытка ослабить деятельность левых сил в рабочих массах. 25 февраля на митинге в Тегеране министр труда и социальных дел Форухар сказал, что правительство будет советоваться с рабочими при составлении новых законов о производственных отношениях. Вместе с тем он предупредил, «что студенты и интеллигенты не имеют никакого права давать вам советы и не должны проникать на заводы и фабрики. Иначе нам будет очень трудно препятствовать другим группам вмешиваться в дела рабочих».

Сочетание обещаний и завуалированных угроз было пока первым ответом на активизацию рабочих комитетов, возникших еще до восстания на большинстве крупных предприятий как органы руководства забастовками и теперь приступивших в явочном порядке к установлению рабочего контроля и даже самоуправления. Эта революционная самодеятельность не встречала одобрения религиозных деятелей, вмешивавшихся в дела рабочих и их профсоюзных организаций. В результате уже в первые дни после восстания ряд руководителей забастовочного коми-

тета рабочих-нефтяников, сыгравших решающую роль в удушении шахского режима, отказались от своих постов.

Об уровне классового сознания и политических требованиях передовой части рабочих-нефтяников свидетельствует следующее заявление одного из членов рабочего комитета на нефтепромыслах Абадана:

— Мы не считаем, что цели революции полностью достигнуты. Завершена лишь первая ее стадия. В частности, правительство имеет временный характер, и оно еще не сообщило о своей политике в области распределения доходов и прав рабочих. Если в стране сохранится старый общественный порядок, дело дойдет до тяжелых столкновений.

Для утвердившихся у государственной власти религиозных кругов важнейшее значение приобрела проблема более широкой, выходящей за рамки мечетей политической организации их рядов. Создание такой организации велось в тесной связи с нанесением ударов по левым силам. Во второй половине февраля находившийся в Тегеране американский правозащитник Ральф Шонман, бывший в свое время генеральным секретарем международного суда по расследованию преступлений США во Вьетнаме, огласил на пресс-конференции записанную на магнитофонную пленку беседу с главным военным советником Хомейни. Тогда начальник оперативного штаба полковник Насратолла Тавакколи, принявший Шонмана за агента ЦРУ, заявил о необходимости физического уничтожения до «полумиллиона агитаторов-коммунистов». Это разоблачение вызвало большой резонанс в стране. Полковник, подавший в отставку, опроверг заявление Шонмана, назвав его заговором ЦРУ против иранской революции. Круги, близкие к Хомейни, поддержали Тавакколи, и вскоре американца выслали.

20 февраля в Тегеране было объявлено о создании Исламской республиканской партии. Ее основателями были религиозные деятели (в том числе Мохаммед Бехешти, Али Акбар Хашеми-Рафсанджани и Али Хосейни-Хаме-неи), тесно связанные с Исламским революционным советом и лично с Хомейни. Как и большинство других политических организаций, новая партия не имела ни четко оформленной организационной структуры, ни первичных организаций, ни устава, ни программы, ни членских билетов, а взносы были добровольными пожертвованиями. Запись в партию проводилась через местные бюро на основе доверия населения к группе ее основателей, которые

в своей декларации провозгласили важнейшей целью организации неуклонное следование линии имама и «объединение разрозненных сил мусульманского народа — главной движущей силы революции». Вербовка членов проводилась преимущественно среди религиозных фанатиков из обездоленных слоев населения — пауперов, люмпенов и тех отвергнутых городом сельских мигрантов, которые получили пристанище и помощь в мечетях. Партия, как свидетельствовало ее название, стремилась утвердиться в качестве единственной реальной политической силы в стране. Один из ее лозунгов воспроизводил слова из Корана о том, что есть лишь «одна партия — партия Аллаха».

Через несколько дней было объявлено о рождении другой партии под идейным руководством религиозных деятелей — Исламско-республиканской партии мусульманского народа Ирана. Базируясь в основном в Иранском Азербайджане и привлекая в правление преимущественно светских деятелей, она избрала в качестве своего идейного знамени поддержку линии аятоллы Шариат-Мадади.

Почти одновременное создание двух исламских политических партий свидетельствовало не только о наличии серьезных разногласий в религиозном руководстве, но и о неизбежности открытого проявления их в ближайшем будущем.

Положение усугубляли все чаще выплескивавшиеся наружу противоречия в высших правительственных сферах — между кабинетом Базаргана, с каждым днем все больше ощущавшего сковывающий его контроль со стороны религиозного руководства, и окружением Хомейни, явно не желавшего наделять правительство сколько-нибудь реальными полномочиями.

Итак, сложившаяся в первые дни после победы восстания структура политической власти выглядела следующим образом. На самом верху государственной пирамиды находился аятолла Хомейни, пользовавшийся широчайшими, никем и ничем не ограниченными полномочиями. Его распоряжения не подлежали ни обсуждению, ни тем более утверждению. Высшим органом государственной власти считался тайный Исламский революционный совет (ИРС), состоявший в основном из религиозных деятелей и в свою очередь игравший консультативную роль при Хомейни. ИРС утверждал все решения, законопроекты и предложения светского кабинета министров. Под его же руководством действовал Временный комитет исламской революции (парод по-прежнему называл его Комитетом Хомейни) —

своеобразное параллельное правительство, многочисленные комиссии которого не только контролировали, но подчас и дублировали деятельность министерств кабинета Базаргана. Исламскому революционному совету подчинялись также Чрезвычайный исламский революционный трибунал с разветвленной сетью исламских судов и Центральный исламский революционный комитет, созданный в качестве главного штаба множества местных «революционных комитетов», которые имели собственные вооруженные отряды и самочинно отправляли судебную и гражданскую власть на местах.

Правительство Базаргана и религиозные власти проявляли полнейшее единство в главном вопросе — восстановлении старой армии и органов безопасности как орудий стабилизации общего положения. Вынужденный в первые дни под напором «снизу» замедлить процесс воссоздания вооруженных сил, премьер уже с конца февраля в своих регулярных обращениях к народу по радио и телевидению доказывал необходимость сохранения боеспособности армии. На ее обучение и оснащение, заявлял он, истрачены миллиарды долларов и поэтому никакая «народная гвардия» или нечто подобное не смогут сразу заменить вооруженные силы.

Правительство и религиозные власти совместно принимали меры, чтобы создать видимость демократизации вооруженных сил. К концу февраля их реорганизация в основном свелась к увольнению более 250 генералов, казни 8 генералов и аресту нескольких десятков высших офицеров. «Обезглавливание вооруженных сил, которые оказались лишенными старших офицеров,— писала «Вашингтон пост»,— стало результатом не столько революционного акта лагеря Хомейни, сколько реалистической оценки того факта, что рядовые и младший командный состав отвергают руководство шахских генералов». Остальные изменения состояли в отмене набора призывников на текущий год и лишении офицеров служебных автомашин, пилотов и денщиков. Вместе с тем армия, полиция и жандармерия незаметно возобновляли свою деятельность, в частности помогая вооруженным формированиям комитетов обеспечивать безопасность в некоторых общественных местах.

Камнем преткновения в отношениях между правительством Базаргана и религиозными властями была бесконтрольная работа многочисленных «революционных комитетов». Премьер отмечал, что в прошлом они сыграли весьма

положительную роль, по теперь их действия стали двусмысленны: с одной стороны, комитеты охраняют жилые районы и важнейшие объекты, регулируют уличное движение, разрешают вопросы снабжения, а с другой — мешают правительству выполнять свои функции, производят незаконные аресты, не допускают в учреждения вновь назначенных руководителей, саботируют распоряжения властей и т. п., прикрываясь именем имама Хомейни и революции. Поддерживаемое комитетами «состояние войны», говорил Базарган, неприемлемо для подавляющего большинства иранцев, которые хотят жить в мире и не желают превращения своей страны во «второй Бейрут». Премьер настаивал на их роспуске, поскольку функции комитетов исчерпаны в связи с переходом от «революционного периода» к «этапу хозяйственного строительства». Когда же не удалось добиться этого, он стал требовать подчинения их центральной власти.

Однако члены комитетов, рассматривая свои организации как местные органы власти, гарантирующие дальнейшее развитие революции, отнюдь не собирались передавать свои функции старым институтам, восстановить которые стремился Базарган. В этой связи показателен такой факт: левые силы, не считавшие еще возможным дать всестороннюю оценку деятельности комитетов, высказывали мнение, что в их среде имеются антикапиталистически настроенные элементы.

Другой причиной расхождений между правительством Базаргана и религиозными властями была деятельность «исламских революционных трибуналов». В интервью западной прессе премьер говорил, что казни чинились за его спиной, а узнавал о них только из газет. Выступая по иранскому радио и телевидению, он делал упор на то, что возражает не против самих казней, а против процедуры вынесения смертных приговоров, поскольку закрытые суды с неизвестным составом трибунала, без присяжных и защитников причиняют огромный вред революции, чернят ее высокую мораль и ставят действия новых судебных органов на одну доску с шахскими беззакониями. С течением времени Базарган стал подчеркивать, что нельзя революцию превращать «в сплошную месть», хотя наказывать преступников следует по всей строгости законов. В данном случае премьер имел в виду многочисленные «чистки», производимые в учреждениях, на фабриках и заводах без ведома правительства. В этой связи он призывал народ во имя нормальной деятельности новых властей к «понима-

нию и прощению» тех чиновников и служащих, которые в свое время заблуждались или проявили слабость.

Отношения правящего духовенства с правительством Базаргана определялись не только их стремлением свести к минимуму реальную власть гражданского кабинета министров, но — в ряде случаев — и неспособностью поставить под полный контроль свою пока единственную организованную опору — многочисленные комитеты с их вооруженными формированиями. Хотя штаб-квартирами большинства комитетов были мечети, их подчинение центру и созданному «сверху» Центральному исламскому революционному комитету было чисто номинальным. Сотрудничая с муллами, придерживавшимися разных политических взглядов, и располагая финансовыми средствами и оружием, приобретенным на собственные деньги, комитеты фактически были самостоятельны.

Углубились разногласия между Хомейни и Базарганом относительно формы правления в стране. В соответствии со своими общими мировоззренческими позициями, сочетавшими либеральные взгляды с исламскими, Базарган выступал за создание «демократической исламской» или «исламской демократической республики». Для Хомейни же был неприемлем сам термин «демократическая», с которым у него ассоциировались представления о западных системах правления. По его настоянию еще в первые дни после восстания было решено поставить на референдуме перед населением один вопрос: «Хотите ли Вы вместо монархии исламскую республику?»

Левые и многие либеральные круги резче, чем Базарган, отреагировали на это. По их мнению, постановка такого вопроса лишала народ выбора и предусматривала учреждение исламской республики в условиях, когда еще не была разработана конституция и население, следовательно, не могло иметь реального представления об основах нового строя. Расчет властей строился на безоговорочном доверии, оказываемом большинством населения Хомейни. Заместитель премьера Язди прямо заявил: будущее Ирана ясно и без референдума.

Отрицательную позицию занял и аятолла Шариат-Мадари. Он предложил по-другому сформулировать вопрос: «Какой государственный строй Вы хотели бы для Ирана?» Большинство религиозных деятелей отвергло это предложение. Так, аятолла Монтазери заявил, что исламский характер республики предопределен той всеобщей поддержкой, которую народ выразил лозунгам духовенства во время

революционных выступлений, и поэтому законы новой республики вполне можно выработать после референдума.

В конце февраля была названа точная дата референдума — 30 марта. При этом представитель правительства заявил, что проект конституции якобы уже подготовлен и вручен Хомейни. В печати даже появилось несколько выдержек из «предварительного проекта». Участие в референдуме было объявлено добровольным, но на избирательном бюллетене должны быть указаны имя и фамилия голосующего, номер паспорта и место жительства. Голосовать могли граждане с 16-летнего (а не 18-летнего, как при прежнем избирательном законе) возраста, включая военнослужащих, женщин, представителей религиозных и национальных меньшинств.

Проблемы положения национальных меньшинств тоже становились одним из важнейших и постоянных факторов внутривнутриполитической жизни Ирана. Составляя около половины населения страны, они не признавались шахским режимом в качестве самостоятельных народностей и причислялись к «иранцам» вообще. Показательно, что точная численность курдов, одного из наиболее крупных национальных меньшинств страны, была неизвестна, а оценки колебались в пределах от 2 до 7 млн. человек. Приняв активное участие в антимонархическом движении, меньшинства надеялись при республиканском режиме добиться прав на автономию.

Уже в 20-х числах февраля из районов проживания национальных меньшинств (особенно из Курдистана) в центр стали поступать сообщения о столкновениях местного населения с властями вплоть до уличных боев, в результате которых были многочисленные жертвы. В курдские районы были почти одновременно направлены две делегации — от правительства (во главе с министром труда и социальных дел Форухаром, курдом по национальности) и от аятоллы Хомейни (во главе с курдом Мохаммедом Мокри). Религиозный деятель шейх Эзеддин Хосейни и руководители ряда политических организаций Курдистана отвергли обвинения в организации столкновений в районе и прямо поставили вопрос о национальной автономии в рамках демократического и независимого Ирана. Центральные власти заявили о необходимости отложить его рассмотрение до созыва нового парламента. 28 февраля в курдском городе Мариване состоялись демонстрации в поддержку требования автономии, в ходе которых группа неизвестных лиц спровоцировала стычки.

Таким образом, спустя неделю-другую после победы восстания уже четко выявились основные линии политического размежевания в рядах ранее относительно единой антишахской оппозиции. Если в общем балансе социально-классовых сил намечался огромный перевес в пользу религиозного руководства, то среди политических организаций произошло настолько глубокое размежевание, что исключалась возможность каких-либо организационных союзов даже между группировками, имеющими сходные программные установки. Единственно, что еще до некоторой степени объединяло различные группы, — это антиимпериализм и его живое воплощение — аятолла Хомейни, чей авторитет открыто фактически никем не оспаривался. Относительное согласие в рядах бывшей антишахской оппозиции проявлялось только в соответствующих вопросах внешней политики.

Последняя приобретала исключительно важное значение, и не только для развития внутривнутриполитической ситуации в Иране, но и для международной жизни вообще. И друзья и недруги иранской революции с интересом ждали, какой внешнеполитический курс изберет страна, экономика которой в результате деятельности шахского режима была теснейшим образом связана с интересами могущественных транснациональных корпораций, а политика — с военно-стратегическими планами империализма.

В этой связи важную проблему отношений Ирана с Западом составляла судьба американских тайных постов электронного шпионажа за территорией СССР, расположенных вдоль ирано-советской границы, и многомиллиардных контрактов на поставки вооружения и строительство крупных экономических объектов, заключенных шахским режимом. Отказавшись от роли полицейского подручного США и младшего экономического партнера Запада, новый режим сразу же принял решение ликвидировать американские шпионские посты и «заморозил» выполнение всех контрактов с западными фирмами. Возможные финансовые убытки их зарубежная печать оценивала примерно в 80 млрд. долларов — небывалая в истории мирного времени экономическая катастрофа.

Однако для глубокого интегрированного в систему мирового капиталистического хозяйства Ирана денонсация экономических контрактов оказалась далеко не простым делом. И не только из-за необходимости выплаты миллионных финансовых неустоек, но и из-за неизбежного

роста и без того огромной безработицы. Кабинет Базаргана, ссылаясь на свой временный статус, предпочитал уклоняться от каких-либо конкретных решений из опасений быть обвиненным либо в сохранении позиций иностранного капитала, либо в содействии росту безработицы. Многие иностранные компании отзывали свои представительства вплоть до «прояснения обстановки». Оставшимся в стране фирмам правительство предлагало подписывать документы об отказе от неустоек и вообще от претензий в связи с революционными событиями. Как правило, оно получало отказ. Ржавеющее на сотнях заброшенных строек дорогостоящее оборудование и торчавшие над ним, точно вороны пугала, бездействующие краны были как немой укор столь же смелым, сколь и наивным амбициям свергнутого шаха — совершить «прыжок через столетия».

По существу, никто в Иране не сожалел о разбившихся хрустальных мечтах монарха, когда правительство через несколько месяцев все же расторгло контракты на строительство атомных электростанций, суперавтострад, метро и некоторых других крупных проектов, на поставки ультрасовременных видов вооружений и военной техники на общую сумму около 38 млрд. долларов. Но среди интеллигенции многие опасались, как бы вслед за ХХI, ядерным веком, так и не наступившим для страны, не было отдано прошлому то, что в ней уже было от нынешнего, ХХ в. Определенную гарантию против этого некоторые видели в возобновившихся поставках нефти западным странам.

Аннулировав договор с Международным нефтяным консорциумом, через который реализовывалась большая часть нефти, правительство получило возможность самостоятельно выходить на мировой рынок. Экспорт осуществлялся как путем прямых торгов на рынке наличного расчета, так и на базе долгосрочных контрактов, причем объем сбыта по первому каналу постоянно рос в ущерб второму. Новая нефтяная политика Ирана была основана на сокращении добычи (поначалу на одну треть) при одновременном увеличении цеп более чем на 50% (в том числе и в рамках согласованной политики Организации стран — экспортеров нефти). Это позволяло предотвратить преждевременное истощение запасов главного естественного богатства Ирана и несколько увеличить доходы от его экспорта по сравнению с прежним уровнем.

Общий же курс в отношении империалистических держав был направлен не на радикальное переустройство сло-

жившихся ранее экономических и политических связей, а на их реформирование в сторону «равноправия». Новая политика, базировавшаяся на лозунге Хомейни «Не Западу, не Востоку, а исламу», некоторыми официальными лицами квалифицировалась как «негативное равновесие», а иностранные наблюдатели отмечали в ней элементы «блестящей изоляции».

Важнейшим внешнеполитическим актом после победы революции явился выход Ирана из СЕНТО, после чего блок окончательно распался. В нотах его участникам — Великобритании, Турции и Пакистану — эта акция мотивировалась переходом страны к новому курсу в международных отношениях, основанному на «подлинном неприсоединении». Поначалу иранское правительство не предполагало вступать в движение неприсоединения. Сдвиг в его «особой позиции» наметился только после многократных усилий Иосипа Броз Тито и руководства Шри Ланки, выполнявшего тогда обязанности председателя движения. Перед иранской делегацией на Гаванской конференции Хомейни поставил задачи удержать неприсоединившиеся страны от уклонов «вправо или влево», предотвратить проникновение великих держав в движение и использовать конференцию с целью ознакомить мир с идеями «исламской революции».

Позицию Ирана в отношении империализма можно проиллюстрировать двумя, казалось бы, взаимоисключающими оценками западной печати. Английская «Дейли телеграф» назвала приход к власти Хомейни таким «сокрушительным ударом по Западу», подобного которому на Ближнем и Среднем Востоке не было со времен Суэцкого кризиса 1956 г. «Политическое значение этих событий, — отмечала газета, — заключается в том, что страна, имеющая огромное значение по своему стратегическому положению и природным ресурсам, превратилась из бастиона западного влияния в ничейную землю на границах Советского Союза». А французская «Эко» констатировала: «Опасения, что Иран перейдет в антизападный лагерь, постепенно исчезают. Хомейни наводит мосты с Западом».

Один из аспектов внешнеполитической деятельности Ирана составляли ирано-советские отношения.

Сразу же после победы февральского вооруженного восстания в Тегеране Советское правительство заявило о признании Временного правительства и выразило готовность поддерживать и развивать отношения на основе

принципов равенства, добрососедства, уважения национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Многие члены иранского правительства и религиозные деятели неоднократно высказывались в пользу развития и углубления контактов с СССР. Первым главой иностранного дипломатического представительства в Тегеране, принятым аятоллой Хомейни, был советский посол В. Виноградов. После этой встречи был назначен в Москву новый посол М. Мокри, который доставил личное послание Хомейни главе Советского государства и был принят кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецовым.

Однако главный упор руководство Ирана делало на культурные связи с южными республиками Советского Союза. На международном исламском симпозиуме осенью 1979 г. в Душанбе иранская делегация признала, что советские мусульмане пользуются большими свободами в отправлении религиозных обрядов. Вместе с тем было выражено недовольство тем, что они придают первостепенное значение удовлетворению не религиозно-духовных, а материальных потребностей, а ислам не является социальным, политическим и культурным базисом в жизни советской мусульманской общины. Некоторые иранские деятели утверждали, будто свободу в отправлении религиозных обрядов советские мусульмане получили благодаря «исламской революции» в Иране.

Не способствовали развитию двусторонних отношений и клеветнические вымыслы официальных лиц и органов массовой информации о «провоцировании» Советским Союзом «беспорядков» в Курдистане, туркменских районах, Белуджистане, чтобы проложить себе путь к «теплым морям». Эти измышления были настолько абсурдны, что М. Мокри и религиозные деятели, связанные с делами национальных меньшинств, были вынуждены опровергать их.

Что касается торгово-экономических отношений с СССР, то иранские руководители уже с февраля начали ставить под сомнение их выгодность. Появились измышления о том, что Советский Союз якобы «обманывает» Иран в отношении цен на поставляемый ему природный газ, хотя до заключения соответствующих соглашений он просто сжигался в факелах. С течением времени поставки газа в СССР прекратились; Иран отказался от предумыш-

тренного соглашениями строительства второй линии газопровода.

Делались попытки очернить и другие виды экономического и технического сотрудничества с нашей страной. В частности, появились заявления об убыточности построенного с советской помощью Исфаганского металлургического комбината. Прогрессивная общественность, в том числе Совет рабочих металлургической компании Ирана, протестовала против таких утверждений и на основе фактов и цифр доказывала их несостоятельность. Вскоре и сами руководители иранского правительства вынуждены были признать, что причиной неудовлетворительной работы комбината были раздутые примерно в два раза штаты и неэкономичная система управления. Однако позитивных сдвигов в ирано-советских отношениях так и не произошло.

Контакты с другими социалистическими странами тоже не отличались особой активностью. Единственной важной акцией было восстановление разорванных шахом дипломатических отношений с Кубой. На это Иран пошел в августе 1979 г., накануне конференции неприсоединившихся стран в Гаване, по инициативе кубинского правительства.

Ограниченность политических и экономических контактов как с социалистическими, так и капиталистическими государствами обуславливалась самим характером внешнеполитической концепции иранского руководства. В основе ее лежал курс на обеспечение «исламской солидарности», противостоящей двум «сверхдержавам». Более того, Хомейни и другие религиозные руководители Ирана не раз выступали с призывом к объединению всех мусульманских стран во имя создания «великого исламского государства». Такое государство, руководствующееся принципом «единства ислама» и лозунгом «нет бога, кроме Аллаха», по словам Хомейни, превзошло бы по силе великие державы, поскольку наряду с богатыми природными ресурсами оно обладало бы и несокрушимой силой духа благодаря вере в Аллаха и его посланника. Высказывалось мнение, что иранская революция не является национальной, поскольку ислам не признает географических границ, разделяющих мусульманский мир. Отсюда выводилась и такая цель революции, как повсеместное распространение исламской веры. Эту мысль особенно развивали аятолла Монтазери и некоторые светские деятели иранского правительства.

Внешнеполитические связи с большинством стран Азии, Африки и Латинской Америки новый Иран строил в соответствии с принципом «исламского гуманизма», исходя из которого определялись враги, друзья и союзники «исламской революции».

Иран объявил о прекращении политических и экономических связей с расистскими режимами юга Африки и Израилем, сотрудников различных представительств которого выдворил из страны. Правда, в отношении ЮАР, где иранское правительство имело долю в нефтеперерабатывающей компании, это решение не выполнялось столь строго. Выражая поддержку антиимпериалистическим освободительным движениям, Иран объявил о солидарности с борющимся населением Зимбабве, признал революционное правительство Никарагуа и Народную Республику Ангола. Определенное развитие получили контакты с Индией.

Но особую активность Иран проявлял в отношениях с мусульманскими странами и движениями. Критерием выбора союзников было не только противодействие экономическому, политическому и прежде всего духовному проникновению империализма, но и их «революционно-исламская сущность».

Первый после победы восстания официальный визит нанесла в Иран делегация Палестинского движения сопротивления во главе с руководством Исполкома Организации освобождения Палестины (ООП). Широкие массы оказали ей восторженный прием, вылившийся в бурную демонстрацию поддержки антиимпериалистической и антисионистской борьбы арабского народа Палестины. Руководителей делегации принял Хомейни, который чуть ли не впервые позволил себе улыбнуться на публике. 19 февраля в торжественной обстановке был поднят флаг ООП над зданием бывшего израильского представительства в Тегеране. В новое представительство сразу же стали поступать тысячи заявлений иранцев о добровольном вступлении в ряды борющихся палестинцев. По некоторым сообщениям западной печати, руководящие круги Ирана стремились использовать визит делегации в целях воздействия на те иранские левые группы, члены которых в свое время прошли боевую подготовку в палестинских лагерях и сохраняли связь с ООП. В свою очередь эти группы надеялись, что делегация окажет влияние на власти.

Иранцы в дальнейшем неизменно выражали глубокую солидарность со справедливой борьбой арабского народа

Палестины и его единственным законным представителем — ООП. В стране состоялись бурные демонстрации протеста против заключения под эгидой США сепаратной камп-дэвидской сделки между Египтом и Израилем. Хомейни осудил этот шаг тогдашнего президента АРЕ Анвара Садата, «друга бывшего шаха», как предательство ислама, мусульман и братских арабских народов. В заявлении министерства иностранных дел подчеркивалась решимость всеми средствами поддерживать борьбу против сионистской агрессии, за восстановление прав народа Палестины.

Выражения солидарности с ООП сочетались с «особой позицией» в отношении садатовского Египта. В первом программном заявлении МИД говорилось, что Иран не будет принадлежать ни к «лагерю отказа», ни к «лагерю одобрения», ни к «лагерю молчания». Позже Хомейни лично, без предварительной консультации с правительством, принял решение порвать дипломатические отношения с Египтом. Но надежды некоторых кругов арабского освободительного движения на то, что Иран вступит в ряды антиегипетского Национального фронта стойкости и противодействия, охватывавшего ряд прогрессивных арабских режимов Северной Африки и Ближнего Востока, а также ООП, не оправдались. Правительство проводило различия между осуждением египетско-израильского договора и применением к АРЕ экономических санкций, что, по словам его представителей, вытекало «непосредственно из нашей исламской идеологии».

Из этой же позиции исходили иранские власти и в своих последующих отношениях с ООП. И Хомейни, и Базарган расценивали деятельность Палестинского движения сопротивления как «борьбу против восточных и западных властолюбцев и международного сионизма». В свою очередь деятели ООП не раз высказывались в том смысле, что при опоре на социалистический лагерь Иран мог бы более эффективно бороться с американским империализмом.

Другими ближайшими союзниками новое руководство с самого начала объявило Сирию и Ливию. Но в этом вопросе тоже придерживалось «особой позиции».

На встрече с министром иностранных дел Сирии Абдель Халимом Хаддамом, вручившим Хомейни послание президента Хафеза Асада, лидер иранской революции выразил недоумение по поводу того, что арабские страны до сих пор не достигли единства взглядов и не срываю

иностранных происков против их объединения. Подчеркнув необходимость «решительных действий братьев по исламу против врагов их религии», Хомейни предложил ежегодно отмечать День Иерусалима. Сирийский министр поблагодарил за эту инициативу и выразил надежду, что иранская революция будет способствовать заполнению вакуума, созданного отказом Египта от конфронтации с Израилем.

Во время встречи Хомейни с делегацией Ливии во главе с майором Абдель Саламом Джеллудом, который вручил ему послание лидера ливийской революции полковника Муамара Каддафи, двусторонние отношения рассматривались как стратегические, поскольку обе страны совершили революции, «основанные на укреплении ислама». Однако восстановление прерванных при шахском режиме дипломатических отношений с Ливией было отложено до выяснения обстоятельств таинственного исчезновения лидера ливанских шиитов (иранца по национальности) Мусы Садра. По сведениям иранских властей, это произошло осенью 1978 г. на территории Ливии. Правда, в заявлении МИД Ирана говорилось о сохранении прямых контактов с Ливией на самом высоком уровне и координировании политики двух стран на Ближнем Востоке. Только в мае 1980 г. Исламский революционный совет принял решение об обмене послами с Ливией.

Новый Иран не однозначно относился к различным оппозиционным движениям, делегации которых посещали Тегеран в поисках поддержки. Так, сахарский националистический фронт ПОЛИСАРИО и Народный фронт освобождения Омана поначалу не были признаны в качестве отрядов национально-освободительного движения. Вместе с тем своей важной задачей иранские власти объявили поддержку антиправительственных мусульманских движений на Филиппинах.

Отношения Ирана с его непосредственными мусульманскими соседями отличались неровным, а подчас и враждебным характером.

Довольно натянутые отношения сложились у Ирана с Исламской Республикой Пакистан. Хотя власти Пакистана активно внедряли в общественную жизнь страны нормы ислама в интересах буржуазно-помещичьих кругов, иранское руководство выражало недовольство притеснением ими местной шиитской общины и их тесными связями с США. В телеграмме президенту Зия-уль-Хаку Хомейни выразил стремление к установлению тесных связей между

двумя странами на основе «великой исламской солидарности, которая превосходит другие соображения».

С аналогичной меркой иранские власти пытались подойти и к такому официально светскому государству, как Турция. Во время визита ее делегации во главе с министром иностранных дел Г. Окчуном Хомейни заявил: «Деспотические правительства должны сделать вывод из иранской революции... Я надеюсь, что другие страны присоединятся к международному исламскому восстанию». Турецкий министр приветствовал иранскую революцию, которая, по его словам, могла быть названа историками «революцией века». Позже премьер-министр Бюлент Эджевит в одном из интервью сказал, что иранские события не коснутся непосредственно Турции, где «на протяжении 50 лет существует жизнестойкое светское государство».

Революционная борьба соседнего афганского народа против внутренней и внешней реакции не подпадала под критерии «исламского гуманизма», выработанные иранскими властями. Высылка значительной части афганских рабочих и сокращение дипломатических связей с ДРА сочетались с попустительством деятельности контрреволюционных афганских организаций, окопавшихся на территории Ирана и действовавших под ширмой исламских лозунгов. Вместе с тем правительство объясняло «невысокий уровень» связей с этими организациями и оказываемой им материальной помощи наличием в их рядах промонархистских и проимпериалистических элементов.

Напряженными и даже враждебными были отношения с Ираком. Это являлось результатом неурегулированности давних пограничных споров и особенно взаимных подозрений в поддержке и поощрении антиправительственных выступлений национальных меньшинств на территории каждой из сторон. Политические трения между Ираном и Ираком, где шиитская община составляет около 60% населения, имели и религиозную подоплеку. Тегеран обвинял Багдад в притеснении шиитов из боязни распространения на Ирак «исламской революции»; в ответ раздавались обвинения Ирана в следовании экспансионистской политике шахского режима. Пограничные инциденты и демонстрации у посольств постоянно сопровождались «словесной войной» в печати. Стороны стремились уличить друг друга в попытках играть роль «жандарма» в районе Персидского залива.

Проблемы Персидского залива занимали одно из центральных мест во внешнеполитической деятельности Ирана.

Правительство объявило об отказе от роли «жандарма» империализма в заливе и вскоре вывело из Омана экспедиционный корпус, посланный шахом в начале 70-х годов на помощь султану Кабусу бен Саиду для борьбы с революционно-демократическим движением, возглавляемым Народным фронтом освобождения Омана. Вместе с тем султана заверили в том, что республиканский Иран не будет поддерживать партизан, следующих «марксистской ориентации».

Внешнеполитическая концепция относительно Персидского залива базировалась на «особой ответственности Ирана, являющегося центральным государством этого района, в деле защиты его безопасности». В этой связи резко критиковалось стремление США и других западных держав наращивать свою военную мощь в этом регионе путем сотрудничества с Оманом. Объявляя Иран главной силой по обеспечению безопасности залива, власти вменяли в обязанность другим государствам региона следование принципам «исламской революции» в Иране.

Многие иранские религиозные руководители нередко выступали с требованием присоединения к Ирану Бахрейнских островов, независимость которых была признана ООН еще в 1970 г., и с призывами к народам княжеств Персидского залива восстать против своих правителей и уготовить им судьбу иранского шаха. Требования экспорта «исламской революции» (и не только в страны Персидского залива и Ближнего Востока) некоторые религиозные деятели оправдывали тем, что принцип невмешательства в дела других государств является колониалистским и не соответствует концепции «исламской справедливости». Подобные призывы и заявления, естественно, вызывали острые кризисы в отношениях со странами Персидского залива. Из Кувейта, Бахрейна, Объединенных Арабских Эмиратов был выслан целый ряд шиитских руководителей, связанных с Ираном.

Большой резонанс в странах Персидского залива вызывали и периодически вспыхивавшие в Иране на этой почве публичные споры между представителями духовенства и правительства. Некоторые члены кабинета министров утверждали, что выступления религиозных деятелей отражают лишь их личное мнение, а не официальную позицию Ирана. Но последние в свою очередь постоянно одергивали правительственных деятелей, отрицая за ними какое-либо право осуждать точку зрения духовенства, получившего свои посты от Аллаха и пророка и выполняющего по-

рученную ему свыше миссию. В конечном счете спорящие стороны часто сходились на том, что главный упор следует делать не на военные, а на идеологические аспекты экспорта «исламской революции».

Многие иностранные наблюдатели в Иране пришли к такому выводу относительно цели этих споров. Искусственное раздувание внешних конфликтов с помощью «словесных битв», считали они, было тактикой бегства от огромных экономических трудностей, отвлечения масс от социальных и национальных проблем и разжигания в них энтузиазма в отношении главного для пришедшего к власти духовенства вопроса — институционализации идеи исламской республики.

Этот вопрос и в самом деле был центральным в политике правящего духовенства и лично Хомейни. Руководить процессом институционализации идеи исламской республики лидер революции решил из священного Кума, куда он в конце февраля собрался переехать на постоянное жительство.

Месяц второй

«ДА» ИЛИ «НЕТ»
ИСЛАМСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ?

«Суверенитет нации», «гражданское и политическое равенство» Робеспьер считал основами основ человеческого общества:

— Разве слова «республика» или «монархия» заключают в себе решение великой социальной проблемы?.. Все политические конституции составляются для народа; все те, в которых он ни во что не ценится, суть не что иное, как преступления против человечества!

— Имя республики само по себе недостаточно, чтобы утвердить царство свободы... Низвергнуть трон еще недостаточно: важно суметь воздвигнуть на его обломках священное равенство и неотъемлемые права человека.

Маленький, 300-тысячный Кум, заповедник мусульманского, шиитского Ирана, обойденный промышленным развитием и почти недоступный современным веяниям, расположился всего в 150 километрах к югу от 5-миллионного, проникнутого западным влиянием и космополитичного Тегерана. В городе 500 мечетей (что ни шаг, то бирюзово-мозаичные купола и зелено-синие минареты) и самые крупные в стране духовные семинарии. Там получило образование большинство религиозных деятелей Ирана. Многие из них и сейчас обитают на его узеньких и кривых улочках, в серых и невзрачных на вид домишках.

В этом центре религиозной пылкости и воинствующей ортодоксии, аскетизма и благочестия вполне мог бы жить после своего возвращения на землю 12-й имам Махди. В стране не найти более подходящего и достойного места. Половина городской жизни вращается вокруг духовных школ и великой мечети с ее золоченым куполом, другая — сконцентрирована вокруг базара, образцовой модели общества, где деловые отношения основаны на добрососедских чувствах, взаимном доверии и — главное — глубоком уважении к исламу. Никакого насилия над людьми: каждый правоверный может самостоятельно стать последователем того или иного аятоллы и именно ему платить предписанные шариатом налоги. Весь порядок держится на честном слове, а самые почитаемые и авторитетные жители — люди в тюрбанах. Ни одна женщина не покажется без чадры, как правило, черного цвета.

Здесь живут три аятоллы, имеющие титул «великий», — Шахабеддин Мараши-Наджафи, Мохаммед Реза Гольпаегани и первый среди равных Мохаммед Казем Шариат-Мадари. У каждого свои представители и последователи во всех провинциях и районах страны.

С 10 эсфанда 1357 г. (1 марта 1979 г.) здесь поселился и имам Рухолла Мусави Хомейни. А как же иначе? Ведь он провел в этом городе большую часть своей жизни. В Иране знают, что, получив впервые сюда приглашение, он гадал на Коране, и священное писание предсказало ему быть похороненным в Куме. И уж если после 15-летнего изгнания суждено возвратиться в Иран, значит, божий перст призывает туда, где он должен дожить свои последние дни. В славный и досточтимый Кум, в глубину пыльного и узкого переулочка, в маленький полуторазтажный дом, в комнату, лишенную всякой мебели (лишь постель на полу и книги), которая станет и жилищем, и канцелярией. Сидя на ковре, имам будет принимать посетителей, в том числе официальные иностранные делегации. Окруженный ближайшими советниками, в основном родственниками — 88-летним старшим братом аятоллой Мортеза Пасандиде, единственным оставшимся в живых сыном — 46-летним священнослужителем Ахмедом, зятем аятоллой Шахабеддином Эшраги и другими. Жизнь в доме будет так же проста и скромна, как у пророка: первая молитва до рассвета, чтение Корана, скудный завтрак, работа, дневной сон и т. д. Не выставленная напоказ роскошь шахских дворцов, а благочестивый аскетизм духовной жизни,

не блеск приемов у «царя царей», а простота приемов у изгнанника в Нофль-ле-Шато.

Маленькому Куму — во имя вящей славы ислама — предстоит стать душой и сердцем Исламской Республики, ее подлинной столицей, местом пребывания фактического главы государства — в человеческом муравейнике Тегерана ему лучше блистать своим отсутствием. Отныне все дороги должны вести в Кум. Сюда каждый четверг будут ездить — не с помпезностью шахских чиновников, а просто, в маленьком автобусе, — премьер-министр с членами кабинета, а в остальные дни — другие официальные и неофициальные (но главные) лица. С робостью и надеждой докладывать о делах, с благоговейным почтением ждать немногословных руководящих указаний. Ибо «верующие — только те, которые уверовали в Аллаха и Его посланника. И когда они бывают вместе с ним в общем деле, то не уходят, пока не попросят у него позволения». Никаких протоколов, никаких досье. Имам не должен вступать в беседы: он только выносит решение, зачастую подменяя его притчей, дает указания общего характера, возлагая на исполнителей заботу трактовать их по своему разумению. И «не делайте обращения к посланнику среди вас таким же, как обращение вас друг к другу... Пусть берегутся те, которые нарушают Его приказ, чтобы их не постигло испытание или не постигло их наказание мучительное!»

Основные руководящие указания уже даны в серии речей, приуроченных к переселению в священный Кум: сохранение «исламского единства народа» во имя того, чтобы выкорчевать корни иностранного угнетения; отпор всем, кто стремится оторвать народ от религии и таким путем сеять внутри него раскол с целью восстановления иностранных влияний.

В этих речах, а также в других выступлениях и заявлениях отмечена и конкретная задача ближайшего месяца. Так, в одном из интервью сказано:

— Наш народ в подавляющем большинстве исламский. Он хочет придерживаться ислама, так как уважает исламскую справедливость. Мы стремимся к правильной государственной форме. Я лично придерживаюсь мнения, что наш народ уже неоднократно голосовал за исламскую республику. Но мы не хотим никому давать повод для протестов. Поэтому состоится свободный референдум, чтобы всему миру доказать, что наш народ свободно принял решение. И все же в его решении уже сегодня нет сомнения.

А раз результат референдума предрешен, то такое дело, как начало процесса исламизации страны, то есть возрождения норм шариата во всех областях общественного и семейного уклада граждан, не может и не должно быть связано с каким-то демократическим процессом, выдуман-ным людьми, и к тому же из немусульманского мира. На руинах насаждавшегося шахским режимом образа жизни, раболепно копировавшего западные порядки, уже восстанавливается исламский образ жизни, основанный на безоговорочном осуществлении зафиксированных в Коране норм. Не они ли составляют суть культурных традиций народа? «Аллах ведь не ведет прямо народ нечистивый!», и «да погибнет народ, который не верует!»

Коран категорически запрещает потребление любых алкогольных напитков, ибо «вино... — мерзость из деяния сатаны», а «сатана желает заронить среди вас вражду и ненависть вином». Нарушители этого запрета подвергаются суровым мерам воздействия, например публичной порке розгами на городских площадях. Телесные наказания широко применяются и за другие аморальные проступки. «Бойтесь же Аллаха, обладатели разума, — может быть, вы будете счастливы!.. И не приближайтесь к прелюбодеянию, ведь это — мерзость и плохая дорога... Прелюбодея и прелюбодейку — побивайте каждого из них сотней ударов. Пусть не овладевает вами жалость к ним в религии Аллаха... Ведь Аллах не устраивает дела распутных!»

Специальные декреты в данном случае не нужны, все совершенно точно и недвусмысленно оговорено в шариате: торговцу за обман клиента — 50—80 ударов плетью; за употребление спиртных напитков — 80 ударов; за прелюбодеяние — 100; за супружескую неверность жен — смертная казнь. И «революционные исламские комитеты», наставляемые улемами и муллами, уже претворяют в жизнь нормы шариата.

Борьба «с порчей» должна начинаться с детского возраста, и, следовательно, процессом исламизации в первую очередь необходимо охватить систему воспитания и образования. Центральный ревком уже завербовал многих учащихся в школах с целью выявления преподавателей-«контрреволюционеров», не проявляющих должную рьяность в отношении ислама, и тех школьников, кто находится под влиянием левых сил. Представители местных комитетов следят, чтобы в школах висели только портреты имама и учащиеся ежедневно перед занятиями обязатель-

но занимались чтением Корана. Со временем будет создана и новая, исламская учебная литература.

Особое внимание уделено радио и телевидению, где шах создал самое крупное «гнездо разврата». За один месяц после февральской победы из этих учреждений уволено 125 работников, прямо или косвенно служивших прошлому режиму. С экранов телевидения и кино исчезают западные фильмы и ревью. Их место на единственном оставшемся канале телевидения занимают священнослужители в турбанах, ведущие ученые дискуссии за круглым столом или же дающие интервью. Даже из мультипликационных фильмов и комедий Чарли Чаплина вырезаются сцены объятий и поцелуев. Запрещаются показы международных спортивных игр с участием женщин. Ни по радио, ни по телевидению уже почти нельзя услышать голос певицы. Единственная на телевидении женщина — диктор в детской передаче — появляется на экране изредка, да и то в платке и кофте-балахоне. «И скажи [женщинам] верующим: пусть они потупляют свои взоры, и берегут свои члены, и пусть не показывают своих украшений».

Положению женщин в семье и обществе Коран уделяет большое внимание. Обо всем сказано предельно ясно. Например: «Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах — и двух, и трех, и четырех». Впрочем, это — о мужчинах. А вот и о женщинах: «И пусть будут воздержаны те, которые не находят возможности брака».

Все дела, связанные с браком и разводом, переходят в исключительную юрисдикцию шариатских судов. Снижается минимальный возраст вступления в брак девушек — до 15, а иногда и до 13 лет. Вышедшим замуж запрещается посещать дневные школы и различные курсы. Вводится раздельное обучение мальчиков и девочек. Женщины лишаются права участвовать в спортивных мероприятиях. Неплохо было бы запретить им занимать должности адвокатов и особенно судей, но это будет сделано через несколько месяцев.

Коран предписывает и другие ограничительные меры. «Запрещена вам мертвечина, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото с призыванием не Аллаха». Еще до переезда в Кум имам заявил, что продавать и потреблять мороженое мясо грешно. Запасы импортируемой из Австралии и Новой Зеландии мороженой баранины на сумму почти 60 млн. долларов были свезены на свалку.

Человек, говорят враги имама, не может жить одной лишь верой. Будто не имам стремится к скорейшему соз-

данию «бесклассового исламского общества». Будто не имам еще до переезда в Кум распорядился о введении для «обездоленных» (мостазефинов) бесплатных коммунальных услуг, включая пользование водопроводом, электроэнергией и транспортом. Отдельные левые организации требовали проведения только некоторых из таких мероприятий для крестьян, а имам приказал осуществить сразу все, в чем нуждаются обездоленные слои населения. Пусть правительство изыщет на это необходимые финансовые средства — на то оно и создано...

Правительство в своей финансовой деятельности могло уповать только на поступления иностранной валюты. Благо нефти, этого, как говорили иранцы, благословения и проклятия страны, было еще предостаточно. Уже 5 марта Иранская национальная нефтяная компания (ИННК) возобновила экспорт. На торжественной церемонии, приуроченной ко дню памяти М. Мосаддыка (по-видимому, благодаря инициативе нового директора-распорядителя ИННК, деятеля промосаддыковской ориентации Хасана Назиха), были заполнены первые иностранные танкеры — из Японии, Нидерландов, США. Вскоре в казну потекли и доходы от нефти, позволившие продолжать почти в прежнем объеме импорт продовольствия, — вторая область хозяйственной деятельности, бурно развивавшаяся при общем спаде экономической активности.

Большинство отраслей промышленности были парализованными в результате многочисленных забастовок, утечки капиталов, нехватки сырья, отсутствия импортных деталей и запасных частей, бегства многих предпринимателей и технических специалистов за границу, выезда иностранных советников, дезорганизации государственной службы и банковской системы. К концу марта, по довольно оптимистическим оценкам членов кабинета, более 50% предприятий уже возобновили работу, но подавляющая их часть действовала в полсилы (а то и меньше). В то же время целые секторы экономики, в частности строительная промышленность, где до революции была занята почти одна восьмая самодеятельного населения, простаивали.

Тяжелое положение в народном хозяйстве находило отражение в более чем 30-процентной инфляции, росте цен, усилении спекуляции и сохранении коррупции в различных звеньях не затронутого еще революцией административного аппарата.

Все это с каждым днем все больше сказывалось на настроениях в стране. Обеспечив победу революции, народ-

ные массы не желали долго мириться с материальными тяготами. Но массовые выступления, хотя и принимали подчас широкий размах, не составляли оппозицию властям. Различные слои населения требовали лишь немедленного удовлетворения тех своих чаяний, которые связывали с народной революцией и которые, по их представлениям, уже получили отражение в лозунгах революционного руководства о «всеобщей исламской справедливости».

Многие из выдвигавшихся требований были обусловлены массовой безработицей, ставшей настоящим социальным бедствием и охватившей, по различным оценкам, от 30 до 40 и более процентов трудоспособного населения. Демонстрации и митинги безработных, сидячие забастовки у зданий министерств и ведомств, петиции и письма властям стали повседневным явлением. Наряду с рабочими выступали большие отряды служащих (и среди них — даже бывших саваковцев, добивавшихся реабилитации на том основании, что большинство из них были лишь мелкими клерками в огромном аппарате тайной полиции шаха).

Как и в период революционных боев, наибольшую политическую зрелость проявлял пролетариат, особенно нефтяники. На некоторых предприятиях, в том числе и нефтяной промышленности, отдельные отряды пролетариата не прекращали забастовок, начавшихся еще в период антишахской борьбы. Нефтяники добивались увольнения всех иностранных специалистов и признания за рабочими права участвовать в решении вопросов, связанных с выбором зарубежных покупателей нефти, установлением цен на нее, замещением руководящих должностей и т. д. В ряде случаев трудящиеся занимали помещения бездействующих фабрик и заводов, налаживали производство и не допускали к работе назначенных властями руководителей.

Требования пролетариата нашли отражение в изданной в начале марта листовке № 24 Всеобщего союза иранских рабочих, называвшего себя «высшим профсоюзным форумом, занимающимся строительством профсоюзов на центральном уровне». К их числу относились: повышение заработной платы соответственно росту затрат на воспроизводство рабочей силы, освобождение ее от налогообложения, полная оплата бюллетеней по болезни, бесплатная горячая пища, введение второго выходного дня, сокращение трудовой недели с 48 до 40 часов, увеличение ежегодного отпуска до месяца, снижение пенсионного возраста для тех, кто занят на тяжелых работах, бесплатное социальное обеспече-

ние, строительство квартир для рабочих, улучшение условий труда, техники безопасности, медицинского обслуживания и т. д. Наряду с материальными выдвигались и политические требования: признание рабочих советов с предоставлением им права контроля в вопросах капиталовложений, производства, сбыта и распределения продукции, найма и увольнения рабочей силы; недопущение вмешательства полиции и армии в дела рабочих; предоставление рабочим права на демонстрации и забастовки; ликвидация всех проявлений правопорядка, дававшего предпринимателям преимущества перед рабочими; подготовка и издание при участии рабочих нового закона о труде; увольнение с предприятий всех «марионеток режима» и иностранных специалистов; конфискация собственности иностранного капитала в пользу рабочих Ирана.

На отдельных предприятиях лозунги экономического характера сочетались с требованиями проведения коренных социально-экономических преобразований. Особенно передовые рабочие добивались участия в управлении производством. Активную поддержку им оказывали различные левые организации, выдвигавшие лозунги создания системы управления «снизу» — через выборные советы.

Власти Ирана категорически выступили не только против системы управления «снизу», но и самой идеи выборности руководителей и начальников на предприятиях и в учреждениях. Они соглашались лишь признать за рабочими право предлагать правительству на утверждение свои кандидатуры на «высокие посты». Вместе с тем речи и выступления представителей власти были пронизаны призывами к сотрудничеству народа с правительством и к поддержке его начинаний в восстановлении экономики, что Базарган мотивировал вступлением страны из «периода революционных разрушений» в «период созидания».

В своих регулярных телевизионных «беседах у камелька» премьер отечески внушал народу, что «неразумные» требования угрожают революционным завоеваниям, что за такой короткий срок трудно ожидать, чтобы «руины превратились в райский сад», тем более что критика действий новой власти зачастую имеет не конструктивный, а злопыхательский характер и превращается в «тормоз дела, в средство парализации и даже разрушения государства». В этой связи в интервью газете «Монд» Базарган критиковал левые силы, которые якобы «толкают нас на то, чтобы действовать очень быстро, а я не перестаю повторять: терпение, терпение и еще раз терпение...».

— Не по этой ли причине Вас упрекают в том, что Вы представляете реформистское правительство при революционной ситуации? — спросили премьера.

— Я не говорю, что нужно остановить революцию. Я говорю, что нужно направить ее по соответствующим каналам. Мы хотим ликвидировать старые структуры во всех областях — политической, экономической, культурной, юридической и т. д. Но мы хотим сделать это положительно и постепенно, — отвечал Базарган.

Для противодействия рабочим власти прибегали к самым различным мерам — от уговоров и лести до провокаций и угроз. Так, заместитель премьер-министра Язди, уговаривая в середине марта рабочих автосборочного предприятия «Иран-насьональ» возобновить работу и не требовать немедленного увольнения и наказания прежнего руководящего персонала, призывал пуском завода показать миру, что иранцы могут сами управлять предприятиями, принадлежащими трудовому народу. В то же время Базарган и другие деятели правительства неоднократно старались представить требования рабочих как результат пропаганды кучки «подстрекателей», «заговоров последышей шахского режима» и т. п.

Рабочее движение, по оценкам наблюдателей, становилось пороховой бочкой по соседству с большим социальным пожаром. Оно приняло такие масштабы, что им вынужден был заняться и сам Хомейни. В направленном министру труда и социальных дел Форухару послании он требовал срочно разобраться в многочисленных жалобах и претензиях рабочих. Аятолла предлагал решить проблему в манере, становившейся обычной для него: если предприниматель не желает платить рабочим, то его надо заставить, а если он разорился в результате забастовок, то ему следует помочь. Вместе с тем Хомейни обещал рабочим повышение зарплаты после нормализации экономической обстановки и призывал не слушать «подстрекателей».

В решении проблем оздоровления экономики, восстановления промышленного производства и улучшения положения трудящихся власти действовали в целом в духе этого и других подобных указаний Хомейни. Правительство Базаргана резко сократило импорт предметов роскоши и ввело строгие ограничения на утечку капитала (и с этой целью даже на экспорт ковров). Для поощрения частного сектора были установлены таможенные льготы, кредиты под низкие проценты, скидки на закупку сырья, оборудования и т. д. Одновременно власти приступили к

рассмотрению мер по удовлетворению экономически наиболее насущных и политически наименее опасных требований рабочих и других трудящихся.

В середине марта Базарган получил мощное «подкрепление» для продолжения своих призывов к «терпению, терпению и еще раз терпению». К тому времени в полной мере выявились результаты распоряжения Хомейни о введении бесплатных коммунальных услуг для неимущих слоев населения. Попытка его осуществления вызвала новую волну притока сельских жителей в Тегеран, обострение там транспортного кризиса и банкротство водопроводной и электрической компаний Кума. Распоряжение пришлось отменить.

Базарган не преминул использовать это с целью подвергнуть критике «непродуманные, поспешные и единоличные распоряжения аятоллы Хомейни». В заявлении, переданном 15 марта по радио и телевидению, он отмечал, что лидер революции, как и правительство, испытывает сильное давление и в результате издает без предварительных консультаций с министрами подобные указы. У аятоллы слишком доброе сердце, сказал премьер, и он несколько не думает о последствиях своих обещаний. Прежде чем начинать реформы со столицы, лучше было бы улучшить жизнь в деревне, добавил Базарган.

К этому времени стало также ясным, что практически невозможно провести в жизнь указ о запрещении продажи и потребления мороженого мяса. Он вызвал рост цен (почти вдвое) не только на мясо, но и на многие другие продукты питания. Выйти из положения помогла та же заповедь Корана, но в другой редакции: «Запретил Он вам только мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, над чем призывалось имя не Аллаха. А если кто вынужден, не будучи преступником и врагом, — то ведь Аллах прощающ, милостив!» Перефразируя свое прежнее заявление, Хомейни объявил, что грешно есть животных, забитых без соблюдения исламских традиций. Австралия и Новая Зеландия наняли мясников-мусульман, которые стали ставить скот перед забоем головой в сторону Мекки. А Иран отправил туда священнослужителей для контроля, и вопрос о мороженом мясе был исчерпан. «Нет перемены словам Аллаха, это — великий успех!»

21 марта в речи по случаю иранского нового года Хомейни призвал трудящихся к терпению, с тем чтобы дать правительству время найти выход из трудностей. «Не думайте, что мы нашли клад и не хотим разделить его с

вами», — заявил он. Но за два дня до референдума по вопросу об исламской республике аятолла обещал ввести бесплатное медицинское обслуживание.

Среди массовых выступлений наиболее опасные для режима формы приобретало движение национальных меньшинств, особенно курдов-суннитов, ставших авангардной силой в борьбе за демократические и социальные права всех народов Ирана, угнетавшихся шахским режимом.

В начале марта религиозный лидер мекхабадских курдов 57-летний шейх Эзеддин Хосейни заявил о решимости курдского народа добиваться автономии всеми средствами, вплоть до вооруженных, предпочитая, однако, мирные переговоры с правительством. Он считал курдскую проблему не религиозной, а национальной и политической. В этой связи Хосейни высказался за предоставление демократических прав всем национальным и религиозным меньшинствам, в том числе бехайтам и политическим группам, включая марксистов. По его мнению, иранскую армию следовало воссоздать как народную, а духовенству — во избежание автократии — не руководить политикой, а направлять ее.

Центральные власти, придерживавшиеся курса на полную и всестороннюю интеграцию мусульманской общины страны, воспринимали требование автономии как проявление сепаратизма. «Самоопределение — когда хотите. Но автономии — никогда!» — воскликнул Хомейни во время первой встречи с представителем одного из национальных меньшинств, прежде чем тот успел изложить свою точку зрения. «Самоопределение» в понимании новых властей означало — уделять большее, чем при прежнем режиме, внимание экономическим нуждам национальных меньшинств.

Ближайший советник Хомейни по экономическим вопросам Банисадр, отказавшийся ранее войти в правительство по причине занятости изучением вопросов экономики, в одном из интервью заявил: предоставление какому-либо району Ирана автономии «было бы равноценно просто-напросто распаду нации». Поскольку, по его словам, ни один из них не имеет средств для обеспечения «экономической самостоятельности», то автономным районам понадобилась бы помощь извне. Отсюда Банисадр делал вывод: «В данном случае будет лучше, если они останутся зависимыми от Ирана». Между тем курдские лидеры неизменно подчеркивали, что проблемы экономики и вооруженных

сил Курдистана должны быть частью общеиранских интересов, а внешняя политика — прерогативой центрального правительства.

18 марта в главном городе Курдистана — Сенендедже вспыхнули бои между требующими автономии курдами и правительственными силами, которые использовали вертолеты, минометы и другое тяжелое вооружение. За несколько дней погибло почти 300 человек.

Центральные власти заняли двойственную позицию. С одной стороны, они сразу же заклеили курдских повстанцев как «контрреволюционеров» и «иностранных агентов». В Тегеране и многих других городах были проведены демонстрации военнослужащих, полицейских и жандармов под лозунгами поддержки Хомейни, укрепления национальной солидарности и учреждения исламской республики. С другой стороны, было объявлено, что вопрос об автономии будет решен после принятия конституции. В Курдистан направили делегацию во главе с аятоллой Талегани и министром внутренних дел Ахмедом Джавади. 22 марта им удалось достичь соглашения о прекращении огня. Большую роль в этом сыграло подтверждение Джавади возможности предоставления курдам автономии.

Результатом посреднической миссии было решение об избрании в Сенендедже путем свободных выборов органа местного управления — городского совета, который стал бы образцом для других городов, и назначение нового губернатора Сенендеджа — курда по национальности, известного противника шахского режима, приговоренного им к смертной казни. В коммюнике, принятом 25 марта по окончании переговоров, говорилось о гарантии курдам следующих прав на: свободное использование родного языка, ношение национальной одежды и беспрепятственное соблюдение национальных традиций; управление внутренними делами через избранные местным населением органы; использование экономических возможностей своего района для повышения благосостояния народа; участие в разработке конституции, определении общей политики государства и принятии решений по вопросам, касающимся судеб всей страны. Особо оговаривалось распространение этих прав и на другие народы Ирана. Центральные власти обязывались не навязывать на административные должности в Курдистане своих кандидатов и в правительственных программах уделять серьезное внимание беднейшим слоям населения.

Не успели утихнуть столкновения в курдских районах, как вспыхнули волнения среди арабского населения юго-западной провинции Хузестан. 24 марта туда прибыли Базарган, Амир-Эптезам и министр национальной обороны адмирал Ахмед Мадани. Они встретились с религиозным лидером арабских шиитов 70-летним шейхом Мохаммедом Тахером аш-Шобейром Хагани. В отличие от многих курдских духовных деятелей, и особенно шейха Хосейни, он выступал за решение проблем национальных меньшинств на основе норм ислама. Базарган, просивший его содействовать стабилизации положения в провинции, в своих выступлениях категорически высказывался против любых видов дискриминации — религиозной, языковой, национальной и пр.

В конце марта в районе северного города Гомбеде-Кабус произошли ожесточенные столкновения между туркменским населением и правительственными силами. Туркмены требовали самоуправления посредством выбранных демократическим путем местных органов власти и возвращения отобранных у них шахским режимом земельных участков. Еще до этой вспышки туркменские крестьяне самовольно захватывали и распределяли земельные владения крупных помещиков, несмотря на категорический запрет властей, подчеркивавших, что собственность пользуется полным уважением. Правительство обвинило в провоцировании столкновений в Гомбеде-Кабусе бывших саваковцев, а также федаинов, широко публиковавших в своих изданиях требования туркменских демократических организаций. Руководители федаинов опровергли это обвинение.

В связи с приближением референдума об исламской республике и поступавшими сообщениями об отказе туркмен и других национальных меньшинств участвовать в нем правительство 29 марта заверило, что в новой конституции национальным правам будет уделено особое место. На проведенной в этот день пресс-конференции Амир-Эптезам возложил вину за события последних дней на монархистов и саваковцев, пытающихся посеять раздор между национально-религиозными меньшинствами и центральным правительством.

Немалую опасность для узаконения нового режима власти усматривали в деятельности политических организаций — как левых, так и либерально-демократических. Однако отсутствие между ними единства (при общности целого ряда программных требований) являлось факто-

ром, облегчавшим решение задач их взаимного противопоставления и ослабления.

Восстанавливала свою деятельность в стране и Народная партия Ирана. В начале марта был проведен VI пленум ЦК партии, высказавшийся за создание объединенного народного фронта в целях защиты и развития завоеваний революции. 11 марта НПИ опубликовала заявление о возобновлении ею легальной деятельности, а спустя несколько дней открыла свой партийный центр в доме, который ранее был резиденцией шахской партии «Растахиз». Власти, хотя и выдворили оттуда партийный актив, не отреагировали на осуществленную явочным порядком легализацию НПИ. Это объяснялось тем, что она неоднократно заявляла о поддержке прогрессивных мер нового режима и о готовности искренне сотрудничать с ним. Впервые за последние 30 лет открыто вышел печатный орган НПИ газета «Мардом». Вслед за тем был налажен выпуск других изданий партии, перед которой после долгого и тяжелого периода подполья остро встали задачи партийного строительства.

Однако наибольшую для себя опасность религиозное руководство усматривало в полувоенизированных организациях федаинов и моджахединов, по-прежнему отказывавшихся сдать властям оружие. Первая из них разместила свою штаб-квартиру в захваченном ею в ходе восстания центре допросов и заключения САВАК, вторая — в роскошном здании бывшего Фонда Пехлеви. Оба помещения, превращенные, по существу, в крепости, имели вооруженную охрану, которая располагала тяжелым оружием и даже танком.

Между двумя организациями — при общности их ячеечной структуры, полулегального положения, конечных целей (создание бесклассового общества) и ряда непосредственных требований — существовали расхождения по тактическим и идеологическим вопросам. Федаины, считавшие себя марксистами и атеистами, не видели необходимость поддерживать новый режим, а только его объективно антиимпериалистические акции. Моджахедины, причислявшие себя к исламскому движению, полагали возможным до определенной степени содействовать некоторым мерам по исламизации страны, поскольку усматривали в них элементы борьбы против империализма и угнетения. Вместе с тем обе организации зачастую неформально выступали в русле единых действий. Так, на предприятиях и нефтепромыслах они иногда сообща противостояли

назначаемым «сверху» исламским комитетам во главе с муллами. Но и фedaины, и тем более моджахедины воздерживались от сколько-нибудь прямой конфронтации с режимом. По их мнению, при всем своем консерватизме он представлял огромные по численности народные слои.

Большая часть религиозного руководства относилась к фedaинам и моджахедам крайне враждебно. Сам Хомейни с первых дней февральской победы осудил «вредные цели» левых, заявив, что, если они не поддержат полностью новое революционное руководство, это будет расценено как восстание против «исламской революции». Аятолла предупредил, что народ поступит с ними столь же сурово, как с шахом и его правительством. Нападения отрядов комитетов на ячейки фedaинов и моджахеdinов, аресты их членов были постоянным явлением. В связи с этим в середине марта представитель фedaинов предупредил правительство, что вооруженные столкновения между различными группировками создают угрозу гражданской войны. В письмах Базаргану левые группы требовали наказания зачинщиков провокаций.

Предметом забот религиозного руководства были также либерально-демократические организации интеллигентов, объединявшихся в различных творческих союзах, издательских группах и т. п. Особое внимание уделялось независимой прессе. Сразу после переезда в Кум Хомейни указал на опасные последствия публикации в газетах материалов, противоречащих принципам «исламской революции». Он призвал работников печати «не поддаваться ни Западу, ни Востоку, ни правым, ни левым». Через несколько дней в редакции крупнейшей тегеранской газеты «Эттелаат» исламские активисты сместили и арестовали прежних руководителей, которые были доставлены в канцелярию Хомейни. Выпуск газеты они взяли в собственные руки.

Объединение либеральных организаций — Национальный фронт переживал глубокий кризис, усилившийся после вхождения его руководителей в правительство Базаргана. В начале марта представители интеллигенции во главе с адвокатом Хедаятолла Матин-Дафтари попытались создать новый, Национально-демократический фронт (НДФ), призванный объединить разные идеологические группы и течения «на единой платформе борьбы за сохранение и развитие демократических завоеваний иранского народа». Его программу предполагалось огласить 5 марта, когда исполнялась 12-я годовщина со дня смерти Мосаддыка.

С утра 5 марта почти миллион людей на автобусах, машинах, мотоциклах двинулись к бывшему поместью Мосаддыка в Ахмедабаде, где он жил под домашним арестом после отстранения от власти в 1953 г. Последние 10 километров участники манифестации шли пешком, чтобы так почтить память бывшего премьер-министра. На митинге, в котором участвовали почти все члены Временного правительства, выступили Базарган, аятолла Талегани, представители моджахединов и федаинов. Многие ораторы высказывали упреки в адрес правительства из-за его бездействия в вопросах роспуска старой армии и проведения назревших преобразований. Представители Национально-демократического фронта огласили программу своей организации. В ней были отражены основные требования большинства либерально-демократических групп и таких левых организаций, как федаины и моджахедины.

Фронт настаивал на немедленном проведении референдума, но не о форме будущего правления, а относительно ликвидации монархии — с целью укрепления легальной основы республиканского строя. Референдуму о форме будущего правления, по мнению фронта, должны были предшествовать широкие дискуссии по этому вопросу с участием всего населения. Для обеспечения свободы выражения мнений предлагалось объявить контрреволюционными и ликвидировать все институты и группы, использующие недемократические методы и формы давления на граждан. Вместе с тем фронт требовал немедленного избрания из рабочих, служащих, представителей профессиональных и общественных групп Революционного координационного совета для наблюдения за временным правительством по общему курсу политики и особенно по вопросам организации референдумов и созыва Конституционного собрания. Создание такого совета, по мнению НДФ, способствовало бы не только координации деятельности правительства и политических партий, но и свободному избранию комиссии по разработке проекта конституции из квалифицированных специалистов — представителей всех классов и слоев.

Фронт добивался осуществления следующих неотложных мер: расследования преступлений всех приспешников прошлого режима народными судами с привлечением общественности; признания прав советов рабочих и служащих на участие в управлении предприятиями; обеспечения полной свободы профсоюзам и профсоюзным объединениям, союзам и политическим партиям; ликвидации

старой, профессиональной армии и сформирования народной армии из членов всех вооруженных революционных групп и других добровольцев; устранения любых форм дискриминации в обществе и аннулирования с этой целью всех законов, ограничивающих права граждан; предоставления женщинам полного равноправия с мужчинами; признания права на самоопределение за всеми народами и национальными меньшинствами Ирана во имя сохранения национального единства и территориальной целостности государства; полной и безоговорочной ликвидации цензуры и обеспечения свободы и независимости прессы, радио и телевидения в целях установления связей всех политических сил с массами; ликвидации всех форм угнетения крестьян и рабочих.

С тех пор левоцентристский по своему характеру Национально-демократический фронт начал активную общественную деятельность. В него вступили многие политические группировки, входившие до этого в Национальный фронт, ряд женских, студенческих и общественных организаций. О поддержке позиций НДФ заявили федаины и моджахедины. Однако в сложившихся в стране условиях новый фронт не смог играть предназначенную ему роль объединяющего центра всех либеральных, демократических и левых сил.

Значительно активизировали свою деятельность прогрессивные женские организации. Накануне Международного женского дня 8 марта в техническом институте Тегерана состоялся митинг с участием 10 тыс. работниц, студенток, учениц. Он проходил под лозунгами «Нет свободы женщин без освобождения эксплуатируемых классов», «Требования рабочих и женщин: равенство в зарплате, работе, профсоюзных правах». Собравшиеся почтили минутой молчания память жертв 25-летней диктатуры шахского режима, выразили солидарность с народом Вьетнама. На митинге выступила вдова легендарного члена ЦК Народной партии Ирана Хосрова Рузбеха, казненного в 1958 г. Она выдвинула такие требования: полное равноправие женщин с мужчинами во всех областях, вплоть до участия в политической и общественной жизни; ликвидация всех дискриминационных законов; обеспечение бесплатными яслями и садами всех детей; признание права на создание женских организаций.

О том, как прошло празднование Международного женского дня в Тегеране, рассказала печати одна из участниц:

— Еще за неделю до 8 марта 1979 г. все прогрессивные женские организации решили провести различные мероприятия с целью огласить свои программы. Однако накануне вечером радио и телевидение передали речь Хомейни. Он сказал, что в министерствах и других ведомствах женщины показываются полуобнаженными, что день 8 марта является западным установлением и что иранки, соблюдая свое достоинство, должны носить исламскую одежду.

Эта речь возмутила большинство женщин. Первое утверждение было тем более абсурдным, что в то время, очень холодное в Иране, женщины носили пуловеры и толстые пальто. Но не это было главной проблемой. Иранки еще до бегства шаха добровольно надевали чадру как символ протеста против его режима. Многие из них рядом со своими товарищами-мужчинами с оружием в руках боролись против врага.

Теперь же речь шла о человеческом достоинстве женщин, об их элементарном праве самим решать вопрос относительно одежды. И мы точно знали, что проблема чадры касалась не только этого покрывала, но и общественной роли женщин. Тем самым ставились под угрозу демократические права всего общества. Речь шла о дискриминации и изоляции сил, которые участвовали в революции. Тем более что это был не первый случай выпада религиозного руководства против тех, кто боролся за иные свободы, чем те, которые могла дать исламская республика. Когда 22 февраля феодалы хотели провести марш к дому Хомейни, чтобы изложить свои требования, он назвал их оппортунистами и неверующими, запретил участвовать в таких маршах мусульманам, тем самым разделив революционеров и весь народ на мусульман и неверующих. В день, когда он произнес эту речь, началась религиозная истерия, направленная против левых. И мы знали очень хорошо, к чему приведет его речь о женщинах при таком разгуле фанатизма.

Всю ночь женщины обсуждали положение со своими друзьями и членами семьи. В 8 часов утра по радио передали интервью Ахмеда, сына Хомейни. Он пошел дальше, чем отец, сказав, что было бы очень хорошо и правильно, если бы женщины религиозных убеждений носили чадру или по меньшей мере платок. Манера, в которой он говорил о женщинах, еще больше возмутила нас.

К 10 часам университет заполнили возмущенные иранки, многие из которых пришли с детьми. В зале собралось

до 10 тысяч, еще тысячи женщин стояли в проходах или во дворе. Решено было начать демонстрацию к канцелярии премьер-министра. Мужчины окружили нас, чтобы соблюдать порядок и защитить от возможных нападения. По дороге ряды демонстрантов росли. Мы поднимали руки в знак победы, требовали равных прав и свобод, говорили, что 8 марта — не восточный и не западный, а интернациональный день.

Когда мы через полчаса достигли моста на улице Хафиза, появились банды погромщиков, угрожавших сбросить нас с моста. Нам удалось перейти через него, но погромщики мешали нам продолжать путь. Они размахивали ножами и дубинками, истступленно кричали: «Аллах велик! Мы верим в Коран и хотим видеть женщин покрытыми. Либо платки на голову, либо удары по голове». Около полудня под напором этой превосходившей физической силы мы остановились и расселись прямо на снегу, но в знак протеста платков не надевали. Истерично-фанатичные толпы называли нас иностранными куклами, савановскими блудницами и угрожали убить.

Через час решили мы прекратить сидячую забастовку и вернуться в университет, где на 14 часов было запланировано мероприятие ко Дню женщин. На обратном пути погромщики бросали в нас камни и, расстроив наши ряды, принялись избивать нас. Несколько женщин было искалечено. У ворот университета им удалось полностью разогнать всех. Я сама видела, как некоторые из нападавших показывали удостоверения исламских комитетов.

9 марта по предложению правительства состоялись переговоры его уполномоченных с делегацией женщин, но, как и следовало ожидать, они окончились безрезультатно.

С утра 10 марта несколько тысяч женщин устроили возле министерства юстиции сидячую забастовку. Собравшиеся в университете более 50 тысяч женщин решили присоединиться к ним. Мы начали свой марш около 10 часов утра и надеялись к 11 часам добраться до министерства.

Канцелярия Хомейни накануне несколько раз по радио и телевидению объявляла о запрете нападения на женщин; исламским комитетам предписывалось подвергать аресту погромщиков.

Но сразу же после выхода из университета мы увидели погромщиков. На этот раз нас сопровождало больше мужчин — учащихся и студентов. Однако нападавшие тоже были лучше организованы. Их грузовые машины прегра-

дили путь и оттеснили нас на тротуары. Многие погромщики, стоявшие на подножках, били нас. Это была неравная борьба. Нам приходилось двигаться окольными путями. Никто из комитетчиков, которые должны были нас защищать, не появился. Около 15 часов мы достигли улицы Черчилля, но теперь оказались от своей цели дальше, чем в начале пути. Здесь нас окончательно блокировали, уже мы не могли двигаться ни вперед, ни назад. Вокруг были погромщики с ножами и дубинами. Мне и трем девочкам удалось прорваться и добежать до исламского комитета у политехникума, но его руководство отказалось помочь, заявив, что такие демонстрации только на руку реакции. Я позвонила в канцелярию премьер-министра. Наконец кто-то взял трубку и вступил со мной в дискуссию о том, что женщинам следует носить платки, — в помощи было отказано. Надо было возвращаться назад. Когда мы приблизились к улице Черчилля, прозвучали выстрелы. По-видимому, женщинам удалось оповестить фedaинов и моджахединов. После нескольких выстрелов в воздух нападающие временно рассеялись, но вскоре вновь появились. Мы кричали: «Даже если убьете нас, как 8 сентября, мы не повернем назад!» Но уже было безнадежно продолжать борьбу. Надо было спастись бегством. Только некоторым удалось к вечеру достичь министерства юстиции.

В последующие дни правительство объявило, что женщины могут свободно решать вопрос о своей одежде.

К этому рассказу можно добавить лишь то, что демонстрации женщин, вызывающе одевавших западные костюмы и джинсы, происходили также 11 и 12 марта. А затем, как обычно, последовали интервью:

— Исламская республика может привести не только к новому деспотизму и ущемлению прав женщин, отвоєванных у прошлого режима, но и вообще к каменному веку (видная иранская феминистка, член сената, отказавшаяся от депутатского звания в знак протеста против политики шахского режима).

— Мы ждали этой революции так страстно, как ребенок ждет обещанного ему подарка. Нас одурачили. Это — не революция, это игра, в которую играют муллы (молодая служащая).

Высказался вскоре по женскому вопросу и неофициальный глава государства:

— Ислам предоставляет женщинам равные права с мужчинами. Он поощряет их, как и мужчин, к участию в

общественной жизни. Ислам даже оказывает женщинам предпочтение в сравнении с мужчинами, поскольку всякий мужчина должен воспитываться в детстве женщинами... Если же ислам предписывает женщинам определенные ограничения, то это только для их пользы. Исламские учреждения должны перестать быть гнездами греха. Женщины на общественной службе не должны появляться полуобнаженными. Никто не против профессиональной деятельности женщин, но ее составной частью является и одежда, соответствующая религиозной пристойности. В этом состоял мой призыв к приличествующей исламу одежде, а не в приказе к восстановлению чадры.— Поистине «Аллах — лучший из ухищряющихся!».

Активизация женского движения, левых и либерально-демократических организаций и групп, национальных меньшинств, еще недавно выступавших под общим знаменем антимонархической революции, побуждала новый режим уделять особое внимание укреплению своих военно-политических позиций.

Воссоздание вооруженных сил, и особенно армии, велось на прежней основе — замене шахского генералитета преданными делу «исламской революции» полковниками. К концу марта из 500 с лишним шахских генералов армии, полиции и жандармерии осталось около 30. Более 40 генералов находилось в тюрьме, почти 20 высших офицеров было казнено. В тегеранские казармы, где после восстания, по словам нового начальника генерального штаба Мохаммеда Вали Гарани, не осталось ни одного солдата, удалось вернуть часть личного состава.

Мероприятия по восстановлению вооруженных сил по-прежнему проводились в форме, призванной создать впечатление их демократизации. 27 марта неожиданно был отставлен генерал Гарани, против назначения которого на пост начальника генштаба с самого начала выступали левые силы. Они ссылались на его причастность к антимосаддывковскому перевороту 1953 г. и сотрудничество с шахским режимом. Никакого официального объяснения этой внезапной отставке дано не было, но до этого печать обвиняла Гарани в применении слишком жестоких мер во время кровопролитных столкновений в курдском городе Сенендедже. Заместитель премьер-министра Амир-Энтезам на пресс-конференции 30 марта назвал такие обвинения голословными, а самого генерала вновь охарактеризовал как «верного и преданного друга и революционера с незапятнанной репутацией». Место Гарани занял генерал

Насер Фарбод, уволенный шахом в отставку в 1975 г. якобы за антимонархистские заявления и известный как член Мосаддыковского Национального фронта. Спустя некоторое время был назначен новый министр обороны — генерал Таги Рияхи, занимавший при правительстве Мосаддыка пост начальника генштаба и недавно вернувшийся в Иран из-за границы.

Изменения в высшем командовании на деле преследовали цель ускорить воссоздание прежних вооруженных сил. Западные агентства сообщали из Тегерана со ссылкой на «достоверные источники», что действительной причиной отставки генерала Гарани была его неспособность обеспечить возвращение в вооруженные силы более половины личного состава, дезертировавшей в ходе восстания. Новый министр обороны в первом же интервью высказался против огульного преследования и увольнения командных кадров, за максимальное использование их опыта и знаний. В каждой воинской части были введены «военно-революционные трибуналы», на которые возлагалась задача укрепления дисциплины среди рядового состава. В течение нескольких последующих месяцев армию на внутреннем фронте использовали только в самых крайних случаях, поскольку, несмотря на всяческие строгости, не раз имели место демонстрации солдат с требованиями отмены второго года службы, выборности командиров и даже создания солдатских советов. Хомейни был вынужден неоднократно обращаться к военнотружущим с призывами подчиняться начальникам, назначенным генштабом.

В то же время правящий режим решил встать на путь создания параллельных военно-политических формирований из числа наиболее преданных идеям ислама и лично Хомейни членов «исламских революционных комитетов» и безработной молодежи. Это позволило бы одновременно решить несколько задач: противопоставить старым вооруженным силам новую, исламскую силу; обуздать или во всяком случае поставить под контроль основную массу ревкомов; занять часть безработной молодежи, сделав ее активным противовесом вооруженным группам левых политических организаций. В течение марта Амир-Энтезам неоднократно объявлял, что «революционная гвардия» после своего сформирования сразу же займется сбором оружия у населения и что все отряды и группы, включая организации феодалов и моджахединов, будут обязаны сдать ей оружие.

Создание «революционной гвардии», получившей название Корпуса стражей исламской революции, велось одновременно с укреплением прежних органов безопасности — полиции и жандармерии. И новые, и старые формирования должны были существовать параллельно под верховным руководством аятоллы Хомейни. Содержался корпус не только за счет государственного бюджета, но и финансового отдела личного секретариата имама. В результате идеологическая приверженность «стражей» (пасдаранов) своему высшему сюзерену была поставлена на материальную основу. Первое время отряды корпуса номинально подчинялись заместителю премьер-министра по делам революции Язди (именно он, Готбзаде, Банисадр и другие сразу же после февральской победы окружили себя собственными вооруженными отрядами, что, возможно, и подсказало идею образования корпуса). В действительности новое формирование находилось вне юрисдикции гражданского кабинета министров.

Между тем положение правительства Базаргана становилось все более двусмысленным. Находясь под нажимом народа и различных политических организаций, с одной стороны, и религиозных властей — с другой, оно получало удары со всех сторон, не имея возможности отвечать на них. В одном из интервью Базарган сказал:

— Студенты требуют организации советов, рабочие требуют организации советов, и даже некоторые военные хотят, чтобы армия управлялась советами. Кроме того, забастовочные и революционные комитеты повсюду подменяют правительственные органы, принимая решения, которые не входят в их компетенцию. У каждой мечети есть свой революционный совет. Так что правительство принимает одно решение, а все эти органы — другое... Мы уже не говорим о людях, творящих правосудие с помощью телесных наказаний, о муллах, которые ведут себя в провинциях как проконсулы, о леваках, подстрекающих рабочих и солдат. Либо положение в этой области прояснится до референдума... либо я уйду в отставку. Комитет Хомейни необходимо распустить. Останется, разумеется, Исламский революционный совет, который на данном этапе выполняет одновременно функции главы государства и парламента, но только их. Я не потерплю захвата им других полномочий.

Базарган и в иных случаях образно рисовал положение в стране. В середине марта он говорил, выступая по радио и телевидению:

— Курды хотят одного, туркмены — другого, женщины поднимают грандиозный скандал из-за нескольких слов о ношении чадры, студенты отказываются продолжать занятия, пока сами не выберут себе ректоров и деканов, участвовавшие в забастовках рабочие считают теперь себя владельцами предприятий и требуют права назначать директоров. Рабочие, не получающие зарплаты, поскольку сбежали предприниматели, требуют денег от правительства; солдаты и офицеры срочной службы вместо того, чтобы просить разъяснений относительно новых порядков воинского призыва, устраивают демонстрации и скандалы; военные, врачи и технические специалисты бросают службу и спешат в Тегеран для участия в демонстрациях.

Одним словом, в Иране «две напасти: внизу власть тьмы, а наверху тьма власти».

Наибольшее недовольство и возмущение Базаргана, как и прежде, вызывала бесконтрольная деятельность «исламских революционных комитетов» и тайных трибуналов. Самовольно они чинили суд и расправу не только над бывшими приспешниками шахского режима, но и над так называемыми нарушителями «исламского морального кодекса» (к середине марта было казнено около 70 человек). Творимые в стране жестокости, говорил Базарган, противоречат исламской справедливости и представляют собой позорные акции, которые осуждают все друзья Ирана во всем мире. Имелись в виду заявления Международной комиссии юристов, различных правительственных и неправительственных организаций на Западе. Они осуждали систему «революционных трибуналов» в Иране как не соответствующую общепризнанным нормам правосудия, в частности в области обвинения и защиты.

Начиная с 1 марта Базарган неоднократно грозил уйти в отставку, если радикальные группировки и «революционные комитеты» не будут считаться с правительством. Несмотря на опровержения Амир-Энтезама, местные и иностранные наблюдатели полагали, что Базарган в первой половине марта по крайней мере дважды ездил в Кум с прошениями об отставке. (Сам премьер не отрицал этого.) После каждого из визитов Хомейни призывал народ подчиняться правительству. Но это не помешало ему обвинить кабинет министров в слабости, «преклонении перед Западом» и стремлении к «роскоши фараонов». В результате некоторые члены правительства сочли себя обязанными отказаться от части и без того урезанного жалованья.

Расчеты Базаргана на реальную поддержку со стороны Хомейни были по меньшей мере наивны. Разве стал бы имам отдавать распоряжения, заведомо обреченные на невыполнение? Помощь премьеру могла быть такой же двусмысленной, как и отношение к нему: с одной стороны, не принимать отставку, чтобы не создать благоприятные условия для деятельности оппозиционных и особенно левых сил, относительная лояльность которых к самому имаму обеспечивалась именно наличием между ними буфера — правительства Базаргана; с другой стороны, не оказывать премьеру безусловной поддержки, чтобы не давать повода отождествлять имама с его временным правительством, которое общественность обвиняла в проведении реформистской политики и посягательстве на права низовых органов революционной власти. При всем этом членов кабинета нельзя было окончательно лишать веры в благосклонное расположение к ним имама.

Типичной иллюстрацией взаимоотношений Хомейни и правительства Базаргана могут служить следующие факты. Еще перед отъездом в Кум имам призвал комитеты и трибуналы ускорить переход к гласным судам над деятелями прежнего режима, не вмешиваться в дела администрации и передать свои полномочия представителям правительства, «когда оно окончательно утвердится у власти». Вслед за этим последовали выступления членов кабинета. Министр информации, пропаганды и благотворительной деятельности Насер Миначи сказал, что комитеты вскоре должны будут передать свои судебные функции органам юстиции. Спустя некоторое время Амир-Энтезам сделал заявление о том, что через несколько дней все комитеты будут поставлены под контроль правительства.

Интерпретируя двусмысленное заявление Хомейни в выгодном для себя духе, правительство выдавало желаемое за действительное, или, как говорят персы, не видя воды, снимало сапоги. Что касается религиозного руководства, то оно действовало по принципу: кто спешит, тот дважды одно дело делает, а кто идет потихоньку — всегда дойдет. Такая тактика представлялась вполне оправданной. Как доверительно сообщил одному из западных корреспондентов руководитель Центрального исламского революционного комитета аятолла Мохаммед Реза Махдави-Кяни, предпринятая в начале марта попытка Хомейни установить дисциплину и провести «чистку» в рядах комитетов не имела успеха.

8 марта Центральный исламский революционный комитет, размещавшийся в здании бывшего сената, объявил об образовании в столице 14 районных комитетов во главе с религиозными деятелями. В оглашенном одновременно уставе комитетов говорилось, что на них возлагаются задачи поддержания «порядка» и «безопасности» и оказания помощи «законному правительству» в деле реализации программ «исламской революции» во главе с имамом. Во исполнение этих целей районным комитетам предоставлялось право создания и роспуска местных комитетов, определения их полномочий, назначения ответственных руководителей и осуществления общего руководства. Выдача ордеров на арест тоже объявлялась прерогативой районных комитетов, в обязанность которых вменялись поддержание связи с правительственными, судебными и военными органами (в целях руководства деятельностью комитетов) и передача функций местных комитетов правительственным органам (для содействия укреплению власти правительства).

Таким образом, под видом упорядочения деятельности комитетов почти 400 местных «революционных комитетов» столицы, возникших в результате революционной самодеятельности народных масс, ставились под полный контроль созданных «сверху» 14 районных комитетов во главе с религиозными деятелями.

Подчинение комитетов религиозным властям проводилось и с помощью других, подчас «хитроумных» средств. В середине марта генеральный прокурор республики заявил, что в комитеты проникли контрреволюционные элементы, в частности агенты бывшей тайной полиции САВАК и шахской гвардии. Он призвал этих «агентов» под угрозой обвинения в шпионаже и расстрела «представиться» властям до 21 марта. Если «агенты» желают сотрудничать в выполнении долга перед родиной, заявлял прокурор, они должны получить одобрение. В условиях непрерывных арестов и казней не только видных деятелей, но и простых служащих прошлого режима не нашлось желающих «представиться» властям (не случайно срок впоследствии продлевался), но зато над каждым членом комитета нависла угроза быть обвиненным в сотрудничестве с шахским режимом, даже если в то время он не занимался политической деятельностью.

16 марта Хомейни распорядился приостановить политические процессы и казни в центре и предписал местным «революционным трибуналам» отныне подчиняться Ислам-

скому революционному совету и Временному правительству. Провинциальным судам, над которыми духовенство почти не имело контроля, разрешалось продолжать начатые расследования, но не приводить в исполнение приговоры вплоть до разработки новых «правил» и утверждения вынесенных приговоров Чрезвычайным исламским революционным трибуналом. По настоянию премьера, посетившего в тот день Кум, аятолла дал согласие на отсрочку исполнения приговора в отношении шахского премьера Амира Аббаса Ховеиды. Базарган при этом ссылаясь на то, что казнь человека, бывшего 13 лет премьер-министром Ирана, вызовет во всем мире протесты и это поколеблет престиж иранской революции. На пресс-конференции 18 марта Амир-Энтезам сказал, что кабинет министров получает «со всех концов мира тысячи писем», в том числе от правительств, с требованиями открытого и справедливого суда над Ховеидой.

Иранская и западная пресса расценила действия Хомейни как крупную победу Базаргана (заявление Язди от 19 марта о том, что письма из-за рубежа мало повлияют на решение иранского суда в отношении Ховеиды, осталось без внимания). Кстати сказать, премьер тоже переоценивал силу своего влияния на лидера революции, очевидно, ввиду совпадения их позиции в вопросах восстановления армии, прекращения забастовок и подавления выступлений национальных меньшинств. В конце марта на вопрос французского телевидения, возможно ли установление в Иране «религиозной диктатуры», он ответил, что в таком случае аятолла не назначил бы его премьер-министром. Но стремление Хомейни к восстановлению «порядка» и курс Базаргана на «национальное примирение» при всем сходстве имели разное назначение: что для первого было средством, для второго — целью.

В данный же момент самым главным для аятоллы был вопрос о юридическом узаконении исламской республики, тем более что по мере приближения референдума политическую жизнь Ирана все больше определяли широкие дискуссии по этому вопросу в масштабах всей страны. В начале марта ряд левых и либеральных организаций, представителей духовенства, особенно аятолла Талегани, потребовали ознакомить народ с проектом конституции, который разрабатывался в обстановке секретности.

Спустя некоторое время в Тегеране распространилось в виде листовок послание Бахтияра из Парижа. «То, что я вижу сейчас на горизонте,— говорилось там,— совсем

не похоже на свободу, демократию, экономический прогресс, развитие и национальную культуру... Мы заменили старую и прогнившую диктатуру диктатурой, сочетающейся с анархией, и все это в надежде на создание исламской республики. Какой будет исламская республика? Не спрашивайте об этом, так как никто не может четко определить ее главные черты. Базарган сказал, что до сих пор на эту тему не было написано ни одной книги, и он прав. Иначе говоря, нацию призывают голосовать за нечто совершенно неизвестное, не предлагая никакого иного выбора. И это в тот момент, когда радио и телевидение еще никогда не говорили столько о свободе». Далее Бахтияр призывал не голосовать за исламскую республику, являющуюся, по его словам, «препятствием на пути прогресса общества, славы нации, расцвета экономики и прав человека».

В таких условиях власти вновь объявили, что группа авторитетных юристов уже закончила разработку проекта конституции и что он рассматривается аятоллой Хомейни. За два дня до референдума, 28 марта, заместитель министра внутренних дел Садек Табатабаи, сославшись на распоряжение аятоллы, ознакомил иранских корреспондентов с основными положениями проекта конституции, пообещав публикацию полного текста через две недели. Особый упор был сделан на статьи о личных свободах и социальных правах граждан, правах национальных меньшинств на избрание органов местного управления, развитие национальной культуры и языка, свободы деятельности политических организаций. Однако некоторые из статей в дальнейшем претерпели серьезные изменения. Так, по словам Табатабаи, пост премьер-министра не предусматривался, что означало установление президентской формы правления. Но в опубликованном через три месяца проекте конституции говорилось об учреждении наряду с сильной президентской властью и поста премьер-министра, наделенного широкими полномочиями. Наблюдатели пришли к выводу о серьезных разногласиях между составителями проекта и Хомейни. Это позже подтвердили сообщения о том, что аятолла лично занялся исправлением и переработкой проекта.

Считая установление исламской республики в принципе предрешенным делом, аятолла Хомейни тем не менее постоянно призывал массы отдать ей голоса на предстоящем референдуме. После переезда в Кум он обратился к населению с посланием, где отмечал, что народ совершил

революцию под знаменем исламской республики и именно об исламской республике его и будут спрашивать на референдуме. В характерной для него безличной манере Хомейни обрушился в числе других противников исламской республики и на Базаргана (не называя его прямо). Поводом послужили интервью премьера представителям иностранной печати, в которых он вновь отстаивал идею «исламской демократической республики». «Вы хотите стоять на своих собственных ногах и выбираете западную модель,— подчеркнул аятолла.— Вы настаиваете на создании демократической республики, то есть западной республики». В этой связи Хомейни призвал шиитских улемов направиться в деревни и города: «Вы должны сказать людям, что если они хотят лучшей жизни, если они хотят жить счастливо, если они хотят благополучия, то должны голосовать за ислам, за исламскую республику».

Обычной становилась практика использования внешнего фактора для решения внутренних проблем. Призывая иранцев единодушно поддержать на референдуме исламскую республику, Хомейни предупреждал о «готовящемся заговоре иностранных держав» против «исламской революции». Базарган же неоднократно заявлял, что «угрозы извне Ирану не существует» и что «главная угроза революции исходит от нас самих». Как и другие руководящие деятели страны, он отнюдь не отрицал имевшего места участия в провоцировании внутренних волнений прямых агентов западных разведок.

К середине марта окончательно выявилось отношение различных политических сил к референдуму. О намерении голосовать за исламскую республику одними из первых заявили Национальный фронт и Народная партия Ирана, исходившая из тезиса о примате содержания над формой. Организация моджахединов сделала оговорку в отношении ограниченности предлагаемого выбора, что, по ее мнению, вынуждало многих высказаться за исламскую республику только из ненависти к монархии Пехлеви. Она подвергла критике и саму идею референдума, поскольку народ уже проголосовал против монархии своим участием в революции.

О бойкоте референдума объявили феодалы и связанные с ними профессиональные объединения (учителей и др.), ряд женских ассоциаций, несколько левацких группировок, Национально-демократический фронт, а также большинство курдских организаций, включая массовую

Демократическую партию Иранского Курдистана. В заявлениях курдских политических и общественных организаций подчеркивалось, что курды не могут голосовать за правительство, которое фактически не обнародовало своей программы, и тем более за Исламский революционный совет, состав которого им не известен. Шейх Хосейни аргументировал свой отказ от участия в голосовании тем, что не знает, какой будет исламская республика и станет ли она защищать права национальных меньшинств. В целом бойкот референдума мотивировался политическими и общественными деятелями его недемократическим характером и тем, что сущность нового строя не разъяснена народу.

В эти дни Базарган попытался внести примирительные нотки в углубившиеся дискуссии. 21 марта на 100-тысячном митинге он заявил: «Сказать на референдуме «нет» — не значит одобрять свергнутый режим, это будет означать «нет» исламской республике». Спустя несколько дней в центре Иранского Азербайджана — Тебризе Базарган в безличной форме обвинил духовенство в фанатизме, аналогичном фанатизму династии эмигрировавшего шаха. Он заявил о несогласии с тезисом, что все, на чем лежит отпечаток Запада, следует считать антиисламским и противоречащим независимости Ирана. Английская газета «Файнэншл таймс» расценила эту речь Базаргана как «слегка завуалированную критику аятоллы Хомейни и других мусульманских деятелей» и как стремление премьера «проявить сочувствие к опасениям среднего класса насчет влияния ислама в стране». В целом же, по мнению газеты, высказывания Базаргана, «по-видимому, были рассчитаны на то, чтобы избежать углубления политических разногласий из-за вопроса о том, должен ли Иран стать преимущественно светским либо полностью исламским государством».

Тем временем Исламская республиканская партия, руководители которой называли себя последовательными сторонниками Хомейни (практически единственная среди политических организаций) развернула подготовку к референдуму. В массовых митингах, проводимых ею в Тегеране и других городах, активно участвовали Народная партия, Национальный фронт и другие организации. Большую роль в агитационной кампании наряду с представителями духовенства, получившими на этот счет самые недвусмысленные указания Хомейни, играли радио и телевидение.

Важное значение в те дни имели выступления самого аятоллы. В обращении, переданном 24 марта по тегеранскому радио, он подчеркнул, что участие в референдуме — национальный и религиозный долг всех иранцев. Конечно, народ свободен выражать свое мнение, но лично он будет голосовать за исламскую республику. За два дня до начала референдума аятолла вновь призвал все организации активно участвовать в референдуме. Контрреволюционные элементы и сторонники свергнутого режима намерены устроить беспорядки на пунктах голосования, сказал Хомейни, призвав ответственные органы и население проявлять бдительность и принять необходимые меры.

На следующий день, 29 марта, министр внутренних дел Джавади обратился к населению с призывом во время голосования оставлять свое оружие в «вестибюле». Этот призыв отразил основную особенность внутриполитической обстановки в стране, где оружие, захваченное в ходе февральского восстания, так и не было полностью возвращено в армейские арсеналы. По оценкам западной печати, автоматами, пулеметами и другим вооружением владели до полумиллиона человек. С автоматами стояли привратники в вестибюлях газетных редакций, с пистолетами на боку ходили министры и члены Исламского революционного совета. Даже некоторые священнослужители читали проповеди с оружием в руках.

Референдум состоялся 30—31 марта. Голосование было открытым — разве могут быть тайны от всеведущего? Каждому вручался бюллетень, наполовину зеленый — цвет исламского знамени, наполовину красный — цвет флага Йезида, символизировавший шаха, а может быть, и шаха, и левых? На одном из зданий, например, висел такой плакат: «Голосуй за исламскую республику, поскольку она — удар кулаком по морде коммунистических наемников, бесчеловечных империалистов, сионистских оккупантов, предательской САВАК и шахского режима».

(И почему шаху красный цвет? — недоумевали наблюдатели. Не потому ли, что не так давно он сам называл участвующие в революции силы «исламо-марксистским» союзом, блоком «зеленых» и «красных»? И вообще какое отношение имеет к нынешним событиям шах: разве может народ, единодушно поднявшийся на свержение монархии, хотеть ее восстановления? Такого рода ход мыслей привел некоторых наблюдателей к следующему выводу о смысле референдума: «да» или «нет» исламской республике — это практически «да» или «нет» руководящей роли аятоллы

Хомейни. К тому же самые рьяные его поклонники все еще скандировали на митингах и демонстрациях лозунг двухмесячной давности: «Шах ушел, имам пришел!»)

После голосования каждый участник референдума должен был приложить палец к штемпельной подушке со специальной краской и им засвидетельствовать свое личное участие. Власти объясняли этот акт стремлением предотвратить вторичное голосование. Но некоторые наблюдатели расценили это как меру опознавательного характера.

Местные и иностранные наблюдатели, учитывая, что мало кто из участников референдума жаждет возвращения шаха, единодушно предсказывали, что за исламскую республику выскажется большинство населения. Проведенные несколькими западными корреспондентами выборочные опросы показали, что голосовать за неведомую пока исламскую республику будут главным образом малообеспеченные и малограмотные слои, послушные призывам религиозных деятелей. В числе же противников референдума выступали ряд левых сил, интеллигенты, некоторые национальные меньшинства.

В дни референдума корреспонденты пытались выяснить, чем руководствовались во время голосования те или иные общественные круги. Представители самых обездоленных слоев населения ответили:

— Я выбрал Хомейни потому, что он обеспечит работу и хлеб;

— Я выбрал Хомейни потому, что желаю для своего ребенка счастливого будущего;

— Я выбрал Хомейни потому, что он неподкупен и я ему доверяю.

На митинге в Тегеранском университете корреспондент иранского телевидения записал такие ответы:

— Я голосовал за исламскую республику потому, что в нынешних конкретных условиях она наиболее понятна нашему народу. Надо посмотреть, что может она дать людям (молодой рабочий);

— Я голосовала за исламскую республику главным образом потому, что полностью поддерживаю антиимпериалистическую внешнюю политику... республики. Но мы ждем социальных реформ. Народу нужны перемены (студентка);

— Исламская республика, которую мы хотим создать, высоко ценит мораль и нравственность — неизменные человеческие ценности, в то же время она будет отвечать всем требованиям современного развитого общества. Западные

демократии не подходят для нас. В целом мы отвергаем их. Но то хорошее, что в них есть, будет и в нашей республике (мелкий служащий из городской мэрии).

Телевидение, постоянно подвергавшееся критике за жесточайшую цензуру, показало человека, отказавшегося голосовать за исламскую республику. То был молодой рабочий:

— Я выбрал красный цвет не потому, что я за возвращение шаха, а потому, что не знал, за что бы я голосовал, если выбрал зеленый.

Рабочий не захотел покупать kota в мешке.

Вскоре начали поступать и официальные сообщения о результатах референдума. Уже на следующий день министерство внутренних дел передало по радио предварительные данные: в референдуме приняли участие примерно 98% лиц старше 16 лет и 97% из них высказались за исламскую республику. Эти данные, по мнению западной печати, не учитывали результаты голосования в курдских и туркменских районах, где референдум почти полностью бойкотировался. Окончательные результаты были 5 апреля оглашены Базарганом: в референдуме участвовали 20,2 млн. человек, то есть 92,5% населения в возрасте выше 16 лет; против исламской республики высказались менее 1% пришедших на избирательные участки. Премьер расценил это как огромную победу и как показатель слабости тех, кто бойкотировал референдум.

Свою оценку референдуму дала и западная печать. Имея в виду не только поставленный на голосование вопрос, но и саму организацию плебисцита, французская «Фигаро» назвала его «пародией на референдум». Американская же пресса пыталась связать отдельные аспекты внутривосточной жизни послефевральского Ирана, названного ею «комнатой геополитических ужасов», с общим характером революции. «Такова иранская революция: иранцы хотели ее — они ее получили!» — злорадно писала «Вашингтон пост».

Истинные друзья иранской революции исходили в своих оценках как из признания ее реальностей и достижений, так и из уважения национальной воли народа. В поздравительной телеграмме советского руководства на имя Р. М. Хомейни в связи с референдумом в Иране и провозглашением Исламской Республики Иран эти события расценивались как завершение ликвидации монархического режима и большая историческая победа иранского народа, открывающая новый этап в жизни страны.

Мартовский референдум официально узаконил результаты февральской победы — уничтожение 2500-летней монархии и установление впервые в истории страны республиканского режима. Задача же институционализации идеи исламской республики, не имеющей ни своей конституции, ни других писаных законов (за исключением Корана и шариата), все еще оставалась нерешенной. И хотя заинтересованные круги получили теперь определенное оружие юридического порядка, ее реальное содержание и форму должно было определить соотношение социально-классовых и политических сил в стране.

**Месяц
третий**

**СТРАНА
ТЫСЯЧИ
ШЕРИФОВ**

Известный историк французской революции Жюль Мишле так характеризовал один из периодов в деятельности ее вождя:

«Роль его с тех пор была простая и сильная. Он стал крупной помехой для тех, кого покинул. Деловые и партийные люди, они при каждой попытке компромисса между принципами и интересами, между правом и обстоятельствами встречали преграду, которую им ставил Робеспьер, именно — абстрактное, абсолютное право... Они вели интриги, волновались, а он был непреложен. Они во все вмешивались, входили в тайные сношения, договаривались, всячески компрометировали себя, а он только проповедовал. ...В конце концов он должен был победить их».

— Сегодняшний день я объявляю первым днем правления Аллаха.

Эта первоапрельская декларация была сделана по иранскому календарю 12 фарвардина 1358 г., на следующий день после референдума. Аятолла Хомейни в обращении к народу официально провозгласил Иран исламской республикой.

Спустя несколько часов, когда на улицах началось всеобщее ликование, проходили массовые демонстрации и митинги, сопровождавшиеся салютом из автоматического

оружия, выступил по телевидению Хомейни. «Как на Западе, так и на Востоке, — заявил он, — нет ни одной подлинно демократической страны», и именно «в Иране будет создана действительно демократическая республика», ибо ислам «как религия прав человека и справедливости» имеет всеобщий характер, «включает и охватывает все».

В свою очередь аятолла Шариат-Мадари сказал:

— Ислам — это не та религия, при которой довольствуются молитвами. Ислам и политика неотделимы друг от друга.

— Иранская революция вышла из мечети, — отметил аятолла Талегани.

Трое самых видных деятелей шиитской иерархии Ирана приветствовали провозглашение исламской республики. При этом каждый имел собственное представление о ее характере и сущности. Другие шиитские богословы считали, что настоящую исламскую республику может создать только сам Аллах.

В тот же день на 3-тысячном митинге безработных в тегеранском клубе «Дом рабочего» один из ораторов, имея в виду Д. Форухара и С. Готбзаде, сказал:

— Уважаемый министр труда и «защитник босоногих» забыли, что именно рабочий класс, оставшийся сейчас за дверями заводов, выстоял, несмотря на угрозы и давление режима Пехлеви, и добился победы революции. Революционное правительство, которое отдает революции приказ «Стой!», действует по образцу старого преступного режима, не обращая никакого внимания на законные требования трудящихся, замалчивая их на радио и телевидении и даже по-прежнему обвиняя их в «принадлежности к коммунистам».

Так проходил «первый день правления Аллаха» в Иране. Безработные, даже из числа самых рьяных приверженцев исламской республики, не желали довольствоваться обещаниями вечного спасения.

Митинги и демонстрации, сидячие забастовки и голодовки безработных в зданиях правительственных учреждений, и особенно в министерстве труда и социальных дел, стали повседневным явлением. Манифестанты требовали не только хлеба и работы, но и наказания тех деятелей правительства и комитетов, которые клеймили отстаивавших свои права трудящихся как «иностранцев» и «контрреволюционеров», устраивали избиения ослабевших от голодовки безработных, силой разгоняли демонстрантов. На упоминавшемся выше митинге в тегеранском клубе

«Дом рабочего» было решено идти маршем к Хомейни и просить уволить «антинародного» министра Форухара. 8 апреля тегеранские безработные и члены их семей направились к дому аятоллы Талегани, который уговорил их разойтись, обещав, что правительство вскоре удовлетворит все требования трудящихся.

Делались попытки организовать безработных. Созданный в Абадане в конце марта профсоюз безработных за короткое время объединил в своих рядах 13,5 тыс. человек. Наряду с правом на труд профсоюз требовал проведения таких мероприятий, как выплата пособий по безработице, консультация руководителей предприятий с руководством профсоюза при найме на работу и т. п. Местное отделение Исламской республиканской партии в свою очередь образовало другой профсоюз, выступивший с более умеренными лозунгами. Подобное происходило и в других городах. 25 апреля собравшиеся на тегеранской бирже труда безработные объявили о намерении проводить национальную координацию своего движения.

Продолжали активно бороться за свои права и рабочие. Так, 18 апреля под давлением рабочих, добивавшихся увольнения скомпрометировавших себя сотрудничеством с прошлым режимом руководителей и инженеров, подал в отставку административный совет нефтяной компании в Абадане, центре иранской нефтяной промышленности. Эти же требования выдвигались почти на всех крупных предприятиях. Власти пытались урегулировать конфликты путем перевода старых руководителей на другую работу или отправкой на пенсию.

В деревнях учащались вооруженные стычки между представителями властей и крестьянами, которые захватывали земли бежавших из страны или известных слишком тесными связями с шахским режимом крупных помещиков. На этих землях создавались крестьянские кооперативы. Власти, угрожая тюремным заключением и ссылкой, пытались насадить «уважение к собственности», а организованным в деревнях исламским советам, зачастую под руководством крупных помещиков, вменяли в обязанность не допускать перераспределения земельного фонда.

В подходе властей к крестьянскому и особенно рабочему вопросам все четче просматривалась политика «кнута и пряника». Требования трудящихся по-прежнему квалифицировались как результат «подстрекательства» и «заговоров», которые, по словам Базаргана, «идут в том же русле, что и провокационные действия старого шахского ре-

жима». Использовался и проверенный на практике жупел внешней угрозы. 15 апреля на встрече с представителями молодежи в Куме Хомейни заявил, что иностранные силы, в первую очередь США и Англия, «все еще плетут заговоры против исламской республики», а одним из проявлений этого служат действия элементов, призывающих рабочих продолжать забастовки. Он обязал формируемый Корпус стражей исламской революции противодействовать всеми средствами стачечному движению на заводах и фабриках. С той же целью был издан и закон о наказании «лиц, подстрекающих к забастовкам».

Одновременно власти встали на путь проведения ряда социальных и благотворительных мероприятий. На многих предприятиях рабочим выдали заработную плату за время забастовок, в основном за счет правительства. Значительно была повышена зарплата рабочим и низкооплачиваемым категориям служащих. Частных предпринимателей, которым правительство предварительно предоставило определенную финансовую помощь, обязали не увольнять рабочих, выплатить им задержанную зарплату и производить выплаты даже в случае застоя в производстве.

Среди проводимых мероприятий особенно важным было создание фонда помощи «официальным» безработным, то есть промышленным рабочим, пользовавшимся системой социального страхования. Что касается неохваченных этой системой безработных (в значительной части выпускников различных учебных заведений), то для помощи им правительство предложило учредить особый фонд — заем за счет добровольных взносов рабочих и служащих (по 1% от месячного оклада); погашение предусматривалось через пять лет либо правительством, либо получившими работу молодыми специалистами (путем вычета 5% из месячной зарплаты). Чтобы занять строительных рабочих и выпускников учебных заведений, была объявлена всенародная «кампания восстановления» — сооружение дорог, благоустройство деревень и строительство дешевого или даже бесплатного жилья в городских районах бедноты. Наметив широкую программу крупномасштабных работ по дорожному и гражданскому строительству, власти выделили подрядчикам крупные денежные средства. Некоторые безработные — интеллигенты и выпускники вузов — считали одной из целей этой кампании удаление из столицы потенциальных политических «смутьянов».

Кое-какие социальные мероприятия были рассчитаны и на сельскую бедноту, а в интересах зажиточных крестьян

власти почти вдвое повысили закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и расширили возможности получения ими кредитов.

Во главе с духовенством были созданы Фонд обездоленных (на основе бывшего Фонда Пехлеви и конфискованного имущества пособников шахского режима), Исламский квартирный фонд и различные жилищно-строительные учреждения (им передали конфискованные в городах незастроенные земельные участки), организации по устройству магазинов для бедноты, где товары продавались по низким ценам, и др.

Все эти мероприятия, широко разрекламированные, но недостаточно хорошо организованные, не способствовали подъему экономики и решению проблемы безработицы, а наоборот, вызвали усиление инфляционных процессов и новый резкий скачок цен на базарах. Попытки властей путем наказания торговцев установить твердые цены оказались тщетными. Тем не менее 15 апреля Базарган объявил одной из первоочередных задач правительства «нормализацию» деятельности именно этой прослойки населения (активно финансировавшей духовенство во время антишахских революционных выступлений).

«Кампания восстановления» так и не приняла характера всенародного энтузиазма, на что рассчитывали власти. В первые дни, откликнувшись на призыв Хомейни помочь неимущим слоям населения обрести жилье, служащие государственных учреждений, солдаты, офицеры, рабочие, ремесленники делали добровольные взносы в размере однодневного заработка. Владельцы земли, предприятий по производству стройматериалов и инженерных фирм заявляли о предоставлении для строительства домов безвозмездной помощи. Однако через некоторое время кампания пошла на убыль.

Полученные средства не могли удовлетворить все нужды трудящихся, а нищета, безработица, спекуляция и коррупция, естественно, остались неискорененными. Даже в жилищно-строительном управлении Тегерана власти вскрыли такие злоупотребления, как продажа строительных участков бедноте по завышенным ценам и предоставление домов богатым спекулянтам. Служащие Фонда обездоленных, контролировавшего примерно пятую часть промышленности и сельского хозяйства, открыто выражали недовольство тем, что некоторые органы «покрывают» капиталистов и агентов шахского режима.

Правительственные мероприятия, таким образом, не ликвидировали все углубляющуюся, по словам газеты «Монд», «пропасть между реформистской политикой и революционными чаяниями». Многие безработные требовали вместо фонда помощи ввести систему социального страхования. Рабочие комитеты по-прежнему выступали за национализацию большинства крупных заводов и фабрик. Правительство же было заинтересовано главным образом в том, чтобы восстановить доверие трудящихся к владельцам и директорам предприятий. 24 апреля министерство труда и социальных дел официально отвергло требования рабочих уменьшить продолжительность рабочей недели с 48 до 40 часов.

Во время встречи 22 апреля в Куме с представителями студентов Хомейни заявил, что проблемы экономических трудностей «побочны и решать вначале следует главные вопросы»: изгнать из Ирана «иностранных агентов» и выкорчевать вредоносные корни прошлого режима. «Если народ возьмет в свои руки собственную судьбу,— сказал аятолла,— то он уже не позволит попираť свои права, с одной стороны, американцам, а с другой — Советскому Союзу, англичанам и другим иностранцам».

Провозглашение Исламской Республики Иран не сняло остроты и национальных проблем. 1 апреля в туркменских районах, и в частности вокруг города Гомбеде-Кабус, все еще происходили ожесточенные столкновения. На следующий день в город были введены новые воинские части, поддержанные с воздуха «Фантомами» и военными вертолетами. За неделю здесь погибло около 70 человек и 170 получили ранения.

Правительство по-прежнему возлагало вину за «беспорядки» не только на промонархическую контрреволюцию (участие которой в раздувании национальных конфликтов, хотя и было несомненным, отнюдь не определяло их подлинных причин), но и на организацию феодалов. Побывавшие на месте корреспонденты центральных иранских газет в начале апреля не раз отмечали, что не видели в туркменских районах ни одного представителя этой организации. Тем не менее отряды комитетов и «стражей» повсюду производили аресты феодалов.

Заметно возросли автономистские настроения в районах проживания арабов и белуджей.

В этой связи организация моджахединов обратилась к аятолле Талегани с просьбой поехать в Хузестан и Белуджистан, с тем чтобы успокоить местное население путем

признания их национальных, экономических и культурных прав (как это было сделано в прошлом месяце в Курдистане). От правительства организация требовала предотвратить использование недовольства национальных меньшинств, вызванного последствиями национального и классового гнета при шахском режиме, внутренней и внешней реакцией. В качестве одной из практических мер моджахедины предлагали властям провести в районах проживания туркменского населения подлинно революционную земельную реформу, чтобы не допустить повторения событий в Гомбеде-Кабусе. Реформу, по их мнению, следовало начать с земель, принадлежавших шахскому двору и его приспешникам.

Эти и многие другие призывы демократических организаций были оставлены без внимания. Власти исходили в данном случае из того, что «незаконный» захват земельной собственности ущемляет права мусульманской общины в целом. В этом духе высказались высшие религиозные деятели, в том числе Хомейни и Шариат-Мадари. Они обвинили моджахеdinов в неправильной интерпретации положений Корана. Ибо «что дал Аллах в добычу посланнику Своему от обитателей селений, — то принадлежит Аллаху, и посланнику, и близким, и сиротам, и бедным, и путнику, чтобы не оказалось это распределением между богатыми у вас. И что даровал вам посланник, то берите, а что он вам запретил, от того удержитесь. И бойтесь Аллаха, ведь Аллах силен наказанием!» Иначе говоря, проблема упиралась в вопрос о самостоятельности масс, которую религиозное руководство считало приемлемой лишь в русле движения за создание исламской республики (и исламского общества в целом). На стражу ее коранических и шариатских законов были поставлены отряды комитетов и пасада-ранов, деятельность которых на национальных окраинах в условиях роста автономистских движений как раз и вызвала очередную вспышку недовольства в Хузестане и других провинциях.

Во второй половине апреля в различных районах Хузестана прокатилась волна митингов и демонстраций. Выдвигались требования автономии и увеличения правительственных расходов на нужды провинции за счет доходов от нефти, также выражались протесты против деятельности местных комитетов центрального подчинения, способствующей разжиганию арабо-персидских распрей. Руководитель арабской шиитской общины Хузестана шейх Хагани заявил: если правительство в недельный срок не добьется

упорядочения работы комитетов, он покинет страну, сняв с себя ответственность за все возможные последствия.

Правительство рассматривало национальные выступления в Хузестане как результат «иностранных интриг», направленных на отторжение этой нефтеносной провинции от страны, и «провокаций» феодалов, активно выступавших в защиту прав рабочих-нефтяников. В ответ на выступления власти подвергли репрессиям лидеров автономистского движения. «Стражи», взяв штурмом бюро феодалов в Абадане, арестовали свыше 40 человек. В знак протеста около 500 феодалов и их сторонников провели 25—27 апреля демонстрации у здания министерства юстиции в Тегеране.

Одновременно вновь ухудшилась обстановка в Курдистане, где автономистское движение происходило в условиях острых разногласий между отдельными, подчас враждующими между собой политическими группировками самого разнообразного толка. Проведенные в Сенедедже в середине апреля выборы в городской совет дали большинство автономистам — сторонникам исламской республики во главе с местным религиозным лидером Ахмадом Мофтизаде, который не хотел сотрудничать с представителями светских группировок, избранными в совет. Напротив, в мехабадском городском совете, возглавлявшемся Э. Хосейни (в начале апреля на чрезвычайной конференции руководителей курдских племен он был выбран полномочным представителем курдов на переговорах с центральным правительством), установилось относительно мирное сотрудничество различных группировок. В одном из интервью Хосейни сказал, что Хомейни, сумевший объединить народ для разрушения старого режима, не самый подходящий деятель для руководства нынешним этапом «строительства нового Ирана». «Я не материалист, но предпочел бы социалистическую систему, которая кажется мне наиболее подходящей».

Новое обострение в Курдистане вызвали события в Негаде, где противоречия между курдским населением и местными комитетами центрального подчинения вылились в курдо-азербайджанскую междоусобицу. 20 апреля устроенный на стадионе Демократической партией Иранского Курдистана митинг нескольких десятков тысяч курдов по случаю открытия в городе представительства партии подвергся пулеметному обстрелу неизвестными лицами. 30 человек были убиты и 150 ранены. Вслед за этим начались стычки между курдами и азербайджанцами, в резуль-

тате которых погибло около 180 человек. 23 апреля правительство ввело в Негеде на танках и бронетранспортерах воинские части из близлежащих гарнизонов и отряды «революционных комитетов». Личный состав и тех и других был облачен в курдскую национальную одежду и выступал с портретами шейха Хосейни. В ходе жестокой резни, когда не щадили ни женщин, ни детей, было убито более 150 человек и свыше 500 ранено. Войска сожгли несколько курдских деревень и заняли город Мехабад.

События в Негеде вызвали возмущение иранской общественности. На митингах и демонстрациях в Тегеране и других городах осуждались вероломные действия властей, направленные на раскол революционных сил народа и подавление курдов — инициаторов движения за ликвидацию национального гнета, за национальную автономию, свободу и равенство всех народов в рамках единого демократического Ирана. Приводились данные, согласно которым с конца марта и до начала мая в Курдистане и Гомбеде-Кабусе погибла тысяча человек.

В последние дни апреля впервые после февральской победы произошли волнения и в Иранском Азербайджане, наиболее развитом в экономическом отношении районе проживания национальных меньшинств. На протяжении последних десятилетий он был главной базой автономистского движения. По некоторым данным, азербайджанцы — примерно пятая часть населения страны — составляли 40% коммерсантов иранских базаров. Относительное спокойствие коих иностранные наблюдатели объясняли тем, что в центральном правительстве их представляли такие деятели, как премьер-министр Мехди Базарган, директор-распорядитель ИННК Хасан Назих и адмирал Ахмед Мадани, который после отставки с поста министра обороны был генерал-губернатором провинции Хузестан, а также главнокомандующим военно-морскими силами Ирана. В шиитской иерархии страны азербайджанцы имели такого видного представителя, как аятолла Шариат-Мадари. С его именем и были связаны начавшиеся волнения.

23 апреля в Тебризе, центре Иранского Азербайджана, состоялась 100-тысячная демонстрация в поддержку аятоллы Шариат-Мадари. Демонстранты протестовали против опубликованной газетой «Эттелаат» статьи аятоллы Садека Хальхали, утверждавшего, что во главе Исламско-республиканской партии мусульманского народа Ирана стоят бывшие члены шахской партии «Растахиз» и саваковцы. Исламская республиканская партия отмежеввалась от

статьи, но предложила искать «главные корни подстрекательства» в оставшихся агентах шахского режима и «потерпевших поражение великих державах». Правительство ввело в провинцию войска.

Положение в районах проживания национальных меньшинств и общая внутривнутриполитическая ситуация в Иране были настолько серьезными, что некоторые западные органы печати, в том числе и социал-демократического направления, сочли даже возможным утверждать, что «Ирану угрожает распад под нажимом национальных меньшинств».

Французская «Юманите» писала: «Выступления рабочих нефтепромыслов, служащих, интеллигенции, крестьян убедительно свидетельствуют о том, что в стране действительно существуют прогрессивные силы, которые намерены играть важную роль в политической жизни и не допустить посягательств на свои завоевания».

Сохранявшаяся социальная и политическая нестабильность осложнялась продолжавшимися разногласиями между правящим духовенством и гражданским правительством Базаргана. И без того ограниченные функции его кабинета все больше ущемлялись ближайшими советниками Хомейни, составлявшими в нем своеобразное «правительство в правительстве». 17 апреля на пресс-конференции Амир-Энтезам сообщил, что решения кабинет принимает не на общем заседании, а в ходе работы межминистерских комиссий, возглавляемых заместителями премьера — Язди, Саббагианом и им, Амир-Энтезамом; постановления и законопроекты комиссий потом просто зачитываются на его заседаниях.

Базарган, добившись от Хомейни накануне референдума 30—31 марта приостановки деятельности исламских трибуналов (вплоть до разработки для них властями новых «правил»), а также отсрочки приговора шахскому премьеру Ховеjde, казалось бы, сделал хотя и небольшой, но все же немаловажный шаг к достижению своей цели — подчинить их правительству. Однако 1 апреля Хомейни, выступая по случаю провозглашения исламской республики, сделал намек на возможность как возобновления казней вообще, так и расстрела Ховеjды. Заявив, что бывший начальник САВАК генерал Насири, занимавший этот пост 12 лет, был казнен без судебного разбирательства, поскольку «процесс по его делу противоречил бы правам человека», аятолла резко осудил позицию иностранцев, «которые нас критикуют, хотя во времена шаха молчали».

Через несколько дней, 6 апреля, был опубликован «Устав чрезвычайных исламских революционных трибуналов», регулирующий порядок ареста, допроса, суда и наказания деятелей старого режима. С этого дня исламские трибуналы возобновили судебные процессы. А уже 8 апреля без ведома премьера на закрытом процессе было завершено начатое еще в марте рассмотрение дела Ховеиды, и спустя 15—20 минут приговор был приведен в исполнение. В интервью одной из западногерманских газет Базарган заявил, что не знал о предстоящей казни Ховеиды, но поддерживает смертные приговоры, выносимые «революционными трибуналами». «Что же нам следовало делать? — спросил он. — Воздать Ховеиде почести?» Вместе с тем Базарган констатировал факт независимости трибуналов от правительства и выразил уверенность, что они закончат работу в течение года, а затем передадут свои функции министерству юстиции. Премьер все еще надеялся на утверждение светского правления в «стране тысячи шерифов», как он неоднократно называл послефевральский Иран.

Между тем казни в Иране, несмотря на протесты западных держав, продолжались такими темпами, которые превзошли даже первые горячие дни после февральской победы. Количество казненных к началу мая составило около 160 человек. По признанию властей, примерно 1300 политических заключенных в тюрьмах ждали решения своей участи.

Западная пресса в эти дни развернула активную антииранскую кампанию. «Трибуналы заседают без отдыха» — эти слова французская «Фигаро» вынесла крупным шрифтом на всю полосу. «Орор» подчеркнула, что казни в Иране являются тактикой бегства от экономических трудностей и растущей безработицы. Аналогичным образом высказалась «Вашингтон пост» в статье «Иран под руководством аятоллы Хомейни не более демократичен, чем был при режиме шаха». «Учитывая нынешние обстоятельства, — писала газета, — некоторые наблюдатели считают, что цель массы судебных процессов и произвольных казней должностных лиц и сторонников свергнутого шаха главным образом состоит в том, чтобы отвлечь внимание общественности от неспособности нового режима решить стоящие перед ним проблемы».

Мировая демократическая общественность отметила другой аспект вопроса — неотъемлемое право иранского народа на революционное возмездие. Разоблачая развязанную в буржуазной прессе антииранскую кампанию в связи

с казнью Ховейды, «Юманите» заявила: хотя условия, в которых протекал процесс, недопустимы и вызывают осуждение, Ховейда не является «невиной жертвой» нового режима, как представляют те, кто молчал перед лицом шахских репрессий.

Народ, добившийся победы ценой жизни десятков тысяч своих сыновей, имел бесспорное право на революционное возмездие. И он активно отстаивал это право. Так, в дни приостановки деятельности «революционных трибуналов» жертвы САВАК по всей стране требовали ее возобновления. В начале апреля делегация в составе прокурора Тегерана, представителей трибуналов и «стражей» довела до сведения Хомейни, что, если смертные казни не будут разрешены, народ расправится со всеми заключенными без всякого суда. Факты такого рода имели место, в частности, в Исфагане, где население взяло штурмом центральную тюрьму и расправилось с несколькими руководящими деятелями шахского режима.

Обо всем этом рассказал спустя полтора месяца и сам Базарган французской газете «Монд». В его интервью четко прослеживался еще один аспект проблемы казней, до тех пор остававшийся как бы в тени: какова главная цель той процедуры приговоров и казней, которой следовали «революционные трибуналы» в рамках исламского судопроизводства? Газета писала:

«Так ли серьезны разногласия между аятоллой Хомейни и премьер-министром Ирана Мехди Базарганом по вопросу о смертных казнях, как часто отмечали газеты?

«Главные руководители и палачи старого режима, несомненно, заслуживают смертной казни,— заявил Базарган.— Я возражаю лишь против слишком поспешных процедур, которые применялись...»

Вопреки широко распространенному мнению имам Хомейни тоже высказывается против репрессий без предварительного разбора. «Примерно две недели назад,— сообщил Базарган,— он предложил мне сдерживать рвение населения, призывать его в речи по радио, которую я должен был произнести на другой день, к милосердию».

Имам сказал ему: «Ваше выступление будет иметь со временем положительные последствия. Но пока напряженность так велика, что, если мы не казним виновных, есть риск, что народ поднимется и сам истребит их... Пока что у нас нет выбора. До наступления умиротворения, которым увенчаются ваши усилия, процессы должны продолжаться».

Радикализм масс распространяется на все области, заявил далее премьер-министр. «Их требования до такой степени чрезмерны, что они почти парализуют нас».

Вряд ли Базарган дал бы более ясный ответ на поставленный выше вопрос, если бы его спросили прямо. Справиться с «радикализмом масс», не допустить, чтобы они «поднялись сами» и «парализовали» власти,— вот главная цель принятой процедуры казней, призванной дать выход этому радикализму в нужном русле, удержать его в исламских берегах. О таком вслух не говорят,— такое — делают. Во всеуслышание можно «сдерживать рвение населения, призывать его к милосердию». Либерал Базарган будет делать это с удовольствием, тем более имея высочайшее благословение. Но кто будет его слушать, когда имам молчит или говорит прямо противоположное? А вот «со временем», после того как исламские трибуналы «умиротворяют» массы, а заодно помогут отстранить от влияния на государственные дела левые и либерально-демократические круги, тогда нынешние выступления Базаргана «будут иметь положительные последствия». Если же он к тому времени полностью дискредитирует себя, так ведь... «поистине, Аллах ни в чем не несправедлив к людям, но люди несправедливы сами к себе!»

Итак, революционное возмездие из средства закрепления и углубления завоеваний всенародной антишахской борьбы было превращено в способ утверждения исламской республики и исламского общества, в метод стимулирования политической активизации и консолидации заинтересованных в этом сил, их размежевания с другими политическими течениями.

Одним из свидетельств происходившей в то время активизации исламского движения было образование в начале апреля путем слияния семи небольших групп Организации борцов за святое дело исламской революции. Своими главными задачами она объявила защиту завоеваний «исламской революции» в Иране и распространение ее по всему миру.

— Мы будем вести идеологическую борьбу, а в случае необходимости предпримем и вооруженные акции против элементов, организаций, правительств, великих держав и разных течений, которые препятствуют распространению и осуществлению исламской революции, начиная с правых и левых империалистов и сионистских агрессоров и кончая внутренними интриганами, двурушниками и оппортунистами,— заявило новое объединение.

Организация сразу же приняла подчеркнуто полувоенный характер. Созвав на территории Тегеранского университета митинг, она в отличие от фedaинов и моджахедов, избегавших такого рода демонстраций, открыто выставила машины с пулеметами и большие группы своих вооруженных активистов (юноши были одеты в защитную форму, девушки — в чадру). Призывы к солидарности с Палестинским движением сопротивления, борьбе против египетско-израильского сговора, единству мусульман всего мира сочетались с лозунгами распространения «исламской революции» на всю планету, пересмотра договоров с СССР и т. п.

Другим свидетельством активизации исламского движения явился выход на политическую арену клерикальной организации «Федаяне ислам» («Смертники ислама»). Под таким названием в 40—60-х годах существовала группа, прославившаяся покушениями на шаха и убийством ряда его премьеров и министров. Члены организации открыто хвастались хорошими отношениями их лидера — некоего Хаджа Мехди Эраки с высшим духовенством. Главное место в программных установках «Федаяне ислам» занимала приверженность исламу и антикоммунизму (шахский режим считался антирелигиозным и недостаточно антикоммунистическим). Один из руководителей организации говорил:

— Для нас не существует ничего общего между исламом и коммунизмом. Мы остановим коммунистов силой. Сейчас наша главная задача — помешать осуществлению требования народной армии. Коммунисты в армии опасны, точно так же как и в профсоюзах. В будущем мы предадим гласности список коммунистов на предприятиях. Коран дает нам силу прибегать к любым средствам. Когда придет время и имам Хомейни даст нам приказ, мы уничтожим коммунистов.

Открыто афишируемая близость «Федаяне ислам» к высшему духовенству не была пустым хвастовством. Вскоре аятолла Садек Хальхали открыто объявил себя ее «духовным отцом» (в 50-х годах в этом качестве выступал аятолла Аболькасем Кашани). Как и Организация борцов за святое дело исламской революции, она использовала склады оружия в мечетях и усердно тренировала своих членов в специальных лагерях, местонахождение которых держалось в секрете.

Оборотной стороной активизации исламского движения было появление на политической арене страны таинствен-

пой, глубоко законспирированной и рядящейся в религиозные одежды организации с многозначным названием «Форкан» («Нравственный критерий», «Критерий истины», «Разница между истиной и фальшью» и т. п.). Новая организация заявила о себе рядом террористических акций против деятелей нового режима и листовками, в которых провозглашались задачи утверждения принципов ислама без иерархии аятолл и мулл, борьбы против «диктатуры мулл и ахундов» и шиитской системы имамата вообще. Много позже, после целого ряда арестов ее участников, власти объявили, что «Форкан» была создана четыре года назад молодым муллоу-суннитом Гударзином и насчитывает около тысячи членов, хорошо обученных для осуществления террора. Однако в Иране мало кто верил в ее исламскую суть. По широко распространившемуся мнению, это была антиклерикальная террористическая организация, руководимая американским ЦРУ, израильским МОССАД и агентами бывшей САВАК (то же поначалу говорили и иранские власти). Некоторые западные наблюдатели считали «Форкан» экстремистской последовательницей Али Шариати, поскольку именно ему было свойственно выражать свои в принципе светские идеи с помощью двусмысленных религиозных метафор.

11 апреля Национально-демократический фронт выступил с заявлением о развитии политической ситуации в стране. Там говорилось, что всюду возникают совершенно неизвестные народу организации, открыто провозглашающие своей целью братоубийственную резню, а радио и телевидение широко освещают их сборища, тогда как прогрессивные силы лишены возможности защитить свои позиции. НДФ требовал положить конец подобной пропаганде, усилить контроль властей за деятельностью комитетов, а в случае неповиновения проникших в них контрреволюционных элементов ликвидировать данный институт.

О контрреволюционных элементах в комитетах — демократических по происхождению и революционных по назначению низовых органах народной власти — сообщали все политические объединения. Но каждое из них вкладывало в это свой смысл. Правящее духовенство называло контрреволюционными тех, кто не оказывал безусловной поддержки исламским лозунгам. Правительство Базаргана и представляемая им часть либеральных кругов объявляли таковыми всех нежелающих подчиняться гражданским властям. Либерально-демократические и левые силы относили к числу контрреволюционеров членов комитетов,

которые препятствовали свободе их собственной деятельности, то есть, если исходить из общей логики вещей, наиболее последовательных приверженцев политической власти религиозных деятелей. Поскольку почти все либерально-демократические и левые силы, воздерживаясь от прямых нападков на религиозных лидеров и тем более Хомейни, предпочитали в своей характеристике комитетов не выходить за рамки используемых правящим духовенством определений и дефиниций, постольку религиозные манипуляции термином «контрреволюционные элементы» оказывали влияние на подавляющее большинство населения. (Они сказывались даже на некоторых оценках западной печати. Показательно, однако, мнение «Юманите», писавшей о комитетах как «бесконтрольных, находящихся в руках религиозных деятелей и используемых самими реакционными фракциями буржуазии» органах.) Более того, критические высказывания либерально-демократических и части левых сил о контрреволюционных элементах в комитетах как оружии промонархической реакции активно использовались исламскими лидерами для дальнейшего подчинения себе этих низовых органов народной власти.

12 апреля в связи с действиями одного из комитетов в Тегеране произошли события, способствовавшие резкому обострению в перманентном кризисном развитии послефевральского Ирана.

В этот день два сына аятоллы Талегани, являвшиеся, по всеобщему мнению, членами организации моджахединов, при выходе из здания представительства Организации освобождения Палестины были арестованы группой вооруженных комитетчиков (или, как говорилось в сообщениях информационных агентств, «сторонниками Хомейни»). Их препроводили в одну из казарм в северной части Тегерана. Причины ареста объявлены не были. (Спустя почти две недели представитель ООП в Тегеране Хани Хасан сообщил корреспонденту иранского журнала «Джаване мардан» следующее: члены комитета имели сведения, что сыновья аятоллы Талегани должны доставить отцу послание руководства ООП с просьбой потребовать разрыва дипломатических отношений Ирана с Египтом.) В течение нескольких дней Базарган безуспешно пытался добиться освобождения задержанных; затем их обменяли на одного из ранее арестованных гражданскими властями активиста комитета.

В заявлении от 14 апреля организация моджахединов предупредила: если проблема отношений различных воору-

женных групп не будет решена «по-революционному, по-исламски и по-дружески, то в стране неминуемы вспышки кровавых столкновений» и «возникновение опасности гражданской войны» на радость врагам Ирана. Организация выражала беспокойство по поводу «опасного» роста численности вооруженных групп, происхождение и ориентация которых неизвестны. Она потребовала от правительства более действенного контроля над ними в целях гарантии прав каждого гражданина. Вместе с тем моджахеды объявили, что свои вооруженные отряды предоставляют в распоряжение аятоллы Талегани, которого просят стать их посредником и полномочным представителем в контактах с правительством. Одновременно было выражено пожелание, чтобы другие военные и полувоеенные организации последовали их примеру с целью положить конец царящей в стране неразберихе.

В тот же день у дома аятоллы Талегани по призыву моджахеdinов состоялась грандиозная демонстрация протеста против незаконных действий комитетов. Сам Талегани еще накануне в знак протеста против сложившейся в результате деятельности комитетов обстановки произвола покинул столицу. В последующие дни демонстрации, собиравшие до 50 тысяч человек, проводились в поддержку Талегани. Их участники, в основном молодежь, скандировали: «Слава пламенному борцу Талегани!», «Да здравствуют моджахеды и фedaины!», «Смерть реакционерам и оппортунистам!», «Вычистить контрреволюцию из комитетов Хомейни!»

Кризис в религиозной иерархии Ирана, вызванный отъездом Талегани, дополнился 15 апреля правительственным кризисом. Он был связан с заявлением об отставке министра иностранных дел, лидера Национального фронта К. Санджаби. На следующий день после экстренного заседания кабинета отставка была принята премьером.

Раскрывая подоплеку отставки Санджаби, западная пресса на основе корреспондентских донесений и других материалов сообщала, что министр иностранных дел значительно раньше этих событий ставил вопрос о выходе из правительства ввиду полной невозможности работать в условиях нарастающего хаоса и постоянно усиливающейся беспомощности кабинета. Однако Базаргану удавалось отговаривать его от этого шага. Отъезд Талегани побудил Санджаби наконец осуществить свое решение. Как писала 17 апреля «Нью-Йорк таймс» со ссылкой на близких к Базаргану и Санджаби лиц, оба они после длительного об-

суждения пришли к заключению, что отставка министра иностранных дел будет «самым эффективным способом дать понять аятолле Хомейни, что, если он не примет мер к тому, чтобы призвать к порядку исламские комитеты, Иран может столкнуться с опасным политическим вакуумом и, возможно, с отставкой нынешнего правительства». На вопрос, не вызовет ли эта отставка раскол между Национальным фронтом и силами Хомейни, помощник Санджаби ответил: «Я не считаю, что его отставка означает, что он перестает поддерживать аятоллу Хомейни. Можете быть уверены, что это в равной степени относится и к аятолле Талегани».

Относительно отъезда Талегани корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» писал: «Лица, близко стоящие к аятолле Махмуду Талегани, духовному вождю мусульманской общины Тегерана, намекнули, что его исчезновение представляет политический протест с «ограниченной продолжительностью» во времени. Однако они признали, что прямым поводом к отъезду стал арест его сыновей... Аятолла Талегани — старый друг Базаргана, и, насколько известно, оба они часто советуются друг с другом. Передают, что задолго до ареста сыновей аятоллы Талегани оба они разочаровались в деятельности комитетов».

Относительно позиции самого Хомейни тот же корреспондент сообщил: «Посол одного из арабских государств в Тегеране, имеющий связи с религиозными кругами, близкими к аятолле Хомейни, заявил, что среди окружения аятоллы многие одобряют действия комитетов. Он добавил, что аятолла Тегерана Аляме Нури — еще один видный религиозный деятель — говорил многим своим знакомым, причем однажды в присутствии самого посла, что он одобряет арест сыновей аятоллы Талегани. «Они левые», как передают, заявил аятолла Нури. Сам аятолла Хомейни приказал начать расследование, чтобы выяснить, кто несет ответственность за аресты, но до сих пор он в общем ни разу не критиковал деятельность комитетов. Неопределенность его позиции равнозначна молчаливому одобрению деятельности комитетов, включая ускоренное судопроизводство и казни, которые все еще совершаются».

На основе приведенных данных корреспондент «Нью-Йорк таймс» сделал вывод: «Отставка министра иностранных дел Карима Санджаби и временный отъезд из Тегерана популярного религиозного руководителя Талегани, видимо, представляют собой отчаянную попытку спасти Временное правительство и подготовить почву для мер,

призванных обуздать рвение исламских комитетов аятоллы Рухоллы Хомейни». Последующие события, в частности публичные разъяснения Санджаби и Талегани, подтвердили данный вывод.

Хомейни воспринял эти неожиданные события с присущим ему хладнокровием и твердостью. 15 апреля он произнес в Куме две речи — перед делегацией молодых трудящихся и студентов, а также перед делегацией офицеров и солдат. В первой речи аятолла обязал «стражей» пресекать действия «агентов заграницы» и «предателей, пытающихся провоцировать беспорядки среди рабочих». Во второй речи он сказал: «Сегодняшняя армия отличается от прежней армии. Те, кто выступает с нападками на нее, — враги ислама». Утром 16 апреля иранское радио сообщило, что 18 апреля во всех городах страны состоятся военные парады, поскольку вооруженные силы хотят продемонстрировать свою поддержку исламской республике. На следующий день, 17 апреля, Хомейни принимал в Куме парад военнослужащих из Тегерана и Керманшаха. Тогда он заявил, что отныне в Иране ежегодно будет отмечаться День исламской армии. Таким образом, лидер революции демонстрировал наличие под его руководством — наряду с ревкомками и формируемым Корпусом стражей исламской революции — регулярной армии, которую отнюдь не собирается ни ликвидировать, ни уступать другим политическим силам. «Не отворачивайся от врага ни тогда, когда он просит мира, ни тогда, когда ищет войны», — говорил великий Саади.

Внешне мягко и примирительно прозвучало заявление ответственного за «революционные комитеты» аятоллы Махдави-Кяни. Как только тегеранская полиция будет в «работоспособном состоянии», сказал он, комитеты столицы должны быть распущены. Это чуть ли не первое официальное заявление полномочного религиозного руководителя о возможном роспуске комитетов в данной конкретной ситуации имело и другое практическое значение: подчеркнуть намерение религиозных властей восстановить под своим контролем наряду с армией и полицейские формирования.

Становилось правилом демонстрацию силы сопровождать угрозами в адрес левых, и в том числе НПИ. 17 апреля на пресс-конференции заместитель премьера Амир-Энтезам сказал: поскольку все прежние законы государства остаются в силе, партия Туде — в соответствии с ними — считается незаконной; что касается издаваемых

ею газет, то «причина этого — слишком большая свобода, а за это несет полную вину и ответственность правительство». На следующий день ЦК НПИ заявил, что Временное правительство обязано своим существованием революции, навсегда уничтожившей законы антинародного шахского режима, а не уважению этих законов.

Слова и угрозы правительства в адрес левых подкреплялись делами. Власти начали слежку за прогрессивными кругами, установили агентурный надзор за квартирами членов НПИ и других демократических организаций, прослушивали их телефонные разговоры. Радио и телевидение усилили кампанию нападков на коммунистическую идеологию, Народную партию и Советский Союз. В связи с этим газета «Мардом» писала, что антикоммунистическая пропаганда сигнализирует о начале организованного наступления на прогрессивные круги вообще и на левые партии и организации в частности.

Указывая на усилившиеся происки контрреволюции, НПИ назвала в числе ее главных носителей империализм и сионизм, стремящиеся отвлечь иранский народ от главных целей революции междоусобицами, распрями и побочными проблемами, и либеральную буржуазию, бывшую до сих пор попутчиком революционного движения и теперь старающуюся удержать его в рамках своих ограниченных интересов. Проявление взглядов либеральной буржуазии НПИ усматривала в деятельности Временного правительства. В газете «Мардом» разоблачались контрреволюционные элементы, просочившиеся в руководство некоторых «революционных комитетов» и стремившиеся с помощью провокационных действий скомпрометировать эти народные организации, добиться роспуска комитетов и замены их полицией. Газета призывала дать отпор всем «сеятелям раскола» в целях сплочения подлинно революционных сил в едином народном фронте.

Между тем не прекращались многотысячные демонстрации и митинги в поддержку аятоллы Талегани. Вслед за моджахедами в них приняли участие многие левые и либеральные организации и группы. Кампанию за возвращение Талегани федаины называли национальным долгом. Демократическая партия Иранского Курдистана призывала мятежного аятоллу поселиться в курдских районах. Национально-демократический фронт рассматривал случай с арестом сыновей Талегани как свидетельство наличия угрозы «фашистского переворота». Участники кампании выступали с протестами против действий реакции,

просочившейся в комитеты, и руководства радио и телевидения, проводящего политику консервативных групп исламского духовенства.

Одновременно в печати резко усилилась критика правительства. Известный писатель Насер Ирани заявил, что пынешний кабинет отнюдь не революционен, а представляет кучку буржуазных реформистов и оппортунистов.

Таким образом, кризис, вызванный в значительной мере находившимся у власти руководством ряда либеральных организаций, стал обращаться против него самого.

В этих условиях руководство Национального фронта попыталось направить настроения общественности в нужное ему русло. 17 апреля на трехтысячном митинге сторонников НФ К. Санджаби объяснил свою отставку отсутствием у правительства реальной исполнительной власти и громадными трудностями, которые создают безответственные элементы и разного рода комитеты, поставившие под свой контроль все исполнительные учреждения. В качестве примера он назвал неподчинение ему иранских посольств и консульств за рубежом. Эти элементы и группы, образовавшие некие «правительства в правительстве», приведут революцию к трагедии. Поэтому Санджаби предложил все народные вооруженные отряды передать под контроль правительства, с тем чтобы оно могло обеспечить подлинную безопасность каждого гражданина страны и приступить к осуществлению социально-экономических преобразований. Задержка с их проведением, как сказал руководитель НФ, вызывает серьезное беспокойство трудящихся. Далее Санджаби приветствовал аятоллу Хомейни, итоги референдума и разрабатываемый проект конституции, декларировал «искреннюю приверженность правительства чаяниям народа» и тут же — под аплодисменты присутствующих — резко выступил против наличия в Иране Исламского революционного совета, который и есть «правительство в правительстве».

18 апреля в Тегеране и других городах состоялись назначенные Хомейни военные парады в ознаменование Дня исламской армии Ирана. Колонны войск с боевой техникой шли под лозунгом «Армия для народа, народ — для армии». Рядом двигались колонны демонстрантов, скандировавшие: «Наш вождь — Хомейни, военнослужащий — наш брат». В небе кружили самолеты.

Выход армии на улицы в обстановке непрекращавшихся манифестаций и митингов продемонстрировал готов-

ность Хомейни принять брошенный фактически лично ему вызов со стороны либеральных кругов. Отсутствие в заявлениях их руководителей имени имама или же, наоборот, славословия в его адрес практически не меняли дело, но могли в случае надобности послужить для них «мостом» к отступлению. Так оно и случилось.

В тот же день, 18 апреля, в вечерней газете «Эттелат» появилось заявление Талегани, переданное им по телефону из своего убежища в сельской местности. Он перечислил причины, побудившие его покинуть столицу: «в связи с тем, что народные массы обездолены, ради защиты свободы и независимости нашей любимой страны, а также для того, чтобы наша страна снова не оказалась под гнетом диктатуры и деспотизма». Спустя несколько часов радио передало новое обращение Талегани к народу. Он выразил благодарность за оказанную ему поддержку и призвал не проводить больше демонстраций и митингов. Далее говорилось: «На днях я вернусь к вам. Я прошу вас не проводить в тот день демонстраций, и я желал бы также, чтобы студенты и школьники возобновили занятия... По возвращении я побеседую с аятоллой Хомейни и сообщу вам результат своих размышлений». Таким образом, Талегани, второй по популярности религиозный руководитель Ирана, способный поставить под вопрос лидерство имама, ясно дал понять, что не намерен противопоставлять себя Хомейни. Он даже собрался отправиться в Кум, что фактически значило «пойти в Каноссу».

Вечером того же дня состоялась часовая беседа двух аятолл. Сообщение об этом иранское радио сопровождало почтительными высказываниями о Талегани и его длительной борьбе за дело революции. Встреча была оценена как «полезная», но содержание ее не раскрывалось.

Утром 19 апреля Хомейни встретился с руководителями тегеранских комитетов. «Враги пытаются посеять вражду среди самих религиозных лидеров», — заявил он, выразив при этом удивление тем, что «неверующие участвуют в манифестациях солидарности с тегеранским аятоллой». Хомейни высказался за «сохранение исламских комитетов, так как правительство не способно силой осуществить свой долг и свои обязанности». Однако он подчеркнул необходимость «чистки» комитетов от контрреволюционных элементов. В другом выступлении того же дня Хомейни осудил империализм и иностранных заговорщиков.

В свою очередь Талегани говорил по телевидению в основном о лидерстве Хомейни. Как утверждают персы,

пять пальцев — братья, но они не равны между собой.

Встреча двух аятолл оживленно комментировалась в западной печати. «Дейли телеграф» расценила ее как «соглашение, которое в значительной степени нейтрализует нынешний кризис в руководстве нацией». «Юманите» указывала, что вопрос о демократических свободах так и остался открытым. «Гардиан» констатировала: «Шестидневный протест, устроенный Талегани, так ни к чему и не привел». Вместе с тем газета утверждала, что «в структуре власти никаких радикальных перемен не предвидится. Более того, исламским революционным комитетам, возможно, будет придана еще большая роль в управлении страной».

Следовательно, «протест, устроенный Талегани», все же к чему-то привел, а именно — к полной победе Хомейни, не только отстоявшего комитеты, но и получившего наконец возможность официально заявить об их «чистке» от «контрреволюционных элементов», — змею нужно убивать руками врага. Впрочем, «враг» в данном случае был и другом: каждый аятолла, каждый религиозный деятель может представлять разные слои и группы народа, различные политические устремления, но если он сохраняет приверженность идеалу исламской политической системы, то остается в первую очередь выразителем корпоративных (групповых, сословно-цеховых) интересов духовенства. Конечно, результаты «мятежа Талегани» были обусловлены не только его личной позицией. Важное значение имела обстановка в лагере тех политических сил, которые решили оказать ему поддержку. А она была примерно такой, как в старой персидской притче об ограблении горсткой разбойников огромного числа постояльцев караван-сарая: разбойников было двое вместе, постояльцев — сто человек в одиночку.

В калейдоскопе событий тех дней, приукрашенных сладкозвучной восточной речью и одобренных изрядной долей антиимпериалистической риторики, непосредственные результаты «мятежа Талегани» воспринимались как почетный и в общем-то желанный компромисс. Это не могло не сказаться на настроениях левых и демократических организаций.

20 апреля моджахедины созвали на тегеранском кладбище траурный митинг (собравший почти 100 тысяч человек) в память о погибших членах организации. В своем выступлении один из видных руководителей моджахеdinов предупредил о плетущихся в Иране империалисти-

ческих заговорах с целью раздувания разногласий между народными силами. В этой связи он отметил, что группы людей, прячущиеся за спиной религиозного руководства, используют авторитет и имя аятоллы Хомейни для того, чтобы вводить в заблуждение народ.

В тот же день на территории Тегеранского университета состоялся митинг, посвященный памяти погибших в шахских застенках членов организации фedaинов. Он проходил под лозунгами: «Осуждаем происки империализма и внутренней реакции, направленные на раскол в рядах народа и на разжигание гражданской войны», «Мы поддерживаем антиимпериалистическую позицию имама Хомейни», «Мы приветствуем революционные казни ставленников старого режима». Небольшая группа членов «Федаяне ислам» с транспарантами, гласящими «Ислам побеждает, коммунизм погибнет», и с портретами Талегани пыталась сорвать митинг; фedaины не поддались на провокацию.

Следование лозунгу борьбы с «контрреволюционными элементами», который навязывался «сверху», не гарантировало безопасность левых и демократических организаций. В конце апреля, как уже отмечалось, «стражи» атаковали бюро фedaинов в Абадане и арестовали свыше 40 членов организации. Одновременно заместитель премьер-министра Амир-Энтезам выступил с публичными нападениями на фedaинов. В заявлении по этому поводу организация подчеркнула, что Амир-Энтезам не имеет права судить о революции и ее участниках, поскольку сам «не внес никакого вклада в победу этой революции, находясь за границей».

Более того, всеобщее использование лозунгов борьбы с «контрреволюционными элементами» отнюдь не препятствовало углублению прокладываемого «сверху» водораздела между верующими и «коммунистами». Показательна в этом отношении сидячая забастовка в конце апреля в здании министерства юстиции. Ее устроила какая-то Организация передовых студентов в знак протеста против действий агентов империализма и внутренней реакции, пытающихся подавить народное движение и ликвидировать завоевания революции. Участники забастовки требовали освободить из тюрем членов революционных организаций, прекратить пытки и издевательства над ними со стороны «стражей», предоставить полную свободу митингов и собраний и т. п. Одновременно в другом помещении того же министерства митинговали студенты —

противники левых организаций. Они обвиняли своих «со-седей» в принадлежности к «коммунистам» и пѣддержке «провокаторов-ѣдаинов, пытающихся расколоть страну». Такого рода контрдемонстрации были следствием постоянной антикоммунистической и антилевой пропаганды, ве-дущейся радио и телевидением.

После ликвидации кризиса на уровне религиозной иерархии власти приступили к решению правительственного кризиса. 22 апреля Амир-Энтезам объявил, что остав-ленный Санджаби пост министра иностранных дел по сов-местительству занял сам Базарган, но из-за чрезмерной занятости назначил своим представителем в МИДе Язди. Однако вскоре Язди лишился ключевого поста замести-теля главы правительства по делам революции и стал пол-ноправным министром иностранных дел.

В Иране и за его пределами многие считали, что имен-но Язди в большей части ответствен за действия «рев-комов» и «стражей». Как утверждала ливанская печать в конце апреля, приверженцы Талегани в ходе частного расследования установили, что нападение на его сыновей было совершено сподручными Язди. Иранская либераль-ная газета «Пейгаме эмруз» предупреждала Базаргана, что в его кабинете «окопался фашизм в лице Язди»; на-травливая религиозные массы на передовую интеллиген-цию и органы печати, он подготавливает установление «фашистского режима» в стране. Комментируя новое на-значение Язди, «Юманите» отмечала, что он «ближайший соратник аятоллы Хомейни», и напоминала, что пост ми-нистра иностранных дел считается в сегодняшнем Иране второстепенным.

Возникшее в связи с этим мнение о победе либераль-ных кругов и упрочении позиций кабинета Базаргана зна-чительно утвердилось, когда вновь учрежденный пост заместителя премьера по вопросам сотрудничества пра-вительства с различными ведомствами и общественными организациями занял Мохаммед Хосейн Баниасади, зять Базаргана, хотя этот пост не предусматривал таких широких полномочий, какими располагал Язди, будучи заместителем премьера по делам революции. Эту точку зрения не поколебал и факт выхода в отставку Салама-тияна, заместителя министра иностранных дел, одного из соратников Санджаби по Национальному фронту.

Сам Базарган, видимо, тоже рассматривал реорганиза-цию кабинета как немаловажный шаг на пути упроче-ния позиций своего правительства. Именно в те дни он

вновь выступил против деятельности комитетов. Поводом послужило убийство 23 апреля бывшего начальника генштаба генерала Гарани, ответственность за которое взяла на себя «Форкан». Эта организация направила в газеты заявление о том, что осуществила акт возмездия за «преступления, совершенные при шахском режиме, и массовые убийства жителей Курдистана». Возвратившись с похорон генерала Гарани, премьер после трехнедельного молчания выступил по радио и телевидению с часовой речью. Он подверг резкой критике «революционные комитеты» и «стражей», призвал положить конец анархии и «правлению, основанному на жажде мести». «На всех нас лежит клеймо — все мы волей или неволей сотрудничали с прежним режимом, — сказал он, — у большинства людей просто не было другого выхода».

Однако Базаргану и умеренно-либеральным кругам не пришлось торжествовать победу. Как справедливо заметила французская «Матэн», несмотря на некоторые словесные уступки, Хомейни менее, чем когда-либо раньше, был готов пойти на попятную. Газета отмечала, что его позиции еще больше утвердились после отставки министра иностранных дел Санджаби. Действительно, в результате перемещения на освободившуюся должность Язди, до этого в определенной степени контролировавшего комитеты и «стражей» соответствующая функция не только не перешла к Базаргану, но и фактически была полностью изъята из ведения правительства. Что же касается самого факта понижения в должности Язди, сосредоточившего к тому времени в своих руках значительную власть, то, как показали последующие события, оно тоже было не уступкой Базаргану и либеральным кругам, а проявлением общего стиля руководства.

Таким образом, апрельский кризис завершился в пользу имама и блокирующей с ним части религиозного руководства, получивших возможность продолжать политику институционализации идеи исламской республики. Для правительства Базаргана результаты этого кризиса оказались подобны действию «шагреновой кожи»: за каждой кажущейся уступкой Хомейни своему гражданскому кабинету министров отныне следовало реальное ослабление его позиций и влияния. Главная задача правящего духовенства теперь состояла в том, чтобы преодолеть сопротивление левых организаций и либеральных групп вне правительства созданию исламской политической структуры.

Месяц четвертый

БОЛЬШИНСТВО И МЕНЬШИНСТВО

Защищая в Законодательном собрании революционное меньшинство, Робеспьер с присущей ему пылкостью говорил:

— Чтобы увековечить раздоры и стать руководителями прений, уже надумали проводить различие между большинством и меньшинством Собрания. Это новый способ опозорить и заставить замолчать тех, кого обозначают этим последним наименованием. Я не знаю ни меньшинства, ни большинства. Большинство — это честные граждане. Большинство не является постоянным, ибо не принадлежит ни к какой партии. Оно обновляется при каждом свободном обсуждении, потому что оно принадлежит общественному делу и вечному разуму... Меньшинство повсюду обладает одним вечным правом, правом подать голос правды или того, что оно считает правдою. — И неожиданно заключил:

— Добродетель всегда была в меньшинстве на земле. Не будь этого, земля не была бы заселена тиранами и рабами.

1 мая 1979 г., или 11 ордибехешта 1358 г., осталось в памяти иранцев отнюдь не в связи с торжествами по случаю международной солидарности трудящихся. (Имам тогда говорил, что праздник рабочих следует отмечать не

один раз в году, а постоянно, поскольку Аллах всегда с ними.) В этот день в гуле нескончаемых и ставших уже привычными перестрелок в Тегеране прогремел залп, отзвук которого не стихал в политической жизни страны в течение месяца. Террорист нанес точно рассчитанный удар по шиитской иерархии Ирана. Из ее рядов навсегда был вырван верный ученик и соратник Хомейни, слывший одним из ведущих членов все еще тайного Исламского революционного совета, — аятолла Мортеза Мотаххари. Убийство произошло после заседания ИРС в доме государственного министра Ядоллы Сахаби. Как сказал Хомейни, со смертью Мотаххари он «потерял часть самого себя». Правда, в послании семье покойного имам заявил: «Чем больше прольется крови верующих, тем крепче будет вера в освободительную миссию ислама».

Ответственность за второе в течение последних 10 дней политическое убийство взяла на себя «Форкан». Люди, представившиеся членами этой группы, сообщили по телефону местным органам печати и представительствам западной прессы, что убийство Мотаххари — только первый шаг на пути осуществления идеалов «Форкан» и что за ним последуют расправы с четырьмя «импортированными революционерами» — Язди, Готбзаде, Амир-Энтезамом, Банисадром.

Новый акт политического террора был очередным свидетельством острой напряженности в стране. Всеобщая перазбериха, царившая в политической области, могла сравниться разве что с экономическим хаосом. Твердо не выбрав путь развития, который способствовал бы выходу из тяжелого положения, режим оставался парализованным перед лицом бесчисленного количества нерешенных проблем.

Отсутствие долгосрочной экономической программы сказывалось на государственном бюджете. С началом нового финансового года (21 марта) правительство объявило о намерении планировать бюджет помесечно. Но уже с мая, потерпев неудачу, стало разрабатывать его на все оставшиеся месяцы года, причем никакие данные не публиковались. Из заявления государственного министра по делам планово-бюджетной организации Али Акбара Моинфара стало известно, что около 80% годовых доходов должны были составить прибыли от продажи нефти. По его словам, этой суммы едва хватит на зарплату рабочим и служащим и на другие текущие расходы. Многие участники конференции губернаторов провинций, проходив-

шей в Тегеране в середине мая, возмущались тем, что правительство возлагает на них задачу ликвидации безработицы, выделив ассигнования, которые почти в 30 раз меньше ранее намеченных.

В своей экономической деятельности правительство Базаргана по-прежнему исходило из уже сложившегося курса на поощрение частного сектора в целях оживления экономической активности. 5 мая директор Центрального банка Али Моулави заявил, что соответствующие действия правительства не следует истолковывать как «поддержку капиталистов».

Такого рода заявления отражали дальнейший рост антикапиталистических настроений. Даже на упомянутой конференции губернаторов раздавались призывы определить наконец судьбу частных промышленных предприятий, брошенных владельцами во время революции. «Обострение обстановки в стране,— заявили губернаторы,— может вынудить народ, утрачивающий веру в ислам, схватиться за любую другую руку, которую ему охотно протянут». Эти призывы, как и выдвигаемые левыми силами требования национализации, правительственные деятели переадресовывали Учредительному собранию, которое должно было принять конституцию, и новому, постоянному правительству.

Базарган был поборником полулиберальной экономической системы, основанной на сотрудничестве сильного государственного сектора и частного предпринимательства. Но, испытывая давление сторонников различных, подчас принципиально противоположных концепций развития, он предпочитал ограничиваться решением текущих задач. Естественно, многие в Иране и за его пределами усматривали в действиях кабинета желание сохранить старую экономическую систему. Вместе с тем некоторые полагали, что за неимением других возможностей премьер использовал нерешенные экономические проблемы и трудности как способ воздействия на своевольное религиозное руководство, не имевшее четко разработанной экономической программы.

В иранском руководстве только один деятель располагал такой долгосрочной программой, им был советник аятоллы Хомейни по вопросам экономики Абольхасан Банисадр. Отказываясь занять какой-либо официальный пост, он все активнее выходил на политическую арену. Банисадр постоянно критиковал правительство Базаргана за стремление «сохранить нынешнюю систему, проводя

лишь отдельные реформы», и говорил о намерении «мобилизовать народ» на осуществление «революционной политики». Ее принципы Банисадр изложил в своих интервью и публикациях: освобождение от иностранной зависимости, превращение капитала из «средства угнетения народа в средство освобождения», справедливое распределение общественных благ. Это означало ликвидацию исключительной ориентации экономики на экспорт нефти и импорт потребительских товаров; «иранизацию» промышленности, то есть отказ от сборки деталей, изготовленных в развитых странах, и развитие местных предприятий, преимущественно мелких, которые опирались бы на отечественное сырье и внутренние ресурсы; усиление зависимости банков от государства, а быть может, и национализацию их; отделение «управления капиталом от управления производством» путем создания на предприятиях управленческих комиссий (поскольку проблема состоит в национализации не капитала, а права принимать решения); проведение аграрной реформы путем предоставления крестьянам земель крупных помещиков (а последним — равноценных участков за счет целинных земель); ликвидацию безработицы с помощью политики активизации мелких предпринимателей, кустарей, то есть «истинных производителей».

Эти меры, по мнению Банисадра, должны привести к ликвидации эксплуатации человека человеком и созданию «экономики божественной гармонии», которая, не будучи «ни капиталистической, ни марксистской», избежит фатальной судьбы «общества потребления». Ее основополагающий принцип — «исламизация и иранизация потребления» (то есть ограничение потребностей человека «разумными» нормами, освобожденными от жадности и зависти и определяемыми путем обращения к богу), запрещение ростовщичества и «транжирства» во всех сферах хозяйственной активности. Ведь корень зла, подчеркивал Банисадр, заключен не в производственных отношениях, а в несправедливом распределении и особенно потреблении. Главное в исламском обществе — принцип труда, мотивом отношения к которому должно быть отношение рабочего к богу. В результате труд станет настолько осознанным и одухотворенным, что человек будет трудиться даже тогда, когда ничего за это не получит.

Пока что одной из важных мер в области исламизации экономики было открытие так называемого Исламского банка. Он был создан по распоряжению Хомейни, который

еще до февральской победы объявил ростовщический процент противоречащим Корану. Новый банк основывался на беспроцентном кредитовании частных предпринимателей, столкнувшихся с финансовыми трудностями в результате революции. Одну часть банковского фонда составили государственные взносы, делавшиеся за счет нефтяных доходов, остальную предполагалось покрыть путем частных вкладов и добровольных пожертвований. Правительству так и не удалось преодолеть трудности, связанные с открытием счетов и выполнением обязательств по использованию кредитов. Последние направлялись их получателями на погашение долгов, а не на возобновление экономической активности. Кроме того, банк не мог удовлетворить запросы всех предпринимателей.

Другим шагом в области исламизации экономики явилось широкое внедрение религиозных деятелей во все звенья административного управления на заводах и фабриках. Хотя некоторые участники майской конференции губернаторов объясняли продолжавшееся падение уровня производства на многих предприятиях именно тем, что назначения на руководящие посты производились не по деловой квалификации, а по благочестию. Сохранившиеся на крупных предприятиях гражданские администраторы, жалование которым было значительно урезано, соперничали с самим Хомейни в аскетической простоте рабочих кабинетов и регулярном совершении молитв — намазов. «Выстаивайте же молитву, приносите очищение и повинуйтесь посланнику, — может быть, вы будете помилованы!»

В выступлениях духовенства, радио- и телекомментариях, в текстах уличных плакатов утверждалось, что революция в экономической и социальной сферах может быть завершена только на основе «революционной перестройки моральных человеческих отношений по исламским канонам». Конечная цель «исламской революции» — «построение бесклассового общества» — будет достигнута путем «духовного возрождения людей в исламе», а не классовой борьбы.

Подобные заявления не мешали религиозному руководству укреплять свои военно-политические позиции. 7 мая власти официально объявили о создании Корпуса стражей исламской революции, призванного стать преторианской гвардией духовенства. В заявлении штаба корпуса говорилось, что он создан в целях защиты «исламской революции» в Иране и ее распространения в мире, а также

оказания помощи в исполнении распоряжений «революционных судов» и органов юстиции. Численность корпуса в течение ближайших месяцев должна была составить не менее 10 тысяч постоянных бойцов и несколько сотен тысяч резервистов. Их набирали из безработной и до самозабвения преданной исламу и Хомейни молодежи. Бойцы проходили военное и религиозно-идеологическое обучение, занимаясь по 16 часов в сутки. Им были обеспечены высокие оклады, бесплатное обмундирование и питание, льготы при получении жилья и пр. Отряды «стражей», подчинявшиеся И. Язди, перешли под контроль Исламского революционного совета.

Религиозное руководство активно использовало Корпус стражей исламской революции в борьбе за подчинение себе основной массы «революционных комитетов» на местах. Составной частью этой борьбы являлась ликвидация непокорных центральным властям комитетов под предлогом выполнения решения о разоружении населения (согласно официальным источникам, у частных лиц все еще находились несколько сотен тысяч винтовок, автоматов и даже пулеметов). К концу мая «стражам» с помощью армейских и полицейских частей удалось расформировать многие комитеты в Хорремшахре, Кашане, Тебризе и других городах в районах проживания национальных меньшинств.

В своих действиях власти имели возможность использовать и жалобы премьер-министра на поведение «проявляющих самостоятельность» исламских комитетов. Используя имя имама и революционные лозунги, говорил Базарган, они в интересах тех или иных местных деятелей вступают в конфликты друг с другом и вмешиваются в дела центрального правительства, смещая назначенных Тегераном губернаторов и государственных чиновников. «Если такая ситуация будет продолжаться,— предупредил 28 мая глава Временного правительства,— то нормализовать обстановку и осуществлять власть не сможет никакое постоянное правительство и никакой президент». Через два дня радио передало речь Хомейни, в которой он фактически поддержал точку зрения премьера. Аятолла призвал исламские комитеты не давать своими необдуманными действиями повода «хулителям ислама» чернить его «чистый образ» в глазах всего мира.

Укреплению военно-политических позиций духовенства служили и меры по усилению его контроля над возрождаемой старой армией. К середине мая смертной казни

подверглось более 30 генералов и старших офицеров, известных тесными связями с шахским двором. Одновременно укреплялась «исламская дисциплина» в вооруженных силах. 23 мая приказом министра обороны был подтвержден запрет военнослужащим вступать в политические партии и организации. Спустя 10 дней было официально объявлено о запрещении военнослужащим и вольнонаемным специалистам участвовать в митингах и демонстрациях. Ввиду недовольства, вызванного в воинских частях этим распоряжением, начальник генштаба был вынужден заявить, что в свободное от службы время, находясь вне гарнизона и будучи в гражданской одежде, военные могут участвовать в митингах, манифестациях и других мероприятиях различных партий и политических организаций. Однако в гарнизоне они должны «забывать» о своих идеологических разногласиях и сохранять единство ради исполнения своего национального долга. Это, по его словам, будет проявлением солидарности с народом, поскольку армия находится в распоряжении народа и должна подчиняться правительству как его представителю.

Таким образом, властям приходилось сталкиваться с немалыми трудностями при укреплении «исламской дисциплины» в вооруженных силах. 29 мая Базарган указывал на случаи неповиновения солдат и сержантов офицерам. Он вновь отклонил выдвигаемые некоторыми группами военнослужащих требования «выборности командиров» и коллегиального обсуждения каждого распоряжения «сверху». Позже было объявлено: если военнослужащие не смогут добиться удовлетворения своих требований через вышестоящего командира, то имеют право обращаться в военную прокуратуру.

Меры по возрождению старой армии и разоружению непокорных комитетов проводились на волне нового ужесточения деятельности трибуналов. 8 мая была казнена самая большая группа бывших деятелей шахского режима — 21 человек. На следующий день в Тегеране расстреляли еще 6 человек. Тем самым новый режим показывал инакомыслящим, что их ждет в случае противодействия «исламской революции».

Самыми активными противниками исламской системы судопроизводства были либеральные круги. 5 мая умеренная политическая группировка Иранское радикальное движение (близкая к НФ) опубликовала открытое письмо премьер-министру. Она критиковала деятельность «революционных трибуналов», не считающихся ни с междуна-

родными принципами, ни с правами человека. «Не допускайте, чтобы из-за таких средневековых наказаний, как избивание плетью, авторитет и честь революции оказались запятнанными. Не терпите никакого нарушения гражданских прав и свобод, никаких нападков на священное культурное и традиционное наследие иранского народа». Напомнив, что цель революции состояла не в том, чтобы предоставить ислам нации, исповедующей его уже почти 14 веков, а в установлении справедливости, организация требовала опубликовать наконец имена всех членов Исламского революционного совета, дать «дополнительные разъяснения» о прошлом «трех новых деятелей» (Язди, Готбзаде и Банисадра), поставить под контроль правительства работу трибуналов и комитетов, создать широкую политическую организацию с участием всех группировок, чтобы «найти логичные решения трудностей, возродить мораль и покончить с отчаянием», охватившим народ и страну.

Казни в Иране вызвали новые протесты и со стороны большинства западных правительств и средств массовой информации. В середине мая с таким осуждением выступил американский сенат. В следующем месяце министерство юстиции ФРГ направило иранскому правительству от имени 55 стран письмо протеста против деятельности исламских ревтрибуналов, после чего министр юстиции Ирана А. Мобашери осуществил свое давнее намерение выйти в отставку. «Кровь льется в Тегеране», — писала французская «Орор».

Руководящие религиозные деятели, в том числе Хомейни, печать и радио довольно аргументированно разоблачали «крокодиловы слезы» (как отмечалось в одной радиопередаче) Запада в отношении судьбы бывших приспешников шаха. Казни, являющиеся актом революционного возмездия народа, отмечали они, ни в какое сравнение не идут с преступлениями шахского режима и САВАК, от рук которых пострадала почти каждая семья в Иране. Где же тогда были «защитники прав человека»? Отчего не протестовали они? Не потому ли, что прошлый режим гарантировал их империалистические интересы в Иране? И не потому ли они подняли свой голос именно сейчас, когда эти интересы пострадали в результате иранской революции? Мы знаем, говорилось в комментарии тегеранского радио 21 мая, что «защита прав человека» — только предлог, скрывающий истинные цели американского империализма.

Однако, публично отстаивая право народа на революционное возмездие, высшее духовенство продолжало требовать от правительства Базаргана, чтобы оно сдерживало население, призывало его к милосердию, ссылаясь на ислам как «религию прощения и великодушия». Такая двойственная тактика религиозного руководства преследовала цель: превратить революционное возмездие из средства закрепления достижений антишахской борьбы в способ утверждения исламской республики. Вместе с тем эта тактика, которую Базарган стремился использовать в интересах либерализации режима, на деле еще больше изолировала правительство от широких масс. В народе считали, что именно оно препятствует казням с целью пощадить представителей старого строя, а может быть, и открыть путь для его реставрации. В этих условиях Базарган подвергался критике со стороны не только близких ему по духу либеральных кругов, но и того же духовенства.

Интересен следующий факт. Либеральный журнал «Омиде Иран» в одном номере поместил интервью аятолы Раббани-Ширази, заявившего, что правительство «действует, к сожалению, не решительно и далеко не как революционное», и редакционную статью, которая упрекала премьера в неспособности навести мосты между религиозными массами и прогрессивной интеллигенцией, не говоря уже об осуществлении чаяний этих основных групп населения. Базаргана следует обвинять, отмечалось в статье, не в слабости и нерешительности (ибо ему не дают возможности действовать иначе), а в отсутствии ясной идеологической платформы и политического курса. Потоками жалоб на народ и безответственных деятелей, равно как и цитатами из Корана, нельзя дать ясное представление о будущем, писал журнал. Базарган с его правительством превратился в фактическое орудие подрывных и, в сущности, контрреволюционных элементов, в результате чего народ ожидает темное и бесперспективное будущее.

Между тем Базарган вновь поставил перед Хомейни вопрос об изменении процедуры вынесения смертных приговоров. Публичное обвинение и свободная защита, говорил он, позволили бы показать мировой общественности масштабы совершенных преступлений. Нынешняя же система правосудия привела к тому, что такие шахские приспешники, как Ховейда и Насири, превратились в глазах Запада в мучеников. Базарган просил издать закон об

«ограниченной амнистии», не распространявшейся на тех, кто прямо или косвенно повинен в убийствах, пытках и растрате государственных средств при прежнем режиме.

Хомейни не пошел на такой шаг, но в середине мая издал распоряжение о вынесении смертных приговоров только тем, кто прямо или косвенно участвовал в убийствах и пытках. В заявлении, опубликованном по этому поводу Исламским революционным советом 16 мая, говорилось, что теперь, на созидательном этапе революции, крайне важно, чтобы люди, занятые на своих рабочих местах, чувствовали себя и свой труд в безопасности. «Контрреволюционные группы» предупредили о тяжких последствиях «подрывной деятельности».

Осторожность высшего иранского руководства в вопросах судопроизводства и деятельности трибуналов в какой-то мере объяснил заместитель премьера Амир-Энтезам:

— Мы получаем тысячи писем, бесчисленны звонки по телефону от людей, которые протестуют против назначения какого-нибудь деятеля на пост заместителя министра, начальника департамента, офицера армии или жандармерии, простого инженера или даже швейцара под тем предлогом, что они служили шаху. Но кто же не служил шаху в государственном или частном секторе за 57 лет императорского режима? Это мощное народное сопротивление лишает правительство возможности пользоваться компетенцией и ценным содействием людей, сильно сокращая таким образом его работоспособность и эффективность.

Таким образом, высшее иранское руководство вынуждено было учитывать требования масс. Что касается кабинета Базаргана, то он не только не желал опираться на народ, но и не скрывал своего стремления использовать на государственной службе старые кадры. В то же время признание факта «мощного народного сопротивления» властям не мешало членам правительства обыгрывать тезис о «подрывной деятельности марксистов». В одном из интервью Базарган говорил по этому поводу:

— Они делают все, что могут, чтобы чинить препятствия на нашем пути. Там, где возникают проблемы или начинаются беспорядки, мы замечаем руку коммунистов. Студенческие демонстрации, забастовки рабочих, вооруженные конфликты в провинции — все средства хороши для них, чтобы помешать нам реорганизовать государство.

Если Базарган под «реорганизацией государства» понимал его либерализацию, то высшее духовенство — соз-

дание исламской политической структуры, которая должна быть юридически закреплена в конституции. Еще в апреле были назначены на 1 июня выборы в Учредительное собрание, или Конституционную ассамблею. Но публикация проекта конституции постоянно откладывалась. Причина задержки, заявил Амир-Энтезам на пресс-конференции 17 апреля, состояла в том, что проект приходится «переписывать заново из-за множества высказанных по нему замечаний». Это странное объяснение стало понятным 19 мая, когда американский журнал «Нейшн» сообщил, что Хомейни лично переделывает проект конституции; отмечалась и такая деталь: на полях документа он написал, что «ни левые, ни правые» не будут иметь права выдвигать свои кандидатуры на выборные государственные должности. Представители же высшего духовенства в Куме объяснили задержку с публикацией принципиальными расхождениями относительно характера будущего правления.

В таких условиях многие общественные деятели и ряд политических организаций заявили о намерении самостоятельно разработать проект конституции, не дожидаясь, пока власти наконец соберутся опубликовать свой «сверхсекретный» документ. Ассоциация иранских юристов предложила предварительно провести семинар политических, общественных и профессиональных организаций, представляющих все слои народа. На это предложение откликнулись многие объединения, но дальше слов дело не пошло.

В начале мая в газетах был напечатан текст конституции. Как заявили через некоторое время члены правительства, это был лишь первоначальный вариант, выработанный еще во время пребывания Хомейни в Париже. Новый текст будет обнародован позже.

Многие наблюдатели высказывали предположение, что власти опасаются всплеск волнений среди национальных меньшинств из-за отсутствия в проекте конституции статей о предоставлении автономии. В этом была определенная доля истины, ибо правительство выразило намерение предоставить всем провинциям так называемую «относительную автономию» специальным законом до опубликования и утверждения проекта конституции. Опыт выборов в городской совет Сенендеджа было решено распространить на все населенные пункты, районы, округа и провинции. В компетенцию выборных советов, создание которых ознаменовало бы учреждение по всей стране

(а не только в районах проживания национальных меньшинств) новой системы местного управления, предполагалось передать вопросы благоустройства, муниципального хозяйства, просвещения и медицинского обеспечения, а также поддержания порядка и безопасности.

Иначе говоря, план «относительной автономии» скрывал отказ властей предоставить национальным меньшинствам действительную автономию. Предусматриваемые для них ограниченные права сводились фактически к обычной административной децентрализации.

В начале мая генеральный секретарь Демократической партии Иранского Курдистана Абдуррахман Касемлу обсуждал проблемы самоуправления курдских районов с Хомейни, который высказывался против любого угнетения в стране, за равенство всех мусульман и главное — за сохранение «исламского единства». Касемлу же настаивал на четком изложении позиции властей в отношении требований о самоуправлении, прекращении отправки войск в Курдистан и т. п. В правительственных инстанциях курдского лидера заверяли, что статьи о национальных меньшинствах будут представлены ему на одобрение. «Мы убеждены, что национальные меньшинства нашей страны вовсе не стремятся к сепаратизму, — заявил Хомейни в интервью газете «Монд». — Их чаяния и цели — наши чаяния и цели, и мы надеемся быстро прийти к соглашению». Однако Касемлу, писал корреспондент газеты, не разделял оптимизма официальных властей.

Спустя некоторое время Тегеран и Кум посетила делегация курдских религиозных деятелей во главе с шейхом Э. Хосейни, требовавшим четкого определения географических границ Курдистана и предоставления подлинного национального самоуправления. В интервью агентству Парс в середине мая он отметил, что разногласия в стране являются отражением социальных противоречий, а первоочередной задачей революции назвал национализацию собственности западных компаний. На митинге 18 мая в одном из тегеранских вузов Хосейни заявил, что иранская революция не может считаться завершенной до тех пор, пока не будет перестроена экономическая и социальная основа общества и управление им не перейдет в руки народа. Он посоветовал Хомейни с уважением относиться к взглядам всех политических и религиозных течений в Курдистане и не предпринимать действий, способных восстановить друг против друга различные слои населения. Напротив, другой курдский религиозный деятель, А. Моф-

тизаде, соперничавший с Хосейни за лидирующую роль и самостоятельно вступивший в переговоры с центральными властями, отстаивал идею концентрации власти в автономном Курдистане в руках религиозных деятелей, а не представителей религиозных и светских течений. Центральное правительство в свою очередь заявляло, что, прежде чем признать курдские политические организации, оно должно детально изучить их взгляды.

В борьбу за свои права включились и другие народности. 8 мая в Ахвазе, административном центре Хузестана, союз бахтиярских племен опубликовал заявление, где выдвигались следующие требования: защита демократических прав — политических, социальных и национальных — всех народностей Ирана; обеспечение национальной независимости и суверенитета страны; борьба против международного империализма и внутренней реакции; установление единства действий иранских национальных и революционных сил.

Через несколько дней в Хорремшахре, другом городе Хузестана, начались события, вызвавшие новое кровопролитие. Причиной послужили не только вопросы национальных прав более чем 2 млн. арабов (около 60% населения провинции), но и социальные проблемы, вытекавшие из неравноправного положения трудящихся — арабов (в основном чернорабочих) и персов.

13 мая в Хорремшахре состоялся митинг в поддержку требования о роспуске комитетов. Губернатор провинции адмирал Ахмед Мадани обещал удовлетворить его, но с 18 мая началось осуществление «программы разоружения гражданских лиц». В город были введены армейские подразделения и отряды «стражей». Арабам было предложено распустить свои общественные организации. В ответ несколько сот представителей одной из наиболее активных в требовании автономии арабских группировок объявили сидячую забастовку. В результате последовавших за этим стычек, сопровождавшихся закрытием базаров и забастовкой портовых рабочих, погибло более ста человек.

После попытки арабов захватить 30 мая основные государственные учреждения вспыхнули уже крупные столкновения. Бронетанковые части и отряды «стражей» подвергли арабский сектор интенсивному обстрелу. В тот день, который потом арабы называли «черной средой», было убито около 80 человек. А. Мадани, выступая по радио, обещал «стереть в порошок» восставших — «контрреволюционеров» и «агентов империализма», коими, по его сло-

вам, манипулировали из-за границы коммунисты и саваковцы. Но «нищие миллионеры», как называли себя арабы, имея в виду миллионные доходы от хузестанской нефти, проявили решимость не прекращать борьбу за свои национальные права.

Таким образом, маневрирование центральных властей в национальном вопросе не дало желаемых результатов. Тем не менее правительство продолжало такой курс действий в сочетании с подавлением выступлений национальных меньшинств. Особенно жестоким гонениям подверглись религиозные меньшинства (бехайты и др.).

Аналогичную тактику правящее духовенство проводило и во многих других вопросах, в частности в женском. В данном случае она была обусловлена тем, что после мартовских демонстраций женщин верховные власти так и не смогли заставить их носить мусульманскую одежду. Лишь в бедных кварталах столицы и провинциальных городах, до населения которых не дошли западные веяния, носили чадру. В Тегеране многие женщины по-прежнему ходили в коротких платьях или джинсах, с распущенными волосами. В торговых и административных учреждениях и даже в министерствах секретарши и другие сотрудницы пользовались косметикой и одевались по-европейски.

17 мая, день рождения в 633 г. дочери пророка Мохаммеда Фатимы, Хомейни объявил Днем женщин. В его послании говорилось, что Фатима воплощает «все достоинства, которыми должна обладать женщина и вообще человек... Если бы она была мужчиной, то стала бы пророком и, возможно, заняла бы место пророка». Хомейни подверг критике политику морального унижения женщин, которую под видом эмансипации проводил шах, заявлявший, что «женщина должна быть привлекательной, и понимавший это лишь в том животном смысле, который был присущ ему». Напомнив о роли женщин как «воспитательниц человеческого рода», аятолла обратился к ним с призывом: «Пробуждайтесь! Будьте бдительны. Не давайте обмануть себя!»

Ласковым словом можно слона на волоске водить, писал Саади. По случаю нового праздника в Тегеране был организован марш нескольких десятков женщин, облаченных в чадру. Некоторые маршировали с винтовками.

Беспокойство властям доставляли непрекращавшиеся ни на один день открытые проявления недовольства все ухудшавшимся экономическим положением и безработицей, охватившей 3—4 миллиона человек.

В рядах квалифицированных рабочих, лишившихся места, росло понимание классовых и политических интересов пролетариата. Безработный из Абадана говорил:

— Мы вынесли революцию на своих плечах. Мы верили в нее. К сожалению, оппортунисты, послереволюционные деятели лишают трудящихся плодов этой революции. Мы надеялись улучшить свое благосостояние и более активно участвовать в принятии решений.

Среди традиционалистски настроенных неквалифицированных рабочих росли настроения разочарованности. Безработные женщина и мужчина так ответили на вопрос «Что вы ждете от революции?»:

— Какой еще там революции?! (женщина плачет);

— Работы. Я участвовал в демонстрациях против шаха и в забастовке, потому что я верующий, а Хомейни — мой имам. Но сегодня стало еще хуже, чем было раньше. Правительство обещает нам рай па земле, но мы продолжаем жить в аду...

Наиболее опасный для властей оборот принимала углублявшаяся революционная самостоятельность рабочих комитетов на заводах и фабриках. Лозунги рабочего контроля и управления распространялись на все новые предприятия. Национальный комитет рабочих-железнодорожников, представлявший свыше 40 тыс. рабочих и служащих, грозил начать шестимесячную забастовку, если власти не удовлетворят его требование самоуправления и упорядочения шкалы зарплаты. Некоторые из комитетов, поддерживаемые левыми партиями и организациями, не ограничивались лозунгом самоуправления. Они добивались передачи в коллективное владение рабочих части капитала предприятий, а то и ликвидации вообще частной собственности на средства производства.

Это встречало резкий отпор со стороны властей, продолжавших утверждать, что в результате революции трудящиеся якобы стали подлинными хозяевами страны. Заместитель премьер-министра Амир-Энтезам объявил требования рабочих результатом подстрекательства «оппортунистов и контрреволюционеров, рядящихся в рабочие спецовки». Он предложил решать вопрос собственности так: если владелец предприятия нажил капитал «нечестным путем», то должен предстать перед судом; в случае конфискации его имущество отойдет к государству.

Власти особенно противодействовали рабочему контролю в нефтяной промышленности, где рабочие комитеты пытались брать на себя даже функции определения на-

циональной нефтяной политики. Вместе с тем на нефтепромыслах и местах расположения газо- и нефтепроводов совершались взрывы и другие диверсионные акты. Власти почти всегда квалифицировали это как свидетельство «саботажа» левых группировок.

В интервью американскому журналу «Тайм» Язди сказал, что у революции двойного рода противники. К первым он отнес «участников антиправительственного заговора», к которым причислял и «правых», и «левых». «Мы провели четкую линию между нашей исламской идеологией и идеологией марксистов», — заявил он. Ко второй группе были отнесены те, «кто обнищал и отчаялся, кто после шести месяцев забастовок не может обеспечить свои семьи. Они становятся легкой добычей смутьянов». Этой группе, сказал Язди, «мы пытаемся объяснить, что проблемы не решаются с одного маху».

По данным вопросам высказался и Хомейни. В интервью французской газете «Монд» он заявил, что экономическое положение страны беспокоит его «больше всего». «Я рассчитываю на патриотизм иранцев, на их солидарность в обстановке интриг и злобных действий наших врагов как внутри страны, так и на Западе. Я надеюсь, что иранцы дадут правительству время урегулировать существующие проблемы». Таким образом, расчеты и надежды связывались не с курсом на радикальные социально-экономические преобразования в интересах трудящихся, а с их «солидарностью» с правительственной политикой.

16 мая на встрече со студентами Исфаганского университета Хомейни сказал, что с принятием конституции, избранием парламента и учреждением постоянного правительства все требования народа будут удовлетворены. Самым главным на нынешнем переходном этапе Хомейни назвал сохранение единства и предотвращение «беспорядков» на предприятиях, в университетах и деревнях. Через два дня, выступая перед представителями женских организаций в Куме, он повторил то же самое, но добавил, что американская агентура распределяет деньги среди рабочих с целью побудить их к забастовкам, мешает возобновлению труда земледельцев. Комментируя эти выступления, французская «Эко» отмечала, что Хомейни, опасаясь раскола сил, на которые опирается, стремится любой ценой ослабить недовольство народа, требующего немедленного выполнения данных обещаний.

18 мая Базарган призвал трудящихся не требовать ничего от правительства. Он ссылаясь на то, что из-за нере-

ального и непродуманного решения шахского режима в 1978 г. повысить заработную плату его кабинет сейчас вынужден «перерасходовать» колоссальные суммы. Спустя два дня Базарган пригрозил бастующим «революционным наказанием», если они будут «упорно продолжать идти по воинственному пути». «Подобное вмешательство трудящихся является, на наш взгляд, контрреволюционным и противоречащим национальным интересам. Ни правительство, ни народ не будут больше терпеть таких провокаций».

Между тем под прикрытием увещаний и угроз «сверху» руководимые муллами «исламские революционные комитеты» все активнее внедрялись на предприятия. Рабочим навязывались смешанные советы в составе предпринимателей, трудящихся и представителей духовенства. На многих фабриках и заводах велась «охота за коммунистами». Активистов левых организаций обвиняли в «действиях против религии» и выгоняли.

В качестве предлога для нового тура кампании против левых было использовано убийство аятоллы Мотаххари, хотя ответственность за этот террористический акт взяла на себя организация «Форкан». В ходе многотысячных манифестаций в убийстве обвиняли именно левых. На траурном митинге в Куме, куда было перевезено 3 мая тело убитого, почти полумиллионные толпы скандировали: «Смерть коммунистам!» Корреспондент «Дейли телеграф» отмечал, что похороны аятоллы превратились в «гигантскую антикоммунистическую демонстрацию».

5 мая по иранскому радио неоднократно передавалось выступление влиятельного религиозного деятеля — ходжата-оль-эслама Хашеми-Рафсанджани на богослужении в память аятоллы Мотаххари. Он обвинял в убийстве «коммунистов». «Мы сдерживаем большинство, иначе оно не оставило бы в живых меньшинство», — говорил ходжата-оль-эслам. Даже далекая от симпатий к коммунизму английская «Дейли телеграф» расценила это выступление как «нечто весьма близкое к подстрекательству мусульман на расправу с коммунистами»; при этом газета подчеркивала, что «термин «коммунисты» используется сторонниками аятоллы Хомейни для характеристики всех оппозиционеров нынешнего режима — от социал-демократов до членов Народной партии, которую только и можно считать подлинной коммунистической группировкой».

Одновременно религиозное руководство сочло необходимым обрушиться на «восточный» и западный империа-

лизм, обвиненный в провоцировании оппозиционных настроений в стране. Тот же Хашеми-Рафсанджани заявил: «Убийство аятоллы Мотакхари было одним из событий в цепи заговоров, которые империализм Востока и Запада кует против нас». Другой религиозный деятель — ходжатель-эслам Али Акбар Хамид-заде сказал на богослужении: «Подобно тому как мы разгромили гиганта западного империализма, мы уничтожим коммунизм и сионизм и все прочие «измы», которые выступают против ислама».

Во второй половине мая высшее руководство неожиданно притормозило антилевуую кампанию. Вот выдержки из беседы Хомейни с корреспондентом французской «Монд»:

— Самая большая опасность, угрожающая иранцам, — это американский империализм. Я обвиняю американских агентов в убийстве генерала Гарани и аятоллы Мотакхари. Это те же самые люди, служившие шаху, которые скрываются за псевдорелигиозной организацией «Форкан». Мы убедились в том, что только что арестованные члены этой организации не знают азов ислама.

— Если это так, Ваше преосвященство, то почему участники похорон Гарани и Мотакхари возложили ответственность за эти два убийства на коммунистов? Почему Хашеми-Рафсанджани заявил то же самое в речи, произнесенной в Вашем присутствии?

— Левые силы, являющиеся одной из политических тенденций нашей страны, но имеют никакого отношения к этим преступлениям. Хашеми-Рафсанджани критиковал не коммунистов, а только тех, кто надел маску левых сил, чтобы лучше служить американскому империализму.

Поскольку ответ показался «двусмысленным, чтобы не сказать непонятным», корреспондент обратился за разъяснениями к Хосейну, внуку Хомейни. Тот заявил:

— Хашеми-Рафсанджани, как и все последователи ислама, выступает против коммунистических принципов. Безусловно, марксисты — наши противники, но ислам обязывает нас быть терпимыми к ним. Они получают полную свободу слова на основе готовящейся сейчас конституции.

Спустя неделю в одной из кувейтских газет появилось интервью самого Хосейна Хомейни. Он сказал, что попытки приписать убийство аятоллы Мотакхари «прогрессивным левым силам» не имеют под собой почвы и исходят от США. Последние, по его словам, организовав это убийство с помощью левацких, левозэкстремистских элементов, не имеющих ничего общего с «прогрессивными левыми

силами» (Хосейн Хомейни особо отметил Народную партию), ставили целью опорочить в глазах народа название «левый». Такой же точки зрения, заявил он, придерживается и лидер революции аятолла Хомейни.

Из этих и многих других высказываний иранских деятелей наблюдатели сделали вывод: ставка религиозного руководства на углубление раскола левых сил сочеталась с показом каждой из них в отдельности, что в случае «примерного поведения» они могут рассчитывать на определенную свободу под сенью новой конституции.

Не успела утихнуть кампания против левых сил, как подошла очередь либеральных кругов.

Поводом послужило сообщение независимой газеты «Аяндеган» об опубликованной во французской «Монд» беседе с аятоллой Хомейни. Редакция «Аяндеган» в данном случае игнорировала пожелание религиозного руководства, чтобы информация, предназначенная для внешнего мира (тем более связанная с обычным для него отрицанием какого-либо фракционализма в революционном движении), не распространялась внутри страны.

Бюро Хомейни выступило с опровержением, составленным в угрожающем тоне. Назвав сообщение «Аяндеган» «абсолютной ложью», оно предупредило: распространение «подобных вымыслов» чревато неприятностями для самой газеты. Одновременно отрицалась информация либеральной газеты «Пейгаме эмруз» о принятом якобы по инициативе аятоллы Хомейни решении создать «народные комитеты из представителей всех политических сил и партий».

На следующий день началась кампания против этих двух и других газет, выражавших взгляды либерально настроенной интеллигенции. Сигналом послужило заявление Хомейни о том, что отныне никогда не возьмет в руки «противную делу ислама» газету «Аяндеган». Радио и телевидение сообщили, что она была основана шахскими ставленниками на сионистские средства, посему «Аяндеган» и близкие ей по духу газеты выражают антинародные, контрреволюционные взгляды. На ее отделения в провинциях были совершены нападения, а несколько распространителей получили увечья. Несмотря на все это, редакция решила после некоторого перерыва продолжить выпуск газеты. Издательская группа «Пейгаме эмруз» после получения анонимных угроз и поджога помещения редакции перешла на подпольное положение.

15 мая «исламская ассоциация» рабочих и служащих вечерней газеты «Кейхан» изгнала из редакции 20 сотруд-

ников (за перепечатку статьи из «Аяндеган») и взяла на себя обеспечение ее издания. Представители ассоциации посетили в Куме аятоллу Хомейни. Он одобрил эти действия и вновь осудил «безответственных журналистов и писателей, которые вносят смятение в умы людей». Вместо изгнанных редакторов и журналистов, которые придавали газете демократическую направленность, были привлечены работники, в свое время отстаивавшие монархические и антикоммунистические взгляды.

Позиция властей вызвала бурную критику в либеральной прессе. «Пейгаме эмуруз» писала: осуждение и бойкот со стороны Хомейни газеты «Аяндеган» «наносит серьезный ущерб международному престижу лидера иранской революции». Комментируя «дело» газеты «Кейхан», она предостерегала против «фашистских происков и против той, другой власти, тень которой ложится на все правительство в целом». Обращаясь к премьеру, «Пейгаме эмуруз» заявила: «Вы не вмешиваетесь в дела печати, Вы не навязываете своей воли, но Вы должны знать, что силы угнетения в тысячу раз сильнее, чем Вы, и в десять раз сильнее, чем САВАК. То, что произошло в редакции газеты «Кейхан», — нарушение не только свободы печати, но и права на труд; это наносит вред социальному престижу журналистов, являющихся подлинными хранителями всякой свободы».

Против позиции властей протестовал профсоюз иранской печати. В его заседании приняли участие главные редакторы и руководящие сотрудники всех крупных независимых газет столицы.

С критикой выступила и «Азади» — орган Национально-демократического фронта. «Будущее свободы иранской печати серьезно поставлено под угрозу, — писала она. — Без существования газет, отражающих различные взгляды, не может быть свободы». Газета предложила объявить 19 мая, день рождения Мосаддыка, «днем свободы слова и печати».

Критика либеральной печатью властей не осталась без ответа. Вечером 16 мая толпы погромщиков, вооруженные ножами и дубинками, выкрикивая: «Ислам победил!» — ворвались в помещение, где шел спектакль, высмеивавший Язди и Готбзаде. Автор пьесы, актеры и многие зрители были избиты. Подобные эксцессы имели место и в других местах.

19 мая по призыву НДФ либеральные круги провели на территории одного из столичных вузов митинг, посвя-

щенный 100-летию со дня рождения Мосаддыка. По различным оценкам, там собралось от 30 до 50 тысяч человек, в том числе члены организаций феодалов и моджахединов. Наряду с требованиями свободы слова, печати и убеждений выдвигались антиимпериалистические лозунги. Соратник Мосаддыка Шайеган и другие ораторы протестовали против нападений на редакции газет, избиений работников культуры и искусства, угроз и погромов, которым подвергались органы печати. Участники митинга заявили о своей поддержке прогрессивных политических организаций, в частности феодалов, в связи с участвовавшими на них нападениями. В принятой резолюции и телеграммах Базаргану и Хомейни они призвали положить конец кампании по ограничению свобод.

Национальный фронт провел свой митинг, на котором К. Санджаби потребовал полных личных и социальных свобод. Их отсутствие, сказал он, может вернуть страну к временам диктатуры.

На территории Тегеранского университета собралось около 10 тысяч человек почтить память Али Шариати. Ораторы обрушились с нападками на марксизм, феодалов, НПИ. Выступил и Готбзаде, сравнивший критику в свой адрес за жесткую исламскую линию в отношении радио и телевидения с критикой, которой подвергался в свое время Шариати со стороны и «правых» и «левых». Во время митинга шла бойкая торговля антикоммунистической литературой. Что больше привлекало Готбзаде в этом митинге — память о Шариати, последователем которого он считался одно время, но которого, как ему было известно, отнюдь не жаловал Хомейни, или просто-напросто антикоммунистическая направленность собрания?

22 мая неожиданно вышла «Аяндеган», и во многих местах состоялись демонстрации как в поддержку, так и против возобновления ее издания. Но выпуск этой газеты все же был продолжен. Однако некоторые другие газеты были вынуждены «добровольно» согласиться на цензуру со стороны совместных комитетов редакторов и мулл.

В те дни радио и телевидение постоянно передавали речи и выступления аятоллы Хомейни. В одной из них (от 23 мая) он указал на «самый священный долг» народа — установление «свободной, гуманной и независимой» исламской республики и призвал во имя этого организовать в общенациональном масштабе «безжалостную» борьбу против всех атеистов и «хулителей ислама» («даже если это честные люди»). В числе таковых Хомей-

ни назвал поборников западной политической системы, предлагающих создать «просто республику» или «демократическую республику» («без ислама, без пророка, без имамов»), и тех, кто выступает за «ислам без ахундов». Цель революции, заявил он, состояла не в том, чтобы свергнуть монархический режим, а в том, чтобы заложить фундамент исламской республики. А это требует борьбы с противниками исламской республики «даже более решительной, чем с шахом». Хомейни призвал выбрать в будущее конституционное собрание только «подлинных мусульман, которые верят в исламскую республику, тех, кто хочет свободы и независимости на основе ислама».

Диктор радио, передавая утром 24 мая эту речь, назвал ее «ультиматумом». Одни наблюдатели расценили выступление Хомейни как ответ либеральным кругам, в частности НДФ, и группе «Форкан», другие отмечали в нем антилевые акценты, а третьи рассматривали его как предание анафеме всех неисламских идеологий и организаций. Общий итог подвела «Юманите»: «Люди Хомейни объявили настоящую охоту на атеистов».

24 мая, как бы опровергая такую оценку, Хомейни издал указ о проведении по всей стране «чистки» среди духовенства с целью избавить его от «предателей» и «иностранных агентов». Комиссии в составе пяти священнослужителей высокого ранга должны были проверить прошлую деятельность каждого служителя культа. Народ призывали помочь расследованию и разоблачать тех, кто порочит духовное звание.

Комментируя новый указ, иностранные наблюдатели обращали внимание на такой факт: среди 250 казненных лишь несколько духовных лиц, хотя десятки их заключены в тюрьмы или лишены духовного сана за сотрудничество с шахским режимом. Этот шаг Хомейни расценивался как стремление показать религиозным деятелям типа Шариат-Мадари и Талегани, что он не потерпит никакого — даже в рамках ислама — идеологического плюрализма. Кстати сказать, ни Шариат-Мадари, ни Талегани в эти майские дни не проявляли себя сколько-нибудь активно. А аятолла Монтазери заявил в интервью одной из кувейтских газет, что расхождения между Хомейни и Талегани касаются лишь второстепенных теоретических вопросов и не затрагивают проблемы исламской республики, создание которой является их общей целью. В свете подобных фактов западная печать не случайно утверждала, что новый указ, будучи направлен против несоглас-

ных с идеями Хомейни духовных деятелей, усилил опасения левых кругов относительно перспективы однопартийной теократии.

Показательны практические результаты выступлений Хомейни. 23 мая у здания посольства США, для безопасности которого полицейские и члены комитетов приняли строгие меры, по инициативе Исламской республиканской партии состоялся 50-тысячный митинг в знак протеста против принятой сенатом США резолюции, осуждавшей казни в Иране. На деле митинг превратился в демонстрацию против «империалистов Востока и Запада», сопровождавшуюся антисоветскими выпадами. Активное участие в ней принял и Хашеми-Рафсанджани, обвинивший СССР во вмешательстве в дела афро-азиатских народов. Принятие резолюции сопровождалось сожжением американского флага с наклеенными на него серпом и молотом.

Некоторые левые силы, а также либеральные группировки организовали свою (по некоторым оценкам, 100-тысячную) демонстрацию. Ее участники направились к американскому посольству, неся лозунги: «Долой американский империализм!», «Руки прочь от Ирана!», «Сенат США — дом войны, коррупции и несправедливости!», «Долой сионизм и империализм — главных врагов всех народов!» Шествие попыталась возглавить полуторатысячная группа фанатично настроенных мусульман, скандировавших: «Смерть империалистам Востока и Запада!», «Долой коммунизм — да здравствует ислам!», «Ни налево, ни направо — только к исламу!», «Китай, Советский Союз, Америка — враги нашего народа!» Организаторам шествия удалось, не поддаваясь на провокацию, оттеснить эту крикливую группу, но подойти к посольству демонстранты все же не смогли.

Тем временем Хомейни продолжал отражать попытки «некоторых групп», как он говорил, ликвидировать ислам. Выступая перед делегацией женщин в Куме 25 мая, аятолла заявил, что без ислама стране не нужна даже самая полная свобода и независимость. Народ проливал кровь именно за исламскую республику, отмечал Хомейни, а антиисламские группы предлагают «просто республику» или «демократическую республику». Он гневно обличал стремление ослабить роль духовенства в новой политической системе: «Те, кто говорит об исламе без духовенства, — это вольные или невольные предатели... Всякий, кто стремится к политической системе без бога или

без священного Корана,— это наш враг». Вместе с тем аятолла подчеркнул, что мусульманское духовенство «не против прав человека и свобод».

Вечером того же дня на шиитскую иерархию Ирана обрушился еще один удар. Было совершено покушение на Хашеми-Рафсанджани, слывшего членом тайного Исламского революционного совета. По сообщению радио, он получил пулевое ранение. Хомейни сразу же обвинил империализм США и другие реакционные силы.

Новое покушение на одного из видных деятелей шиитской иерархии на этот раз не имело таких серьезных последствий, как после убийства Мотаххари, разве что по приказу Хомейни были усилены меры безопасности в отношении религиозных деятелей. Они были вызваны появившимися слухами о готовящемся убийстве высших духовных руководителей. И действительно, 2 июня произошли нападения на дома аятолла Хальхали и Монтазери, но они были отбиты охраной.

Либеральные круги, не считаясь с возможностью нового обострения обстановки в связи с покушением на Хашеми-Рафсанджани, продолжали критиковать власти. Вышедший 27 мая либеральный журнал «Омиде Иран» опубликовал статью Дариуша Назари, которого считали «самым смелым» комментатором Ирана. Он обвинил власти в неспособности справиться с экономическим кризисом, а окружающих правительство и духовенство сотрудников — в некомпетентности и своекорыстии. «Все силы, находившиеся в оппозиции к шаху, выступают сейчас против революционного режима. Конечно, этот режим все еще пользуется поддержкой большинства и может манипулировать им по собственному усмотрению». В таких условиях, заключал автор, хранить молчание по поводу ошибок, допускаемых режимом во имя революции, равносильно предательству.

В тот же день в Тегеране открылся съезд Ассоциации иранских юристов, представлявшей авангард либеральных сил страны. Центральной была речь руководителя ассоциации, директора-распорядителя Иранской национальной нефтяной компании Хасана Назиха, наделавшая много шума. Оратор решительно высказался в поддержку политики, проводившейся Мосаддыком, которого подверг нападкам Хомейни в одном из недавних выступлений, и таких постоянно критикуемых аятоллой нынешних деятелей, как Матин-Дафтари. Заявив о том, что не следует искать исламских решений для всех проблем страны, он

предложил послать к Хомейни делегацию юристов, с тем чтобы ввести его в курс «всей нынешней реальности».

В ответ сподвижники Хомейни обвинили Назиha в посягательстве на ислам, а один из помощников аятоллы предложил предать директора-распорядителя ИННК суду. Но в тот момент наказание Назиha представляло для высшего религиозного руководства весьма малую ценность по сравнению с тем «сюрпризом», который оно приготовило либеральным и левым организациям.

Ранее было официально объявлено об отсрочке публикации законопроекта относительно порядка проведения выборов в Конституционную ассамблею, что означало и перенесение дня выборов. Это было связано с изменением отношения Хомейни к вопросу о созыве ассамблеи, который составлял важную часть его первоначальной революционной программы, провозглашенной еще до февральской победы. Вместе с тем сам аятолла предпочитал оставаться в тени, предоставив действовать своим эмиссарам.

19 мая в «Нейшн» появилось сообщение об интервью, данном этому американскому журналу Готбзаде и оставшемся поначалу не замеченным в Иране, вероятно, из-за его на первый взгляд сомнительного характера. Вопреки неоднократным заявлениям правительства Базаргана о предстоящих выборах в Конституционную ассамблею, Готбзаде утверждал, что Исламский революционный совет может отказаться от них и вынести конституцию непосредственно на референдум. Это, по мнению журнала, лишило бы левые и либеральные круги возможности добиться каких-либо поправок к конституции.

28 мая, на следующий день после упоминавшейся речи Назиha на съезде юристов, Готбзаде, отвечая по телевидению на вопрос о будущих мероприятиях правительства, упомянул о том, что основным закон должен быть утвержден на референдуме. В этот же день в утренней газете «Бамдад» было напечатано заявление находившегося в больнице министра внутренних дел Джавади о том, что правительство решило вместо выборов в Конституционную ассамблею провести общенациональный референдум. Попытки корреспондентов выяснить у Джавади причину изменения позиции властей в данном вопросе не удались. Дневная же газета «Кейхан» поместила заявление заместителя министра внутренних дел Табатабаи о том, что для созыва Конституционной ассамблеи понадобилось бы много месяцев, тогда как Хомейни тре-

бует ускорить одобрение конституции. Для быстрейшего обсуждения конституционных предложений, сказал он, будет избрано «специальное собрание»; после окончания его работы текст основного закона поступит на утверждение Исламского революционного совета, затем — аятоллы Хомейни; по завершении этой процедуры конституцию представят на всенародный референдум.

Безусловно, новый порядок утверждения проекта конституции занял бы больше времени, чем первоначально намеченная процедура. Тем более если «специальное собрание» пришлось бы избирать, как и Конституционную ассамблею, всеобщим голосованием. Следовательно, вопрос сводился к функциям и составу обоих органов. Конституционная ассамблея должна была состоять из представителей всех общественных групп, а значит, и оппозиционных режиму либеральных и левых организаций. В «специальное собрание» (вскоре его стали официально именовать Консультативным советом по рассмотрению проекта конституции, или Советом экспертов) могли войти преимущественно мусульманские ученые-богословы. Не исключено, что Хомейни и его помощники планировали не избрать, а назначить членов Консультативного совета, хотя пока еще и говорили о выборах.

29 мая Ассоциация иранских юристов потребовала, чтобы конституцию одобрила Конституционная ассамблея, а не референдум. Группа юристов даже пригрозила сидячей демонстрацией, если ассоциации не предоставят права участвовать в разработке основного закона.

Однако все это уже не имело особого значения. В тот же день Хомейни заявил: если раньше революции противостояли винтовки шаха, то теперь — авторучки «либералов, не знающих значения свободы» и подверженных «западным привычкам». Аятолла и теперь апеллировал к тем обездоленным слоям населения, которые, по его словам, больше всех пострадали от шахского режима и своей самоотверженной борьбой обеспечили победу революции. Передача всенародному референдуму функций Конституционной ассамблеи давала возможность — опять же путем непосредственной апелляции к массам — отстранить либеральные и левые круги от выработки и принятия конституции.

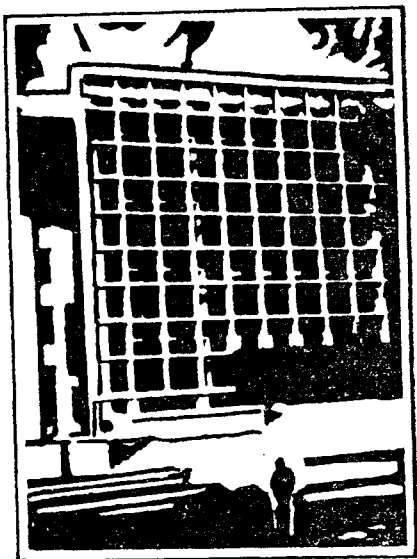
Так в последние майские дни окончательно обнажилась подоплека антилевой и последовавшей за ней антилиберальной кампании, которые лихорадили политическую жизнь страны на протяжении целого месяца.

Корреспондент «Файнэншл таймс» в сообщении из Тегерана еще 17 мая писал о возникших опасениях, что попытки сторонников Хомейни установить контроль над печатными органами страны имеют целью пресечь критику проекта конституции до его опубликования. Власти не случайно предпочитали действовать превентивными методами. 21 мая «Фигаро» поместила выдержку из заявления одного из приближенных Хомейни, не назвав его имени: поскольку время играет против исламского движения, необходимы решительные действия, чтобы не дать возможности усилиться «немусульманским левым движениям».

«Исламская революция» вырабатывала соответствующие ей методы борьбы. Отбив апрельскую попытку либеральных групп в правительстве ослабить руководящую роль ведущих религиозных деятелей, правящее духовенство приступило к планомерному наступлению на позиции неисламских политических сил, активно используя в этом широкие слои населения. Но, объявляя «шах» левым и либеральным кругам, не ставило ли оно в патовое положение тех, от чьего имени выступало? Ведь цель наступления оставалась прежней: создание исламской политической структуры, институционализация идеи исламской республики.

**Месяц
пятый**

**ДАЕШЬ
КОНСТИТУЦИОННУЮ
АССАМБЛЕЮ?!**

По мнению Робеспьера, ничто не могло оправдать отсрочки с воплощением принципов «народного благоденствия» в Основном законе.

— Сейчас дело не в том, чтобы выиграть несколько часов,— говорил он, обращаясь к депутатам Национального конвента.— Дело в том, чтобы создать конституцию, которая станет основой счастья нашей нации... В настоящий момент французский народ не знает, какую конституцию вы ему готовите. Создайте для него такую конституцию, которая стоила бы того, чтобы все люди ее защищали... Вам говорят, что необходимо быстро образовать какое-то правительство, вокруг которого французский народ мог бы объединиться, что мы должны бояться, как бы иностранные армии не пришли нарушить ход наших работ! Опасные возражения! Такими идеями хотят удушить энергию Национального конвента и всего народа! Такими идеями хотят воздействовать на наши обсуждения, используя страх перед оружием деспотов! Я заявляю, что в настоящее время деспоты для нас ничто. Призовем французский народ, который готов отбросить их... Или вы их боитесь, и тогда вы не можете представлять французский народ и не можете давать ему законы.

1 июня 1979 г., или 11 хордада 1358 г., Хомейни объявил о намерении взять недельный отпуск. В официальном сообщении говорилось, что аятолла временно отходит от частных и государственных дел из-за крайнего переутомления. Местные и иностранные наблюдатели предполагали другое. Так, высказывалось мнение, что Хомейни просто хочет отгородиться от растущей критики его «жесткого курса» и, очевидно, заново обдумать свою стратегию.

Критике подвергался не только политический, но и экономический курс нового режима. Левые и либерально-демократические круги, требуя революционного подхода к проведению реформ, упрекали власти в том, что они затягивают выработку долговременной программы социально-экономического развития и ограничиваются текущими мерами (не говоря уже о действенном контроле за их выполнением). Решение о минимальной зарплате экономически не было обосновано, поскольку затрудняет восстановление сферы материального производства и обслуживания. Зависимость страны от поставок техники и даже продовольствия с Запада не ослабела, а усилилась. Осуществленные мероприятия отвечают интересам лишь базарных торговцев и мелких предпринимателей, живущих на повышении цен на основные продукты питания.

В правительственных кругах и среди ближайших советников Хомейни не было недостатка в разговорах о проведении в недалеком будущем таких внешнеэкономических и финансовых шагов, как изменение места хранения иранских вкладов за границей в ущерб американским и в пользу европейских банков, отмена привязки иранского риала к курсу доллара и даже аннулирование иностранных долгов. Поначалу слухи об этом, разносимые средствами массовой информации Ирана, вызывали беспокойство в западных деловых кругах. С течением времени к ним начали привыкать, тем более что внешние долги продолжали выплачиваться в соответствии с графиком. К тому же Иран имел в банках США более значительные депозиты, чем сумма его долга. В случае невыполнения иранским правительством обязательств по займам Вашингтон мог заблокировать их. На практике эти фонды автоматически «заморозили» сразу после того, как было приостановлено выполнение большинства соглашений шахского режима с американскими фирмами. Об этом Амир-Энтезам говорил еще на пресс-конференции 29 апреля. Тогда же

он утверждал, что все крупные промышленные предприятия страны, имеющие значительную задолженность государству и банкам, будут национализированы.

Однако Временное правительство не решалось на это, оставляя «полномасштабную кампанию против капитализма», по выражению министра экономики и финансов А. Ардалана, будущему выборному правительству. Но уже летом под давлением экономических потребностей власти вынуждены были пойти на некоторые структурные преобразования банковской системы, дезорганизация которой являлась немаловажной причиной застоя в промышленности.

8 июня правительство объявило о национализации частных банков. Это было приурочено ко дню рождения зятя пророка Мохаммеда — Али. Базарган заявил, что данное решение принято «ввиду убыточности этих банков, чтобы оградить национальные права и национальное богатство и добиться, чтобы экономика заработала полным ходом». Упоминался также факт бегства владельцев некоторых банков за границу.

Действительно, большинство банков из-за расхищения и утечки капиталов за границу, огромной задолженности уже давно стояло на грани банкротства, и только усиленная поддержка со стороны государства позволяла избежать его. Другие частные банки не могли погасить свои долги иностранным кредиторам. По подсчетам западных специалистов, капитал иранских частных банков (без учета резкого обесценения большей части капиталовложений) составлял около 400 млн. долларов, а заграничные долги — примерно 1 млрд. В 14 из 25 банков был инвестирован иностранный капитал. По оценке тех же специалистов, он исчислялся суммой около 100 млн. долларов (директор Центрального банка Ирана называл 250 млн.).

Правительственное решение почти не затронуло финансовых интересов местных и иностранных банкиров. Провести его в жизнь намеревались путем не экспроприации, а выкупа капиталовложений у их владельцев. В результате иностранные акционеры должны были получить полную компенсацию. В то же время национализация частных банков улучшала перспективы погашения их долгов иностранным заимодавцам. Естественно, многие местные и иностранные банкиры восприняли правительственную акцию как «операцию спасения» банковской системы. Вместе с тем ограждались и интересы мелких

вкладчиков, которых директор Центрального банка Ирана назвал «партнерами правительства».

Левые и демократические круги активно поддерживали решение о национализации банков, но критиковали способы его осуществления. Газета «Мардом» писала, что создание здоровой экономики невозможно без изъятия банковской системы из частного сектора, представленного небольшой кучкой банкиров, помогающих иностранным монополиям участвовать в грабеже национальных богатств. В то же время газета осудила отказ правительства экспроприировать капиталы тех банкиров, которые при шахском режиме участвовали в финансовых махинациях, нажив незаконным путем несметные богатства. Федаины на одном из своих митингов выставили транспарант, где было написано: «Национализация — это конфискация награбленного, а не выплата компенсаций».

Отвечая на критику, заместитель премьера Амир-Энтезам сослался на неоднократные высказывания Хомейни о том, что конфискация собственности противоречит исламским принципам. Главным для новых властей было ограничение поля деятельности крупного частного капитала, сдерживавшего развитие мелкого и среднего предпринимательства. С этой целью ИРС 25 июня вынес еще одно решение — о национализации действующих в стране страховых компаний. Видный религиозный деятель аятолла Бехешти утверждал, что процесс национализации будет способствовать выравниванию уровней доходов населения.

Между тем классовые выступления трудящихся за свои насущные интересы продолжались с неослабевающей силой. Они по-прежнему находили проявление в демонстрациях безработных, забастовочном движении пролетариата, борьбе крестьян за землю. В конце июня в стычках между землевладельцами и крестьянами в Западном Иране погибло 10 человек. При этом, как сообщали газеты, землевладельцы получили поддержку со стороны правительственных сил. Учащались случаи вооруженного противодействия беднейших слоев сельского населения попыткам жандармских частей выдворить крестьян с захваченных ими земель. Не прекращалось и движение за национальную автономию на окраинах.

Большой резонанс в стране вызвали кровавые события 30 мая в Хорремшахре, где в столкновениях с армейскими частями и отрядами «стражей» погибли десятки арабов — сторонников автономии. 3 июня с целью изучить

на месте причины кровопролития в город прибыли делегации Национального фронта, Комитета защиты свободы и прав человека, Исламской республиканской партии, Исламско-республиканской партии мусульманского народа Ирана, Ассоциации иранских юристов, союзов писателей, журналистов и адвокатов, Национально-демократического фронта и др. Орган НПИ газета «Мардом» откликнулась на события в Хорремшахре большой статьей, в которой вновь привлекла внимание правительства к неотложной необходимости решить проблемы национальных меньшинств и тем самым выбить почву из-под ног внутренней контрреволюции и внешней реакции. В поддержку арабского меньшинства Хузестана высказался и ряд высших религиозных деятелей, в том числе аятолла Шариат-Мадари.

6—7 июня между арабами и представителями властей было заключено соглашение о перемирии. Однако оно не решало главных проблем, вызвавших столкновения. Губернатор провинции адмирал Мадани категорически высказывался против любой формы автономии, интерпретируя ее как предлог для отторжения провинции от Ирана. Религиозный лидер арабских шиитов шейх Хагани и представители арабских политических организаций продолжали настаивать на ликвидации «ревкомов» и предоставлении местному населению самоуправления в рамках единого и независимого Ирана. Не прекращались сидячие забастовки в мечетях и митинги. «Стражи» и члены комитетов усиленно патрулировали улицы города. 29 июня шейх Хагани объявил соглашение о перемирии недействительным из-за невыполнения властями его двух основных условий — освобождения всех задержанных арабов и ареста лиц, виновных в провоцировании кровавых событий 30 мая. В ответ власти обрушились с репрессиями на автономистов, создав тем самым условия для новых осложнений.

Взрывоопасная обстановка сохранялась и в Курдистане. В начале второй декады июня шейх Хосейни направил письмо аятолле Хомейни. Он обращал его внимание на то, что в районах проживания курдов контрреволюционные силы, окопавшиеся в местных органах власти и ревкомах, снабжают помещиков и вождей некоторых племен оружием, боеприпасами и денежными средствами. Тем самым они вносят раскол в ряды участников революции и способствуют новому обострению положения в Курдистане. Хосейни заявил, что безопасность и спокой-

ствие в районе должны обеспечивать народные силы порядка, действующие под контролем избранных населением советов. В этой связи он вновь напоминал о необходимости предоставления Курдистану автономии.

В свою очередь Демократическая партия Иранского Курдистана неоднократно сообщала, что командование ряда воинских частей и отрядов «стражей» распределяет среди помещиков оружие для борьбы с крестьянами, присоединившимися к движению за автономию. В конце июня в окрестностях курдских городов Мехабада, Сердешта и Пираншахра произошли вооруженные столкновения между бандами помещиков и крестьянами, поддержанными группами членов ДПИК. Помещичьи вылазки происходили и в дальнейшем.

Общая нестабильность по всей стране усугублялась перешенностью проблемы комитетов и трибуналов.

Процесс разоружения и роспуска части «революционных комитетов» после официального объявления о создании Корпуса стражей исламской революции стал более интенсивным. В течение месяца этим процессом были охвачены обширные территории северо-запада страны, прикаспийские районы и ряд городов на побережье Персидского залива. Сохранившиеся комитеты Хомейни, как и раньше, призывал не действовать больше по собственной инициативе и «проявлять осторожность в своем поведении». В противном случае, говорил аятолла, «внешний мир определенно скажет, что мы — кучка распоясавшихся дикарей».

Премьер-министр Базарган не оставлял надежд на подчинение комитетов правительству. Более того, судя по заявлениям некоторых должностных лиц, он предполагал влить в правительственные силы безопасности наряду с членами комитетов 4 тысячи «стражей», имеющих шестиклассное (и выше) образование. Несмотря на сопротивление таким планам, правительственные деятели все же надеялись осуществить их в течение шести месяцев. 1 июля начальник военной полиции заявил, что комитетам придется сдать все военное имущество, «вплоть до последнего ранца». Однако Базарган просчитался не только в сроках, но и в возможностях реализации этих планов.

Встав на путь разоружения и роспуска части «революционных комитетов», правящее духовенство отнюдь не собиралось сохранившуюся их часть подчинить гражданскому кабинету министров. Напротив, оно с новой силой

продолжало реорганизацию комитетов. Ее составной частью было утверждение над комитетами контроля высших религиозных деятелей и ограничение их революционной самостоятельности.

Типичный пример проводившейся реорганизации представлял центральный комитет города Кереджа, который с момента своего возникновения включал примерно 100 членов, делегированных от десятков местных комитетов. Его исполком насчитывал девять человек, пятеро из них были муллами; председателем являлся ведущий мулла города, получавший через Язди инструкции от Хомейни. Хотя в исполкоме не было ни одного рабочего (просьба коллектива близлежащего автосборочного завода «Пейкан» о включении его представителя в состав исполкома была отклонена правительством), комитет в первые послефевральские месяцы активно проводил в жизнь демократические принципы управления муниципальными делами Кереджа, сложившиеся еще в период революционной борьбы против шахского режима. Его подкомитеты занимались обеспечением бесплатной медицинской помощи и распределением продовольствия через специальные исламские кооперативы, где бедняки могли покупать предметы первой необходимости по сниженным ценам, а также руководили вооруженными ночными патрулями и т. д. После реорганизации почти вся эта деятельность была прекращена. Вооруженные ночные патрули, будучи включенными в состав Корпуса стражей исламской революции, получали приказы от Язди даже после того, как он стал министром иностранных дел. От центрального комитета практически остался лишь исполком, осуществлявший надзор над деятельностью городского совета и мэра, назначенного Тегераном.

Таким образом, реорганизация комитетов сопровождалась восстановлением политической централизации, которую власти спешили завершить до выполнения своих обещаний о создании децентрализованной системы местных советов. В результате основное различие между новой и старой административными системами составило то, что верховный контроль над местными органами управления теперь осуществляли религиозные лидеры. От реальных источников местной политической власти были изолированы не только организованные левые силы, но и те члены «исламских революционных комитетов», которые, признавая политическое руководство мулл, стихийно проявляли антиэксплуататорские настроения. В таких

условиях любая политическая оппозиция, естественно, воспринималась «верхами» как антиисламская.

Что касается «исламских революционных трибуналов», по приговорам которых к концу июня было казнено свыше 320 человек, то они пока еще действовали более или менее самостоятельно. Даже после издания в середине мая декрета Хомейни применять высшую меру наказания только к лицам, прямо или косвенно виновным в убийствах и пытках, трибуналы казнили несколько человек по обвинению в преступлениях против нравственности. Снисходительность имама, не отреагировавшего сразу и открыто на вызов своему авторитету, объяснялась не только его стремлением удержать в руках все, даже самые несовершенные рычаги управления, но и тем, что исламские трибуналы продолжали служить главным громоотводом для недовольства, которое выражали оставшиеся в живых многочисленные жертвы шахского режима.

В начале июня деятельность «исламских революционных трибуналов» была временно приостановлена. Им предписывалось освоить новые правила работы и освободиться от судей, чьи приговоры оказались «незаконными и антиреволюционными» или «повредили репутации исламского правосудия». Отныне трибуналам разрешалось проводить четко ограниченное число заседаний в день. Лица, в отношении которых обвинения не будут доказаны, должны получить возможность без каких-либо осложнений вернуться к нормальной общественной и профессиональной деятельности.

И, наконец, в конце месяца распоряжениями центральной исламской прокуратуры был предпринят новый шаг в целях проведения в жизнь компромиссного плана Базаргана об «ограниченной амнистии» — из тюрем освобождались лица, совершившие мелкие преступления. Этот акт мотивировался недостатком тюремщиков. Вместе с тем был подтвержден, за самыми крайними исключениями, запрет на конфискацию имущества заключенных.

Почти одновременно Исламский революционный совет утвердил представленный Временным правительством законопроект о создании чрезвычайных трибуналов по расследованию контрреволюционных преступлений. В число таковых — наряду с растратой, подлогом, взяточничеством, разбоем, бандитизмом, вывозом валюты, распространением наркотиков, контрабандой оружия и боеприпа-

сов — было включено «подстрекательство» к выступлению на предприятиях и в вооруженных силах.

В проблеме трибуналов и комитетов отражались наиболее злободневные вопросы общественно-политической жизни Ирана. Они находили с той или иной полнотой отражение в документах и деятельности различных политических партий и организаций.

Народная партия называла в качестве неотложных задач революционного процесса: установление союза рабочих и крестьян, объединенных вокруг демократической программы учреждения республиканской власти; организацию новой армии на демократических началах; национализацию иностранных компаний и капиталов, собственности крупной буржуазии; предоставление всем национальным меньшинствам права на самоопределение в составе единого, независимого и демократического Ирана; разрыв всех секретных политических, экономических и военных соглашений с империализмом; развитие дружественных отношений с СССР. НПИ оказывала поддержку антиимпериалистической политике Хомейни и тем мероприятиям режима, которые ставили своей целью улучшение жизненных условий большинства населения. Одновременно критиковался антидемократический курс правительства Базаргана.

Позиция фedaипов нашла отражение, в частности, на 50-тысячном митинге, созванном 29 июня в память 10 членов организации, павших в борьбе с шахским режимом. Митинг проходил на территории Тегеранского университета под лозунгами: «Продолжать борьбу против империализма и внутренней реакции — рука об руку со всеми народами мира», «Сеятели раскола и лжи состоят на службе американского империализма» и др. Выступавшие подвергли критике как консервативное правительство Базаргана, которое боялось развития революции и первой мишенью для нападения избрало комитеты рабочих, крестьян и революционных военнослужащих, так и находящиеся у власти группы, которые пытаются «монополизировать революцию» на основе норм, сложившихся при зарождении ислама. Возле участников митинга, тщательно охраняемых отрядами фedaипов, собралось около 100 человек, выкрикивавших: «Казнить советских шпионов!», «Слава Готбзаде, Язди и Банисадру!»

Моджахедины, в отличие от фedaипов, критиковали только правительство Базаргана. Так, газета «Пайяме халг» обвиняла кабинет в срыве работы комитетов, соз-

данных рабочими на предприятиях, индифферентном отношении к нападениям сил реакции и комитетов на отделения революционных организаций, арестам и пыткам их членов, снисходительности к контрреволюционным элементам. Одновременно власти упрекались в отказе от раздела владений крупных помещиков, сохранении в армии генералов и старших офицеров прежнего режима, неопределенности отношений с империалистическими странами, молчании относительно концентрации американских военно-морских сил вблизи южноиранского побережья и т. п.

Внутри либеральных сил все явственнее выделялись центристское и левое течения. В июне руководители Национального фронта попытались вдохнуть жизнь в организацию путем установления коллегиального руководства, но безрезультатно. Более того, возглавляемая министром труда и социальных дел Д. Форухаром организация «Иранская нация» («Мелляте Иран») именно тогда вышла из НФ. Многие другие члены Национального фронта еще раньше перешли в НДФ.

Контакты между левыми и либеральными кругами были sporadическими и, как правило, ограничивались участием фэдائнов и моджахедеинов в мероприятиях, организуемых НДФ. Между НПИ и либеральными группами неоднократно велась открытая полемика. Так, в начале июня лидер НФ Санджаби выступил с резкими нападениями на НПИ, обвинив ее руководство в том, что во время революции оно «отсиживалось» в эмиграции. В ответ газета «Мардом» упрекнула Санджаби в том, что даже в октябре 1978 г. он ратовал за конституционную монархию, тогда как НПИ последовательно боролась против монархии и поддерживала Хомейни в его антишахских начинаниях.

Позицию тех либеральных кругов, которые были включены в сферу государственного управления, в какой-то мере характеризует интервью директора-распорядителя ИННК Х. Назиha. В целях создания централизованной исполнительной власти он требовал от религиозного руководства более активной помощи в роспуске комитетов, а также включения их членов в состав полиции и передачи исламских трибуналов под контроль министерства юстиции. Высказавшись за всеобщую амнистию, Назиh делал особый упор на необходимости занять благожелательную позицию в отношении административно-технических кадров, предпринимателей и торговцев. В этой связи он сооб-

щал со ссылкой на начальника полиции, что около 800 тысяч человек обратились к властям с просьбой выдать им заграничные паспорта. Выразив несогласие с политикой концентрации власти в руках религиозных деятелей, Назих заявил, что следует «тем или иным путем освободить аятоллу Хомейни от его заблуждения». «Я как-то выражал недовольство в адрес имама,— сказал Назих,— потому что он постоянно осуждает тех, кто выступает в защиту прав человека. Но без этих людей у нас, возможно, не было бы самого имама». С целью уберечь «революцию и нацию от угрозы раскола» Назих предложил образовывать координационный комитет из представителей политических партий и религиозных деятелей.

Однако последние предпочитали самостоятельно заниматься консолидацией собственных рядов. Исламская республиканская партия, которая с самого начала заявила о верности Хомейни, утверждала, что она насчитывает 2,5 миллиона членов. Исламско-республиканская партия мусульманского народа Ирана, поддерживавшая Шариат-Мадари, по словам ее руководителей, объединяла 2 миллиона человек. Значительно активизировала свою деятельность под лозунгами воинствующего ислама и антикоммунизма организация «Федаяне ислам», начавшая выпускать газету «Набарде меллят». Объявивший себя ее руководителем аятолла Хальхали продолжал нападки на Шариат-Мадари.

Ведущие исламские организации и ассоциации, особенно Исламская республиканская партия, имели возможность, помимо других средств массового воздействия на неграмотное население, широко пользоваться радио и телевидением, руководимыми Готбзаде. Религиозные программы вытеснили все развлекательные передачи. Готбзаде как-то спросили: согласится ли он прервать религиозную программу, чтобы объявить, скажем, о начале третьей мировой войны. В ответ директор-распорядитель радио и телевидения невозмутимо ответил: не следует смешивать ислам, «религию действия», являющуюся сегодня в Иране «частью общества», «со схоластической религией Европы средних веков».

Другие идеологические течения по-прежнему не признавались «частью общества». Многие левые организации и группы клеймили как агентов американского империализма, использующих марксистские названия с целью дискредитации иранской революции и ее исламской идеологии. Аресты членов левых организаций и групп, разгоны

митингов, поджоги книжных магазинов по-прежнему были обычным явлением.

В условиях межпартийных столкновений, разногласий и распрей по всем злободневным проблемам общественно-политической жизни одним из главных вопросов внутриполитической борьбы стала процедура утверждения проекта конституции. К началу июня против намерения Хомейни заменить полномочную Конституционную ассамблею Консультативным советом, или Советом экспертов, выступили не только левые (моджахедины, фedaины и др.) и либеральные организации (в том числе НФ, НДФ и др.), но и ряд видных религиозных деятелей, особенно Шариат-Мадари. Вот тогда-то Хомейни и решил взять недельный отпуск.

Отойти от мирских дел имаму не удалось. 2 июня левоцентристский Национально-демократический фронт обратился к нему с открытым письмом. Лидер революции впервые после февральской победы подвергся публичной критике. Авторы письма обвиняли его в прямом вмешательстве во внутренние и внешние дела страны: «До Вашего возвращения в Иран и до того, как Вы захватили в свои руки политическую и государственную власть, Вы неоднократно говорили, что Вы духовное лицо и что ни Вы, ни духовенство не желаете управлять страной. Однако на практике Ваши слова расходятся с Вашими делами». Далее подчеркивалось, что НДФ отвергает тезис аятоллы о том, что всякий, кто выступает против идеи создания строго исламской республики, враг революции. Несмотря на неоднократные обещания о свободе слова и печати, отмечалось в письме, «в исламской республике, которой Вы правите и в которой Вы являетесь самой могущественной политической фигурой, группы людей, мобилизованные под знаком религии и во имя религии, нападают на газеты, выступают с угрозами в адрес писателей, мешают распространению газет и сжигают книжные магазины». В письме утверждалось, что преподавателей увольняют из школ и университетов за их убеждения и что государственные радио и телевидение сеют в стране рознь, передавая провокационные комментарии и ложные известия. НДФ заявлял: единство не означает, что все должны молчать, чтобы предоставить право говорить одному человеку. В части письма, касающейся нерелигиозных политических группировок, говорилось: «Против этих группировок ведется злобная пропагандистская кампания, и волна террора, следующая

за обвинениями, слишком велика, чтобы мы сохраняли молчание...»

По некоторым из поднятых НДФ вопросам высказался аятолла Талегани, хранивший молчание со времени своего апрельского «хождения в Каноссу». В интервью, переданном по телевидению, он призвал духовенство оставить политические посты и вернуться в мечети. «Истинное духовенство не принимает правительственных постов и обязанностей. Лучший бастион духовенства — мечеть». Относительно предложения моджахединов выдвинуть его кандидатуру на пост президента Талегани сказал: «Я не являюсь кандидатом на пост президента и не считаю необходимым быть им».

Другой диссидент среди религиозных лидеров — аятолла Шариат-Мадари начал бойкотировать богослужения в кумской мечети под предлогом того, что их пытаются срывать сторонники Хомейни, он же призывает своих последователей к спокойствию. Как сообщалось, Шариат-Мадари предотвратил 30-тысячный поход на Кум из Иранского Азербайджана, участники которого намеревались протестовать против нападков на своего духовного лидера. Но вдохновляемая им Исламско-республиканская партия мусульманского парода Ирана вновь потребовала провести выборы в Конституционную ассамблею для одобрения новой конституции. В заявлении, опубликованном в Тебризе, партия призывала к тому, чтобы все национальные решения принимал не «один человек», а совет религиозных руководителей.

Хомейни не мог оставить все это без ответа. Прервав свой отпуск, он 5 июня, в годовщину антишахского выступления 1963 г., выступил в Куме. Хомейни вновь подчеркнул, что революцию в Иране осуществили рабочие, крестьяне, бедняки и только им, духовенству, «подлинно исламским торговцам» должны быть предоставлены все права в республике. «Я говорил шаху 15 лет назад, что, если он не будет служить народу, его вышвырнут». Все нынешние противники ислама «будут уничтожены тем же кулаком, который уничтожил шаха», ибо «путь, отличный от ислама, не может принести никакой пользы человечеству». В заключение аятолла отметил: «Мечети должны оставаться политическими центрами, центрами неумолимой войны с дьяволом и идолопоклонничеством. Спасите мечети, и вы спасете страну». Трансляции речи Хомейни сопровождались в Тегеране и главных провинциальных городах массовыми демонстрациями, в ходе ко-

торых сотни тысяч людей скандировали: «Ислам всепобеждающий».

В последующие два-три дня правительственные круги неоднократно говорили о предстоящей в скором времени публикации проекта новой конституции. При этом выявилась определенная оппозиция решению Конституционную ассамблею заменить Консультативным советом и со стороны некоторых членов кабинета. Так, государственный министр Ядолла Сахаби заявил, что он лично отстаивал идею выборов Конституционной ассамблеи, но затем подчинился принятому решению.

Несколько раньше власти вынесли на «обсуждение» общественности проект закона о печати. Он предусматривал тюремное заключение сроком от одного до трех лет за публикацию материалов, вредящих «исламской революции» и содержащих клевету на религиозных руководителей и министров. Характерно, что это был первый законопроект, выдвинутый Исламским революционным советом на «обсуждение». Вероятно, его целью было устрашение.

Однако публикация проекта закона о печати отнюдь не остановила протесты левой и либеральной прессы против Консультативного совета, на что рассчитывало религиозное руководство. Газеты называли решение властей «образцом повадок диктатора». Народная партия Ирана квалифицировала проект как «не соответствующий целям и духу революции». Оба вопроса — порядок принятия новой конституции и законопроект о печати — стали злободневными темами, по которым развернулась в стране ожесточенная полемика.

Тон в полемике задавали Исламско-республиканская партия мусульманского народа Ирана и лично аятолла Шариат-Мадари. 10 июня газеты опубликовали его высказывания, где он назвал «очень большой ошибкой» отмену выборов в Конституционную ассамблею. Кроме того, Шариат-Мадари отметил, что религиозный деятель, который станет президентом Ирана, унизит свое достоинство: «Стать президентом не является повышением для служителя религии. Фактически это понижение».

Заявления Шариат-Мадари были, по-видимому, направлены против самого Хомейни, которого в тот момент многие подозревали в стремлении стать первым президентом республики. Во всяком случае, еще во второй половине мая ряд видных аятолл развернули активную кампанию за назначение Хомейни пожизненным президен-

том, что сразу привело бы к фактическому установлению теократического режима. Спустя некоторое время к ним присоединился небезызвестный аятолла Хальхали. До этого он не возражал против выдвижения его собственной кандидатуры на данный пост. Никакого утверждения конституции вообще не нужно, говорил Хальхали, поскольку «конституцией Ирана является Коран», а вместо референдума или конституционного собрания достаточно утверждения основного закона страны одним имамом Хомейни.

В тот же день, 10 июня, Исламско-республиканская партия мусульманского народа Ирана призвала провести 15 июня широкую манифестацию «тех, кто выступает за подлинную свободу печати, радио и телевидения, против монополистических тенденций, за демократию, против вмешательства империализма, сионизма и реакции во внутренние дела Ирана». На это откликнулись десятки партий и организаций.

Казалось бы, складывался единый фронт или, во всяком случае, тесное сотрудничество либерального и части левого движения, противостоящих сторонникам Хомейни. Однако спустя два дня после публикации своего призыва Исламско-республиканская партия мусульманского народа Ирана по настоянию Шариат-Мадари отменила намечавшуюся демонстрацию. 13 июня аятолла заявил, что, хотя по-прежнему выступает за Конституционную ассамблею и против законопроекта о печати, в нынешних условиях подобные демонстрации могут стать объектом «провокаций» и вызвать «беспорядки».

На позицию аятоллы Шариат-Мадари повлияли не только горячий отклик, который вызвал призыв к манифестации среди части левых кругов, не только непоследовательность и мягкотелость, присущие либеральному течению. Будучи либералом, он (как и другие религиозные деятели) оставался в первую очередь представителем клерикальных сил, и все его оппозиционные действия — это меры предосторожности, чтобы гарантировать сохранение религиозного влияния в случае неудачи попыток Хомейни узаконить власть духовенства. Шариат-Мадари тогда же заявил, что его цели не отличаются от целей Хомейни, а разногласия между ними имеют второстепенный и даже третьестепенный характер.

Ободренное нерешительностью оппозиции, объективно сыгравшей на руку властям, высшее религиозное руководство вопреки своим обещаниям вновь отложило публи-

кацию проекта конституции, хотя объявило время выборов Консультативного совета — с 4 по 10 июля 1979 г. Хомейни, давший оппозиции возможность выговориться, перешел в наступление. 16 июня он резко осудил «заговор против страны и ислама, который плетут люди, пытающиеся замедлить конституционный процесс». Настаивая на созыве Конституционной ассамблеи, заявил аятолла, они утверждают, будто члены ассамблеи будут подлинными представителями народа, тогда как в действительности она состояла бы из интеллигентов, проникнутых западными идеями, и агентов старого режима, то есть из людей, пользующихся поддержкой извне и не верящих в ислам. В заключение Хомейни призвал рабочих и крестьян не поддаваться влиянию «продажных лиц», пытающихся «подорвать основы ислама», и понять, что сама идея Конституционной ассамблеи «исходит от дьявола». Последним, очевидно, в данном случае были «разбойники пера и мошенники печати».

Но Карфаген должен быть разрушен! И любыми средствами. Спустя два дня Хомейни вновь подверг критике тех, кто говорил, что диктатура Пехлеви сменилась «диктатурой мулл». Назвав на этот раз сторонников Конституционной ассамблеи «коммунистами», добивающимися установления в Иране «коммунистической диктатуры», Хомейни заявил, что народ хочет построить исламское, а не западное государство, создать исламскую, а не американскую или советскую конституцию и потому разработать ее должны люди, сведущие в исламе.

Вслед за тем были предприняты шаги с целью полного разобщения и деморализации оппозиции.

18 июня неожиданно для групп интеллигентов и левых кругов премьер-министр Базарган выразил полную поддержку решениям Хомейни о процедуре утверждения конституции. Он сказал: Консультативный совет будет не менее демократичным учреждением, чем любая Конституционная ассамблея, при том дополнительном преимуществе, что он будет действовать гораздо оперативнее.

19 июня в Куме на «нейтральной территории» — в резиденции аятоллы Гольпаегани — состоялась 40-минутная встреча четырех великих аятолл — Хомейни, Шариат-Мадари, Мараши-Наджафи и хозяина дома. Там произошло примирение Хомейни, критиковавшего «мусульман-уклонистов», и Шариат-Мадари. Как передавали иностранные агентства из Тегерана, лидер революции предостерег своего коллегу против «маневров левых, которые поль-

зуются его добротой и его либерализмом» для ослабления высшего руководства страны. После встречи канцелярия Шариат-Мадари заявила, что он доволен результатами беседы. Достигнутое соглашение было компромиссным. Шариат-Мадари согласился с идеей Консультативного совета, но поставил условием выборность депутатов и «высокий уровень их экспертных способностей». Все же Хомейни стремился не к избранию, а к назначению членов совета. Тем не менее иранская пресса расценила соглашение как «смягчение» позиций Шариат-Мадари, поскольку до этого он призывал к бойкоту референдума в случае отказа властей от созыва Конституционной ассамблеи.

Сразу же после этой встречи были наконец опубликованы положения проекта новой конституции. Ее статьи декларировали следующие коллективные и индивидуальные права и свободы: невмешательство во внутренние дела других стран и защита борьбы угнетенных против угнетателей в любой точке земли; право на труд и обеспечение таких условий труда, которые исключали бы любую возможность эксплуатации человека человеком; мирные собрания и демонстрации; создание религиозных, политических и профессиональных партий, групп и ассоциаций, не противоречащих принципам исламской республики; свобода печати, переписки, убеждений и т. д.; свободное социальное страхование с преимуществом для рабочих, крестьян и других низкооплачиваемых слоев населения; уважение частной собственности, нажитой «законным путем»; допущение конфискации имущества только в соответствии с законом и при соответствующем возмещении и т. п. Официальной религией страны признавался ислам шиитского толка, религиозными меньшинствами — зороастрийцы, иудеи и христиане. «Высшим официальным лицом в государстве» объявлялся президент.

Предваряя обсуждение проекта конституции, Хомейни на встрече в Куме с министром экономики и финансов заявил, что данный проект не имеет равных себе во всем мире: «Никакая демократия не может быть лучше этой демократии». И способ утверждения основного закона — самый лучший и уникальный в мире. Хомейни вновь предупредил, что протесты против предложенного правительством способа принятия конституции могут оказаться частью контрреволюционного заговора, имеющего целью затянуть на два-три года переходный период, с тем

чтобы враждебные революции силы успели укрепиться и сплотить свои ряды.

Первой дала оценку проекту конституции Народная партия Ирана. В открытом письме ЦК НПИ заявил о его поддержке, предложив уточнить или по-иному сформулировать ряд параграфов. Например, указать, что «экономический строй Ирана основан на трех секторах — государственном, кооперативном и частном, а также на упорядоченном государственном планировании». Уточнялись и формулировки в параграфах о внешней политике и правах женщин.

Другие левые силы, а также либеральные круги пытались отстаивать свои позиции по вопросу о созыве Конституционной ассамблеи. 22 июня НДФ решил провести митинг на территории Тегеранского университета, где были размещены такие транспаранты: «Руки монополистов — прочь от революции», «Революционную конституцию должны писать революционные массы», «Подавление — начало тирании». Однако группы мусульманских активистов, объявившие себя сторонниками Хомейни, сорвали митинг. Плакаты погромщиков гласили: «65 тысяч павших не хотят Конституционной ассамблеи!», «Сторонники Конституционной ассамблеи — контрреволюционеры». На следующий день НДФ в резкой форме выступил с протестом против этого. Фронт отмечал: когда опубликован проект конституции и власть имущие, используя монополию на радио и телевидении, днем и ночью твердят народу о защите исламской республикой всеобщих прав и свобод, когда постоянно внушается, будто ислам — вера свободы и справедливости, определенные группы под религиозными лозунгами нагло срывают мирный митинг.

Либерально настроенная Ассоциация иранских юристов приняла резолюцию, где отмечалось, что новая конституция «должна гарантировать правление народа в самом высоком смысле этого слова... путем обеспечения демократии». Ассоциация выдвинула свои требования: распространение парламентского контроля на вооруженные силы, которые, согласно проекту конституции, были поставлены под власть президента, и общее ослабление функций последнего; запрет физических и психических пыток; провозглашение равенства всех людей, независимо от пола, в области личных и социальных свобод; объявление официальной религией ислама вообще, а не его шиитского толка.

26 июня «Аяндеган», тираж которой после «проклятия» ее имамом возрос с 250 до 350 тыс. экземпляров, опубликовала статью, направленную против установления в стране теократического режима. Ее автор Насер Ирани писал: политические призывы духовенства уже не встречают массового энтузиазма, как несколько месяцев назад; духовенство, будучи не классом, а только прослойкой, объединенной «профессиональными» интересами, но разнородной по классовым признакам, не может предложить единую социальную, экономическую и культурную программу, отвечающую современным потребностям общества. По мнению автора, духовенство теперь должно выбрать, с кем идти — с либеральной буржуазией или со сторонниками социалистического пути. Далее автор предупреждал, что положение народа практически не изменилось и в результате исламские руководители сталкиваются с растущей изоляцией. Только союз передового духовенства с поборниками социализма, заключал Н. Ирани, может вывести страну из кризиса и послужить достижению тех целей, которые ставила перед собой революция.

Против порядка принятия проекта конституции и некоторых его положений высказались и представители ряда национальных меньшинств, прежде всего курдов. Шейх Э. Хосейни заявил: если основной закон примут в том порядке, который предусмотрен правительством, то права курдского народа будут попраны; только избрание Конституционной ассамблеи, представляющей различные классы и слои населения и состоящей из юристов, политических деятелей, прогрессивного духовенства, военнослужащих, делегатов от политических партий и национальных меньшинств, может гарантировать права всех граждан страны. Примерно так же заявил А. Касемлу, руководитель Демократической партии Иранского Курдистана. А. Мофтизаде в своей телеграмме на имя Хомейни решительно возражал против статьи, определявшей официальную религию Ирана. Он ратовал за равноправие шиитов и суннитов, тем более что признание шиизма официальной религией, по его словам, противоречило положению проекта конституции об исламском правлении в стране. Вместе с тем он предупреждал, что пункт о превосходстве одного исламского толка над другим дает в руки врагов «исламской революции» средство для раскола между суннитами и шиитами и может повлечь за собой вражду с другими мусульманскими странами.

Выступления курдских деятелей против проекта конституции и порядка ее утверждения побудили иранские власти ускорить решение вопроса об учреждении городских, районных, сельских, провинциальных и окружных выборных советов. Уже 29 июня был опубликован текст соответствующего закона, утвержденного Исламским революционным советом.

30 июня ИРС утвердил законопроект о порядке выборов в Консультативный совет (или, как его стали называть, Совет окончательного изучения проекта конституции), который должен доработать документ с учетом поступивших пожеланий. В Совет предполагалось избрать 73 депутата, включая четырех представителей религиозных меньшинств. Минимальный возраст избирателей был определен в 16 лет, а кандидатов в депутаты — 30. Проект основного закона должен был быть утвержден не менее чем двумя третями депутатов и затем — после утверждения Исламским революционным советом — вынесен на всенародный референдум. Хомейни назначил выборы на 3 августа. Время обсуждения Консультативным советом проекта конституции ограничивалось одним месяцем.

Официально было объявлено, что кандидатов могут выдвигать все политические партии, но только из числа хорошо известных в своем округе людей. Хомейни призывал духовенство активно предлагать собственных кандидатов и подчеркивал, что депутатами должны быть люди, верные исламу и сведущие в нем, но «никак не левые или правые». Подвергнув в одном из своих выступлений критике многочисленность политических партий в стране («В одном Тегеране — 100 партий, и все против ислама»), он утверждал, что за таким «размножением» стоит некая «организация», делающая это в целях раскола народа. Подвергая нападкам левые силы и левое крыло либералов, Хомейни хотел обеспечить условия для объединенных действий исламских кругов и связанных с ними представителей либерального лагеря в правительстве.

Кабинет министров, оказав Хомейни помощь в изоляции левых и леволиберальных кругов в вопросе о новом порядке принятия и утверждения конституции, не замедлил воспользоваться занятой аятоллой позицией для укрепления собственного положения. 26 июня Базарган вместе с несколькими членами недавно реорганизованного кабинета, где по-прежнему было «много званных, но мало избранных», встретился с Хомейни в Куме и просил его

содействовать налаживанию более тесного сотрудничества между провинциальными властями и комитетами с целью гарантировать, чтобы последние не вмешивались в дела губернаторов. В результате было решено 30 июня созвать совместное совещание правительства и Исламского революционного совета — первое в пятидесятилетней истории Исламской Республики Иран.

Печать расценила это решение как определенную победу Базаргана, удачно выбравшего момент для давления на верховную власть. Напряженность внутривластной ситуации, постоянные сообщения об уходе со своих постов губернаторов и мэров, «не нашедших общего языка» с местными комитетами, могли сделать Хомейни более податливым на требования Базаргана. Групповая отставка правительства во главе с премьер-министром, писала газета «Аяндеган», сейчас совершенно неприемлема для религиозного руководства, поскольку кандидатов на правительственные посты у него пока нет, а ситуация в стране крайне сложна и напряжена из-за готовящихся выборов. В этой связи предстоящая «встреча в верхах» расценивалась газетами как стремление верховной власти укрепить авторитет и полномочия правительства, недовольного действиями находящихся под покровительством ИРС групп и комитетов.

Против встречи выступали радикальные исламские группы, продолжавшие оспаривать авторитет правительства в Тегеране и провинциях, несмотря на явно выраженное недовольство широкой общественности их бесконтрольной деятельностью и взаимным соперничеством, доходящим до вооруженных столкновений. 28 июня исламско-преторианская гвардия «стражей» организовала торжественный марш с целью продемонстрировать свою силу в ответ на попытки правительства «подрезать ей крылья». В результате назначенная на 30 июня встреча в последний момент была отложена «по соображениям безопасности».

В таких условиях усилились слухи об отставке «всего» правительства. И хотя 1 июля Амир-Энтезам опроверг их, однако был вынужден признать, что существуют «трудности» в управлении делами страны из-за того, что решения принимаются в разных инстанциях.

А имам Хомейни через все препятствия и препоны, через все большие и малые компромиссы с завидной последовательностью вел вперед «исламскую революцию».

Месяц шестой

БОГАТЫЕ,
ДЕЛИТЕСЬ
С БЕДНЫМИ!

Вождь французской революции говорил:

— Богатства, ведущие к разложению, более вредны тем, кто ими обладает, чем тем, кто их лишен;

— Я собираюсь отстаивать интересы не одних лишь неимущих граждан, но также интересы собственников и торговцев... Я не лишаю их какой-либо честной прибыли, какой-либо законной собственности. Я лишаю их лишь права посягать на собственность других;

— Помощь бедным есть долг богатых народу... Гораздо важнее сделать бедность почтенной, чем осудить богатство... Но я в богатстве вижу не только плату за преступление, но и кару за преступление, и я хочу быть бедным, чтобы не быть несчастным.

Вечером 1 июля 1979 г., или 10 тира 1358 г., состоялось первое в непродолжительной истории Исламской Республики Иран совместное заседание все еще тайного Исламского революционного совета и гражданского кабинета премьер-министра Мехди Базаргана. В полуторачасовом совещании участвовали генеральный прокурор республики Мехди Хадави и председатель Центрального исламского революционного комитета аятолла Махдави-Кяни.

На следующий день в Куме проходила вторая встреча четырех великих аятолл — Хомейни, Шариат-Мадади, Гольпаегани и Мараши-Наджафи.

На первый взгляд могло показаться, что в стране, немолимо двигавшейся к узаконению теократического режима шиитского духовенства, произошли события, способные изменить или хотя бы приостановить этот неудержимый процесс. Складывалось также впечатление, что непримиримый сторонник власти духовенства Хомейни пытается закрепить улучшение своих отношений с либерально настроенным и умеренным в данном вопросе Шариат-Мадади, которого он стал привлекать к обсуждению государственных дел. К тому же Базарган, добившийся принятия Хомейни его плана «ограниченной амнистии», теперь, видимо, был близок к осуществлению своего требования о тесной координации действий Исламского революционного совета и правительства.

Однако результаты состоявшихся заседаний сообщены не были. Корреспонденты мало что смогли выяснить. В канцелярии Хомейни сказали, что на совместном заседании ИРС и правительства обсуждались предстоящие выборы в Совет окончательного изучения проекта конституции, сам проект и отношения между правительством и комитетами. В «информированных кругах» же было заявлено, что Хомейни дал указания о более тесном сотрудничестве всех звеньев правительственного и государственного аппарата, чтобы положить конец административному хаосу; вновь опровергались сообщения о намерении кабинета Базаргана выйти в отставку. Кроме того, в интересах улучшения отношений правительства с ИРС и укрепления его авторитета один из близких помощников и родственников аятоллы Хомейни, в свое время состоявший при нем в Ираке и Франции, 43-летний заместитель министра внутренних дел Садек Табатабаи был назначен заместителем премьер-министра по административным вопросам и официальным представителем правительства. Эту должность до него занимал Амир-Энтезам, направленный послом Ирана в скандинавские страны.

Если принятые на заседании решения ограничивались только этим, то их нельзя было признать существенными для правительства. Не случайно в западной печати отмечалось, что переговоры значительного успеха Базаргану не принесли. Правда, канцелярия премьера заявила, что на заседании был «достигнут некоторый прогресс» и что предстоят новые встречи. Сам Базарган отказался затрагивать

итоги переговоров, поскольку, по его словам, эта тема «пока не созрела».

5 июля Базарган выступил по телевидению с изложением утвержденного Исламским революционным советом закона о защите и развитии промышленности, который предусматривал национализацию целого ряда предприятий тяжелой индустрии. При этом он явно дал понять, что не имеет отношения к принятию закона. По мнению западной печати, инициатива в его разработке принадлежала ближайшему советнику Хомейни А. Банисадру. Как писали газеты, об утверждении ИРС закона и передаче его премьеру не были поставлены в известность должностные лица из правительства, которых он непосредственно касался, не говоря уже о консультации с ними. Приводился такой пример: и в прошлом месяце, вплоть до объявления о национализации банков, руководящие деятели правительства заверяли представителей Запада, что ни при каких обстоятельствах банки не будут национализированы.

Подтверждением таких фактов может служить следующее. За две недели до объявленной национализации, 19 июня, Временное правительство предоставило министерствам и государственным организациям двухмесячный срок для решения вопроса о судьбе не функционирующих по тем или иным причинам предприятий. ИРС собственным решением опередил этот срок. 25 июня иранское официальное агентство Парс сообщило: Базарган отверг идею широкой национализации частных предприятий, сославшись на то, что это увеличит нынешний избыток государственных служащих. Другие представители правительства высказывались в таком же духе и после принятия закона о национализации. Хасан Назих, например, назвал его непродуманной и поспешной акцией, которая нанесет ущерб эффективности управления. В этой связи он утверждал, что теперь рабочие «почувствовали себя служащими и потеряли стимул к труду».

Так обстояли в начале июля дела, связанные с отношением высшего религиозного руководства к своему гражданскому кабинету министров. Но так ли обстояло дело с положением рабочих по закону о национализации, как это представил Х. Назих?

Целью решения о защите и развитии промышленности объявлялось «спасение экономики и оздоровление системы управления ею». Для этого было предусмотрено: «установление исламского порядка в отношении прав рабочих; избавление зависимости экономики от экспорта нефти и дос-

тижение самообеспечения внутренних потребностей, расширение национального экспорта; увеличение занятости населения; ликвидация элементов деспотического и эксплуататорского режима; покровительство частному сектору». По закону национализации подлежал ряд крупных предприятий тяжелой промышленности — горнодобывающей, металлообрабатывающей, автомобильной, судостроительной и авиационной. В государственную собственность переходили предприятия, владельцы которых нажили капиталы «незаконным» путем, бежали из страны или задолжали банкам суммы, превышающие их наличные капиталы (поименно был перечислен 51 представитель шахского делового мира). Предприятия, финансовое и экономическое положение которых является «здоровым», остались в руках частных лиц, и правительство обязалось покровительствовать им.

Таким образом, способы проведения национализации промышленных предприятий, а ранее банков не во всем соответствовали провозглашенным целям. Иностранцам держателям акций этих предприятий предусматривалась компенсация, а конфискации подлежали помимо компаний, чьи хозяева бежали за рубеж или были арестованы, нерентабельные и обремененные долгами промышленные предприятия. Подобная акция была на руку владельцам других фирм, не имевших средств для пополнения запасов сырья и подвергавшихся постоянному давлению рабочих комитетов. 24 июля Союз хозяев предприятий гражданского строительства 598 голосами против двух призвал правительство национализировать их предприятия без какой-либо компенсации. Позже появилось сообщение о принятом ИРС решении национализировать 50 строительных компаний.

Не случайно некоторые левые силы считали одной из причин появления закона о национализации промышленности деятельность рабочих комитетов и вызванную этим проблему «законности» управления. Вместе с тем левые силы критиковали власти за то, что те не определили свои позиции в отношении связанных с иностранным капиталом предприятий, которые могут стать основой восстановления «паразитирующей экономики», и деятельности многонациональных корпораций вообще.

Видимо, принципы исламского государства не имели прямого отношения к этим вопросам. Во второй половине июля директор Центрального банка Ирана даже обратился к иностранным банкирам, получающим свои вклады из национализированных иранских банков, с предложением

организовать консорциум для участия в осуществлении планов развития страны. А спустя месяц генеральный прокурор Тегерана аятолла Азари Куми призвал эмигрировавших предпринимателей, не запятнавших себя активным сотрудничеством с шахским режимом, вернуться на родину, где смогут свободно вкладывать капиталы в экономику.

Сам Хомейни сразу же после объявления национализации промышленности, выступая перед фабрикантами в Куме, заявил, что частная собственность является одним из основных принципов исламского правления: «Иран — исламское государство, признающее частную собственность, и правительство не может нарушать этот принцип, в противном случае ему придется уйти в отставку. Не следует думать, что все заводы и фабрики будут непременно отобраны у владельцев; пока я жив, не позволяю правительству отступать от канонов ислама».

Складывалось впечатление, что руководящие круги как бы стеснялись национализации, на осуществлении которой уже полгода пастаивали левые организации. Правительство кивало на верховную власть, верховная власть — на правительство. Наконец Абольхасан Банисадр, считавшийся инициатором этого мероприятия, прямо заявил, что она была обусловлена не победой «какой-либо идеологии», а необходимостью «спасения экономики от краха».

Каноны ислама не запрещают трудиться в области промышленности, ремесла, торговли. Но верующие обязаны быть исламскими промышленниками, исламскими ремесленниками, исламскими торговцами. Это значит, что правоверные посвящают себя предпринимательству не с целью наживы, а во имя блага ближних. Все мусульмане должны как братья щадить друг друга, богатые — делиться с бедными, торговцы — продавать как можно дешевле. Ибо в Коране говорится: «Лучший из запасов — благочестие».

Именно в благочестии, воздержанности и скромности коренится, по мусульманским канонам, принцип всеобщего равенства. «А кто богат, пусть будет воздержан, а кто беден, пусть ест с достоинством». Ведь «здешняя жизнь — только игра и забава; будущее жилье лучше для тех, которые богобоязненны. Разве не сообразите?» Так что, «о сыны Адама... ешьте и пейте, но не излишествуйте: ведь Он не любит излишествующих!» Чтобы не было сказано в последний день, в день расчета, что «вы были народом излишествующим». В данный день принцип всеобщего равенства окончательно восторжествует: «Попстине, Аллах введет тех, которые уверовали и творили благие дела, в

сады, где внизу текут реки. А те, которые не уверовали, наслаждаются и едят, как едят животные, и огонь — местопребывание их!»

Какие же могут быть основания для недовольства новым режимом? «Мостазефины» — обездоленные, угнетенные, нищие — чувствуют себя менее несчастными, когда имам бичует «жизнь во дворцах», вызывающую роскошь и чрезмерные расходы шаха и его семьи, те привилегированные слои населения, которые и он, и народ презрительно называют «тагути» — по наименованию существа, олицетворяющего дьявола. «Базари» — торговцы, владельцы небольших предприятий — признательны имаму за постоянное осуждение господства иностранного капитала, захватившего иранские рынки, и за меры против крупнейших собственников шахского режима. Но особенно довольны духовенство: имам не только говорит, что ислам — система и программа для руководства всеми сферами жизни общества, но и воплощает это в жизнь.

Правда, кое-кому не по душе некоторые порядки устанавливающегося исламского правления. Богачи из тенистых северных кварталов Тегерана, живущие в роскошных виллах и дворцах с бассейнами и спортивными площадками, с тоской вспоминают былые времена, когда за бесценок могли приобретать недвижимость и за короткий срок наживать огромные состояния, сожалеют о закрытых барах, дискотеках, ночных заведениях. Но если в магазинах теперь меньше товаров, если в крупных ресторанах изысканные блюда подаются за баснословные деньги, если шампанское и виски можно купить только на черном рынке по бешеным ценам и под страхом быть уличенным в нарушении исламских норм, то тем легче богатым «делиться» с бедными и «спасать» свои души до дня расчета.

Правда, часть интеллигенции и левые группы испытывают горечь несбывшихся надежд на установление в стране демократического строя. Все же и они пользуются небывалой при шахском террористическом режиме свободой, почти беспрепятственно распространяют громадными тиражами свои печатные издания и даже не отказывают себе в праве критиковать правительство и духовенство, в том числе и самого имама.

Правда, наиболее равнодушные к догматам шиизма рабочие не особенно рады тому, что созданным ими самоуправленческим комитетам придается исламский характер, а также новым законам о наказании «лиц, подстрекающих

к забастовкам». Однако прежде они не имели таких прав, как теперь.

Так что по-настоящему недовольна устанавливающимся исламским правлением только «кучка подстрекателей» крайне правого и крайне левого толка. Со временем и они поймут, что естественные права человека на свободу даруются лишь Аллахом, единственным вершителем судеб человека.

Самое главное сейчас — продолжать борьбу за принципы исламского государства, исламского правления, исламской морали. Все остальное следует предоставить воле Аллаха, великого и всемогущего...

И эта борьба велась с еще большей силой. Ислам наложил свою длань на повседневную жизнь населения. Так, запрещение покупать, хранить и употреблять алкогольные напитки, свинину и т. д. было распространено на паюсную икру, которой, помимо нефти, славится Иран, и на осетровые рыбы, объявленные «нечистыми». Мужчины-парикмахеры отныне не могли делать прически женщинам. Последних нередко увольняли с работы, если не носили чадру (хотя под ней могли быть и джинсы). В месяц поста (рамазан) особые патрули, следящие за соблюдением морали, разъезжали по улицам с громкоговорителями и предупреждали женщин не появляться без чадры. А за несоблюдение поста подвергали публичной порке, как и за продажу товаров на рынке по завышенным ценам.

Цензура на радио и телевидении все более ужесточалась. Критика этих органов пропаганды и их руководителя Готбзаде в то время приобрела почти всеобщий характер.

Только в июле оттуда ушли два самых популярных политических обозревателя, обратившихся к народу и аятолле Хомейни с открытым протестом против «безжалостной цензуры», превращающей эти средства массовой информации в орудие «контрреволюции» и «предательства народных интересов».

Реакция аятоллы на подобные протесты была весьма своеобразной. Выступая 22 июля в Куме, он подчеркнул «предательский» характер программы радио и телевидения... при прежнем режиме, который способствовал разложению молодежи и появлению в ее среде преступников. Критике были подвергнуты и другие «дьявольские режимы», в распоряжении которых имеются «многочисленные средства массовой информации — радио, телевидение, печать, кино и театр, используемые для удержания народа в

состоянии отсталости и невежества». В этой связи Хомейни обрушился на музыку, которая, «если ее слушать некоторое время, делает мозг бездейственным и несерьезным», поскольку она «ничем не отличается от опиума». Далее он сказал: «Радио и телевидение должны быть просвещающими. Музыка следует исключить из программ вообще... Музыка — это предательство государства и нашей молодежи». Вскоре дирекция радио и телевидения запретила передачу западных музыкальных произведений, за исключением военных маршей и патриотических гимнов.

Предметом особых забот властей было, в частности, не допустить совместное купание мужчин и женщин «в одном море». В начале июля Хомейни самолично высказался по этому поводу. Если правительство окажется не в силах выполнить соответствующие распоряжения, заявил он, то народ сам положит конец этим «порядкам западной цивилизации», навязанным Ирану шахским режимом. Во исполнение религиозных предписаний в Тегеране и других городах большинство бассейнов было закрыто, а в те, которые остались, вход женщинам и девушкам категорически запрещался.

За исполнением всех новых правил и постановлений следили не только комитеты, применявшие подчас (например, для разгона концертов) слезоточивый газ, но и множество добровольных блюстителей шариата. Организация, называвшая себя «поборники истинного пути», специализировалась на срыве «не отвечающих исламским нормам» концертов народных песен, соблюдении раздельного купания мужчин и женщин и т. п. Женщина, появившаяся в купальнике даже на специально отведенном участке пляжа, рисковала столкнуться с разъяренной толпой, вооруженной камнями и ножами.

Одним из внешних проявлений процесса исламизации общества стала такая неременная принадлежность городского пейзажа, как зеленые знамена ислама с черно-белой вязью арабских букв. Они развевались на административных зданиях, гостиницах и даже на глинобитных хижинах в предместьях. То же самое можно сказать и о портретах «отца революции» имама Хомейни. Они часто соседствовали с портретами имама Али, зятя и двоюродного брата пророка Мохаммеда, особенно почитаемого шиитами религиозного вождя.

Процесс исламизации иранского общества в немалой мере коснулся и иностранцев, на которых постепенно стали распространяться некоторые из новых правил и огра-

ничений. В священном городе Куме приезжие иностранки обязаны были надевать чадру. По решению Исламского революционного совета фотографирование и киносъемки могли производиться только с разрешения властей, а перед вывозом за границу отснятые пленки должны предъявляться для просмотра.

Несмотря на все строгости, показ религиозных программ по телевидению вызвал бум в торговле видеозаписями, которые пока не подверглись цензуре. Запрет на потребление алкоголя увеличил и без того огромные масштабы наркомании: почти 2—4 млн. иранцев регулярно отравляли себя опиумом.

В свою очередь местные власти и добровольные блюстители шариата усиливали физические наказания за «аморальные» проступки. Со временем наказания стали столь суровыми, что сын аятоллы Хомейни Ахмед вынужден был выступить против практиковавшихся в отдельных районах отрубания рук за воровство и казней по обвинению в проституции и торговле наркотиками. В одном из интервью он сказал: вначале следует искоренить те общественные условия, которые порождают безнравственные действия, просветить народ исламскими принципами и удовлетворить его потребности, создав исламское общество, а затем уже прибегать к таким суровым мерам взыскания.

Правительство Базаргана тем временем продолжало заниматься текущими экономическими вопросами. Ухудшение общей конъюнктуры вынудило кабинет встать на путь жесткой экономии, в частности за счет сокращения тех финансовых платежей за рубежом, которые прежний режим производил в целях усиления своего престижа. Так, были прекращены отчисления по невыплаченной части безвозмездных субсидий иностранным правительствам, международным и частным организациям, поставлен вопрос о пересмотре обязательств Ирана в отношении фонда, созданного Организацией стран — экспортеров нефти для помощи развивающимся странам ввиду увеличения цен на нефть.

В начале июля правительство ознакомило наконец представителей местной печати с проектом государственного бюджета, составленного с дефицитом порядка одной седьмой его расходной части. Около одной десятой доли расходов было выделено на повышение заработной платы рабочим и служащим, одна треть — на реализацию планов развития и капитальные вложения. Большие суммы

предусматривалось направить на покрытие убытков государственных предприятий и компаний, на стабилизацию цен на потребительские товары. Новый бюджет отразил сохранение односторонней ориентации народного хозяйства на экспорт нефти, что должно было обеспечить около 70% доходов. Зависимость от нефтяного экспорта, остававшегося важнейшим и практически единственным источником поступления иностранной валюты, многие в Иране характеризовали как «экономическую бомбу замедленного действия». Между тем из-за существенного сокращения таможенных сборов (ввиду резкого падения импорта) и отсутствия почти всякой государственной налоговой системы (при росте значения «добровольных» религиозных налогов и пожертвований) роль финансовых поступлений от продажи нефти должна была возрастать и в дальнейшем.

В политической области одним из важнейших аспектов деятельности правительства были проблемы отношений с национальными меньшинствами, в частности «умиротворение» Хузестана.

В начале июля население Хорремшахра обратилось к генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму с просьбой содействовать прекращению незаконных арестов и освобождению политических заключенных-арабов. Спустя несколько дней в провинцию прибыл начальник генштаба иранской армии генерал Н. Фарбод. Он заявил, что происшедшие здесь события способствовали восставлению морального и боевого духа армии и что она готова ликвидировать любые внутренние и внешние заговоры.

Правительство не желало вести переговоры с арабами до тех пор, пока те не сдадут оружие. Они же отказывались сделать это до тех пор, пока Тегеран не гарантирует им безопасность. Вместе с тем шейх Хагани воздерживался от осуществления своей угрозы призвать к забастовке арабов с Абаданского нефтеочистительного завода и чуть ли не умолял правительство удовлетворить их требования, дабы самые горячие головы из арабских организаций не взяли дело в свои руки. Имелась в виду партизанская группировка «Черная среда» (названа так в память 30 мая — дня кровавых столкновений в Хорремшахре), устраивавшая взрывы на нефтепромыслах Хузестана. 10 июля Хагани направил телеграмму Базаргану, где вновь предупредил, что позиция правительства способствует нарастанию напряженности в стране и расколу

иранского общества. Он вновь требовал прекращения деятельности «стражей» и комитетов в провинции.

В те дни в Хорремшахре, Ахвазе и Абадане состоялись массовые демонстрации арабского населения под лозунгами: «Мы не сепаратисты и не диверсанты», «Наш дом и родина — Иран», «Мы арабы, курды поддерживают нас», «Наша сила в единстве», «Сплотимся вокруг шейха Хагани и шейха Хосейни». Участники митингов требовали немедленного освобождения всех политических заключенных-арабов, предания открытому суду адмирала Мадани и отказывались признать проект конституции ввиду отсутствия в нем положения о праве народов Ирана на национальную автономию. А «Черная среда» усилила диверсионные акты, в том числе и на нефтепромыслах.

13 июля «стражи» открыли огонь по мирной демонстрации арабов в Абадане. Через два дня они организовали в Хорремшахре собственную демонстрацию под лозунгами «Смерть арабам!», «Партия — только партия Аллаха», а затем собрались на митинг в соборной мечети. Здесь «стражей» забросали гранатами. В отместку они совершили налет на дом Хагани, убили двух его учеников, а самого шейха и членов его семьи увезли в неизвестном направлении. В знак протеста губернатор города подал в отставку. Когда же появились слухи о том, что шейх Хагани находится в Куме, в Хузестане наступило некоторое затишье.

Росла напряженность в других провинциях, например в Белуджистане. 16 июля газета «Мардом» вновь поставила перед правительством вопрос о необходимости срочно удовлетворить справедливые требования народных масс провинции и, опираясь на них, подавить активизирующиеся силы местных эксплуататоров и контрреволюции.

Правительство же было «занято» Курдистаном. К 8 июля после недельных переговоров между представителями курдской и азербайджанской общин Негеде, проходивших при посредничестве правительственной миссии, было достигнуто соглашение о возвращении 12 тысяч курдских беженцев в город. В то же время, как заявляла Демократическая партия Иранского Курдистана, центральные средства массовой информации всячески пытались подорвать установившееся в ходе имевших место контактов в Тегеране и Куме некоторое взаимопонимание между курдскими лидерами и руководством республики. По-прежнему поступали сообщения о том, что прави-

тельственные органы продолжают всоружать отряды помещиков в Курдистане.

11 июля во всех курдских городах начались в знак протеста против подстрекательских передач тегеранского радио всеобщие забастовки и демонстрации, в которых участвовали и жители окрестных деревень. Манифестанты, охраняемые вооруженными отрядами Демократической партии, требовали установления демократического строя в Иране и предоставления автономии Курдистану, изъятия оружия у землевладельцев и защиты прав трудящихся. В обращении ко всем народам страны отделение организации феодалов в Курдистане предупредило о возможности повторения кровавых событий в курдских районах из-за отказа правительства дать прямой ответ на народные требования и его поддержки реакционеров и монархистов, во множестве проникших в комитеты.

14 июля в курдском городе Мариване в ответ на попытку «стражей» разогнать демонстрацию произошли вооруженные столкновения, в результате которых свыше 20 человек было убито и около 40 ранено. На следующий день население, изгнав членов комитета, установило свой контроль над городом. Состоявшийся в Сенендедже митинг в знак протеста против кровавых событий в Мариване принял резолюцию, требовавшую создания в целях защиты завоеваний революции советов революционных крестьян и рабочих профсоюзов. На пограничной с Турцией заставе у местечка Соро курдские отряды совершили нападение на жандармерию, которая была объявлена антинародной организацией.

Правительство направило во все стратегически важные районы Курдистана воинские подразделения и формирования «стражей». Ожесточенные бои возле местечка Соро привели к большому количеству жертв. Население Маривана стало уходить в горы. В поддержку его требований о недопущении в город «стражей» и передаче управления курдам состоялись демонстрации во многих местах Курдистана. Из Сенендеджа начался 80-километровый марш 10 тысяч человек в направлении Маривана. По пути к ним примкнуло почти столько же жителей окрестных деревень. Попытки властей уговорить участников марша вернуться домой остались безуспешными. Повсюду происходили столкновения с войсками и «стражами».

В конце июля шейх Хосейни обратился к Базаргану с призывом незамедлительно удовлетворить требования народа, чтобы предупредить дальнейшее кровопролитие.

Гасемлу заявил о решимости Демократической партии продолжать борьбу под лозунгом «Демократия — Ирану, автономия — Курдистану» и защищаться, если курдам будет навязана война. Газета «Мардом» возлагала вину за кровавые события в Курдистане на руководимую Мофтизаде «школу Корана», объединявшую реакционно настроенных торговцев, помещиков, бывших саваковцев и духовенство, сотрудничавшее с шахским режимом, и поддерживаемую левацкими группировками.

Волнения охватывали одни районы за другими. 15 июля произошли ожесточенные уличные столкновения в азербайджанском городе Мешкиншехр. Поводом послужил разгон «стражами» крестьян, требовавших от местных властей решить спор о справедливом распределении воды между деревнями. В результате четыре человека были убиты и 50 ранены.

Во второй половине июля по инициативе Национально-демократического фронта в Тегеране состоялась первая в истории Ирана конференция солидарности его народов с участием представителей курдов, туркмен, арабов и азербайджанцев. На ней было выдвинуто предложение о федеральном устройстве страны на базе самоопределения и автономии всех народов в рамках единого Ирана. В послании участникам конференции шейх Хосейни связывал достижение демократии с национальным освобождением нацменьшинств и предоставлением им автономии. НДФ в своем послании подчеркивал, что причина бесправного положения иранских национальных меньшинств — развитие капиталистических отношений и зависимость Ирана от международного империализма.

Примерно в то же время министр труда и социальных дел Д. Форухар (курд по национальности), выступая перед служащими нефтяной компании, заявил, что в результате революции «Иран получил главное — независимость, и теперь его судьба определяется в Тегеране, а не в других государствах. Народ Ирана пользуется такими правами, какие не предусмотрены даже в Декларации прав человека».

Однако многие отряды иранских трудящихся имели на сей счет собственное мнение, которое по-прежнему находило выражение в непрекращавшейся классовой борьбе пролетариата.

Большой резонанс в стране вызвало выступление рабочих американской компании «Браун энд Рут», занимавшейся строительством причалов на военно-морской

базе Чахбахар. Компания, приостановив свою деятельность, не удовлетворила их давние требования о выплате зарплаты за период антишахских выступлений. Свыше 100 человек собрались 22 июля в здании управления, находившегося в Тегеране, и захватили в качестве заложников трех ответственных работников. Прибывшие к месту происшествия вооруженные отряды комитетов применили против рабочих оружие. Шесть человек были ранены.

В разгоне митингов и демонстраций активно участвовали отряды «стражей». В окрестностях Зенджана они ранили 12 участников митинга, устроенного рабочими местной фабрики.

На многих промышленных предприятиях создавались особые группы из лиц, прошедших подготовку у инструкторов «стражей». На них возлагалась задача обеспечивать «безопасность» заводов и фабрик, выявлять «подстрекателей» среди рабочих, вербовать людей для специального обучения при Корпусе стражей исламской революции, срывать забастовки, митинги и демонстрации.

В тесном контакте со «стражами» действовала Организация борцов за святое дело исламской революции. В те дни она неофициально выполняла функции милиции при Исламской республиканской партии. Организация самостоятельно производила аресты и даже пытки членов левых группировок.

Некоторые религиозные деятели по примеру аятоллы Хальхали окружали себя вооруженными отрядами, участвовавшими в разгроме митингов и демонстраций с помощью огнестрельного оружия. Один из руководителей таких отрядов, аятолла Гараби, утверждал, что чувствует себя «неуютно» без автомата и пистолета. В результате Хомейни был вынужден выступить с критикой тех представителей духовенства, которые носят оружие и не показываются на людях без вооруженной охраны.

Вооруженные отряды левых организаций, особенно федаинов и моджахединов, старались не отвечать на постоянные провокации со стороны исламских группировок. Тем не менее нападки на левые и демократические силы со стороны властей отнюдь не уменьшались.

Правда, в начале июля еще могло показаться, что правительство решило встать на путь относительного сотрудничества с некоторыми левыми организациями. В те дни оно собрало в министерстве иностранных дел необычное совещание по вопросам внешней политики, на которое

были приглашены представители различных политических партий, в том числе Народной партии Ирана. В своем докладе И. Язди сформулировал следующие внешнеполитические принципы деятельности правительства: защита завоеваний революции, сохранение политической, экономической и культурной независимости Ирана, защита его территориальной целостности и интересов народа, борьба против империализма и иностранного господства, невмешательство во внутренние дела других государств.

Представитель ЦК НПИ поддержал объявленный руководством Ирана курс на неприсоединение, мирное сосуществование и борьбу против военных блоков и баз. Вместе с тем он отметил метод «тайной дипломатии» в деятельности иранского МИД, в частности в вопросе определения дальнейшей судьбы военных соглашений шахского режима с США и другими империалистическими державами, которые, как он сказал, по непонятным причинам пока не аннулированы, и призвал правительство заключить дружественные договоры о ненападении с соседними государствами, чтобы обеспечить независимость и безопасность страны, сорвать империалистические заговоры.

Как оказалось, совещание преследовало цель дать выход антиимпериалистическим требованиям демократических сил и одновременно усилить раскол между ними. В дни совещания Базарган выступил перед командирами провинциальных отрядов Корпуса стражей исламской революции. Он заявил (в который раз!), что действительная опасность грозит революции изнутри, а не из-за рубежа. Иностранные державы, сказал он, «постепенно поняли необходимость замены сотрудничества с шахом сотрудничеством с новой властью и повели себя даже лучше, чем мы ожидали». А вот внутри страны начались распри, провокации и саботаж, подстрекательство и террор. Политическое расслоение может привести революцию к поражению. Призвав различные группировки объединиться под «уникальным» руководством имама, Базарган подверг критике организацию федаинов, которая, по его словам, всегда обнаруживается там, где вспыхивают «беспорядки», и, в частности, провоцирует волнения среди национальных меньшинств.

Левые и леволиберальные круги не оставили без ответа этот выпад. Федаины обвинили правительство в проведении реакционной и антидемократической политики, подавлении профсоюзного движения, поддержке капита-

листов и крупных землевладельцев против рабочих и крестьян. В поддержку феодалов выступил Национально-демократический фронт, который заявил премьер-министру: «Все, что Вы говорите о феодалах, несколько не вредит престижу этой организации, зато вскрывает антидемократический характер Вашего правительства».

Последующие высказывания Базаргана подтвердили, что правительство не только не желает прислушиваться к антиимпериалистическим требованиям левых сил, но намерено привлечь к работе в административном аппарате старые чиновничьи кадры. 4 июля Базарган вновь подверг критике тех, «кто использует революционную фразеологию, не имея ни малейшего понятия о трудностях, стоящих перед правительством». Его кабинет будет по-прежнему проводить политику «модернизации и революционного реализма». Однако необходимо при новом строе использовать некоторых старых работников, отвергнув тезис о том, что революция должна сосредоточить усилия на преследовании деятелей шахского режима. Относительно требований порвать соглашения с империалистическими державами Базарган сказал, что, хотя большинство из них не отвечает интересам страны, правительство не может «выбросить на ветер вложенные по этим контрактам капиталы». Вместе с тем он предупредил, что его кабинет заводят в такой тупик, единственным выходом из которого может быть политика с позиции силы и авторитарные действия. Тон и суть выступлений Базаргана дали основание одной из английских газет утверждать, что в «результате серии встреч лидеров правящих группировок страны власть премьер-министра Базаргана укрепилась».

И в других случаях правительство демонстрировало нежелание идти на какое-либо сотрудничество с демократическими силами. Так, возражая против коренной реорганизации государственного аппарата, где были скрытые монархисты, Базарган ссылаясь на отсутствие кадров, чем объяснял и процветающую в высшей сфере управления семейственность, за что его постоянно упрекала левая и леволиберальная пресса. Орган НПИ резонно подчеркивал, что подобные высказывания оскорбляют иранских революционеров. Разве среди них не найдется прогрессивных и антиимпериалистически настроенных людей для замещения административных постов? — спрашивала «Мардом». Дело в том, писала газета, что премьер и его окружение ограничили свой выбор узким кругом буржуаз-

но-либеральных групп и партий, «забыв» о других участниках революционного движения.

Одновременно разворачивался новый тур антилевой кампании. Власти произвели аресты среди фedaинов, моджахединов и различных леворадикальных организаций и группировок. Во время 15-тысячной манифестации в поддержку арестованного члена организации моджахединов исламские активисты ранили несколько ее участников. Спустя некоторое время были избиты распространители газеты «Мардом». В Куме, Мешхеде, Исфагане и других местах были разгромлены представительства моджахединов, причем тысячные толпы фанатически настроенных погромщиков действовали в согласии с местными ревкоммами и отрядами Корпуса стражей исламской революции. Налетам подверглись и помещения фedaинов в Тебризе. Провокации проходили под лозунгами: «Да здравствует имам Хомейни!», «Партия — только партия Аллаха», «Смерть империалистам Востока и Запада!», «Ислам победит — коммунизм погибнет!»

Левые и леволиберальные круги обвинили власти не только в попустительстве, но и в пособничестве погромщикам. Организация моджахединов опубликовала открытое письмо Хомейни, где говорилось, что нападками на их организацию начинается широкое наступление на прогрессивные силы страны и завоевания революции, а это превратит Иран в «новый Ливан» и подготовит почву для реакционного переворота. В письме отмечалось, что члены и сторонники организации отстраняются с государственных должностей под вымышленными предложениями и это происходит в виде планомерной кампании.

Фedaины обвиняли исламское руководство в проведении консервативной политики, далекой от требований масс, в антидемократизме и монополизации власти. 700 их последователей среди студентов Тебризского университета устроили многодневную сидячую забастовку в знак протеста против погромов и налетов на помещения организации.

В открытом письме новому министру юстиции Джавади Ассоциация иранских юристов выразила беспокойство по поводу ареста властями активных революционеров и призвала принять срочные меры с целью обеспечить арестованным юридическую защиту в суде. В письме говорилось о крушении надежд ассоциации на то, что после февраля в стране исчезнет проблема политических заключенных и что свойственные шахскому режиму нарушения

прав человека и оскорбления личного достоинства уйдут в прошлое.

На подобные письма и выступления официальные власти или не отвечали, или обходили суть поднимаемых проблем, но в то же время пытались переориентировать оппозицию на борьбу с чрезмерно раздуваемой монархической контрреволюцией и «внешней угрозой». Так, заместитель премьер-министра призвал политические организации к бдительности и «революционному терпению», отказу от личных и групповых интересов «во имя независимости и территориальной целостности Ирана, ради общенациональной борьбы и победы над империализмом Востока и Запада». «Необходимо,— заявил он,— использовать все пропагандистские и политические возможности для разоблачения контрреволюционеров и агентов двух сверхдержав».

Вместе с тем власти активно готовили наступление на левую и леволиберальную печать. 30 июня генеральный прокурор издал распоряжение, согласно которому журналы и газеты обязаны на первой полосе указывать фамилии издателя, владельца и главного редактора, а также адреса редакции и типографии. Это касалось в первую очередь тех изданий, которые после неоднократных налетов мусульманских активистов тщательно конспирировали свои редакции и типографии.

Усилением антилевых тенденций в политике правительства Базаргана широко пользовалось высшее религиозное руководство. Вечером 9 июля, накануне большого религиозного праздника шиитов — дня рождения 12-го имама Махди, в очередном обращении к народу Хомейни заявил о своей поддержке правительства и осудил «несправедливую критику» в его адрес, квалифицировав ее как «заговор». «Я не говорю, что правительство добилось успеха на все сто процентов. Но я говорю, что оно старается служить нации. Однако ущерб, причиненный прежним режимом, имеет такие масштабы, что его нельзя устранить быстро... Неоправданная критика правительства — это, по сути дела, злоупотребление свободой, имеющейся в нашей стране, и те, кто любит нашу страну и ислам, должны всегда поддерживать правительство». И опять аятолла предостерег интеллигентов — «последователей Востока и Запада», посоветовав им «спасти себя от рабства» и «вернуться в сплоченные ряды народа».

Одновременно Хомейни сделал шаг, которого Базарган безуспешно добивался от него на протяжении нескольких

месяцев,— объявил о всеобщей амнистии служащих армии, полиции и жандармерии, за исключением лиц, причастных к убийствам или пыткам при прежнем режиме. (До середины июля были казнены почти 15 генералов и 30 полковников и майоров, а свыше 400 старших офицеров подвергнуты тюремному заключению.) Отныне «революционные трибуналы» не могли вмешиваться в дела сил безопасности. Арест же военнослужащих, полицейских и жандармов мог быть дозволен только генеральной прокуратурой и лишь после назначения нового человека вместо обвиняемого по месту службы. Нарушителям грозило двухлетнее тюремное заключение. Все это мотивировалось необходимостью сохранить вооруженные силы, поскольку они уже перешли на «службу исламу», и обеспечить им «профессиональную безопасность». «Я и благородный народ,— заявил Хомейни,— прощаем все три организации сил безопасности». Народ призывали защищать вооруженные силы и делать для них все возможное. (Использование «стражей» для нейтрализации потенциальной угрозы со стороны этих сил продолжалось.)

Будучи логическим развитием общего курса религиозного руководства в отношении шахской армии и органов безопасности, объявление амнистии преследовало и вполне конкретные цели, связанные с использованием их в интересах решения все обостряющихся внутривнутриполитических проблем. Показательно в этой связи опубликованное в конце июля обращение к правительству отделения Национально-демократического фронта в Исфагане. Там критиковалось сохранение устава и порядка бывшей шахской армии, запрещение военнослужащим участвовать в политической жизни под страхом заключения в тюрьму или смертного приговора. Властей призывали отказаться от использования армии в качестве «инструмента подавления» при решении внутривнутриполитических проблем страны.

В области военной политики иранскому руководству приходилось считаться с настроениями в самой армии, которые в большинстве случаев удавалось направлять в нужное русло. В этой связи следует отметить проходившую в течение июля забастовку технического персонала ВВС — хомафаров, бывших в свое время наиболее активными участниками революционного движения в армии и сыгравших немалую роль в февральском вооруженном восстании. Начавшись на авиабазах Тегерана, забастовка вскоре перекинулась на базы Тебриза и других городов, а затем охватила персонал технического обслуживания

авиации в сухопутных войсках. Бастующие требовали увольнения из вооруженных сил ставленников шахского режима и агентов империализма, коренной перестройки старой армии, создания в штабах советов военнослужащих с правом контроля деятельности командования. Эти требования, сопровождавшиеся выражением полной поддержки «исламской революции», были изложены на страницах газет и в письме премьер-министру, опубликованном в «Аяндеган». О солидарности с бастующими хомафарами заявляли в печати военнослужащие различных баз и гарнизонов, многие политические и общественные организации. Однако властям и армейскому командованию в ходе последующих переговоров удалось приостановить забастовочное движение хомафаров, проявивших лояльность в отношении нового режима. Сказалось, очевидно, и влияние произведенных к этому времени расстрелов от 200 до 300 солдат после коротких негласных судилищ, устраивавшихся по почину мулл в присутствии трех «справедливых свидетелей».

Требования о создании советов военнослужащих религиозное руководство преобразовывало в соответствии с общим характером вновь создаваемой исламской политической структуры. В начале июля канцелярия аятоллы Хомейни в Куме призвала военнослужащих создавать и расширять в воинских частях «исламские ассоциации», куда «не должны проникать ни левые, ни правые». Но в каждую из них проникли религиозные деятели всех рангов, установившие свое руководство. К делу укрепления «исламской дисциплины», особо тяжкими нарушениями которой считались отказ выполнить приказ командования и участие в подпольных левых и иных организациях, была широко привлечена военная полиция.

Среди мер по возрождению вооруженных сил и органов безопасности были и такие, которые вели к фактическому восстановлению упраздненных ранее институтов. И хотя такие меры осуществлялись в строгой тайне, сведения о них все же просачивались в печать. Еще в конце июня три члена исполкома Национального фронта заявили представителям печати, что под руководством работников ликвидированной ранее САВАК два управления старых органов безопасности уже приступили к работе.

В те же дни произошли события, с новой силой вскрывшие неурегулированность отношений между тегеранским и кумским центрами власти и затормозившие готовившееся

наступление на левые и леволиберальные круги. Эти события, названные западной печатью «военным кризисом», были связаны с отставкой командующего военной полицией Тегерана генерала А. Рахими. Приказ о ней отдал министр обороны генерал Т. Рияхи (после совещания с начальником генерального штаба) в целях усиления контроля правительства над армией. Рахими отказался подчиниться, сославшись на то, что он пользуется поддержкой аятоллы Хомейни, которого считает верховным главнокомандующим, и только по его приказу уйдет со своего поста. На следующий день по личному распоряжению аятоллы генерал был восстановлен в должности. Министр обороны заявил, что «право имама выше моего». Но спустя пять дней, 16 июля, он сам подал прошение об отставке, которую Базарган, по-видимому, отказался принять. 17 и 18 июля представитель правительства С. Табатабаи дважды опровергал сообщения об этом прошении. 21 июля генерал Рахими объявил о своем уходе в отставку по указанию Хомейни.

Данный эпизод, будучи весьма ординарным в послефевральском Иране, вместе с тем достаточно ярко характеризовал общеполитическую ситуацию в стране, когда отдельные лица, окружавшие себя вооруженными отрядами, видели в этом основание отождествлять личные интересы с интересами революции. Так, генерал Рахими считал, что 7 тысяч солдат делают его гораздо сильнее министра обороны. И поэтому министерский приказ о своей отставке расценил как результат «заговора» против революции. «Если я погибну, то погибнет и революция». Заявления Рахими совпали по времени с сообщениями местной печати о беспорядках в некоторых казармах, нападении «неизвестных лиц», вооруженных ракетами и пулеметами, на военную базу неподалеку от западной границы Ирана, организации в том же районе бывшим начальником военной разведки шаха генералом Пализбаном контрреволюционной армии и других заговорах бывших агентов САВАК в сотрудничестве с израильской разведкой. Хотя проверить такие сообщения было трудно, заявления Рахими накалили и без того напряженную политическую атмосферу в Иране.

Политическая подоплека «дела Рахими» была проще, чем пытался представить сам генерал, выдававший себя за противника планов правительства пригласить иностранных военных специалистов и сторонника жесткой дисциплины в армии, которую, по его словам, следовало актив-

нее использовать для наведения «порядка» в провинциях, «утопающих в крови». Правительство, не очень-то возражавшее против подобного использования армии, не желало, однако, выносить «сор из избы». Министр обороны заявил, что Рахими сняли из-за того, что «много разглагольствовал, давая всевозможные интервью, а это несовместимо с военной дисциплиной», а не в силу какого-то «заговора», как он утверждает. Однако «сор» уже был вынесен, и Хомейни в данной ситуации должен был поддержать уволенного генерала, разгласившего планы найма иностранных советников.

И хотя лидер революции при этом не позволил себе каких-либо антиправительственных заявлений, «дело Рахими» привело к тому, что кабинет Базаргана вновь «столкнулся с потенциально опасным испытанием своей власти». Некоторые западные комментаторы, явно опережая события, расценили вмешательство Хомейни в этот «первый крупный конфликт в вооруженных силах» как начало его борьбы против правительства Базаргана. Такого хода событий, очевидно, ждало и ближайшее окружение аятоллы из духовенства, которое, проявляя чрезмерную поспешность, подвергло кабинет резкой критике. Например, видный деятель религиозной иерархии, руководитель Исламской республиканской партии аятолла Бехешти, призвав к «чистке» кабинета, заявил, что революцию совершили народные массы, а не эти «господа, которые отсиживались за границей, а теперь приехали и отдают приказания». Некоторые даже обвиняли Базаргана, Язди и других членов правительства в том, что ими манипулируют разведывательные управления США и Израиля.

Что касается позиции самого Хомейни, считавшего, видимо, преждевременным начинать борьбу на два фронта — против правительства и оппозиционных кругов, то она практически сводилась к характерному для него маневрированию. Главным на данном этапе он, очевидно, считал тактический союз с правительством в целях принятия конституции и ослабления оппозиции режиму со стороны левых и леволиберальных сил. 13 июля он предупредил о наличии «заговоров» против ислама и независимости Ирана, призванных отвлечь народ от решения главных проблем. Указав в этой связи на «жалобы различных групп» и появившиеся в печати оскорбления в его адрес, Хомейни призвал сохранять единство и стойкость в нынешний напряженный момент и избрать в состав Совета

по рассмотрению проекта конституции только правоверных мусульман, не запятнавших себя ни левыми, ни правыми отклонениями.

Одновременно религиозные власти делали примирительные жесты в сторону правительства. Так, генеральный прокурор, на которого возлагали немалую ответственность за обострение внутривластной обстановки, еще до возникновения «дела Рахими» говорил, что страна идет к «братоубийственной войне» на «турецкий манер». После временного восстановления генерала в должности прокурор заявил, что чрезвычайные «революционные трибуналы» будут распущены, как только министерство юстиции создаст специальные суды по расследованию контрреволюционной деятельности. В ходе начавшейся вслед за этим полемики судьи трибуналов подчеркивали, что до осуществления данного решения ИРС, еще не одобренного имамом, им нужно время для расследования поступивших в их распоряжение многочисленных дел. Левые и леволиберальные круги критиковали те положения законопроекта об учреждении новых судов по расследованию контрреволюционной деятельности, в которых в качестве основы для определения состава преступления назывались статьи законов 20—30-х годов о преследовании противников монархии, коммунистов и др.

Правительство отвечало взаимностью на эти жесты религиозных властей. Выступая в середине июля перед офицерами штаба ВМС, министр труда и социальных дел Д. Форухар, как и Хомейни, утверждал, что для восстановления обанкротившейся экономики, доставшейся новому режиму в наследство от шаха, необходимо теснее сплотить народ. К врагам революции он причислил тех, кто пытается противопоставить армию народу. Министр довольно прозрачно намекал на левых, полагавших, по его словам, что армия вообще не нужна, и деятелей типа генерала Рахими, заявлявших о необходимости ее более активного использования во внутривластных столкновениях. Заместитель премьера в свою очередь заявил, что в Тегеране и других городах продолжает действовать контрреволюция (насчитывающая только в столице около 2 тысяч человек), которая путем распространения ложных слухов и подрывных действий пытается «сбить революцию с ее пути».

17 июля в Тегеране и других городах прошли массовые шествия, организованные по призыву Исламской республиканской партии и получившие название «демонстрации

единства». Особенно выделялись колонны «стражей» и солдат (хотя часть воинских подразделений, расквартированных в Тегеране, не подчинилась директиве участвовать в демонстрации, напомнив своим офицерам, что «времена шаха миновали»). В столице был устроен небольшой военно-воздушный парад, встреченный ликующими возгласами: «Военные — наши братья!», «Армия — для народа и народ — для армии!»

По мнению иностранных наблюдателей, эти шествия были использованы для давления на общественное мнение в вопросе о созыве Совета по рассмотрению проекта конституции.

18 июля в Куме состоялась экстренная встреча Базаргана и некоторых членов его кабинета с Хомейни. Присутствовал и аятолла Талегани, считавшийся близким другом Базаргана. Поначалу было объявлено, что обсуждались вопросы, связанные с выборами в Совет по рассмотрению проекта конституции, и проблемы обеспечения безопасности.

Поздно вечером следующего дня по радио и телевидению выступил с пространной речью Базарган. Вновь высказав обеспокоенность многочисленностью «центров принятия решений», он, вопреки своим прежним заявлениям, утверждал, что для отношений этих центров характерны не противоречия, а несогласованность действий, что особенно чувствуется перед лицом грозящих Ирану внешних (!) опасностей. Возникшее после февраля многовластие Базарган объяснил уникальным, подлинно народным характером революции, поскольку ее участниками были все классы и слои общества.

Базарган признал, что около трех недель назад группа министров подала ему прошение об отставке, о чем Хомейни был проинформирован во время встречи в начале месяца. На нынешней же встрече, по словам премьера, обсуждалось два варианта решения проблемы: 1) роспуск всех вновь созданных органов власти, включая ИРС, и передача исполнительной власти кабинету министров и 2) роспуск правительства и сосредоточение исполнительной власти у ИРС. Но одобрили такой вариант: существующие органы власти сохраняются, только несколько членов правительства войдут в ИРС, и одновременно некоторые члены ИРС будут включены в кабинет в качестве заместителей министров. Одним из заместителей министра внутренних дел стал аятолла Махдави-Кяни, через которого премьер надеялся усилить контроль правитель-

ства над деятельностью комитетов. Несколько позже член ИРС ходжат-оль-эслам Хосейни-Хаменеи был назначен заместителем министра обороны.

Определенные перемещения были произведены и в вооруженных силах. Как уже говорилось, командующий военной полицией Тегерана генерал А. Рахими по указанию Хомейни ушел в отставку. Западная пресса расценила это как шаг в рамках достигнутой сделки между премьером и лидером революции. На следующий день, 23 июля, официально объявили о замене генерала Н. Фарбода на посту начальника генерального штаба генералом Х. Шакером. Генштаб был переименован в Объединенный штаб Исламской Республики Иран. Все это имело целью большее использование армии при решении внутривластных проблем. Уже 23 июля генерал Т. Рияхи, оставшийся на посту министра обороны, заявил, что армия будет обеспечивать порядок и законность в любом районе страны, где вооруженные элементы выступают против центрального правительства.

Достигнутое между правительством и ИРС соглашение оценивалось по-разному. Некоторые органы западной печати считали, что оно оставляет кабинет Базаргана «в плену у религиозных деятелей», тем более что некоторые из вновь вошедших в правительство являются признанными «религиозными ястребами». Хотя реорганизация кабинета действительно закрепляла контроль духовенства над ключевыми министерствами и передавала им прямую власть, Базарган полагал, что в результате приобщения к решению конкретных проблем, стоящих перед кабинетом, религиозные деятели станут объектом критики, которая ранее высказывалась в адрес правительства. Главное же, по его мнению, заключалось в возможности установления тесного сотрудничества между всеми руководящими деятелями благодаря «сращиванию», как он говорил, «закопной» и «параллельной» власти. Духовенство же надеялось, что, взяв в свои руки некоторые государственные дела, увеличит свои шансы завершить исламизацию иранского общества.

После реорганизации правительства власти продолжили подготовку к выборам в Совет по рассмотрению проекта конституции. 21 июля началось выдвижение кандидатов в депутаты совета. Интересно, что практически все политические партии, коалиции и организации кандидатов от Тегерана предложили аятолле Талегани. Только в этом и проявилось единство различных сил.

Показателен состоявшийся в тот же день массовый митинг в столице. Несмотря на просьбу Талегани провести его без сведения межпартийных и личных счетов и без узкопартийной пропаганды, митинг, по существу, сразу же распался на несколько собраний. Активисты мусульманских организаций выступали с портретами Хомейни и возгласами в его честь, а левые и либеральные группировки в ответ скандировали: «Смерть реакции!», «Слава Мосаддыку!» Талегани в своей речи призвал иранский народ оставить распри и мобилизовать усилия на борьбу за единство нации. Наблюдатели отметили такой факт: в числе угрожавших республике опасностей Талегани назвал империализм, эксплуатацию и диктатуру, что явно расходилось с широко цитируемыми по радио и телевидению тезисами других мусульманских лидеров о трех опасностях — империализме, сионизме, коммунизме.

Разногласия разъедали, таким образом, и высшие эшелоны религиозной иерархии — сторонников «жесткой» и «умеренной» линий. Так, известный религиозный деятель аятолла С. Рухани заявил, что опубликованный проект конституции не соответствует исламским нормам, и предложил подготовить для обсуждения новый проект. А аятолла Шариат-Мадари рекомендовал сохранить старую конституцию, лишь заменив статьи о монархии положениями об исламской республике. Это, по его мнению, уменьшило бы недовольство и жалобы со стороны различных групп населения. Вместе с тем он снова высказался за свободу прессы, отметив, что закон о печати должен приниматься не Временным правительством, а парламентом. Что касается Хомейни, то он угрожал в случае возникновения каких-либо препятствий на пути ислама вновь обратиться непосредственно к народу. Имам призывал, чтобы все политические партии и группы избрали на будущих выборах одних и тех же кандидатов с целью подтвердить национальное единство.

Угрозы Хомейни по-прежнему адресовались большинству левых и либерально-демократических групп и организаций, активизировавшихся в связи с предстоящими выборами в Совет по рассмотрению проекта конституции.

23 июля на территории Тегеранского университета состоялся массовый митинг фedaинов, организованный с целью выдвижения кандидатов в совет. Они решили участвовать в выборах, чтобы иметь возможность выразить свое мнение в Консультативном совете. На митинге говорилось, что за прошедшие пять месяцев жизнь народа

не улучшилась, а правительство вместо укрепления сводит на нет революционные завоевания и постоянно подвергает угрозам политические организации рабочих и прогрессивной интеллигенции, участвовавшие в революции. Проект новой конституции не обеспечивает свободу действий этих организаций, равно как и право национальных меньшинств на автономию, без чего не может быть единства и сплоченности в обществе. Во время митинга произошли столкновения между фedaинами и исламскими группами, проводившими демонстрацию на соседней улице под лозунгом «Ислам победит, левые и правые пропадут». В результате несколько человек было ранено.

26 июля состоялась пресс-конференция Национального фронта, на которой были оглашены следующие требования: роспуск ИРС, коренной пересмотр состава правительства, отмена цензуры печати, радио и телевидения. Представитель фронта отметил, что в стране господствует анархия, а правительство не располагает властью и не имеет никакого конкретного плана, чтобы обеспечить централизованное принятие решений. «В первый раз в мировой истории так долго существует правительство, заявившее о своем бессилии», — сказал он. Была отмечена также «антинародная сущность» Исламского революционного совета. «Имена и титулы его членов известны всем террористам и иностранным шпионам. Так почему же иранский народ должен находиться в неизвестности о том, кто им правит?» — заявил представитель. Тем не менее было оглашено решение НФ принять участие в выдвижении кандидатов в Консультативный совет.

Народная партия, выдвинув своих кандидатов в Совет по рассмотрению проекта конституции, сразу заявила о возможной поддержке ею тех религиозных кругов, которые способствуют расширению завоеваний революции. В эти дни партия вновь подверглась нападкам. Исламские группы в ряде городов громили газетные и книжные киоски, избивали распространителей партийной печати, членов и сторонников НПИ, совершали налеты на организуемые ею демонстрации и шествия. ЦК партии обратился с открытым письмом к премьер-министру и другим официальным лицам с требованием оградить от налетов контрреволюционных сил представительства НПИ и обеспечить личную безопасность ее членов. Письмо аналогичного содержания было направлено затем и Хомейни.

Наблюдалась определенная активизация группы «Форкан». Накануне и после выборов в Консультативный со-

вет она совершила несколько покушений на религиозных и правительственных деятелей.

В выборах отказались участвовать более полутора десятков организаций и групп, сославшись на их антидемократический характер. Так, Национально-демократический фронт мотивировал свою позицию тем, что исход выборов предрешен, поскольку неграмотные и малограмотные массы, естественно, проголосуют за тех, кого порекомендуют местные муллы, то есть за представителей духовенства.

Самый же серьезный удар по программе проведения выборов нанесло заявление от 31 июля Исламско-республиканской партии мусульманского народа Ирана, объединившей огромное число сторонников и последователей аятоллы Шариат-Мадари. Там говорилось, что партия будет бойкотировать выборы, если их не перенесут на более поздний срок, поскольку кандидатам не резервировали время, чтобы они могли разъяснить свои взгляды избирателям. Хотя подготовке выборов действительно не предшествовала обычная предвыборная кампания, столичные газеты «Эттelaат» и «Кейхан» отказались даже опубликовать письмо партии министру внутренних дел с просьбой отложить выборы на три недели. Но Шариат-Мадари удалось «убить двух зайцев»: фактически пригрозив накануне выборов бойкотом, он исключил возможность диалога и компромисса с имамом, к которым его обычно принуждали в решающие моменты, и в то же время заранее как бы отказался признать законность конституции, которую подготовило «неправильно избранное» собрание.

«Исламскую революцию» бывшую у многих на устах, но мало у кого в душе, ждало серьезное испытание. Не случайно именно в те дни в Париже, Лондоне, Риме, Женеве иранская контрреволюционная эмиграция, «ничего не забывшая и ничему не научившаяся», в надежде на приближение своего часа приступила после шестимесячного шока к самоорганизации и пропаганде. Однако слабые фальцеты деятелей шахского режима и его либеральных оппонентов заглушил могучий, хотя и разноголосый хор участников антишахской революции. Главной задачей предстоящего месяца ее лидер считал восстановление «исламского единства».

Месяц седьмой

НЕ ЛЕВЫМ,
НЕ ПРАВЫМ,
А ИСЛАМУ!

В одном из выступлений против лидеров Жиронды Робеспьер, находясь в оппозиции, говорил:

— Горе патриотам, не пользующимся поддержкой, которые осмелятся отстаивать свободу!.. Какими же средствами располагаем мы нынче, чтобы расстроить их пагубные замыслы? На мой взгляд, сейчас есть только одно средство — союз друзей свободы, благоразумие и терпение... Великодушный и просвещенный народ сумеет всегда отстоять свои права и отомстить за оскорбления. Просвещайтесь, просвещайте...

Пройдет немного времени, и лидер Горы, уже пришедшей к власти, скажет:

— Внутренние враги французского народа разделились на две противоположные фракции... Одна из этих фракций толкает нас к слабости, другая — ко всяким крайностям... Одним дали прозвище умеренных; другим — более остроумное, чем правильное, наименование ультра-революционеров... Это все слуги одного хозяина, или, если хотите, сообщники, изображающие, будто они ссорятся...

Август начался праздничным для мусульман пятничным днем — 10 мордада 1358 г. В перманентном кризисном развитии Исламской Республики он ознаменовал по-

вый момент: правящие религиозные круги перешли от оборонительных и отдельных наступательных мер к фронтальной атаке на своих реальных и потенциальных противников.

Правда, в первые дни месяца произошло событие, казалось бы, способное привести к общей разрядке напряженности в отношениях центральных властей с курдами. После трудных и продолжительных переговоров правительственной делегации во главе с новым заместителем премьер-министра по делам революции Мустафой Чамраном с представителями беженцев Маривана было достигнуто соглашение о нормализации обстановки в городе. Предусматривались возвращение жителей в свои дома, запрет на ношение оружия в городе и вывод отрядов «стражей» после создания (максимум через месяц) полицейских органов из местного населения.

Занятое подготовкой выборов в Консультативный совет, или Совет экспертов, правительство стремилось не обострять и без того накаленную обстановку в стране. Выступая 1 августа по телевидению, Базарган подчеркнул важность сохранения национального единства во имя достижения окончательной победы революции и призвал население, политические партии и организации проявлять больше терпения и не устраивать демонстраций и забастовок с целью давления на правительство. Указав на опасность, исходящую со стороны шаха и его клики, которых поддерживают международный сионизм и империализм, он обосновал необходимость восстановления вооруженных сил и сохранения большинства договоров, контрактов и соглашений шахского режима с западными державами, особенно тех, которые предусматривали поставки Ирану запасных частей для боевой техники, в основном американской.

Накануне выборов Хомейни вновь обратился с посланием к народу, призывая отдать голоса за кандидатов мусульманских сил и партий, с тем чтобы новая конституция была «на все сто процентов соответствующей исламу». Вместе с тем он снова предупредил прессу не «плести заговоры» и не «распространять слухи».

Выборы состоялись, как и было назначено, 3 августа. Из 417 кандидатов, причем среди них 383 известных представителя духовенства, предстояло выбрать 73 депутата-эксперта Консультативного совета. Большинство кандидатов состояли в Исламской республиканской партии, в коалиции с которой выступили девять исламских полити-

ческих групп. В ходе голосования по радио постоянно напоминали: возле избирательных урн не вести агитацию в пользу той или иной партии. Поскольку не было официальных списков кандидатов, во многих районах избирателям вручали маленькие листки бумаги с перечнем имен. Так, на девяти участках, где побывал корреспондент ТАСС, избиратели списывали имена кандидатов с листочков, прикрепленных к столам, где заполнялись бюллетени. Иностранные корреспонденты сообщали, что на большинстве участков прямо возле урн предлагались списки кандидатов Исламской республиканской партии; немало людей заполняли бюллетени под диктовку, а неграмотные прибегали к совету и помощи мулл. Тайно никто не заполнял бюллетень из-за боязни публичного обвинения в принадлежности к «коммунистам».

Вечером начался подсчет голосов. Министр внутренних дел Х. Саббагян в радиоинтервью отметил, что голосование прошло спокойно, хотя активность избирателей была несколько ниже, чем во время референдума по вопросу об исламской республике. Спустя несколько дней Хомейни косвенно признал уменьшение поддержки населением «исламской революции». Однако количество тех, кто не голосовал, не сообщалось. По оценке западной печати, их насчитывалось почти 6 млн., главным образом в районах проживания национальных меньшинств. Сторонники Хомейни получили на сей раз 8,5 млн. голосов (на мартовском референдуме — более 20 млн.).

Официально были опубликованы только данные о том, сколько голосов получил тот или иной кандидат в депутаты совета. Нерелигиозные и левые организации не добились ни одного места (кандидатов моджахединов поддерживали до 300 тыс., федаинов — до 100 тыс., а НПИ — до 47 тыс. человек). Во всех провинциях победили представители духовенства, преимущественно члены Исламской республиканской партии или тесно связанные с ними светские деятели. В Тегеране больше всех голосов набрал аятолла М. Талегани (2,6 млн.), затем ближайший советник Хомейни по экономическим вопросам А. Банисадр (1,8 млн.), аятолла Х. Монтазери (1,7 млн.) и генеральный секретарь партии аятолла М. Бехешти (1,5 млн.). Согласно некоторым данным, Народная партия Ирана часть голосов отдала Талегани и аятолле Хальхали, который, по его словам, голосовал только за себя. Определенное число мест получила и Исламско-республиканская партия мусульманского народа Ирана, в последний мо-

мент отказавшаяся от бойкота выборов. Доминирующего положения в совете добились последовательные сторонники Хомейни. Среди них было два члена ИРС. Они участвовали в выборах, несмотря на возражения левых группировок и интеллигенции, требовавших, чтобы эти деятели сначала подали в отставку, ибо их посты гарантировали им успех. Национальный фронт и Национально-демократический фронт бойкотировали выборы.

60 мест в Совете экспертов получила Исламская республиканская партия. Действительно независимыми депутатами считались лишь лидер Демократической партии Иранского Курдистана Абдуррахман Касемлу (его избрание вскоре объявили недействительным) и один из руководящих деятелей Исламско-республиканской партии мусульманского народа Ирана Рахматолла Мокадда-Марагеи, видный либерально настроенный деятель антишахского движения, занимавший в феврале — мае пост генерал-губернатора провинции Восточный Азербайджан.

Сразу после выборов демократические исламские группы — «Джомбеш», Революционное движение мусульманского народа Ирана, Движение борющихся мусульман, Исламская организация «Совет», моджахедины и другие организации обратились к министру внутренних дел, а затем и к самому Хомейни с жалобой на махинации Исламской республиканской партии, в результате чего голосование превратилось в «фарс политических назначений». С протестами выступили Социалистическая рабочая партия, коалиция из семи левоэкстремистских организаций и другие партии и группы. О фальсификациях на выборах заявили также курдский лидер шейх Хосейни, глава нефтяной компании Х. Назих, видные адвокаты — активные борцы против шахского режима, за демократические права — и даже несколько аятолл, в том числе Махаллати и Дастгярд. По этой же причине в ряде городов и провинциальных пунктов состоялись тысячные демонстрации и забастовки протеста. Из Тебриза и других мест Иранского Азербайджана в правительственные учреждения, в адрес политических и религиозных деятелей поступили тысячи телеграмм и писем с требованием считать недействительными итоги выборов. Губернатор Тебриза заявил, что «своими глазами» видел мошенничества на каждом избирательном участке. Даже организатор Исламской республиканской партии в этом городе сказал: «Эти выборы противны богу и исламу».

Выборы в Иране получили большой резонанс в западной печати. «Иран голосует, но не за демократию», «Первое предупреждение по адресу Хомейни», «Иран сделал еще один шаг в направлении теократии», «Ложная победа Хомейни» — под такими заголовками давались материалы.

Выборы в Иране комментировала и зарубежная демократическая печать. «Юманите» указывала, что их бойкот различными политическими организациями и последующая резкая критика определенно характеризуют деятельность иранских властей и запутанность политического положения в стране. Нетерпимость, проявляемая религиозным руководством и его ближайшим окружением, по мнению газеты, могла заблокировать демократический процесс, в котором так нуждается Иран, чтобы сохранить свое единство и завоевания революции.

Под воздействием критики правительство Базаргана обещало рассмотреть поступившие жалобы. Но этого не произошло. Спустя несколько дней после голосования министр юстиции сообщил по радио о том, что по указанию Хомейни начато приведение законов страны в соответствие с исламскими нормами.

Принимались и другие меры по укреплению исламского характера нового режима. Еще до выборов распространились слухи о создании Иранской национальной организации информации и безопасности (САВАМА) под руководством заместителя премьер-министра М. Чамрана. Накануне выборов власти подтвердили это, а позже «Техран таймс» писала, что организация, призванная действовать как внутри страны, так и за рубежом, уже начала свою работу в Иране. Орган НИИ газета «Мардом» еще ранее обвиняла М. Чамрана в том, что главным врагом иранской революции он считает не американский империализм, а социалистические страны, клеветает на СССР и пытается направить вооруженные отряды революции не против контрреволюционных элементов, а против демократических сил, верных народному движению.

Одновременно власти предприняли давно готовившееся наступление на левые и либерально-демократические организации. Сразу после выборов начальник жандармерии генерал Данешвар заявил о намерении в ближайшее время провести откладывавшийся несколько раз сбор оружия у гражданского населения. Тогда же ИРС принял новый закон о печати, вступивший в силу с 6 августа и ознаменовавший переход от систематического давления на прессу к полной отмене свободы печати.

Комментируя закон, буржуазные газеты Запада проводили параллель между политикой новых властей и шахского режима в том, что касается нарушений гражданских прав и притеснения инакомыслящих. Демократическая же печать обращала главное внимание на возможные негативные последствия этого закона для завоеваний революции. «Стремясь ограничить свободы, отстраняя прогрессивные силы от власти,— писала «Юманите»,— нынешнее иранское руководство только усугубляет недовольство, которым могут воспользоваться иранские реакционеры, поддерживаемые американским империализмом».

В самом Иране против «драконовских мер», предусмотренных новым законом, сразу же выступило подавляющее большинство либерально-демократических и левых партий и организаций, включая Народную партию Ирана. В газете «Эттелаат» было опубликовано письмо 258 иранских журналистов, выразивших протест против принятия закона.

Власти отвели все эти протесты ссылкой на то, что левые и либерально-демократические группы якобы злоупотребляют предоставленной им полной свободой слова, и сразу же приступили к действиям на основе нового закона.

7 августа отряд «стражей» по распоряжению генерального прокурора закрыл редакцию и типографию газеты «Аяндеган» и конфисковал ее имущество «в пользу бедных». 13 сотрудников газеты были арестованы. Эта акция властей мотивировалась в распоряжении прокурора тем, что газета якобы была основана при содействии американского ЦРУ, израильского МОССАД и иранской САВАК и имела целью защиту их интересов. Газета обвинялась также в выступлениях против «исламской революции», сотрудничестве с контрреволюционными силами, разглашении военных секретов и содействии расколу в вооруженных силах. Характерно, что даже А. Банисадр, поддерживавший мнение властей, что пресса в Иране стала «кухней заговоров и интриг», считал закрытие «Аяндеган» и конфискацию ее имущества юридически недостаточно обоснованными, поскольку обвинения против нее не были подтверждены соответствующими документами.

Закрытие «Аяндеган» отразилось и на издании других леволиберальных газет, печатавшихся в ее типографии,— «Азади», основанной двадцатью прогрессивными журналистами, изгнанными из редакции «Кейхан» исламскими группами, и «Недайе азади».

С протестом против действий властей выступил ряд партий и организаций, в том числе НДФ, Иранское радикальное движение, Социалистическая рабочая партия, Революционное движение мусульманского народа Ирана и др., а также многие общественно-политические деятели. Представитель НДФ по этому поводу заявил: «Над Ираном сгущаются черные тучи фашизма».

Наступление на демократическую печать сопровождалось рядом бесцеремонных заявлений. Так, выступая 10 августа по радио и телевидению, заместитель премьер-министра С. Табатабаи с «цинизмом, доходящим до грации», заявил, что авторы протестов против характера выборов проводят эту кампанию только потому, что убедились в малочисленности своих сторонников, хотя, как он утверждал, в стране существует полная свобода для органов печати, отдельных граждан и различных организаций. Вместе с тем власти вынуждены были признать, хотя и косвенно, непрекращающиеся проявления социального недовольства. В это же время Хомейни вновь обратился к народу с призывом положить конец забастовкам и сидячим демонстрациям, объявив такие меры решения трудовых споров противными исламу и запретными с точки зрения религии.

Одновременно с целью развязать себе руки для дальнейших действий власти произвели высылку из страны большого числа иностранных корреспондентов за необъективное освещение событий в Иране. Одобренные 11 августа и опубликованные через два дня новые постановления об иностранных журналистах обязывали их принести клятву о том, что они не будут направлять из Ирана «клеветнических сообщений» и будут писать только «правду». Иронизируя по этому поводу, «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье «Аятолла опускает занавес» писала: «Иностранные корреспонденты теперь должны будут превратиться в стенографистов правительственных учреждений, передавая лишь то, что им продиктуют чиновники министерства национальной ориентации, хотя они, как ни парадоксально, должны будут дать обязательство писать только правду».

Демократические организации не стали дожидаться следующих шагов властей: протесты против закрытия газеты «Аяндеган» и нового закона о печати, наложившись на недовольство по поводу характера выборов в Совет экспертов, вылились в массовые демонстрации. 11 августа НДФ призвал организовать марш протеста. В течение дня

около редакции «Аяндеган» и Тегеранского университета состоялись демонстрации сторонников и противников газеты, закончившиеся столкновениями, в результате которых имелись раненые. Вооруженные «стражи» стреляли в воздух, пытаясь предотвратить стычки и разогнать демонстрантов.

В тот же день в Тебризе состоялись массовые демонстрации населения в знак протеста против дороговизны и роста цен на продовольственные товары. Большие группы жителей города собрались в районах базаров с требованием снижения цен. В ряде случаев у магазинов были устроены пикеты. Захватывая лавки торговцев, демонстранты затем самостоятельно организовывали продажу их товаров по сниженным ценам. Имели место и разгромы магазинов.

Власти вынуждены были декларировать принятие решительных мер против спекулянтов, вызывающих недовольство населения и наносящих тем самым ущерб делу «исламской революции». Вместе с тем генеральная прокуратура предупредила, что не менее строгие меры будут приниматься в отношении тех, кто проводит политику «экономического саботажа» на предприятиях, препятствуя налаживанию производства. Это предупреждение власти последовательно и в централизованном порядке проводили в жизнь, тогда как торговцы (да и то в отдельных случаях) отделывались наказанием плетью, производимым некоторыми членами комитетов по собственной инициативе.

Пытаясь различными мерами снизить накал социальной борьбы, власти в то же время заняли довольно двусмысленную позицию в отношении столкновений между политическими группами и организациями. Так, состоявшаяся 12 августа по призыву НДФ, моджахединов и ряда других демократических организаций 10-тысячная демонстрация по пути от университета до канцелярии премьер-министра подверглась нападению фанатично настроенных толп, вооруженных — наряду с портретами Хомейни — камнями, дубинками, цепями, железными прутьями и битыми бутылками и выкрикивавших лозунги: «Смерть коммунистам и федаинам!», «Ислам победит, левые и правые пропадут!» Себя они называли сторонниками «партии Аллаха». В результате нападения было ранено 300 безоружных демонстрантов. Полицейские патрули выступали в роли наблюдателей, и только к вечеру на место происшествия прибыли «стражи». Западная печать расценила эти

столкновения как самые серьезные за весь период после свержения шаха.

13 августа министр внутренних дел выразил сожаление правительства по поводу происшедших кровавых столкновений, но вслед за тем заявил, что отныне организаторы мирных демонстраций должны заранее информировать власти о целях, времени и маршрутах таких манифестаций, с тем чтобы силы по охране порядка могли принять необходимые меры для предотвращения инцидентов, подобных имевшим место 12 августа. Правительство явно отмежевывалось от действий погромщиков.

Но в тот же день, 13 августа, от 200 до 500 (по разным подсчетам) человек, вооруженных дубинками, цепями, ножами и кастетами (у некоторых из них на лицах, как отмечали корреспонденты, были маски, у других — следы вчерашних схваток), совершили нападение на тегеранскую штаб-квартиру фedaинов и разгромили ее. Под возгласы: «Смерть коммунистам-безбожникам!», «Фedaины и члены Туде — паразиты общества!», «Единственная партия — это партия Аллаха!» — нападавшие сожгли захваченные груды книг, фотоснимков и документов. Прибывшие затем к месту происшествия «стражи» конфисковали имевшееся в штаб-квартире оружие — гранаты, автоматы и минометы.

Одновременно были совершены нападения на штаб-квартиры студенческих организаций при Тегеранском университете, в результате чего несколько человек получили тяжелые ранения, и сожжены книжные киоски, в которых продавалась марксистская литература. Были предприняты также попытки захватить штаб-квартиры НПИ, моджахединов и Ассоциации иранских женщин. И на этот раз «неизвестные лица» (по официальному определению) выступали с портретами Хомейни и лозунгами: «Ислам победит, коммунизм погибнет!», «Повесить леваков из «Аяндеган»!» и т. п. В конце дня десятки тысяч людей, провозглашавших себя сторонниками Хомейни, устроили демонстрацию в центре столицы, скандируя: «Долой коммунизм, американский империализм и сионизм!» Две женщины, заподозренные в принадлежности к коммунистам и симпатиях к газете «Аяндеган», были жестоко избиты.

Полагая, что левым силам уже нанесен удар, городские власти намеревались установить контроль над положением в Тегеране после трех дней непрерывных демонстраций и столкновений. 14 августа они запретили впредь до

особого распоряжения любые политические манифестации. Против газеты «Пейгаме эмуруз» было возбуждено судебное дело за «провокации и оскорбительные выпады против лидера революции». На улицах наконец появились наряды полицейских и «стражей». Заместитель премьер-министра по административным вопросам С. Табатабаи, имея в виду левую и либеральную печать, осудил «контрреволюционный заговор», направленный, по его словам, на усиление анархии в стране.

Правительство, таким образом, не только не приняло мер против погромщиков, но возложило вину за происшедшее на демократические силы.

Общественность негодовала и возмущалась. Национально-демократический фронт обвинил правительство в сотрудничестве с хулиганствующими элементами. Многие политические группы заявили, что власти используют банды громил, которых брал на службу и шах для подобных целей. Иностранные журналисты в своих корреспонденциях называли нападавших «исламскими фанатиками», «исламскими боевиками» и т. п., которых муллы тайно готовят в мечетях для борьбы с демократическими организациями.

Вопрос о корнях и истоках событий в Иране стал предметом оживленного обсуждения в мировой прессе. Многие органы печати считали эти события прелюдией к гражданской войне. Большинство газет основную вину за сложившуюся обстановку возлагало на религиозное руководство. Так, западногерманская «Штутгартер цайтунг» писала: «Впервые всему миру стало ясно, что десятки тысяч иранцев считают себя обманутыми в надеждах, которые они возлагали на революцию. Массовая основа оппозиции теократическому господству растет, волна воодушевления, которой был встречен вернувшийся из эмиграции аятолла Хомейни и которая еще продолжает его нести, встретила с потоком разочарования тех, кто надеялся, что исламская революция принесет освобождение от ига диктатуры, и кто теперь наблюдает движение страны к новому яруму — к диктатуре фанатичных мусульман».

Французская «Монд» в статье «Обстановка гражданской войны в Иране» отмечала: «Заместитель премьер-министра по административным вопросам Садек Табатабаи осудил «контрреволюционный заговор», цель которого, по его словам, состоит в том, чтобы усилить в стране анархию. В крайнем случае с ним можно было бы согласиться,

что только враги исламской революции заинтересованы в поддержании волнений и обстановки небезопасности для того, чтобы успешнее подготовить смену власти. Но справедливость требует проявлять больше объективности в вопросе о том, кто несет ответственность. Систематическая кампания, проводимая уже несколько месяцев против левых сил, которые обвиняются во всех преступлениях, в том числе в убийстве ряда религиозных деятелей, конечно, в какой-то степени была причиной фанатической разнузданности толпы за последние дни. Со своей стороны Национально-демократический фронт, может быть, был неправ, призывая своих сторонников провести в воскресенье демонстрацию протеста против «фашизма» мусульманской власти. Но следует признать, что новый закон о печати, изданный в стране, которая едва лишь освободилась от жестокой диктатуры, может вызвать раздражение демократической общественности. Иранские газеты, какие бы эксцессы они ни допускали в условиях нынешней анархии, отражают, несмотря ни на что, мнение различных компонентов общества, и подавлять их было бы опасно для интересов молодой республики. Во всяком случае, не печать является инициатором «контрреволюционного заговора». Лучшее и, может быть, даже единственное средство нормализовать положение, несомненно, заключается в том, чтобы гарантировать права граждан, всех граждан, как мусульман, так и немусульман, при уважении их многообразия».

16 августа как бы в ответ на такого рода рекомендации Хомейни обратился с посланием к человечеству по случаю предстоящего на завтра мусульманского Дня святости («рузе кодс»). Это, говорилось в послании, день противостояния американскому и неамериканскому гнету, когда все народы должны по примеру Ирана восстать и «выбросить на помойку» прогнивших правителей. Мусульманское общество с населением в миллиард человек должно сделать предупреждение «сверхдержавам» и их марионеткам в других странах мира, а также тем интеллигентам, которые имеют явные и скрытые связи с США и их агентами. День святости, отмечалось далее, — это день ислама, его возрождения: правительства мира должны знать, что ислам непобедим, что ислам и Коран одержат верх во всех странах и что мировая религия станет религией Аллаха. В этот день над всем миром должно развеяться знамя исламской республики, исламского правления.

Последующие заявления и действия Хомейни фактически дали и прямой ответ на обсуждавшийся в те дни мировой печатью вопрос о корнях и истоках событий в Иране. 17 августа он выступил с зажигательной речью. Обрушиваясь на «растленную интеллигенцию» и проклиная «ядовитые перья писателей и демократов, замышляющих заговоры против ислама», аятолла заявил: «В Иране может существовать только одна партия, а именно партия обездоленных, партия бога». Таким образом, в отличие от правительства, так или иначе отмежевывавшегося от действий погромщиков, называвших себя сторонниками «партии Аллаха», Хомейни не только поддержал, но и фактически признал их статут единственно законным. Он предложил всем интеллигентам, которые думают иначе в отношении «партии Аллаха», «вернуться на правильный путь, указываемый исламом», или «разделить судьбу всех контрреволюционеров».

Выступления Хомейни кардинально меняли складывающуюся в стране после событий 11—14 августа политическую ситуацию. Если правительство решило перейти к стабилизации общего положения, то кумский центр власти пошел дальше в действиях против левых и демократических сил.

18 августа Хомейни обвинил правительство, армию и силы безопасности в «нереволюционном» поведении и «халатном» отношении к врагам революции. «Это последнее предупреждение,— сказал он.— Если все будет продолжаться, как и раньше, то я сам приеду в Тегеран и поступлю по-революционному с безответственными руководителями». Обвинив большинство из «200 политических партий и организаций» в подготовке «заговоров» против центральных властей, он обязал «стражей» арестовывать тех, кто пишет «подстрекательские статьи», а руководителей вооруженных сил, «располагающих самолетами, танками, артиллерией»,— в течение 24 часов покончить с... «событиями в Паве».

Между тем в Паве, небольшом курдском городке у границы с Ираком, не произошло ничего из ряда вон выходящего. В начале августа многие жители, как ранее это было в Мариване, в знак протеста против присутствия в городе отрядов «стражей», присланных из других районов, покинули свои дома и разбили лагерь в близлежащей деревне. Они передали властям требование к 14 августа заменить «стражей» местными силами. Правительство не удовлетворило это требование, хотя в Мариване пошло на

подобный шаг. В ответ вооруженные отряды Демократической партии Иранского Курдистана осадили Паве и после ожесточенных столкновений со «стражами» овладели частью города. Центральные средства массовой информации развернули активную кампанию против курдов, обвиняя их в массовых зверствах и сотрудничестве с отрядами шахских наемников и курдскими организациями Ирака. В различных провинциях состоялись антикурдские демонстрации. Правительство опубликовало ультиматум, предлагающий жителям Паве под угрозой использования всех имеющихся в распоряжении властей средств к 13 часам 18 августа снять осаду. Одновременно к Паве стягивались дополнительные воинские части и отряды «стражей».

18 августа радио, прервавшее очередную передачу, передало приведенное выше заявление Хомейни. Столкнувшись со столь резкой реакцией, А. Касемлу приказал своим сторонникам в Паве покинуть город и вступить в переговоры с представителями властей. К назначенному правительством сроку курдские отряды сняли осаду и ушли в горы. На следующий день в город вступили при поддержке авиации новые подразделения войск и жандармерии. Инцидент был урегулирован, но события продолжали развиваться в нарастающем темпе.

19 августа по радио был передан очередной приказ Хомейни, свидетельствовавший о целенаправленности его действий. Аятолла предписывал командованию воинских частей и сил безопасности отправиться в главный город Курдистана Сенендедж, где, как отмечалось в приказе, сторонники Демократической партии совершают нападения на воинские гарнизоны и арсеналы. Хомейни предупреждал, что промедление хотя бы на полчаса повлечет за собой самые тяжелые последствия для виновных. В тот же день было передано распоряжение Исламского революционного совета о запрещении деятельности Демократической партии, членство в которой фактически приравнивалось к государственному преступлению. Вместе с тем был отдан приказ об аресте руководителей партии, а также шейха Хосейни.

Демократическая партия Иранского Курдистана обратилась к главам ряда государств и различным международным организациям с просьбой воспрепятствовать готовящемуся «тотальному уничтожению курдов со стороны укрепляющейся в Иране реакционной средневековой религиозной диктатуры», поскольку эта фактически «священная война» будет проводиться и в отношении других на-

циональных меньшинств. Партия призывала Базаргана положить конец «истерической» антикурдской кампании и предотвратить «предстоящее массовое истребление курдов». Шейх Хосейни обратился ко всем главам арабских государств и всему исламскому миру, чтобы они оказали на Хомейни давление с целью воспрепятствовать «осуществлению программы геноцида, которая готовится для Курдистана».

Власти, перекрыв все каналы информации за рубеж, объявили всеобщую мобилизацию резервистов и призвали добровольцев участвовать в борьбе с «посланцами дьявола» и «неверными». В различные районы Курдистана были посланы армейские и жандармские части, отряды «стражей» и члены военизированной Организации борцов за святое дело исламской революции. Предусматривалось «размещение» верных режиму сил по всему ареалу обитания курдов, контролируемому «контрреволюционерами». Повсюду производились аресты курдских политических деятелей, в первую очередь членов ДПИК. Назначенный председателем выездных исламских трибуналов аятолла Садек Хальхали сразу же приказал казнить более десятка жителей Паве, а затем приступил к массовым расправам в других районах. Курды ответили упорным сопротивлением.

Так власти способствовали началу в районе гражданской войны. Крупные военные действия происходили, в частности, возле города Секкез. С каждым днем увеличивалось число жертв. Отряды курдов стали отходить в горы. Хомейни назначил религиозным лидером Курдистана А. Мофтизаде, сторонники которого помогали «стражам» вылавливать членов ДПИК и левых организаций. Одновременно в Тегеране и других городах организовывались митинги, демонстрации и похороны погибших в Курдистане, сопровождавшиеся призывами к расправе с ДПИК и физическому уничтожению руководства курдского движения за автономию. Хомейни обязал правительство обеспечить семьи погибших «стражей» и военнослужащих пенсиями. В антикурдскую кампанию включился и Талегани, на поддержку которого курды особенно рассчитывали. Но тот предал проклятию ДПИК и приветствовал решение Хомейни о ликвидации этой партии и всех «левых и правых» элементов, отклоняющихся от «пути Аллаха и Корана».

К 25 августа воинские подразделения и отряды «стражей» установили контроль над большей частью курдских

районов. Там велась усиленная «чистка» — аресты членов ДПИК и сторонников шейха Хосейни, конфискация оружия у населения, скоропалительные суды и расстрелы. Курдские руководители, заявив о своей решимости начать партизанскую войну, в то же время выразили готовность вступить в переговоры с правительством (предпочтительнее, чем с духовенством, отличающимся своей «реакционностью», как заявил Хосейни). Однако вооруженные стычки и столкновения перерастали в настоящую войну, с чем информационные агентства связывали и принятое иранским правительством решение обратиться к США с просьбой о поставках запчастей для боевой техники и горючего. В военных действиях участвовали вертолеты огневой поддержки «Кобра» и истребители-бомбардировщики «Фантом», обстреливавшие в горах базы курдов.

Требуя безоговорочной капитуляции, Хомейни отклонял все предложения о перемирии, хотя большинство правительственных деятелей и многие духовные лица, в том числе Шариат-Мадари, высказывались за политическое решение курдской проблемы. В последние пять-шесть дней августа он выступал практически ежедневно и каждый раз заявлял: руководители ДПИК, мешавшие проведению мартовского референдума и выборов в Консультативный совет, то есть созданию исламской республики, — «не демократы, а диктаторы. Это — предатели, раскольники, продавшиеся своим заграничным хозяевам»; в исламе нет места расам, языкам, национальностям и районам, все мусульмане — братья и пользуются всеми «исламскими правами и привилегиями»; «мы — слуги курдов, белуджей, всех слоев населения Ирана. Мы хотим сохранить Иран, сделать его сильным... Сегодня любая оппозиция, любое группирование — преступление и предательство. Мы должны сохранить единство лозунга, единство своих действий, чтобы отстоять ислам».

В заявлениях Хомейни одновременно звучали и иные нотки. 20 августа по радио он призывал курдов арестовывать и передавать властям своих «руководителей-предателей», установивших «прямые связи с Америкой и сионизмом» и умышленно вызвавших «братоубийство» в Паве. 23 августа Хомейни заявил, что простит курдов, в том числе членов ДПИК, «обманутых» своими руководителями, если они вступят на «прямой путь ислама и защиты интересов страны», явятся в гарнизоны и сдадут оружие. Он обещал большое вознаграждение тем, кто задержит и выдаст властям «руководителей-предателей», и угрожал

«примерно наказать» тех, кто будет упорствовать в оппозиции по отношению к «стране и исламу». Далее аятолла сообщил о предоставлении в недельный срок кредита в размере однодневного дохода от нефти на развитие курдских и других районов.

В те же дни власти приняли ряд мер против бывших деятелей шахского режима и правой оппозиции. 20 августа были расстреляны еще четыре офицера шахской армии, включая двух генералов. (Общее число казненных составило в августе до 500, к началу ноября — до 600 человек.) В связи с новой террористической акцией группы «Форкан» министерство внутренних дел дало указание армии, полиции и Корпусу стражей исламской революции усилить борьбу с контрреволюцией и террористами.

Одновременно религиозное руководство всячески пыталось подчинить себе вооруженные силы, а бывшую шахскую армию сделать одним из столпов «исламской революции». Хомейни неоднократно отдавал приказы о тесном взаимодействии «стражей», жандармерии и армии в целях подавления «мятежников» и проведения «чистки» во всех районах страны. Требуя неукоснительного соблюдения в вооруженных силах положения о единоначалии и служебной иерархии (наряду с принципами «исламского образа поведения и гуманности»), он уже открыто говорил об учреждении военных революционных трибуналов, которым поручалось применять строжайшие наказания к каждому военнослужащему, который откажется выполнять приказы своих начальников. Подтверждался запрет на проведение забастовок в вооруженных силах.

Комментируя эти меры, западная печать однозначно оценивала мотивы действий религиозного руководства, выделяя три причины наступления в Курдистане: «кумский патриарх превратил курдов в козлов отпущения, чтобы доказать свою решимость подавить любую попытку отделения и отбить у остальных меньшинств охоту восставать против центральной власти»; «аятолла прибирает страну к рукам и вновь подтверждает свою власть в связи с критикой бессилия и анархии, которая раздается со всех сторон»; «он доказывает, что он настоящий командующий армией и что эта армия стала авангардом исламской революции». Высказывалось предположение, что Хомейни использует волнения в Курдистане «в качестве предлога для официальной ликвидации остатков оппозиции и подчинения себе армии». Некоторые наблюдатели считали, что он осуществил «настоящий государственный перево-

рот». В этой связи предсказывалось усиление репрессий против левых и либеральных кругов.

И действительно, распоряжением генерального прокурора по обвинению в критике «исламской революции» и связях с контрреволюцией были запрещены почти 25 левых, либеральных и вообще нерелигиозных газет (в том числе две, принадлежащие НПИ). 21 августа на пресс-конференции он обвинил «федаинов, интеллигентов и саваковцев» в злоупотреблении свободами, предоставленными стране «исламской революцией», и организации 12 августа «провокационного шествия, во время которого было ранено около 300 человек».

Началось наступление на политические организации, и в первую очередь на Народную партию Ирана. Почти во всех городах представительства НПИ, отделения молодежных организаций партии и пункты по распространению ее печатных органов подверглись погромам. В Керманшахе арестовали двух членов НПИ и через час расстреляли. В Тегеране «стражи» опечатали помещения редакции газеты «Мардом», секретариата ЦК НПИ и акционерной компании изданий партии.

ЦК Народной партии Ирана направил письмо в адрес Центрального исламского революционного комитета, Исламского революционного совета и Временного правительства. В письме отмечалось, что НПИ постоянно без малейших колебаний и отклонений придерживалась линии антиимпериалистической борьбы, определенной имамом Хомейни, а в своей конструктивной критике стремилась показать недостатки исполнительной власти и бороться против левых и правых экстремистов и раскольников. Таким образом, партию нельзя упрекнуть в злоупотреблении предоставленными ей свободами. НПИ настоятельно требовала выполнить обещания, которые были даны в отношении свободы идей и политической деятельности, положить конец притеснениям партии и снять арест с ее печатных органов.

Меры иранских властей против НПИ вызвали большой международный резонанс. Коммунистическая печать полностью опубликовала текст открытого письма Народной партии Ирана. Газета «Юманите» в своем протесте расценила эти акции как посягательство на завоевания иранской революции. «Лишив сегодня коммунистов их центрального органа,— писала газета,— власти Тегерана идут навстречу пожеланиям иранской реакции и американского империализма, хотя они и утверждают, что намерены

бороться с ними. Цель тех, кто тоскует по диктатуре, равно как и цель Вашингтона, заключается именно в том, чтобы уничтожить все силы прогресса в Иране».

Одновременно с действиями против НПИ в ряде городов были совершены налеты на представительства моджахединов. В Тегеране после вмешательства аятоллы Талегани «стражи» временно отложили выполнение распоряжения генерального прокурора захватить здание организации, забаррикадированное мешками с песком. Власти вступили по этому поводу в переговоры с Хомейни. Он был непреклонен, хотя с протестами против решения прокурора к нему обращались также различные студенческие и молодежные организации, подчеркивавшие активную роль моджахединов в антишахской борьбе.

В те же дни были отданы приказы об аресте и конфискации имущества лидера Национально-демократического фронта Х. Матина-Дафтари, успевшего скрыться, и других деятелей «контрреволюции».

В южных районах страны исламский революционный суд приговорил к пожизненному заключению двух женщин — членов Социалистической рабочей партии из числа 16 ее деятелей, арестованных еще в июне без предъявления обвинений. Эта мера была принята несмотря на протесты представителей Международной федерации прав человека, приезжавших в Иран и установивших, что деятельность организации ограничивается распространением социалистической пропаганды.

Федаины, раньше других подвергшиеся нападкам со стороны исламских групп и перенесшие центр своей деятельности в сельские районы (в частности, в Курдистане, где их вооруженные ячейки стали выступать совместно с местными партизанскими отрядами), фактически перешли на полулегальное положение.

В этих условиях в Западной Европе резко активизировалась иранская промонархическая и праволиберальная оппозиция. Бахтияр, пребывавший в Париже, за короткое время дал десяток интервью радио, телевидению, информационным агентствам и органам печати различных стран. Он утверждал, что республика стоит на «границах краха» и что власть Хомейни падет в ближайшие несколько месяцев. Предсказывая усиление оппозиционного движения среди интеллигенции, студенчества, средних предпринимателей и определенной части военных, Бахтияр аргументировал это методами расправы с оппозицией, ставящими высшее руководство «на одну доску с шахом»,

неспособностью властей вывести экономику из разрухи и хаоса, а страну — из международной изоляции. Говоря о возможности своего возвращения к власти, Бахтияр обещал восстановить демократию, провести «в спокойной обстановке» референдум и предоставить национальным меньшинствам «максимальные возможности свободы и самоуправления» в рамках единого Ирана.

Заявления Бахтияра, распространявшиеся также и в Иране в виде магнитофонных кассет, не тревожили новые власти, тем более что шансов на возвращение у него не было. И. Язди, все еще остававшийся в числе приближенных Хомейни, заявил: «Он нас совсем не интересует... В политическом отношении он мертв. Даже когда был назначен на свой пост шахом и имел в своем распоряжении армию, он оставался бессильным. Он и сейчас не пользуется поддержкой народа Ирана».

Не особенно волновала религиозное руководство и усилившаяся в те дни эмиграция интеллигенции и разного рода специалистов. В середине августа каждый день только через Тегеран выезжало за рубеж более 2 тысяч человек; по данным авиакомпаний, все рейсы в западном направлении были забронированы на полтора месяца вперед. Хомейни по этому поводу заявил, что исламская республика только выиграет, если ее покинут «европеизированные» и «американизированные» элементы. Правда, «утечка умов» вызывала у таких деятелей, как А. Банисадр, опасения за возможность создать в Иране «общество-модель сегодняшнего дня»; поэтому он ратовал не только за «стабильные институты», «решительное восстановление закона» и обеспечение по крайней мере «минимальной безопасности», но и за то, чтобы «универсальность ислама и его возвышенная духовность» стали основой «могущества нашей нации». В таком случае, утверждал он, «все революционные силы мира встанут на путь Ирана».

Главным врагом режима иранские власти по-прежнему считали левые и особенно либерально-демократические силы. Об этом свидетельствуют, в частности, участвовавшие во второй половине августа выступления Хомейни, в которых он вновь подверг нападкам «писателей» и «интеллектуалов», назвав их «невеждами», «предателями» и «диктаторами, выдающими себя за демократов», ратующих за импортированные концепции свободы — «свободы питейных заведений, домов терпимости и других злчных мест», растлевающие честь и совесть людей и открываю-

щие двери для «иностранных заговоров и интриг». Более того, Хомейни обвинял эти «лицемерные группы» (о «прелюбодеи мысли» и «ремесленники слова»!) в контактах с прежним режимом и получении указаний от «сверхдержав», утверждая, что якобы имеет доказательства этому.

В целях устрашения своих оппонентов и поднятия морального духа сторонников Хомейни заявил 24 августа в духовной семинарии в Куме по случаю одного из мусульманских праздников, что ислам — религия крови, так как он родился и возрос в крови и его предводители всегда держали в одной руке Коран для управления народом, а в другой — саблю для подавления преступников, предателей, заговорщиков и противников исламского правления. Истинный мусульманин не боится смерти, ибо погибшие во имя ислама солдаты, жандармы и «стражи» будут вечно живы.

Однако среди угроз и обвинений проскальзывали слова о том, что тем партиям, организациям и печатным изданиям, которые не выступают против «исламской революции», не являются заговорщическими и не действуют вопреки курсу «ислама и народа», будет разрешена после расследования свободная деятельность. «Нам не нужны интеллектуалы», — сказал он, но тут же добавил: «Среди них у нас есть полезные люди». Хомейни запретил совершать налеты на книжные лавки тем, кто не наделен полномочиями.

В свете этих высказываний стал понятен смысл заявления, сделанного ранее министром внутренних дел Х. Саббагином. Он, в частности, говорил, что его ведомство еще не получало указаний о запрещении деятельности политических партий и групп; при этом он отметил, что ни одна из них не является официальной, так как не зарегистрирована в правительственных органах. Закрытие же штаб-квартир политических организаций объяснялось незаконным занятием ими государственных помещений. Далее министр предупредил партии, которые, возможно, будут запрещены, против ухода в подполье, поскольку тайные организации могли существовать при деспотическом режиме бывшей монархии, а при «свободной исламской республике» нет необходимости в нелегальной деятельности. Вместе с тем он признал, что газеты, не поддерживающие линию ислама и исламской республики, запрещены с целью «ублажить имама».

Сам же Хомейни в день, когда моджахедины после недельной задержки освободили занимаемое ими здание,

неопределенно сказал, что не возражает против продолжения деятельности этой организации. Некоторые другие должностные лица заявили, что революция совершилась не для того, чтобы попиралась свобода слова и печати, и что никто не допустит ее ограничения.

Аятолла не был так наивен, чтобы пытаться запереть ветер в клетку. Переход оппозиции на нелегальное положение при наличии у революционно-демократических группировок большого количества оружия, да еще в условиях резко активизировавшихся вооруженных выступлений нацменьшинств, мог представить большую опасность для исламской республики. К тому же совместная вооруженная борьба против режима могла способствовать объединению всей левой оппозиции. Нельзя не учитывать наряду с присущей Хомейни гибкостью его многолетний политический опыт, из которого извлек важный урок: на одном насилии — причем в отношении «врага моего врага» — власть долго продержаться не может. Показательно, что Ахмед, сын Хомейни, бывший в курсе многих дел имама, ссылаясь на опыт шаха, утверждал, что силой нельзя добиться ничего положительного и что, если народ будет бояться протестовать, новый режим ничем не будет отличаться от прошлого. Кроме того, при почти безусловной поддержке, которой Хомейни лично пользовался у подавляющего большинства населения, полное подавление левой оппозиции лишило бы всякого практического содержания лозунг «не левым, не правым, а исламу», как раз служивший целям мобилизации этого большинства. (Примерно такой же характер действий был присущ курсу политики властей в Курдистане.) Несколько позже началась операция по возвращению «заблудших душ» в лоно ислама.

Разве не такой характер действий предписывает Коран? «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте,— поистине, Аллах не любит преступающих! И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убийство!.. Если же они удержатся, то... ведь Аллах — прощающий, милосердный!.. Нет вражды, кроме как к несправедливым!»

Превентивный характер действий религиозного руководства был обусловлен, как и ранее, стремлением обеспечить благоприятные условия для претворения в жизнь идеи исламской республики. Закрытие газет и представительства левых и демократических организаций преследо-

вало в основном цель облегчить и ускорить процесс принятия и утверждения проекта конституции в новом, более соответствующем замыслам религиозного руководства виде. Вариант, опубликованный ранее в печати, предполагалось пересмотреть в ходе заседаний Совета экспертов, на который возлагалась задача сделать его «чисто исламским документом». Совет приступил к работе уже через два дня после зажигательной речи имама 17 августа, положившей начало новому преследованию левых и демократических сил.

Открытие заседаний Совета экспертов состоялось в облицованном мрамором здании шахского парламента, где некогда послушно утверждались все монаршьи указы. Место часовых в вычурных мундирах, стоявших навтыжку на всех четырех углах здания, заняли «стражи» — подростки в разношерстной одежде, неумело державшие в руках автоматы. В зале со сводчатым потолком вместо щеголеватых технократов и чинных государственных служащих в строгих костюмах собрались бородатые священнослужители в тюрбанах. На открытии присутствовали члены кабинета министров, Исламского революционного совета, послы иностранных государств.

Заседание началось с обращения к богу и пророку Мохаммеду и продолжительного чтения стихов из Корана. Затем ходжат-оль-эслам Хашеми-Рафсанджани, уже оправившийся после майского ранения, зачитал послание аятоллы Хомейни: «Вы здесь для того, чтобы разработать конституцию, которая будет исламской на все сто процентов. Каждую статью этой конституции, каждую ее фразу должен пронизывать дух ислама... Только духовные руководители, такие, как вы, в состоянии решить, что соответствует духу ислама, а что ему противоречит». Далее говорилось, что депутаты, имеющие склонность к политическим школам Запада и Востока и, следовательно, находящиеся под влиянием заблуждений, не могут протаскивать в конституцию свои точки зрения, поскольку истинный путь и счастье иранского народа лежат вне этих школ. Новая конституция, отмечалось в заключение, должна обеспечивать права и интересы всех слоев населения без какой-либо дискриминации. «Если хотя бы одна статья новой конституции не будет отвечать законам ислама, это значит, что члены собравшейся ассамблеи предали своих избирателей».

Получив столь недвусмысленные указания, депутаты Совета экспертов незамедлительно приступили к разра-

ботке «стопроцентной исламской конституции». В перерывах все усердно молились, возглашая в победном триумфе: «И гром прославляет Его хвалой, и ангелы — от страха пред Ним. Он посылает молнии и поражает ими тех, кого пожелает, когда они препираются об Аллахе, — ведь Он силен в бое!» А в это время некоторые из тех вне совета, кто предпочитал мировую, и в том числе античную, классику, цитировали обращение Прометея к Зевсу: «Ты берешься за молнию вместо ответа, — значит, ты не прав». Но депутаты-эксперты не слышали этого: их заседания проходили при закрытых дверях.

Августовские события в известном смысле могли стать решающим рубежом в истории Исламской Республики. Ближайшие недели должны были показать, удалось ли правящему духовенству путем удара по левым и либеральным силам добиться стабилизации положения, необходимой для полного создания исламской политической структуры, или потребуются какие-то новые меры — более гибкие и с бóльшим диапазоном действия.

**Месяц
восьмой**

**ЕДИНСТВЕННАЯ
ПАРТИЯ —
ЭТО ПАРТИЯ
АЛЛАХА!**

До прихода якобинцев к власти Робеспьер неустанно учил и друзей, и врагов тому, как следует проводить революционную политику:

— Если только мы не решили безоговорочно снова надеть цепи, не будем насиловать природу вещей и пружины правительства, не будем призывать деспотизм на помощь свободе. Не будем защищать свободу как рабы, которых даже тень ее пугает. Будем бдительны, дабы, ослепляя нас эмблемами свободы, оглашая нас фразами в ее честь, враги не похитили бы ее у нас потихоньку.

В ночь на 1 сентября 1979 г. (или 10 шахривара 1358 г.) между мрачными тучами, обложившими почти весь политический небосвод Исламской Республики, попыталась найти себе место еще одна тучка. Премьер-министр Базарган, выступив по телевидению после окончания обычных программ, заявил, что направил аятолле Хомейни письмо с просьбой освободить его от обязанностей главы правительства. Он предложил лидеру революции приехать в столицу и взять в собственные руки руководство делами страны. Просьба мотивировалась продолжавшейся, несмотря на закрытие части газет, всеобщей критикой в его адрес и обвинениями со стороны «некоторых наших друзей» в том, что он действует недостаточно

революционно. Базарган явно намекал на высказанную Хомейни 18 августа угрозу лично приехать в Тегеран с целью применить «революционные меры» к тем, кто проявляет «халатность». Он имел в виду и участвовавшие нападки на кабинет таких деятелей исламского движения, как аятолла Бехешти, ставший фактическим руководителем Совета экспертов, и Банисадр. Последний не устал повторять: «Наше несчастье в том, что иранская революция была доверена реформистскому правительству». Оба обвиняли Базаргана, в частности, в отказе провести «чистку» административной системы.

Премьер, как видно, был обескуражен стремительным развитием событий после выступления Хомейни, когда последний на несколько дней фактически взял в свои руки наряду с общими браздами правления многие конкретные дела страны и предоставил генеральной прокуратуре решение вопросов отношений с оппозицией. Показательно, что в течение тех дней Базарган фактически ни разу не прокомментировал принятые религиозными властями меры. Как видно из его последующих интервью, он считал их не результатом сознательных и заранее запланированных действий, а следствием импульсивных побуждений. Своим же теперешним выступлением он, по видимому, хотел предотвратить дальнейшее падение влияния возглавляемого им правительства и снять с себя ответственность за действия властей против левых и либерально-демократических кругов.

Казалось бы, Базарган добился первой из этих целей, поскольку через несколько дней Хомейни подтвердил его «честность» на посту премьер-министра и, по существу, снял обвинения его в «халатности». Как естественное продолжение избранной линии во все государственные учреждения был направлен циркуляр канцелярии премьер-министра. Под угрозой «чистки» в масштабе всей страны предлагалось прекратить критику правительства и распространение порочащих его слухов. Тем самым Базарган не просто выступил с теми же угрозами, против которых протестовал, но и содействовал расширению круга подлежащих «чистке», добавив к сравнительно немногочисленным кругам левой и либерально-демократической интеллигенции широкие слои государственных служащих (примерно 800 тысяч человек).

Не исключено и то, что данный шаг был результатом новой сделки с правящим духовенством. Во всяком случае, спустя десять дней, 17 сентября, Исламский револю-

ционный совет утвердил закон о «чистке» государственного аппарата от «скрытых» врагов революции и некомпетентных лиц; в министерствах, университетах и других учреждениях предусматривалось создать специальные комиссии, которые в течение шести месяцев должны были рассмотреть личные дела служащих и принять соответствующие решения.

Планируемые методы проведения в жизнь нового закона позволяют рассматривать его как составную часть той операции по возвращению «заблудших душ» в лоно ислама, которую с начала сентября власти стали активно проводить в отношении левой и либерально-демократической интеллигенции. В частности, Хомейни дал указание о пересмотре решения относительно закрытых властями в августе печатных изданий. Некоторые сотрудники газеты «Аяндеган» были выпущены на свободу. Генеральный прокурор Тегерана в ходе пресс-конференции 4 сентября в Вашингтоне, куда приехал с частным визитом, заявил, что «революционные суды», приговаривающие к смертной казни, скоро будут заменены «обычной системой» судопроизводства. Признав, что «революционное правосудие» «допускало свои ошибки», он оправдывал скоропалительное судопроизводство и казни необходимостью утверждения «революционной идеологии» и очищения общества от «контрреволюционных элементов», а это, по его словам, являлось одним из важнейших требований народа. Накануне, 3 сентября, в Тегеране было объявлено, что иностранные органы печати, чьих корреспондентов выслали из страны, могут прислать новых.

В Иране уже мало кто позволял себе открыто выступать против религиозного руководства. Оппозиционно настроенные круги либеральной интеллигенции и служащих либо скрывали свое недовольство под внешними выражениями поддержки режима, либо изредка высказывали его в рамках официально допускаемых дискуссий. Зато с каждым днем все длиннее становились очереди у консульских отделов иностранных посольств. Студенты, выпускники школ, квалифицированные специалисты, составляющие большинство в очередях, говорили, что готовы выехать куда угодно, лишь бы там не было исламских пововведений и произвола. Среди причин эмиграции назывались также безработица, усугубившаяся в связи с прекращением приема на гражданскую государственную службу, неуверенность в будущем и страх перед обвинением в сотрудничестве с шахским режимом. В середине

сентября, когда возобновил работу консульский отдел посольства США, сразу подали заявления о выезде более 10 тысяч иранцев.

Открытые антиправительственные выступления происходили только в Курдистане. Разгоревшиеся в прошлом месяце военные действия принимали тотальный характер. Для полной ликвидации автономистского движения курдов власти установили экономическую блокаду. В последний день августа ЦК ДПИК направил послания VI конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран и Международному Красному Кресту с просьбой срочно помочь курдским районам продовольствием, медикаментами и одеждой.

3 сентября Хомейни вновь призвал курдов «вернуться в ряды иранского народа и отвергнуть предателей, которые возглавляют курдскую демократическую партию». Он утверждал, что «приказал провести мобилизацию вооруженных сил не против курдского народа, а против предателей, продавшихся за границе», и что «членов курдской демократической партии не будут преследовать никоим образом».

Тем временем войска и подразделения «стражей» при поддержке танков, артиллерии и авиации планомерно наступали на позиции курдов. В захваченных населенных пунктах сразу же начиналась «чистка». Несмотря на упорное сопротивление курдов, 3 сентября пал Мехабад, последний оплот автономистов. К 4—6 сентября правительственные силы установили контроль фактически над всей равнинной частью Курдистана. Вооруженные отряды курдов сосредоточились в горах, куда уходили небольшими группами и жители захваченных городов, не желавшие принимать «братского милосердия» победителей.

Вставал вопрос о дальнейшей правительственной политике в Курдистане.

ЦК Народной партии Ирана в опубликованном 3 сентября письме предлагал незамедлительно приостановить военные действия, прекратить деятельность исламских судов и провести переговоры с целью поиска политического решения проблемы. Партия настаивала на удовлетворении законного требования курдского народа положить конец притеснениям по мотивам национальной принадлежности и созданию союза всех подлинно революционных сил в целях искоренения и уничтожения агентов империализма, сионизма и шахского режима в районе Курдистана и по всей стране. Единственно разумным решением

проблемы считалось предоставление курдам автономии в рамках территориальной целостности и национального единства Ирана.

Власти приняли другое решение. Началась операция по очистке горных районов от партизан. С самолетов сбрасывали листовки с призывом сложить оружие, раскаяться в ошибках и разойтись по домам. Всем, кроме руководителей, обещали помилование и покровительство исламских властей.

В то же время в захваченных районах продолжались «чистки». Наряду с разгромом представительств ДПИК и феодалов, уничтожением литературы марксистского характера и воззваний шейха Хосейни закрывались органы местного управления — городские и сельские советы, а также профсоюзы. Политическая власть передавалась представителям курдского духовенства, проявившим преданность «исламской революции».

Одновременно центральные власти и лично Хомейни заявили о намерении принять экстренные меры для ликвидации экономической отсталости курдских районов, доставшейся в наследство от шахского режима. Аятолла говорил, что новое правительство до сих пор не могло осуществить свои замыслы по благоустройству и развитию Курдистана, поскольку из-за «предательской деятельности» демократов и феодалов народ не имел «свободы и безопасности», и что с ликвидацией этих «преступников и контрреволюционеров» наконец-то во всей стране установится «исламская справедливость». Было подтверждено объявленное ранее решение (распространенное теперь на все провинции страны) об ассигновании однодневной выручки от экспорта нефти на нужды курдских районов. В течение месяца правительственные делегации во главе с Базарганом трижды посещали Курдистан с целью изучения экономических проблем. Премьер посетил и другие провинции, в частности Белуджистан, где состоялись выступления в поддержку курдов.

В свою очередь курдские руководители заявляли о намерении продолжать борьбу вплоть до «полной победы». Касемлу говорил, что партизанская война будет вестись до тех пор, пока Курдистан не получит автономию в рамках демократического Ирана. Хосейни снова отверг обвинения в сепаратизме и возложил вину за братоубийственную войну в Курдистане на тех, кто осквернил ислам и нарушил его принципы свободы. Курды никогда не признают новой конституции, поскольку она не гаран-

тирует равноправие народов. Объявляя государственной религией шиизм, конституция игнорирует права суннитов. Не содержит она и таких основополагающих прав, как право на забастовку, свобода ассоциаций и выражения мнений. Хосейни подтвердил свою позицию в отношении светского характера государства, установления «плюрализма и демократии» и необходимости предоставить всем политическим организациям свободу деятельности.

Во второй половине сентября правительственные войска и подразделения «стражей» в Курдистане продолжали операции по ликвидации очагов напряженности, а курдские отряды вновь и вновь их создавали. Укрывшиеся в горах повстанцы регулярно совершали вылазки и рейды, вели обстрелы гарнизонов, устраивали засады и нападения на отдельные военные посты и войсковые подразделения и даже предприняли попытку овладеть рядом объектов в Мехабаде. Среди изымаемого властями у населения оружия были минометы, бронетранспортеры и танки.

В конце сентября ЦК Народной партии Ирана распространил заявление «О проблеме Курдистана и путях ее решения». Партия вновь высказывалась за принципиальный, революционный подход к решению проблемы национальных прав народов Ирана. Указывая на немалую роль в последних событиях подстрекательской деятельности контрреволюции, ЦК НПИ предостерегал, чтобы под прикрытием борьбы против этой деятельности не были похоронены законные и справедливые чаяния и требования курдского народа. Проблему Курдистана, заявляла партия, нельзя разрешить вооруженным путем, поскольку она сама носит политический, экономический, социальный и культурный характер. Повторив свои прежние призывы к обеим сторонам прекратить огонь и объявить о готовности к переговорам, ЦК НПИ в качестве одного из условий переговоров назвал создание местных советов, предложенных в свое время аятоллой Талегани и одобренных имамом Хомейни.

Аятоллы Талегани в то время уже не было в живых: в ночь на 10 сентября он скоропостижно скончался. В стране был объявлен трехдневный траур. Похороны аятоллы стали беспрецедентной демонстрацией народной скорби. Более двух миллионов человек часами били себя по голове и груди — знак символического самоистязания. После того как катафалк с огромным трудом пронесли через густые толпы, люди стали прыгать в могилу, чтобы задержать погребение. Оно состоялось только на сле-

дующее утро. Миллион людей провел ночь на кладбище. Они связывали столько надежд с Талегани, который в своих еженедельных проповедях в Тегеране постоянно говорил о социальных проблемах. А совсем недавно, в годовщину «черной пятницы», он предупреждал против деспотизма, маскирующегося под религию, а лишение людей права на критику, протест и жалобы объявил противоречащим исламу. Корреспондент западногерманской газеты «Вельт» приводил следующие слова шофера такси, сказанные ему в день похорон: «Талегани был первым. Все любили его: персы, курды, азербайджанцы. Талегани был великий человек». Рассказывали, что имам, пораженный масштабами народной скорби, сказал семье Талегани, что, хотя стране нужен такой человек, «его смерть нельзя расценивать как поражение нации».

В ходе траурных митингов и собраний недовольство отдельных политических групп прорвалось наружу. Все без исключения организации почтили Талегани как великого революционера, внесшего большой вклад в победу революции и в защиту ее завоеваний. Но каждая из них, естественно, по-своему интерпретировала общее мировоззрение и политические взгляды покойного. Так, в заявлении Секретариата Народной партии Ирана они рассматривались как олицетворение истинного и народного понимания ислама. Базарган, говоря на одном из митингов о близости своей точки зрения на западную культуру и духовные ценности с позицией Талегани, доказывал, что Ирану следует взять от Запада полезное для него и отвергнуть противоречащее нации и исламу. «В течение всей нашей истории большинство священнослужителей выступало против почти всякого развития... в том числе даже религиозные лидеры,— сказал он.— Талегани был не таким». На смерть аятоллы откликнулся в Париже и Бахтияр, заявивший, что неоднократно был рядом с ним в различных тюрьмах, где смог оценить его как воплощение «прогрессивного и демократического крыла религиозных кругов» и «символ ислама с человеческим лицом». Многие прозападно настроенные интеллигенты в самом Иране тоже называли Талегани «истинным демократом».

По-иному отреагировали на смерть Талегани последовательные сторонники Хомейни. 12 сентября тегеранское радио со ссылкой на руководство университета сообщило, что за период с февраля 1979 г. по инициативе аятоллы Талегани были уволены с работы в этом учебном заведе-

нии 75 преподавателей и служащих, признанных виновными в сотрудничестве с САВАК, и что он всегда настаивал на необходимости продолжения его «чистки» от шахских приспешников. А спустя два дня как бы в подтверждение этого в заявлении Тегеранского университета было объявлено об увольнении еще 175 преподавателей и служащих, связанных с бывшей шахской тайной полицией. В заявлении говорилось, что данная мера является шагом по выполнению последних пожеланий покойного аятоллы.

Дискуссия по вопросу о демократизме Талегани приобрела особенное значение для религиозного руководства Ирана в свете активизировавшейся в это время деятельности Совета экспертов. 12 сентября, в последний день траура по Талегани, совет одобрил важнейшие пункты основного закона, придавшие ему теократический характер. Они предусматривали учреждение института «верховного вождя» (факиха), стоящего над всеми органами власти и фактически играющего роль наместника 12-го имама Махди вплоть до его возвращения на Землю.

Одобренные пункты практически не встретили в совете возражений в том, что касалось положения самого Хомейни. Однако некоторые депутаты, в том числе и Банисадр, высказали беспокойство предоставлением таких же широких полномочий совету исламских духовных лиц, создание которого предусматривалось на тот случай, если Хомейни (после его ухода с политической сцены) не будет найдено достойного преемника. Р. Мокаддам-Марагез заявил, что его беспокойство разделял и аятолла Талегани. Напротив, аятолла Монтазери, заменивший Талегани в качестве духовного руководителя шиитской общины Тегерана, назвал «зловредной пропагандой» утверждения не названных им лиц о том, что соответствующая статья означает «возврат к диктатуре». По сообщениям западной печати, пункты о факихе были приняты небольшим большинством голосов. В числе воздержавшихся от голосования назывался и Банисадр, но сам он отрицал это.

Вечером 12 сентября по телевидению выступил Хомейни, призвавший духовенство укреплять «исламскую революцию» и пользоваться возложенной на него народом властью. Аятолла высмеял утверждения о том, что Талегани придерживался идеи развития демократии в Иране. «Разве Талегани представлял демократию?.. Зачем на все навешивать западные ярлыки?» — сказал он, охарактеризовав умершего в качестве настоящего мусульма-

ского лидера, выступавшего «как против левых, так и правых, а также против многого другого». Очевидно, эти слова были в общем-то справедливым ответом тем светским кругам, которые видели в Талегани чуть ли не выразителя собственных взглядов. Ведь именно его широта и мягкость давали основание надеяться на возможность примирения теократии и терпимости, Закона и Любви — мечтания, конец которых символизировала, по мнению некоторых социологов, смерть Талегани.

Со своей стороны теперь и Хомейни продолжал взятый им после августовского удара по левым и либеральным силам курс на их привлечение к духовенству. В той же речи он подверг относительно мягкой критике и интеллигенцию, получившую предупреждение, что тайная борьба против «исламской революции» заранее обречена на неудачу, и некоторых религиозных деятелей за их односторонне-негативное отношение ко всем интеллигентам. Он призвал и тех и других прислушиваться к мнению друг друга, проявлять взаимопонимание и избегать конфронтации. Обращаясь к духовенству, Хомейни говорил: «Если вы не сумеете выполнить свою задачу, ислам окажется в опасности». Корреспонденты иностранных информационных агентств обратили внимание на то, что призыв Хомейни к сотрудничеству между религиозными лидерами и интеллигенцией совпал по времени с новой волной сообщений об «утечке умов» из Ирана. Но этот призыв, несомненно, исходил из потребности использовать интеллигенцию для осуществления задач, поставленных им, Хомейни, перед духовенством.

Показательно интервью сына Хомейни Ахмеда, признавшего, в сущности, справедливость критики интеллигенцией религиозных деятелей за «монополизацию власти» и заявившего, что в соответствии с неоднократными указаниями имама духовенство тоже должно вскоре пройти общую «чистку». Продолжение казней и применение силы, сказал он, могут привести нас к поражению. Ахмед Хомейни, стоявший вне партийной деятельности и не занимавший официальных постов, и в дальнейшем не раз в своих выступлениях придавал либеральный оттенок некоторым жестким заявлениям или намекам своего отца. Но реальные последствия этих его выступлений не чувствовались. Так было и на сей раз. Чрезвычайный исламский революционный трибунал продолжал выносить смертные приговоры бывшим приспешникам шахского режима, а среди духовенства репрессиям подверглось лишь единич-

ное число рядовых мулл, открыто запятнавших себя связями со старым режимом или аморальным поведением. По сообщениям же иностранных агентств, при шахском режиме на содержании у САВАК было около 20 тысяч представителей духовенства.

Под прикрытием разговоров о предстоящей «чистке» среди религиозных деятелей Хомейни и Исламский революционный совет все сильнее и сильнее оттесняли от государственных дел Базаргана, лишившегося, по существу, последних остатков самостоятельности. Превратившись в полной мере в прикрытие правящего духовенства, премьер отныне свои все более редкие и все более робкие пререкания с ним сдобривал выражениями согласия осуществлять все его требования. Так, в выступлении 24 сентября по телевидению, жалуясь, как и прежде, на наличие в стране множества «центров принятия решений» в лице комитетов, «стражей», религиозных и политических организаций, бесконтрольно расплодившихся во всех городах и селах, Базарган утверждал, будто соответствующие «слабые места» в революции постепенно ликвидируются благодаря достигнутым договоренностям между правительством и ИРС. Вместе с тем он подчеркнул, что не против «чистки» государственного аппарата и что в министерствах уже начали функционировать специальные комитеты. (Накануне правительство приняло решение об установлении с 23 сентября в министерствах и других государственных учреждениях одного выходного дня вместо существовавших ранее двух.)

Не менее показательна роль премьера в «разрешении» так называемого «дела Назиха» (в свое время тесно сотрудничавшего с Базарганом в Комитете защиты свободы и прав человека), давно уже вызывавшего своими высказываниями о проекте новой конституции, методах принятия законов и стиле управления страной недовольство видных религиозных кругов. Воспользовавшись жалобой на Назиха со стороны группы мусульманских сотрудников Иранской национальной нефтяной компании, деятели из окружения Хомейни вновь потребовали его увольнения. Базарган, посетив в середине сентября нефтеочистительный завод в Абадане, заявил, что, будучи с визитом в Куме, он уладил вопрос с Хомейни и что Назих может продолжать исполнение своих обязанностей. Однако 24 сентября канцелярия Хомейни фактически опровергла это утверждение премьера, заявив, что имам поддерживает Базаргана, но не Назиха. Об этом же сказал по ра-

дио зять Хомейни Ш. Эшраги, главный обвинитель директора ИННК.

«Дело Назиха» приобрело политическую окраску. 25 сентября газета «Джомхурийе эслами», орган Исламской республиканской партии, потребовала предания Назиха «исламскому революционному трибуналу». Директор ИННК обвинялся в антиисламской и антинациональной деятельности, в частности в «оскорбительном тоне» в отношении Хомейни, отказе провести широкую «чистку» среди рабочих, якобы не поддерживающих «исламскую революцию», и присвоении крупных сумм компании. В связи с этим часть служащих главной конторы ИННК провела забастовку в поддержку Назиха, а отдел информации компании официально заявил, что заработная плата, полученная Назихом за шесть месяцев руководства ИННК, была меньше суммы, полученной его предшественником за один месяц. Вскоре Назих получил приглашение явиться не позднее 29 сентября к генеральному прокурору республики. 30 сентября в Тегеране стало известно, что Назих уже два дня как исчез. В открытом письме на имя Хомейни, опубликованном газетой «Бамдад», Назих отверг все выдвинутые против него обвинения и объяснил отказ явиться в прокуратуру отсутствием гарантий безопасности. Позднее он нелегально эмигрировал в Европу.

Показательны, однако, предпринятые Базарганом еще до исчезновения директора-распорядителя ИННК меры по «мирному урегулированию» конфликта. 28 сентября он объявил по радио об одобренной Хомейни очередной реорганизации кабинета, в котором — наряду с проведением ряда перестановок — было создано новое министерство — нефти; под его началом объединились ИННК, нефтехимическая и газовая компании; министр нефтяной промышленности становился одновременно директором-распорядителем всех этих трех компаний. В качестве причин реорганизации были названы уход в отставку двух министров и необходимость создания министерства нефти.

Но широкой общественности было ясно, что с помощью произведенной реорганизации Базарган просто-напросто сместил директора-распорядителя ИННК, пойдя тем самым еще на одну уступку религиозным кругам и лично Хомейни. В открытых письмах премьер-министру Ассоциация иранских юристов и Национальный фронт отвергли его доводы о необходимости создания министерства нефти, расценив соответствующие действия как спо-

соб отстранения Назиха с занимаемого поста. Правительство, отмечал НФ, отступило перед натиском рвущейся к власти религиозной прослойки. А в начале октября лидер революции, потребовав проведения «чисток» в административных органах, призвал рабочих-нефтяников поддержать их нового шефа А. Моинфара. Последний, приняв первый в Иране пост министра нефти, уже на церемонии своего представления работникам ИННК обещал осуществить «основательную чистку», которую требуют религиозные руководители.

Духовенство торжествовало еще одну победу: бегство Назиха после исчезновения Матин-Дафтари означало устранивание с политической арены самых видных руководителей светской либеральной оппозиции, которая с этих пор практически прекратила сколько-нибудь активную общественно-политическую деятельность. О Национально-демократическом фронте теперь уже вообще ничего не было слышно, а Национальный фронт только изредка напоминал о себе отдельными заявлениями, становившимися известными ограниченному кругу лиц. Это было самое крупное достижение «исламской революции» после свержения шаха.

Впрочем, как говорят в народе, на бога надейся, но верблюда ноги спутай. Вскоре Исламский революционный совет снял ограничения с деятельности Народной партии, в связи с чем возобновился выпуск газеты «Мардом». Однако в провинциях, где отделения НПИ подверглись погромам, партия не получила возможности пользоваться даже теми относительными свободами, которыми она стала располагать в столице. Такой характер действий властей был явно направлен на удержание партии под контролем и лишение ее возможностей работать в массах, особенно среди провинциального рабочего класса. Другие левые организации официально не получили никаких прав.

Закрепляя вновь приобретенные позиции, аятолла Хомейни в конце сентября принял ряд новых мер по исламизации общественно-политической жизни. На встрече в Куме с группой издателей 25 сентября он заявил, что печатаемые в стране книги не должны уклоняться от ислама и противоречить ему, и указал на необходимость строгой цензуры всех публикаций. Тогда же на встрече с руководителями Корпуса стражей исламской революции, подчеркнув настоятельную потребность привести характер создаваемого в стране общества в соответствие с его названием, он упомянул в числе важнейших задач корпуса, во-

первых, защиту исламского учения, его чести и достоинства и, во-вторых, обеспечение национальной безопасности и успеха исламского движения. Встретившись на следующий день с делегацией информационного агентства Парс, Хомейни призвал провести в нем «чистку», ибо «страна должна с божьей милостью превратиться в исламскую, а республика — в исламскую республику, чтобы сорвать все заговоры иностранцев».

Важное внимание власти продолжали уделять и укреплению органов безопасности. В конце сентября при Объединенном штабе вооруженных сил была создана консультативная группа, призванная осуществлять задачи «обеспечения внешней и внутренней безопасности» и с этой целью — координации действий армии, полиции и жандармерии. Тогда же Управление всеобщей воинской повинности обратилось к лицам пяти последних призывных возрастов, отслужившим сроки срочной службы в армии, полиции и жандармерии, с призывом вернуться на службу в ближайшие гарнизоны, с тем чтобы в «этот ответственный момент» оказать «братскую помощь» вооруженным силам и другим органам поддержания порядка. Активизировалась и деятельность Совета внутренней безопасности в целях приведения армии и полиции «в соответствие с условиями революции».

Укрепление позиций духовенства в руководстве армией и силами безопасности велось под аккомпанемент издевательств над главой гражданского кабинета министров. Так, аятолла Монтазери во время пятничной молитвы 21 сентября, перефразируя сказанные Базарганом несколько недель назад слова о том, что нельзя доверить командование армейскими подразделениями семинаристам из Кума, заявил: «Нельзя требовать от инженера, чтобы он был министром». Удары, обрушенные духовенством с молчаливого согласия правительства не только по левой, но и либеральной оппозиции, таким образом, бумерангом били по нему самому. «Под руководством Хомейни Иран взял курс на диктатуру» — таков был в те дни наиболее характерный заголовок западных сообщений о событиях в стране.

Но в данный момент перед правящим духовенством стояла еще одна исключительно важная задача, связанная с началом первого после свержения монархии нового учебного года, приходившимся в Иране на 23 сентября (1 мехра). В этот день свыше 10 миллионов студентов и школьников, принимавших активное участие в антишахской

борьбе, должны были вновь войти в учебные заведения, всегда бывшие очагами политической активности и превратившиеся со времени февральского восстания в арену частых стычек между соперничающими группировками. Накануне возобновления занятий многие студенты и старшеклассники активно выступали за углубление народного характера революции путем проведения коренных социально-экономических преобразований, установления подлинно демократических свобод, «чистки» системы образования и государственного аппарата от сохранившейся в них большой прослойки агентов САВАК и т. д.

В связи с началом учебного года с посланиями в адрес студентов выступили многие исламские организации, в том числе молодежные — «смертники ислама» и «борцы за святое дело исламской революции». Они предупредили о грозящей вузам опасности превратиться в арену политических конфликтов и призвали студентов крепить единство. Обратились к ним, конечно, и религиозные деятели.

Аятолла Монтазери во время пятничной молитвы в Тегеране предостерег студентов и вообще интеллигенцию против пагубного «смешения идеологий» путем попыток слияния ислама с марксизмом. «Без лозунгов ислама мы все еще были бы в тюрьмах идолопоклонника», — сказал он. Спасение нации, по словам Монтазери, следовало искать только в исламе и его теократическом принципе имамата, поскольку «имам — это не только человек, который носит тюрбан и одеяние муллы. Имам — это дух Закона, это эксперт и специалист, на которого возложена задача управления». Добавив, что «имам избран богом», а «ислам — это интернациональная религия, которая будет существовать вечно и должна руководить миром», аятолла призвал студентов стремиться к приобретению знаний и не прибегать к насилию из-за идеологических разногласий.

В послании Хомейни особый упор был сделан на необходимость ликвидации идейной зависимости иранской молодежи от тлетворного влияния Запада, особенно США, в целях обеспечения подлинно независимого будущего страны. Говоря о предстоящей широкой «чистке» в вузах, школах и всей системе образования, аятолла призвал студентов и школьников не поддаваться на удочку лживой пропаганды тех, кто пытается внести раскол в «исламское единство» народа и посеять смуту в учебных заведениях.

Общий смысл обращений высших духовных руководителей страны к молодежи сводился не только к предостережениям от пагубного влияния «сатаны», но и к тому, чтобы студенты и школьники составили первый ряд той когорты истинных мусульман, которая именуется в Коране «единственной партией — партией Аллаха».

По всем признакам, исключая военные действия в Курдистане, сентябрь оказался самым спокойным месяцем в истории Исламской Республики. Сложившаяся обстановка как будто бы свидетельствовала о том, что «партия Аллаха» в ближайшем будущем может и в самом деле стать единственной в стране. Но у шумного водоема «исламской революции» еще должно было разбиться много кувшинов.

**Месяц
девятый**
**ИСЛАМ
НЕ ЗНАЕТ
ГРАНИЦ!**

Робеспьер учил не только тому, как следует проводить революционную политику, но и тому, как не следует ее проводить:

— Чтобы довести до счастливого предела революцию, нужны отнюдь не какие-то частичные, бессвязные меры, и даже не преходящие порывы мудрости и энергии...

— Так расслабляют и дезорганизуют общественное мнение; воля общества делается бессильной и ничтожной, и патриотизм, лишенный системы, согласия и определенной цели, мечется мучительно и бесплодно, а иногда слепую горячностью содействует губительным проектам врагов нашей свободы.

В октябре 1979 г. — месяце, начавшемся в Исламской Республике Иран 9 мехра 1358 г., — определяющее влияние на развитие внутриполитической жизни страны оказывал лозунг «Ислам не знает границ!».

Первый день нового месяца был отмечен победными фанфарами, особенно громко звучавшими в городе Керманшахе, где открылся семинар командного состава Корпуса стражей исламской революции по обобщению итогов деятельности пасдаранов в Курдистане. Ораторы отмечали, что задачу взятия укреплений курдских демократов в Мехабаде, на что, по мнению армейских генералов, требова-

лось два месяца, «стражам» благодаря вере в Аллаха удалось решить в три дня. Предположения, высказывавшиеся в печати о возможности контрнаступления курдов с началом зимы, отменялись как смехотворные. Участники семинара приносили клятвы — перед памятью погибших в Курдистане 300 «стражей» — сражаться до последней капли крови ради защиты «исламской революции».

Но что там Курдистан! Главной задачей корпуса, заявил руководитель его оперативных мероприятий Абу-Шариф, является распространение «исламской революции» на все страны. Сначала, говорил он, надо «освободить» народы Палестины, Ливана, Афганистана, Эритреи, Филиппин, Ирака, а затем и другие «угнетенные народы во всем мире». Уже сейчас, по его словам, сказывается международное значение «исламской революции» в Иране: за последние месяцы деятельность мусульманских общин в странах, где они составляют меньшинство, стала более «свободной».

Так что там Курдистан?! Враги «исламской революции» подавлены, а все те, кто сдаст оружие и раскается, по нормам ислама и объявленной имамом амнистии будут прощены. Все, кроме их руководителей. Ведь это «бандиты», которые, как заявил И. Язди, при шахе поддерживались САВАК, а теперь установили контакты с сионистами; на этот счет есть доказательства, но еще не время предъявить их.

Спустя два дня в интервью Д. Форухара, пониженного к этому времени до ранга разъездного государственного министра без портфеля, прозвучали новые нотки: «Если мы пойдем в Курдистан не с целями крестового похода, то, несомненно, эта проблема будет решена. К тому же сейчас стало ясно, что в создании кризисной ситуации в западных районах Ирана главную роль сыграло баасистское правительство Ирака». Признав наличие в Курдистане «проблемы», государственный министр вместе с тем сообщил, что правительство еще не разработало конкретного плана социально-экономического развития этого и других национальных районов страны. Провинции, сказал он, должны получить большие полномочия, конечно, не автономию, но право на самоуправление.

Так что же Курдистан?

В Курдистане с каждым днем (а точнее, с каждой ночью) нарастают стычки партизан с правительственными силами, нападения из засад на военные эшелоны, жандармские посты на границе и даже бои на подступах

к городам, в том числе и к Мехабаду, где население оказывало партизанам посильную помощь. Значит, начатое правительством в прошлом месяце наступление не достигло цели? — задавалась вопросом печать. Зимние холода еще не наступили, а тысячи вооруженных курдских пешмерга (партизан-смертников) уже пытаются вернуть утраченные позиции в городах.

Соответственно усилилась критика действий правительства со стороны самых различных лиц и организаций. Аятолла Шариат-Мадари, не упуская случая подработать политический капитал, заявил, что никому не нужна война в Курдистане никогда бы не произошла, если бы власти вовремя уделили внимание требованиям пораженного нищетой курдского народа — хотя бы его материальным запросам, не говоря уже об автономии. Аятолла предложил свои услуги в решении курдского вопроса при том условии, что к нему официально обратятся с соответствующей просьбой обе конфликтующие стороны и правительство даст гарантии выполнения достигнутых договоренностей.

11 октября с письмом к Базаргану выступил Национальный фронт. Отмечалось, что в братоубийственной войне в Курдистане лучшие сыны родины гибнут вместо того, чтобы заниматься созидательной революционной деятельностью. Вина за это возлагалась на правительство, которое, упустив за прошедшие после победы революции месяцы многие возможности, избрало не путь удовлетворения разумных требований курдов, а путь вооруженной борьбы. Средства массовой информации, называя жителей большого и важного района страны «контрреволюционерами и бандитами», тем самым сеют семена вражды, возрождая в широких масштабах методы правления шахского режима и подрывая национальное взаимопонимание, достигнутое в ходе революции.

ЦК Народной партии Ирана выдвинул следующие предложения по мирному решению курдского вопроса: немедленное прекращение огня, ликвидация исламских полевых судов, переговоры в целях поиска политического выхода из тупика. Событиями в Курдистане, говорилось в заявлении ЦК НПИ, воспользовалась контрреволюция, и только мирное политическое решение проблемы позволит изолировать ее от курдского народа и лишит ее возможностей для продолжения контрреволюционных заговоров.

Но это мнение тех, кто и ранее стоял в оппозиции к правительству по данному вопросу. А вот и мнение пред-

ставителей центральных властей в Курдистане. Губернатор Маривана высказался за налаживание контактов между правительством и ДПИК. Жесткая политика в отношении этой партии, сказал он, заведет в еще более глубокий тупик, ибо жестокость порождает только жестокость; местное население целиком на стороне повстанцев, а 70% оружия они добыли в самом Иране. Высказывались нарекания и в том, что программа социально-экономического развития Курдистана все еще не начала проводиться в жизнь.

Центральные власти не сразу осознали необходимость изменения своей позиции. Выхавший в Курдистан для координации боевых действий против курдов новый министр обороны М. Чамран уверенно заявил, что правительственные войска, одержавшие стратегически важную победу в прошлом месяце, и сейчас способны сокрушить «мятежников». Военные командиры грозились дополнить новыми именами список убитых в прошлом месяце 600 и казненных исламскими судами 100 курдов. Расценивая последние операции повстанцев как «классические», командиры выражали уверенность, что их действиями руководят хорошо подготовленные офицеры Израиля и западных стран. А вернувшийся в это время из поездки в Курдистан Д. Форухар грозил Ираку вторжением на его территорию. «Исламская революция Ирана,— заявил он,— должна получить более широкие масштабы в мире и не может оставаться в рамках границ по существующим договорам».

Власти Ирана были близки к признанию того, что им не под силу организовать крупную операцию для подавления курдов. Тем более что с середины октября курдские города по ночам оказывались, по существу, во власти неуловимых пешмерга. 13 октября в Мехабаде был даже похищен специальный представитель премьер-министра Садек Зибакялам. Одновременно резко обострилась обстановка в Хузестане, где участились диверсионные акты на нефтепромыслах. В Белуджистане были сорваны выборы в городской совет Захедана. А в прикаспийском городе Энзели местные жители дали двухдневный уличный бой пасдаранам и добились их вывода из города.

Руководящие деятели правительства, представители центральных властей на местах, армейское командование все чаще стали высказывать мнение о необходимости искать мирные, политические средства решения курдской проблемы. Начальник Объединенного штаба генерал

Хосейн Шакер признал, что кризис в Курдистане не может быть ликвидирован военными методами. «Техран таймс» писала, что «едва ли в стране сейчас найдется политический или религиозный деятель, который бы верил в вооруженную победу в Курдистане». Одновременно распространялись слухи о тайных встречах отдельных правительственных лиц, в частности Форухара, с некоторыми курдскими деятелями, в том числе с шейхом Хосейни, а освобожденного курдами С. Зибакялама — с руководителями ДПИК. На страницы газет попали секретные материалы правительства Базаргана и личного представителя Хомейни в Курдистане о вооружении помещиков министром обороны Чамраном и рядом высших военных чинов, о зверствах отдельных войсковых частей, жертвами которых были сотни ни в чем не повинных мирных жителей. Банисадр заявил, что в создании нынешней сложной обстановки в Курдистане на 80% повинно правительство.

Тем временем бои в Курдистане уже шли на улицах многих городов, в том числе Сенендеджа, Букана и особенно Мехабада. Местное население с оружием в руках поддерживало отряды пешмерга. В Мехабаде курды сражались за каждую улицу, за каждый дом. В начале 20-х чисел армейские подразделения отступили из города, в котором остались в основном «стражи». Многие курдские организации — сторонники центральных властей стали заявлять о необходимости срочного решения проблемы путем мирных переговоров.

20 октября правительство выступило с заявлением по поводу проведенных Форухаром переговоров с курдскими лидерами. В заявлении говорилось, что правительство, всегда стоявшее за решение проблемы путем достижения взаимопонимания, приветствует усилия, направленные на прекращение вооруженных столкновений в Курдистане. Вслед за этим было передано обращение генерального прокурора к курдскому населению, в котором еще раз напоминалось об объявленной имамом амнистии всем, за исключением руководителей ДПИК.

21 октября в Куме состоялась четырехчасовая встреча Хомейни с Базарганом и членами его кабинета. Обсуждалось положение в Курдистане. Премьер вручил лидеру революции предложения курдских политических и религиозных руководителей, доставленные Форухаром. Они включали прекращение казней и освобождение всех курдских политических заключенных, вывод отрядов «стражей» и невмешательство армии во внутренние дела, пре-

доставление Курдистану национальной автономии в рамках Ирана.

Результаты состоявшегося совещания были раскрыты в интервью министра жилищного и городского строительства Мостафы Кятираи. По его словам, утвержденный план действий в Курдистане предусматривал одновременное использование трех методов решения курдской проблемы: 1) путь вооруженных действий (с целью поддерживать «господствующее положение» центрального правительства); 2) осуществление социально-экономических программ («правительство должно доказать курдам, что оно намерено служить им»); 3) политические переговоры («правительство готово вступить в контакты с курдами, если сочтет, что их требования являются разумными и приемлемыми»).

В тот же день Хомейни выступил с речью перед работниками центрального радио и телевидения. Повторив обвинения в адрес «иностранных агентов» и феодалов, стремящихся «раскромсать нашу страну на части, а потом совершить здесь переворот и покончить с исламом», он сказал:

— Мы могли бы в течение нескольких дней справиться в открытом бою с курдскими демократами, но мы ничего не можем поделать, поскольку демократы слились с курдским населением. Если мы начнем решительные действия против демократов, то погибнут многие мирные курды, женщины и дети... Мы не хотим такого положения. Мы хотим, чтобы курды сохранились, мы хотим сохранения мусульман. Пусть сами курды, верные исламу, очистят свои деревни и города от тех, кто выступает против ислама, пусть они отделятся от контрреволюционеров, выдадут их нам. Мы объявили амнистию для всех демократов, кроме нескольких руководителей. Мы не хотим братоубийства, мы хотим вести дела мирно, умеренно, по-братски. За это непродолжительное время мы не могли осуществить наши исламские программы, к тому же ислам еще не возрожден. Разве можно что-то исправлять тогда, когда нет порядка и идет война?..

Власти явно становились на путь маневрирования. Отвечая на вопрос, согласится ли правительство вести переговоры с Касемлу и Хосейни, Кятирай отметил, что имам, давая указания начать переговоры с курдами, эти имена не упоминал. А в ответе на вопрос, согласится ли правительство с принципом автономии, министр сказал, что суть вопроса не в термине, с которым правительство в прин-

ципе согласно, а в содержании, которое в него вкладывается.

Вечером 22 октября правительство провело заседание, на котором была создана комиссия по рассмотрению положения в Курдистане в составе министра обороны М. Чамрана, министра внутренних дел Х. Саббагияна и государственного министра, руководителя планово-бюджетной организации Э. Сахаби. Три представителя — три направления новой правительственной политики.

В последующие дни наметилось такое «разделение труда»: высшие военные чины, в том числе командующий сухопутными войсками генерал Феллахи, говорили о готовности армии нанести сокрушительный удар по повстанцам и решительно подавить деятельность ДПИК и феодалов, а второй и третий члены комиссии высказывались о политических переговорах как о единственном пути решения курдской проблемы, отмечали необходимость предоставить курдам «автономию под контролем центрального правительства» и даже возможность распространения амнистии на Хосейни и Касемлу.

27 октября канцелярия премьер-министра объявила о решении вновь направить в Курдистан комиссию, наделенную всей полнотой власти в решении культурных, военных, социально-экономических и финансовых вопросов, в составе — на этот раз — четырех человек. К трем прежним членам был добавлен Форухар. В этот же день их принял Хомейни. После аудиенции, продолжавшейся два часа, Саббагиян сообщил, что имам одобрил представленную ему программу работы комиссии, в частности предложения Форухара о расследовании деятельности исламских судов в курдских районах, выводе оттуда подразделений «стражей» и возложении задач по охране порядка на жандармерию и полицию.

Все это отнюдь не означало отказа властей от военного решения курдской проблемы. ЦК Народной партии указывал, что продолжение боевых действий параллельно с поиском политического решения в действительности приведет ни к чему иному, как скатыванию на тот же вооруженный путь, который практически срывает возможности единственно верного политического решения. Суть дела, следовательно, состояла в вынужденном характере предпринятых правительством шагов. 28 октября представители военного командования в Курдистане признали, что Мехабад уже более недели находится под полным контролем ДПИК. Под угрозой падения находились и другие го-

рода — Секкез, Сенендедж, Букан, Бане, где проходили многолюдные демонстрации местного населения.

29 октября шейх Хосейни в послании, опубликованном в Тегеране, изложил следующие условия, на которых «курдский народ мог простить преступников и тех, кто посягнул на его достоинство»: признание властями «полной автономии» Курдистана, ведение переговоров с «подлинными представителями курдского народа», поручение курдским революционным силам поддержания внутренней безопасности в Курдистане, исключение всякого вмешательства армии во внутренние дела Курдистана, которыми должны заниматься «курдская палата депутатов» и «курдское правительство». Отмечалось также, что решения органа по разработке конституции, не включающего ни одного представителя курдского народа, не будут обязательными для курдов.

И тем не менее 31 октября правительство и Объединенный штаб заявили, что всем вооруженным силам, действующим против повстанцев, — войскам, жандармерии, полиции и «стражам» — отдан приказ приостановить боевые операции в Курдистане. Отвечая взаимностью на эту акцию правительства, ДПИК, снова открывшая штаб-квартиру в Мехабаде, также призвала свои отряды воздержаться от любых вооруженных столкновений на период переговоров между представителями центрального правительства и курдскими руководителями.

В свете бескомпромиссного заявления Хосейни решение центрального правительства в одностороннем порядке прекратить военные действия и приступить к переговорам выглядело по меньшей мере странным. Но суть дела в какой-то степени прояснилась вскоре после прибытия в Мехабад 2 ноября правительственной миссии «доброй воли». В ходе переговоров, которые имели место и с представителями ДПИК, члены правительственной делегации, объявленной ранее полномочной комиссией, заявили, что их миссия сводится к восстановлению «порядка и безопасности» в районе, а также к рассмотрению требований курдского населения. Хотя при этом и высказывалась готовность властей предоставить курдским районам в будущем «какую-то форму самоуправления», делегация, как признал Саббагиян, вела переговоры с позиции силы. Со стороны командования воинских частей раздавались призывы к центральным властям отменить объявленное ранее прекращение огня. Газета «Мардом» сообщала о поступивших в ее распоряжение сведениях относительно

подготовленного армейскими кругами заговора в целях блокирования мирного пути решения курдской проблемы и возобновления в Курдистане братоубийственной войны.

Но в это время в Тегеране произошли события, которые с молниеносной быстротой перевели курдскую проблему, до сих пор первостепенную, на дальний план внутриполитической жизни Ирана. Всеобщее внимание переключилось на вопросы, казалось бы, не относящиеся к проблемам внутренней политики. Однако именно эти проблемы играли решающую роль во всем, что происходило в Исламской Республике.

Первопричина всего по-прежнему коренилась в неопределенности социально-экономического курса государственной политики. В прошлом месяце в Тегеране состоялся четырехдневный межведомственный семинар по экономическим вопросам. Он был призван наметить долгосрочные хозяйственные мероприятия в соответствии с учением ислама, обсудить пути ликвидации полной зависимости экономики страны от нефтяных доходов и проблему самообеспечения продовольствием. Спустя два дня после окончания работы семинара Бюро революционных программ опубликовало доклад об основах социально-экономического развития страны на ближайшие 22 года. В течение этого срока предполагалось достичь главной цели «исламской революции» — создание «бесклассового монотеистического общества», в котором душа, имущество и жизнь граждан принадлежат богу. В соответствии с этой целью были утверждены следующие принципы социально-экономической политики: экономика не средство процветания и развития, а средство сближения человека с богом; она удовлетворяет разумные и общепризнанные нужды общества без расточительства; между экономическими достижениями и моральными принципами должно быть равновесие; все граждане равноправны в пользовании дарами бога; им обеспечивается творческий и созидательный труд, поощряемый морально и материально, и т. д.

Намерение создать «экономику божественной гармонии» не снимало, разумеется, потребности в разработке конкретных мероприятий. И здесь пришлось проверять гармонию алгеброй.

Все большее значение приобретала проблема безработицы. В последний день прошлого месяца новый министр труда Али Эспахбоди заявил, что ее решение должно считаться более важным, чем разговоры о качественных изменениях в структуре промышленности и рентабельности

производства. Ввиду этого он настаивал на сохранении, хотя бы в ближайшие годы, достававшейся в наследство от шахского режима «монтажной промышленности», то есть сборочных предприятий, базирующихся на импортируемом сырье и деталях.

Осуществление программ развития, утверждал 10 октября директор Центрального банка Али Моулави, невозможно без помощи иностранных государств. А поскольку все страны находятся в состоянии «взаимозависимости», Иран не может оставаться в изоляции, учитывая недостаточное развитие его промышленности и неспособность удовлетворять все свои потребности. «Те, кто утверждает противоположное, — говорил Моулави, — враги Ирана».

Что касается Базаргана, то он все чаще признавал, что, несмотря на проведенные мероприятия, экономика страны остается нездоровой, а перспективы ее улучшения — весьма туманными. И в этой связи говорил о необходимости активизировать частный сектор.

Аятолла Шариат-Мадари 24 октября предложил рассматривать экономические трудности в тесной связи с общей политической обстановкой в стране, не обеспечивающей безопасности для капиталовложений и способствующей интенсивной утечке специалистов, недовольных жестокостями и притеснениями.

Таким образом, программа возрождения капиталистической структуры хозяйства и восстановления отношений с Западом закономерно порождала требования либерализации политической системы. И тем самым вольно или невольно ставилась под сомнение сама идея исламского общества, исламского правления. Не случайно Банисадр, главный теоретик и идеолог «экономики божественной гармонии», обвинял правительство Базаргана в том, что оно превратилось в инструмент «скрытой реставрации».

Непрекращающиеся нападки на премьера со стороны Банисадра и других видных представителей исламских кругов обрекли на неудачу все усилия правительства добиться прекращения критических замечаний в свой адрес.

В такой обстановке с начала октября вновь стала оживляться критика Базаргана и со стороны либеральных кругов, в частности некогда тесно связанного с ним Национального фронта. В открытом письме НФ на имя премьера говорилось, что правительство вместо создания в стране действительно национального и народного строя практически поддалось безответственным, но имеющим власть элементам и проводит курс, противоречащий его собственным

заявлениям и целям революции. Обстановка удушения постепенно охватывает всю страну, а деспотизм правящих верхов религиозной прослойки уводит «нашу великую национальную и исламскую революцию» с истинного пути.

Критика властей с либеральных позиций нашла отражение и в октябрьском номере журнала «Ираниян», выразившего недовольство «официально санкционированным беззаконием, произвольным захватом собственности и арестами, жестокостью неопытных и несдержанных пасдаранов, жестокостью первобытного правосудия в отношении сторонников иных мировоззрений». Журнал осуждал официальную линию, согласно которой все недовольные положением в стране автоматически объявляются агентами сионизма, империализма и САВАК, а любого человека или группу, осмеливающихся возражать против действий «политических выскочек, всплывших на волне революции», зачисляют в разряд «вездесущих контрреволюционеров», «марионеток Запада» и т. п.

Одновременно росла критика кабинета Базаргапа и со стороны левых кругов. Руководство ЦК Народной партии Ирана выдвинуло требования передачи национализированных предприятий в руки избранных представителей рабочих и служащих, осуществления извечной мечты крестьян о земле, проведения основательной «чистки» практически не подвергнувшегося изменениям государственного аппарата от сторонников прошлого режима и империализма (а не от лиц, недостаточно рьяно выполняющих религиозные предписания). Состоявшийся в начале октября пленум ЦК НПИ констатировал серьезный поворот вправо, затронувший политическую и социальную жизнь страны, а также экономическую и военную области.

Критика правительства Базаргапа левыми и либеральными кругами практически затрагивала в той или иной степени и форму и высшее религиозное руководство. Последнее, однако, продолжало планомерно проводить в жизнь мероприятия по исламизации всей государственной и общественной структуры.

Как и прежде, особое внимание уделялось вооруженным силам. 7 октября в связи с трудностями очередного воинского набора Хомейни, считавшийся верховным главнокомандующим вооруженными силами, отдал приказ о продлении срока призыва на военную службу на два месяца; вместе с тем он вновь указал на необходимость строгого соблюдения принципа воинской субординации

и недопущения развала армии. Новый министр обороны М. Чамран сделал ряд заявлений о предстоящей «чистке», начиная с высшего командного состава, с тем чтобы привести армию в соответствие с целями «исламской революции». В ней, по его словам, могли остаться лишь те, кто предан исламу и руководству страны. Однако власти активно пользовались помощью ряда высокопоставленных офицеров шахской армии и службы безопасности, в частности генералов Фардуста и Карабаги. Первый был другом детства бывшего монарха, второй — начальником штаба вооруженных сил шаха; оба принимали самое непосредственное участие в переговорах военных с эмиссарами Хомейни накануне февральского вооруженного восстания в Тегеране. Сообщалось также о сохранении почти в неприкосновенности управлений САВАК, занимавшихся делами «коммунистов», племен и контрразведкой; в этих вопросах с Чамраном сотрудничали высокопоставленные деятели старой службы — генералы Фразия и Кава.

Придавая важное значение созданию исламских органов местной власти, религиозное руководство продолжало ограничивать деятельность проявляющих самостоятельность комитетов и трибуналов. С этой целью по-прежнему использовалось недовольство населения самоуправством некоторых из этих низовых органов революционной власти, хотя их разложение и деморализация в значительной мере были следствием политики властей, искусно вплетавших в сложившуюся в ходе антишахской борьбы систему местной власти свою креатуру в лице Корпуса стражей исламской революции. Представитель Хомейни в Тебризе аятолла Х. Табатабаи публично жаловался на то, что «стражи», проявляя некомпетентность и своеволие, действуют так же, как в прошлом саваковцы, а комитеты, не подчиняющиеся даже Центральному комитету, далеки от идей «исламской революции». Последовавшее спустя некоторое время убийство аятоллы Табатабаи неизвестными лицами как бы подтвердило справедливость этой жалобы. Аналогичные сообщения поступали и из других мест. Губернатор Западного Азербайджана, например, утверждал, что «стражи» несут главную ответственность за напряженность в курдских районах. Хомейни вновь приказал приостановить все казни по политическим мотивам до дальнейшего уведомления и призвал строже пресекать деятельность независимых комитетов.

В вопросах создания новой структуры местных органов власти Хомейни исходил из своих общих представлений

об исламе и демократии. Слово «ислам», говорил он в одном из интервью, не нуждается в таких определениях, как «демократический», и потому было бы прискорбно ставить рядом какое-то другое слово, уточнять его. Далее Хомейни отметил, что демократия вообще не имеет «конкретного, неизменного» смысла. «Демократия Аристотеля — это одно, советская демократия — это другое, а демократия капиталистов — это уже третье. Мы не можем позволить себе отвести в нашей конституции место для такой туманной концепции». Ислам же рассматривался как учение, имеющее и конкретное, и неизменное во все времена содержание.

12 октября наконец состоялись давно обещанные выборы в городские советы. Они проводились без предварительного принятия закона, определяющего цели и задачи новых органов. Накануне выборов Хомейни заявил, что советы будут построены на основе положений Корана, и призвал избрать в них лиц, верных делу ислама. Некоторые наблюдатели объясняли поспешный характер организации выборов тем, что они проводились в память аятоллы Талегани (именно он предложил создать советы как демократические органы местной власти, основанные на сотрудничестве всех политических течений) или, скорее, с целью предотвратить протесты против их задержки с использованием имени покойного аятоллы.

Выборы состоялись в 156 городах (в Курдистане их отложили до восстановления «спокойствия», а в шести наиболее крупных городах страны — до принятия положения об избирательных округах). Но официальные данные о результатах опубликованы не были. Как стало известно, в ряде городов (Реште, Сари и др.) в выборах, не обошедшихся без инцидентов, участвовали не более 8% избирателей. Высказывалось предположение, что в других городах был примерно такой же процент принявших участие в голосовании. Диссидентствующий аятолла Шариат-Мадари объяснял это утратой населением «надежд и внутреннего подъема».

В те же дни в иранскую прессу просочились сведения о новых трудностях, возникших в ходе работы Совета по рассмотрению проекта конституции. Если в начале месяца предполагалось, что он закончит работу 22 октября и до конца года будут проведены референдум по одобрению конституции и выборы президента и парламента, то теперь стало ясно, что создание новой государственной структуры не удастся осуществить в такой срок.

Летом 1979 г., когда был опубликован проект конституции, многие возражения против него были связаны с положениями о полномочиях президента, за которым предусматривались такие права, как контроль над исполнительной властью и вооруженными силами, назначение членов правительства, наложение «вето» на законы и роспуск парламента. «Только очень наивного человека, — говорил в то время руководитель Национально-демократического фронта Матин-Дафтари, — такие полномочия не побудили бы стать деспотом». Против предоставления президенту столь широких прав выступили даже такие близкие к Хомейни лица, как Садек Табатабаи, занимавший пост заместителя премьер-министра, и доктор правоведения Хасан Хабиби, принимавший участие в разработке проекта конституции. Считая, что подобные полномочия превзойдут фактически даже власть шаха, они выступили за серьезное ограничение прерогатив главы государства.

Теперь баталии в Совете экспертов были связаны с проблемами полномочий не президента, а «верховного вождя» — факиха. Изменения, внесенные по указанию Хомейни в опубликованный ранее проект конституции, предусматривали за факихом такие права: назначение главнокомандующего вооруженными силами и командующих родов войск, а также состава Верховного суда, объявление войны и заключение мира, наложение «вето» на кандидатуры на пост президента, утверждение последнего после избрания всенародным голосованием и даже — с согласия Верховного суда или парламента — его смещение «в интересах государства». Наблюдательному совету за осуществлением конституции, половина членов которого назначалась факихом из духовенства, предоставлялось фактически право налагать «вето» на любое парламентское решение, хотя парламента, так же как и президент, должен был избираться путем всенародного голосования. В то же время над факихом и Наблюдательным советом не предусматривалось никакого контроля. «Дейли телеграф» писала, что, хотя практически шах имел меньшую или «аналогичную» верховную власть, его полномочия не были узаконены так официально, как нынешние полномочия Хомейни».

Эти статьи конституции, одобренные 14 октября после бурного пятидневного обсуждения, подверглись резкой критике. Аятолла Макарам Ширази заявил, что их принятие означает «фактическое отрицание суверенитета иранского народа». Аналогичное мнение высказал адвокат из

Иранского Азербайджана Рахматолла Мокаддам-Марагеп, один из четырех гражданских членов Совета экспертов. Даже было выдвинуто требование роспуска Совета экспертов. Вне совета со своими возражениями выступили премьер-министр Базарган и государственный министр, руководитель планово-бюджетной организации Эзатолла Сахаби.

Аятолла Шариат-Мадари, не являвшийся членом Совета экспертов, использовал обсуждения в этом собрании для более широкой критики властей. Он еще раньше настаивал на том, что, поскольку понятие «веляйте факих» двусмысленно и спорно в исламской юриспруденции (многие интерпретируют его как моральное — а не политическое — руководство и даже как финансовое опекунов над детьми и умственно отсталыми), его не следует включать в конституцию. В любом случае, заявлял Шариат-Мадари, факих не должен вмешиваться в дела президента и других официальных лиц, избранных народом. Аятолла предупредил, что соответствующие положения конституции приведут к нарушению координации действий между премьер-министром, наделенным исполнительной властью, и президентом, который, формально осуществляя функции главы государства, не несет прямой ответственности за дела страны. В то же время Шариат-Мадари подверг критике радио, телевидение и прессу за цензуру и проявляющиеся в официальной политике тенденции к изоляции Ирана на международной арене. Ислам, сказал он, исключает фашизм и диктатуру.

Вечером 22 октября тегеранское радио передало речь Хомейни. В безличной и резкой форме он обрушился на своих оппонентов среди духовенства, назвав их уклонистами, не сведущими в исламе. Выступать против принципа «веляйте факих» под видом критики диктатуры, сказал он, значит работать на прежний режим и его заокеанских хозяев. В отношении требования распустить Совет экспертов Хомейни заявил: принцип «веляйте факих» выдвинут не этим советом, а предопределен богом. «Против нации вам не выстоять. Вы не получили ни одного голоса. Вы — в меньшинстве, и вы пытаетесь управлять большинством с помощью письменных выступлений. Вы — наглецы». Затем аятолла прибег к своей обычной угрозе: перья его противников будут сломаны так же, как штыки шаха.

Западные информационные агентства обратили внимание на то, что в речи Хомейни проскальзывали опасения

за судьбу исламского режима. А иранцы говорили, что имам в этот раз был подобен башне со змеиным ядом.

Тем не менее, несмотря на ограничения свободы слова и печати, стали вновь проявляться, правда тщательно завуалированные, критические выступления в адрес Хомейни и вообще религиозного руководства. 26 октября Национальный фронт заявил, что, хотя история знала немало примеров, когда определенная светская или духовная личность выдвигалась народом в вожди, такие широкие полномочия, как предоставленные факиху, никогда еще не закреплялись конституционным путем. Одновременно НФ критически отозвался о состоявшихся 12 октября выборах в городские советы, не ставшие основой демократии. Монополизировавшая власть Исламская республиканская партия, будучи занята в Совете экспертов дискуссиями, далекими от вопросов установления народной власти, не смогла осуществить полный контроль над выборами, и их результаты красноречиво показали отношение масс к создаваемой исламской государственной структуре.

В брошюре, изданной по случаю 30-летия Национального фронта, присутствовало требование пересмотреть все решения Совета экспертов и заново приступить к созданию революционной структуры государственной власти. Для этого следовало распустить Исламский революционный совет, а комитеты, Корпус стражей исламской революции и другие центры власти, если в них есть необходимость, передать под контроль правительства. Его тоже подвергнуть коренной реорганизации с целью превращения в представительство различных слоев и политических сил общества. Не подвергая сомнению руководящую роль самого Хомейни, НФ предлагал отстранить от власти религиозные круги, которые монополизировали руководство общественной и политической жизнью, что чревато угрозой возникновения «своего рода фашизма». Далее следовали требования подлинной свободы слова, ликвидации цензуры в печати, на радио и телевидении, с тем чтобы обеспечить всем политическим силам право участвовать в определении судьбы государства.

В те же дни Ассоциация бывших политических заключенных на пресс-конференции для местных и иностранных журналистов сообщила о наличии в Иране свыше 1500 политических узников, в основном из вновь арестованных политзаключенных бывшего шахского режима (главным образом феодалов и моджахединов). По сведениям ассоциации, власти подготовили список 4 тысяч бывших

политзаключенных и борцов за свободу и независимость Ирана, которых предполагается арестовать при удобном случае. Приводились факты расстрела 130 заключенных после вынесения им смертных приговоров на тайных заседаниях (без права на защиту), использования кадровых специалистов САВАК, применения пыток (избиение кнутами, проводами, палками, заковывание в цепи) и методов психологического воздействия (имитация церемоний расстрелов и т. п.), характерных для шахского режима. Отмечалось также, что политзаключенных обычно обвиняют в связях с политическими, студенческими и рабочими организациями, в распространении листовок, деятельности по защите прав народов Ирана.

О реакции некоторых представителей властей на новую волну критики режима лондонский журнал «Миддл ист» в октябрьском номере писал: «Политические деятели в Иране считают, что на карту поставлено не исламское содержание революции, а ее форма. Но это представляется неверным истолкованием настроения масс, которые полагают, что с исламской формой все в порядке, но что ожидавшихся радикальных социальных перемен, жилья и работы для народа, более низких цен на продукты питания и дома пока еще не приходится ожидать».

Именно настроения масс были, несмотря на жесткие меры властей, питательной почвой для выступлений против политики режима.

Экономический кризис, продолжающийся рост стоимости жизни и безработицы, коррупция и спекуляция способствовали оживлению подавленного на некоторое время массового недовольства. Многие обитатели городских трущоб, откликнувшись на призыв Хомейни, отправились летом в деревню, чтобы оказать добровольную помощь крестьянам (или своим семьям). По окончании работ почти все они вернулись в города, где вновь пополнили армию безработных.

И с осени опять начались выступления против безработицы. 1 и 2 октября в Тегеране состоялись тысячные демонстрации, в ходе которых выдвигались и такие лозунги: «Смерть фашистскому режиму!», «Смерть исламской республике!» и т. п. 4 октября правительство запретило любые не санкционированные властями митинги, собрания и демонстрации; в борьбу с «беспорядками» активно вовлекались пасдараны. Через две недели в результате вмешательства «стражей» в конфликт, происшедший в порту Энзели на Каспийском море между рыбаками-браконьера-

ми и рыболовецкой артелью, 16 человек было убито и более 300 ранено.

Последние дни октября характеризовались народными выступлениями, авангардную роль в которых играли студенчество и вообще молодежь.

24 октября многотысячные группы студентов захватили четыре крупнейшие тегеранские гостиницы. В интервью корреспондентам их представители сообщили, что в течение нескольких месяцев они обращались к своему руководству и правительственным организациям с просьбой разрешить их жилищную проблему. Кроме обещаний, ничего не получали; поэтому они и предприняли захват гостиниц, владельцы которых являются крупными капиталистами и поддерживают тесные связи с международным империализмом. Наша революция, подчеркнули студенты, как раз призвана «укоротить руки капиталистам». Был захвачен также ряд вилл тегеранских богачей.

В тот же день по улицам прошли демонстрации учащихся, протестующих против высокой платы за обучение в частных школах. На митинге в Тегеранском политехническом институте студенты приняли резолюцию с требованиями бесплатного обучения в школах, открытия вечерних школ для рабочей молодежи, свободы избрания студенческих советов и предоставления учащимся свободы политической деятельности, пересмотра учебников шахского режима.

Власти приняли срочные меры против разбушевавшихся студентов. Прокурор Тегерана, квалифицировав захват гостиниц и вилл как незаконный, направил на выселение студентов отряды «стражей». Однако студенты не сдавались.

29 октября в Тегеране и других городах повторились студенческие демонстрации. На них напали группы погромщиков, объявившие себя сторонниками Хомейни. Шести студентам были нанесены ножевые ранения.

Наиболее крупными были демонстрации студентов и школьников Тебриза, выразивших свою солидарность с учащимися профессионально-технических училищ, уже в течение 10 дней проводивших сидячую забастовку в провинциальном управлении просвещения и требовавших освобождения четырех учащихся, арестованных накануне за участие в забастовке. На демонстрантов напали погромщики, вооруженные дубинками и цепями. В результате десятки человек получили ранения. В городе закрылись многие магазины, остановилось движение автотранспорта.

Демонстрации и митинги студентов и учащихся сами по себе были не новым явлением в послефевральском Иране. Изменились их требования: они стали антикапиталистическими и в ряде случаев даже антирежимными. Выступления молодежи сливались с борьбой рабочих за превращение комитетов на предприятиях в реальное орудие защиты их интересов, с движением безработных за право на труд, с борьбой безземельных крестьян за землю.

Активное участие в демонстрациях приняли девушки и женщины. Женский вопрос, казалось бы, отошедший на задний план, вновь всплыл на поверхность. Причиной послужили раздельное обучение в университетах и других учебных заведениях, отсутствие гарантированного права на развод в исламских законоположениях и т. д. 29 октября Хомейни выступил по радио с разъяснениями, что женщина может подать на развод, если зафиксировала это условие в брачном контракте, если муж плохо с ней обращается или женился на другой женщине. Однако многочисленные оговорки сводили на нет декларируемое право.

30 октября несколько сот женщин и девушек, называвших себя членами Революционного союза борющихся женщин, устроили демонстрацию на главном проспекте Тегерана — улице Мосаддыка. Они требовали равных прав на развод и на получение работы, а также предоставления женщинам-юристам права занимать посты судей. Вскоре демонстрацию сорвала более чем тысячная толпа мужчин (некоторые были вооружены ножами), выкрикивавших: «Плохих женщин надо вешать!», «Ислам победил, левые и правые уничтожены!»

Таким образом, спокойствие, достигнутое в стране после августовского удара по левым и либеральным силам, оказалось весьма кратковременным и относительным. Оживление критических выступлений оппозиционных политических сил и признаки нового подъема массовой борьбы в защиту материальных интересов и социальных прав различных слоев населения ставили перед духовенством и вообще исламским политическим движением задачи закрепления своего влияния на массы и удержания контроля над возможностями их мобилизации в собственных целях. Выполнить такие задачи исламское политическое движение, разумеется, могло, лишь прислушиваясь к требованиям народа. Однако различные течения этого многоликого движения по-разному пытались трансформировать настроения масс в конкретные политические действия.

Особенно часто использовалось такое, становившееся традиционным, средство, как организация «демонстраций солидарности между имамом и народом». Так, 26 октября в Тегеране были проведены манифестации под лозунгами: «Мы все — твои солдаты, Хомейни», «Руководство Хомейни — основа нашего единства» и т. п. На митинге в университете была зачитана резолюция, в которой осуждались все «заговоры», направленные на ослабление руководящей роли имама, и особенно колониалистская политика США и Израиля в... Курдистане. В заключение резолюция призвала армию и «стражей» закончить «чистку» этого района. Объединенный штаб вооруженных сил со своей стороны в специальном заявлении подчеркнул преданность армии имаму и «исламской революции» и солидарность с народом в деле защиты территориальной целостности и независимости Ирана. Такие же «демонстрации солидарности» организовывались и в других городах. В ряде курдских местностей они были забросаны камнями и сорваны.

Нетрадиционным ответом на активизацию масс было объявленное 28 октября решение исламской политической организации Революционное движение мусульманского народа Ирана о выходе из кабинета Базаргана трех ее членов. В открытых письмах на имя Хомейни и Базаргана министр здравоохранения Казем Сами объяснял свою отставку тем, что ИРС и правительство не смогли обеспечить реализацию целей революции и установление в стране исламского правления. Выборы в городские советы свидетельствовали об усилившемся разочаровании и равнодушии народа к судьбе революции, в результате чего между руководством и народом возникла пропасть. Наличие группировок и фракций в правительстве, соперничающих из-за власти, и цензуры в средствах массовой информации, особенно на радио и телевидении, не только лишает ответственных работников государственного аппарата чувства уверенности в завтрашнем дне и необходимой безопасности, но и препятствует осуществлению революционных преобразований, отмечал он. Власти не провели никаких действительно радикальных мероприятий, а под предлогом спасения ислама и уничтожения контрреволюции убрали с политической арены прогрессивные группировки, подготовив тем самым почву для абсолютизма. Правительство сотрудничает с бывшими деятелями САВАК, стремится восстановить шахский бюрократический аппарат. Выход из положения Сами видел в том, чтобы Хомейни находился

среди народа и мог без посредников быть в курсе настроений и требований населения.

Разоблачения К. Сами вызвали скандал в правительственных сферах. Его ближайшим практическим результатом стала кампания части духовенства против командующего иранским военно-морским флотом и генерал-губернатора провинции Хузестан адмирала Ахмеда Мадани, обвиненного (и не без оснований) в использовании в качестве своих советников сотрудников САВАК. Считавшийся «сильным человеком» в армии, 50-летний адмирал получил довольно большую популярность в зажиточной среде и даже претендовал на пост президента республики. В ответ на начатую против него кампанию Мадани в начале ноября подал Базаргану прошение об отставке с поста генерал-губернатора (позже он бежал из страны). Вопрос же о том, кто несет ответственность за такой курс политики, который, в частности, позволяет использовать сотрудников шахской тайной полиции, остался открытым.

Другие представители исламского политического движения были не прочь обратить разоблачения Сами против правительства Базаргана, тем более что его высказывания кое в чем совпадали с их критикой в адрес кабинета. Так, Сами утверждал, что единственный путь решения основных проблем страны — осуществление программы ввода в действие промышленных и сельскохозяйственных предприятий и оживление торговли. Но правительство своими необдуманными действиями, в частности решением о повышении минимальной заработной платы, еще больше затруднило восстановление деятельности сферы материального производства и обслуживания. Поэтому, заключал Сами, население видит, что его требования и надежды не осуществлены, а в обществе по-прежнему царят экономические отношения времен шахского режима.

Резко усилившаяся в октябре критика Базаргана со стороны исламских группировок направлялась как против внутренней, так и против внешней политики его правительства. В резолюции, представленной религиозными деятелями на одном из массовых митингов, выражалась глубокая тревога по поводу консервативного характера правительственного курса и выдвигалось требование революционного подхода к проведению реформ и особенно к «чистке» административного аппарата. Подобные настроения довольно часто высказывались и на страницах газеты «Энгелабе эслами», издававшейся группировкой Банисадра. Газета, в частности, отмечала, что США получают из Ира-

на почти столько же нефти, как и до революции, и продолжают обогащаться на поставках в страну запасных частей для вооружений.

Кстати сказать, антиамериканские разоблачения также получили большое распространение на страницах печати, выражавшей взгляды самых различных секторов исламского политического движения. Но и здесь проявлялись различные формы трансформации антиимпериалистических настроений: требования ликвидации зависимости народного хозяйства страны от империализма подменялись громогласными, трескучими разоблачениями «иностранных заговоров». Особенно в этом отличилась газета «Джом-хурийе эслами», орган Исламской республиканской партии.

Наибольшую активность проявляло экстремистское течение исламского политического движения. Руководитель одной из группировок, составляющих это течение, сын аятоллы Монтазери шейх Мохаммед в прошлые месяцы прогремел на всю страну вооруженными захватами международного аэропорта иранской столицы, несколькими выездами из Ирана за рубеж с просроченным паспортом, без оформления официального разрешения и даже несмотря на приказ правительства о его аресте, а также попытками послать в некоторые страны Ближнего Востока большой вооруженный отряд. В своих интервью за рубежом он не раз подвергал критике правительство Базаргана.

9 октября шейх Мохаммед Монтазери устроил в тегеранской штаб-квартире своей Революционной организации народных масс исламской республики пресс-конференцию для местных и иностранных журналистов. В объявлении об этом, помещенном накануне в печати, шейх обещал приоткрыть занавес над заговорами агентов империализма и сионизма в Иране. В ходе пресс-конференции к числу таких агентов он отнес членов правительства — Язди, Базаргана, Чамрана, Саббагияна, а также Амир-Энтезама. Основная суть пресс-конференции получила выражение в следующем заявлении Монтазери-младшего: «Нужна революция в революции». Сторонники шейха обещали полицейским, оценившим район пресс-конференции на улице Мотакхари, сравнить ее с землей в случае, если те попытаются войти в штаб-квартиру организации.

Призывы экстремистских исламских группировок к «новой революции» были фактически еще одним способом трансформации антикапиталистических требований прогрессивных сил. Корреспонденты английского журнала

«Мидл ист» в сентябрьском номере приводили следующие слова одного иранца: «Нам надо начинать нашу вторую революцию. Первая революция дала нам бога и независимость, теперь мы хотим свободы и благополучия». Один из лидеров фedaинов, имея в виду базарных торговцев, заявил тем же корреспондентам: «Правительство является подлинным представителем этого нового динамичного капиталистического класса, естественным союзником которого рано или поздно будут снова США. Его путь — это путь капиталистического развития. До тех пор, пока они будут молиться и ратовать за единство, с Хомейни у них не будет никаких конфликтов».

Подобного рода заявления, призывы ко «второй революции» и устранению из правительства «агентов империализма и сионизма», раздававшиеся со стороны самых различных, в том числе и исламских, политических группировок, естественно, доходили до высшего религиозного руководства. И если нападки на Базаргана можно было использовать с целью отвести недовольство общественности от правящего духовенства, то выпады против Язди и других лиц, составлявших ближайшее окружение Хомейни еще в эмиграции, представляли потенциальную опасность для лидера революции. Одна из иранских газет поместила карикатуру: Иран и США играют в шахматы, а среди пешек дяди Сэма — Язди и Готбзаде. Не только в Иране, но и в ряде арабских стран пресса называла их «американскими лобби».

Итак, «вторая революция»... США... Язди... Базарган... Последний с каждым днем чувствовал себя все более неугодно в кресле премьер-министра. В интервью, опубликованном в западной печати 28 октября, он говорил, что в его руки вложили рукоятку ножа, а лезвие держат другие. Признав — в противоположность своим прошлым высказываниям — опасность установления в Иране «клерикальной диктатуры», Базарган, однако, охарактеризовал Хомейни как человека, не являющегося политическим деятелем и не разбирающегося в технике управления государством. Спустя несколько дней он, наверное, изменит это мнение.

24 октября внук Хомейни в интервью одной из ливанских газет заявил, что для «исламской революции» в Иране, испытывающей многие трудности, самой опасной являются даже не курдская и подобные ей проблемы, а то, что в революционных рядах засели «оппортунисты», представители которых стоят у власти. Поэтому иранский народ, сказал Хомейни-младший, начал сознавать необходимость

свершения «другой революции», чтобы нанести сокрушительный удар по «оппортунистам» и «лицемерам». Народ, отметил он, понимает, что для него победа революции важнее, чем стабилизация власти.

Что увидит молодой в зеркале, старик в сыром кирпиче может видеть.

Народ! С каким поразительным единодушием и самоотверженностью еще девять месяцев назад он выступал против монарха и США. Сегодня он уже не хочет рассматривать все свои тяготы и лишения только как результат «происков шаха» и «иностранных заговоров». Но неужели тот огонь совсем погас? Неужели разбился тот кувшин и разлилась та чаша? Нет. И сегодня ничто не может объединять народ сильнее, чем разоблачения свергнутого шаха и злодеяний США,— когда речь заходит об этом, даже политические группы оставляют в сторону все разногласия. «А если бы пожелал Аллах, то Он сделал бы вас единым народом, но... чтобы испытать вас в том, что Он даровал вам. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах!.. Соберите тех, кто тиранствовал, с их сотоварищами и тем, чему они поклонялись, помимо Аллаха, и отведите их на путь геенны...»

Ночь беременна — что родит утро?..

**Летучий
голландец**
(К новым
победам
ислама)

35-летний Робеспьер, казалось, знал все на свете:

— ...Есть две двери для выхода из состояния болезни — естественный и спасительный кризис и смерть. Является ли спасительным кризисом то, что укрепляет очаг наших болезней, то, что увеличивает могущество наших врагов и сообразно их намерениям? Вы говорите, что мы идем драться с иностранными врагами... Но если эти иностранные враги лишь способ, к которому прибегают другие, чтобы освободиться от врагов внутренних?.. Движение, говорите вы, нужно движение. Но не рукам и ногам надо сообщить движение... надо приводить в движение души;

— Секрет свободы в том, чтобы просвещать людей, так же как секрет тирании в том, чтобы держать их в невежестве.

Имам Хомейни не зря постоянно говорил, что все положения Корана всегда соответствуют условиям времени и места. В одной из сур священной книги есть такой стих: «И как же, когда их упокоят ангелы, они будут бить их по лицам и по хребтам!» 16 января 1979 г., или 26 дея 1357 г., ангелы еще не упокоили шаха Мохаммеда Резу Пехлеви, но они уже начали его бить. «Поистине, для тиранов — наказание мучительное!»

В этот день в тегеранском аэропорту Мехрабад состоя-

лись проводы монарха. «Я еду в отпуск, — сказал он, — потому что чувствую себя очень усталым». Держа под руку закутанную в меха шахию, с коробочкой иранской земли в кармане, шах прошел под Кораном, как принято у мусульман перед началом путешествия, и направился к своему серебристо-голубому «Боингу-707». В глазах шахиншаха — царя царей — стояли слезы, когда с верхней ступени трапа он помахал рукой провожавшим и бросил последний взгляд на гору Эльбурс. Затем он прошел к креслу пилота, поднял самолет в воздух, сделал круг над Тегераном и... отправился в политическое небытие.

Первые две недели изгнания шах провел в Египте, в курортном городе Асуан, где президент Анвар Садат оказал своему другу блестящий прием. Но все омрачали мучительные раздумья о том, что делать дальше. Поселиться в Соединенных Штатах и тем самым окончательно скомпрометировать себя в Иране? И где гарантии того, что в США с ним станут обращаться как с главой государства, а не как с богатым беженцем? Шах считал, — и об этом он еще напишет в очередной книге своих мемуаров, — что администрация президента Джими Картера предала его. Не лучше ли предпринять поездку по столицам дружественных стран? Если там его будут встречать как главу государства, это облегчит ему возможность со временем вернуться в Иран.

В начале февраля 1979 г. Мохаммед Реза собрался в Марокко. Прощание с Садатом было трогательным. Президент, провожавший своего друга под залпы 16 орудий, расцеловал шаха в обе щеки и заверил, что будет рад снова принять царя царей.

В Марракеше, столице Марокко, где ему был оказан не столь помпезный прием, как в Асуане, странствующий монарх получил возможность осознать случившееся. Марокканские руководители приказали местной печати не освещать прибытие шахской четы, моментально увезенной в отдаленную резиденцию. На публичных церемониях шах не появлялся — скорее по настоянию властей, чем по своей воле. Король Хасан не горел желанием общаться с человеком, к титулу которого добавилась приставка «экс».

Перед бывшим монархом встала проблема — где обрести пристанище. А еще недавно его принимали во многих странах мира с распростертыми объятиями в надежде на коммерческие и промышленные контракты.

Отвергнув из-за обиды Соединенные Штаты и Францию, потому что там жил в эмиграции аятолла Хомейни,

Мохаммед Реза подумывал обосноваться в Великобритании. В графстве Суррей ему принадлежал великолепный особняк, окруженный парком. И здесь его постигло разочарование. Английское правительство, которое в октябре прошлого года заявило устами министра иностранных дел Дэвида Оуэна, что Лондон поддержит шаха, «потому что подлинные друзья — те, которые помогают в трудное время», сообщило, что его присутствие в стране нежелательно. По мотивам безопасности шаха, как было указано. По мотивам безопасности интересов английских монополий в Иране, как следовало понимать.

Затем последовала серия других отказов. Даже Швейцария, где шахской семье принадлежала роскошная вилла в Сен-Морисе, не пожелала принять гостя, который прежде был желанным. Власти ФРГ конфиденциально разъяснили, что возможная просьба о предоставлении убежища была бы нежелательной, учитывая большое число иранцев, настроенных против шаха, которые живут и работают в стране.

Куда же направиться? В ЮАР? Там его встретили бы с распростертыми объятиями, но он чувствовал бы себя исключенным из международной политической и светской жизни. Проглотив много горьких пилюль, шах в конце марта отправился на Багамские острова с визой, ограниченной двухмесячным сроком. 10 июня он перебрался в Мексику с туристской визой, действительной три месяца. Здесь он и продиктовал английской машинистке большую часть своего «Ответа истории».

Что касается нового иранского режима, то он с самого начала предпочитал, чтобы шах держал свой «ответ истории» в Иране перед судом исламского революционного трибунала. Уже в феврале в выступлениях Хомейни неоднократно ставился вопрос о выдаче Ирану беглого монарха. С аналогичными заявлениями выступали другие государственные деятели. В конце февраля газеты сообщали, что власти подготовили все необходимое для процесса, зарезервировав, в частности, стадион на 12 тыс. мест и создав совет присяжных из духовенства и представителей интеллигенции, студентов, рабочих, предпринимателей. Не хватало только одного — самого обвиняемого. Затем появились сообщения о возможности организации заочного суда.

Предпринимались и определенные шаги с целью возвращения в Иран шаха для суда. В начале марта тогдашний министр иностранных дел Ирана Санджаби заявил,

что «предоставление убежища этому человеку любым правительством и под каким бы то ни было предлогом будет осуждено иранским правительством и окажет отрицательное воздействие на будущие отношения Ирана с такими странами». Было объявлено также, что паспорта шаха, членов его семьи и свиты из 54 человек не имеют законной силы и что поэтому выдача им любых виз и предоставление убежища будут рассматриваться как недружественные акты по отношению к Ирану.

Одновременно принимались меры и по возвращению в Иран награбленных шахом богатств. Уже в феврале иранское правительство уведомило Швейцарию о национализации всей собственности шаха и его семьи и просило прекратить выплаты по их счетам в местных банках. Швейцарские власти отказали Ирану в этой просьбе, рекомендуя обратиться в суд.

Для полной дискредитации бывшего монарха перед мировым общественным мнением некоторые иранские газеты в марте — апреле расширили публикацию антишахских материалов.

В мае — июне мировая пресса неоднократно сообщала о вынесении в Иране заочного смертного приговора шаху и членам его семьи. При этом приводились заявления аятоллы Хальхали, называвшего себя главой Чрезвычайного исламского революционного трибунала, о том, что любой человек, который убьет шаха, членов его семьи и помощников, будет действовать в соответствии с постановлением суда. Министр иностранных дел Ирана Язди в свою очередь утверждал, что «Хальхали не только не возглавляет революционные суды, но даже не является их членом». Позже аятолла пояснил, что он сам вынес эти приговоры к смертной казни «без трибунала и суда». «Шах и его банда, — говорил он, — не имели права ни на какой процесс, даже заочный. Это преступники. Их преступления известны и доказаны». Вместе с тем аятолла сказал, что по правилам исламских трибуналов преступник может быть приговорен без суда. «Быть религиозным судьей — это божественное право, — заключил он. — Никто не может лишить нас его. Распоряжения, которые я отдал по поводу шаха и его семьи, остаются в силе, несмотря на протесты сионистских кругов и американских карателей». Аятолла также сообщил, что отправил на поимку шаха специальную группу, которая найдет его, «даже если он спрячется в подвале Белого дома». На пресс-конференции 28 июня он заметил, что, по его мнению, власти не против казни шаха, поскольку

ку аятолла Хомейни рекомендовал сделать это в одном из своих выступлений.

Трудно сказать, каково было действительное отношение высшего иранского руководства к действиям Хальхали. В начале июня представитель Хомейни аятолла Нури на пресс-конференции в Лондоне отрицал, что поддерживаемые властями военизированные группировки охотятся за шахом, но вместе с тем заявил, что бывший монарх, по-видимому, все-таки предстанет перед иранским судом. «Отдельные люди,— сказал он,— возможно, хотят начать преследование его». Позже в английской «Дейли мейл» было опубликовано интервью самого Хомейни, в ходе которого имел место следующий диалог:

— Это вы отдали распоряжение, чтобы с шахом расправились за границей.

— Нет, не я. Я хочу, чтобы шах был доставлен в Иран и держал ответ за пятьдесят лет преступлений против народа, включая государственную измену и ограбление государственной казны. Если бы его убили за границей, мы потеряли бы эти деньги. Но если он будет доставлен сюда и предстанет здесь перед судом, мы сможем получить эти деньги назад. Нет, нет, я не хочу, чтобы его убили за границей. Я хочу, чтобы он был доставлен сюда, и во имя этого молюсь о его здоровье.

В этих условиях власть имущие Израиля и Египта решили еще раз продемонстрировать свои симпатии к шаху. В начале июля сообщалось, что израильский миллионер и депутат парламента Сэмюел Флатто-Шарон пригласил «его императорское величество» на свою виллу в предместье Тель-Авива. 18 июля Народное собрание Египта по личной рекомендации президента Садата приняло решение о предоставлении политического убежища бывшему иранскому шаху в порядке проявления «гуманности к человеку, потерявшему пристанище и веру».

Между тем бездомный монарх вынашивал иные планы. До сих пор — хотел того или нет — он двигался по удивительно прямому маршруту, все дальше от Ирана и все ближе к США. Ведь он оказал этой стране столько услуг.

Администрация Дж. Картера с самого начала заняла двусмысленную позицию в отношении смещенного монарха. В публичных выступлениях представители госдепартамента и высокопоставленные чиновники США неизменно говорили о готовности принять шаха в стране «в надлежащее время». Заокеанская пресса не раз сообщала о тайных посланиях администрации шаху и даже о направ-

лении к нему в конфиденциальном порядке должностных лиц с целью отговорить от приезда в США по соображениям «безопасности» и «другим» причинам.

Публичные выступления официальных лиц США имели целью, с одной стороны, сгладить негативную реакцию царствующих домов нефтеносных княжеств Персидского залива на безразличие американского правительства к судьбе бывших «друзей», а с другой — нейтрализовать в самих США влиятельное прошахское лобби, тесно связанное с ним крупными финансовыми операциями, дорогими подношениями и прямыми взятками. Отговаривая же бывшего монарха от приезда в США, администрация Картера, как считала американская пресса, исходила из нежелания подвергать риску с большим трудом начатое восстановление политических и экономических отношений США с новым режимом, пришедшим к власти в Иране после победы февральского восстания в Тегеране.

Спустя два дня после восстания, 14 февраля, администрации Картера пришлось пережить много тяжелых минут. Несмотря на неоднократные призывы Хомейни не нападать на иностранные дипломатические представительства, примерно сотня вооруженных лиц, членов одной из мусульманских группировок, окружила американское посольство в Тегеране. Во время нападения два морских пехотинца из охраны посольства получили ранения, а один иранский служащий посольства был убит. Через два часа к месту происшествия подошел отряд во главе с И. Язди, освободивший задержанных американцев. Министр иностранных дел Ирана Санджаби от имени аятоллы Хомейни и премьер-министра Базаргана заверил администрацию США, что власти гарантируют безопасность персонала американского посольства. Сам аятолла, по свидетельству посла США в Тегеране Уильяма Салливена, прислал к нему своего личного представителя с извинениями. Позже по просьбе Вашингтона иранское правительство выделило большой отряд полицейских для охраны американского посольства.

В США основные надежды на улучшение отношений с Ираном связывали с умеренно настроенным гражданским кабинетом министров. Высказывалось мнение, что, хотя Базарган — правоверный мусульманин и ярый националист, как прагматик, готовый проявлять гибкость, он будет добиваться западной помощи в восстановлении разрушенной экономики Ирана, но медленно и осторожно — ввиду антиамериканских настроений в стране и противо-

речивых требований разношерстного лагеря революционных сил. С двумя заместителями премьера — Язди и Амир-Эптезамом американские официальные представители имели контакты еще до победы революции. Определенные «позитивные признаки» деятели администрации Картера усматривали и в новом, «умеренном» подходе аятоллы Хомейни к проблемам социальных преобразований и особенно в его общем антикоммунистическом настрое. К таким же признакам они относили содействие руководимых аятоллой иранских властей в деле безопасной эвакуации из Ирана оставшихся там примерно 7 тысяч граждан США и, главное, благополучного вывоза американского электронно-разведывательного оборудования, установленного во время шахского режима вдоль советской границы. По отношению к постоянным антиамериканским высказываниям Хомейни, а также других религиозных лидеров и должностных лиц в США довольно скоро выработался своеобразный иммунитет. Считалось, что большинство из этих высказываний рассчитано на внутреннее потребление, поскольку адресовывалось, как правило, тем «лакеям американцев», которые «провоцируют» волнения в различных районах страны или проявляют собственную инициативу в требованиях проведения революционных преобразований. К тому же антиамериканские заявления почти каждый раз нейтрализовывались одновременным упоминанием другой «сверхдержавы» — СССР.

Главную трудность в процессе улучшения отношений между двумя странами составляло то, что руководителям Ирана постоянно приходилось действовать с оглядкой на антиимпериалистические настроения широкой общественности. Так, добившись отзыва из Ирана Салливена, посла при шахском режиме, они затем выдвинули требование снять предложенную госдепартаментом кандидатуру Уолтера Катлера (в 1965—1967 гг. возглавлял американское консульство в Тебризе). Это мотивировалось его неблагоприятной деятельностью на посту посла США в Заире. Взамен просили направить «посла с лучшим послужным списком». Однако Вашингтон, решив извлечь максимум выгод из сложившейся ситуации, вообще отказался направить в Иран нового посла вплоть до урегулирования всех спорных вопросов, существовавших между двумя странами.

С целью побудить Тегеран пойти на единовременное и всестороннее улучшение отношений Вашингтон прибегал и к другим средствам давления. В частности, использовался вопрос о поставках запасных частей для находившихся

на вооружении иранской армии американского военного оборудования и техники. Соответствующие просьбы Тегерана Пентагон объяснял восстанием курдов и общей политической нестабильностью в стране. Исходя из этого, США все же решили оказать помощь центральному правительству и с начала октября 1979 г. приступили к интенсивным поставкам запчастей в Иран. Накануне по просьбе иранского правительства в страну были отправлены в большом объеме и очищенные нефтепродукты. В благодарность некоторые иранские деятели обещали не использовать нефть в качестве политического оружия против США, «потому что Соединенные Штаты являются нашим лучшим клиентом». Однако американская администрация отказывалась поставить запрашиваемые правительством Ирана новые партии вооружения, заказанные ранее шахским режимом, без приглашения военных советников и экспертов из США.

В начале октября министр иностранных дел Ирана Ибрагим Язди провел в Соединенных Штатах переговоры с государственным секретарем Сайрусом Вэнсом по основным вопросам ирано-американских отношений. После переговоров он сообщил иранским журналистам, что просил госсекретаря проявить «добрую волю» в вопросе о сотнях соглашений между двумя странами, воздействовав на те американские корпорации, которые, требуя возмещения нанесенного им революцией ущерба, фактически заблокировали иранские финансовые авуары в банках США. В этой связи руководящие деятели правительства пытались доказать иранской общественности, что давние экономические связи с США не могут быть сразу прерваны, поскольку денонсация существующих договоров — ввиду неизбежности выплаты больших неустоек и штрафов — принесла бы больше ущерба Ирану, нежели его американским контрагентам. В то же время в качестве средства давления на США использовалась угроза аннулирования двустороннего соглашения о военном сотрудничестве от 1959 г., которое рассматривалось всеми демократическими силами Ирана как основное препятствие на пути обеспечения национальной независимости страны.

Много позже, в сентябре 1980 г., выступая перед депутатами вновь избранного парламента, Базарган раскрыл характер «разделения труда», сложившегося к тому времени в иранском руководстве в вопросах отношений с США. Информировав тогда имама о нуждах Ирана в американских запасных частях, оружии и технических специалистах, он добавил: «Если Вы хотите, мы можем отка-

заться от всех этих контрактов». После этого сообщения Базарган при всем честном народе заявил:

— Аятолла Хомейни ответил, что в данное время мы пуждаемся во всем этом, но мы должны подготовить общественное мнение. Я клянусь, что имам сказал это. Министр обороны и несколько других лиц были свидетелями.

Таким образом, отношения Ирана и США в течение прошедших девяти месяцев напоминали утомительное противостояние двух человек в незатейливой игре: каждый держит в руках один из концов каната и пытается перетянуть его в свою сторону. На протяжении всего этого времени на небосклоне мелькала печальная тень скитавшегося по свету монарха. Не засветится ли она кому-то спасительным лучом?

Летом 1979 г. многие влиятельные друзья шаха в США значительно активизировали свои тайные усилия добиться разрешения на его въезд в страну. Особенно усердствовали финансовый магнат Дэвид Рокфеллер и состоящий у него на службе бывший государственный секретарь Генри Киссинджер, назвавший как-то Мохаммеда Резу «летучим голландцем, ищущим пристанище». Именно их стараниями шах получил временное убежище на Багамских островах и затем в Мексике.

Находясь под давлением Рокфеллера и Киссинджера, администрация Картера обратилась в июле к американскому посольству в Тегеране с запросом о возможной реакции иранских властей на предоставление шаху разрешения приехать в США. Брюс Лэйнген, поверенный в делах, прямо ответил, что было бы неразумно впускать бывшего монарха в Соединенные Штаты, тем более что американская охрана посольства в Тегеране ограничена 13 солдатами морской пехоты. Специалисты по Ирану в госдепартаменте тоже считали, что не следует принимать какого-либо решения о шахе, пока не удастся создать более надежную охрану посольства. Согласно полученному тогда же сообщению сотрудников ЦРУ из Ирана, приезд шаха в США мог вызвать захват американского дипломатического представительства в иранской столице. И тем не менее 2 августа начальник иранского отдела госдепартамента направил Лэйнгену телеграмму, где предлагалось поставить правительство Ирана в известность о том, что администрация США оказывает «пока» отпор усиленному нажиму в пользу приезда шаха в страну; сам Лэйнген был заверен в том, что Мохаммед Реза не получит допуска в США, пока охрана посольства в Тегеране не будет значительно усилена.

30 августа официальный представитель министерства иностранных дел Ирана заявил, что правительство намерено начать широкую кампанию против предоставления убежища бывшему монарху. «Мы располагаем информацией о том, что сионистские друзья шаха пытаются получить ему визу для въезда в Соединенные Штаты,— сказал представитель.— Мы надеемся, что страны мира, называющие себя защитниками прав человека, не предоставят такому преступнику, как шах, убежища». На переговорах с С. Вэнсом в начале октября Язди, по его словам, также требовал прекращения связей официальных лиц США с бывшим шахом.

Вскоре после этого друзья шаха уведомили госдепартамент и Белый дом, что Мохаммед Реза, находившийся в госпитале в Мехико, серьезно болен и что необходимые условия для лечения имеются якобы только в Соединенных Штатах. Госдепартамент запросил мнение Базаргана по вопросу о безопасности американского посольства в Тегеране. Тот недвусмысленно высказался против допуска шаха в США, но заявил, что его правительство в случае необходимости окажет защиту американским гражданам в Иране.

21 октября, не приняв практически никаких шагов по укреплению безопасности американского посольства в Тегеране, администрация Картера известила иранское правительство, что шаху предоставляется временная виза для госпитализации в США. На следующий день группа Рокфеллера организовала перелет шаха в Нью-Йорк, где его поместили в клинику.

Представитель госдепартамента США на очередной пресс-конференции заявил, что шаху разрешили прибыть в страну, исходя из «гуманных соображений», для всестороннего медицинского обследования. «Как только шах поправится,— отметил он,— мы ожидаем, что он уедет обратно». В частном порядке американские официальные лица подтверждали распространявшиеся слухи о том, что шах страдает раковой болезнью, что, впрочем, для самого Мохаммеда Резы уже несколько лет не составляло секрета.

Слова о «гуманных соображениях» прикрывали финансовые интересы группы Рокфеллера и некоторые политические цели администрации Картера. Заблокировав фактически иранские финансовые авуары в американских банках в качестве гарантии погашения долгов шахского режима, представители большого бизнеса США с нетерпе-

нием ждали того момента, когда смогут окончательно перевести денежные фонды Ирана в собственные сейфы. В свою очередь администрация Картера отчаянно жаждала создать «международный кризис» с целью решения ряда проблем своей глобальной стратегии путем контрнаступления на политику разрядки международной напряженности, утвердившейся в то время в мире. (Явно провокационный характер действий Картера в вопросе о допуске шаха в США, равно как и понятое многими страстное желание высшего иранского руководства иметь внешнеориентированную революционную цель, вызвал у некоторых нетерпеливых наблюдателей подозрение, что последующие события вокруг шаха и американского посольства в Тегеране были результатом тайного сговора эмиссаров Вашингтона и Тегерана.)

Правительство Ирана получило заверения, что шах допущен в страну как частное лицо, с условием не заниматься политической деятельностью, и что США поддерживают новое иранское правительство и его территориальную целостность. Это заявление иранские власти активно использовали внутри страны. Когда некоторые органы печати Тегерана, выразив крайние сомнения в болезни пизложненного шаха, расценили сообщения о его прибытии в США как начало «новой политической игры», МИД Ирана сделал все, чтобы успокоить общественное мнение. МИД сообщил, что Иран направит своего врача в США, чтобы убедиться в болезни бывшего монарха. Американские власти по настоянию шаха и его врачей тут же отказали правительству Ирана в требовании освидетельствовать состояние здоровья Мохаммеда Резы иранским врачом. Несмотря на это, никаких ухудшений в ирано-американских отношениях не произошло. Судя по всему, иранский МИД не обращался к Вашингтону с официальным требованием выдачи шаха.

Но 31 октября министр иностранных дел заявил, что Иран «официально протестует» против присутствия бывшего шаха в Соединенных Штатах для прохождения курса лечения. Далее же он отметил, что США до сих пор не назначили своего посла в Тегеран, и выразил надежду на скорое решение этого вопроса. Таким образом, «официальный протест» отнюдь не исключал и даже не «замораживал» вопрос о нормализации (и, следовательно, дальнейшем развитии) ирано-американских дипломатических отношений.

Это заявление Язди было сделано в тегеранском аэро-

порту перед вылетом правительственной делегации (в составе министров иностранных дел и обороны и начальника Объединенного штаба) во главе с премьер-министром в Алжир на празднование 25-й годовщины алжирской революции. Предусматривались также переговоры с помощником президента США по национальной безопасности Збигневом Бжезинским по различным вопросам двусторонних отношений. Об этом пока публично не говорилось. Но не исключена вероятность, что приведенное заявление Язди преследовало цель усилить позицию иранской стороны на предстоящих переговорах. Как сообщала потом западная печать, они длились 90 минут и проходили в «сердечной атмосфере».

По возвращении 2 ноября из Алжира Базарган в интервью агентству Парс сообщил, что он с Язди и Чамраном провел переговоры с Бжезинским, на которых обсуждался вопрос о подписанных при шахском режиме ирано-американских соглашениях. Эта встреча, подчеркнул премьер, была очень важной, и принято решение продолжить переговоры в Тегеране через поверенного в делах США. Мы призвали США, сказал он, изменить свое отношение к Ирану и получили от Бжезинского обещание, что свергнутый шах не будет использован в политических целях.

Знал ли Базарган, что антиамериканизм послефевральского Ирана, не мешавший до сих пор политическим и другим контактам с США, волею судьбы должен приобрести теперь иные формы? Во всяком случае, накануне его вылета в Алжир никаких особенных изменений в позиции высшего руководства не замечалось. Правда, еще 24 октября Хомейни призвал всех мусульман в Нью-Йорке провести демонстрации против предоставления шаху постоянного убежища в США, а на следующий день подчеркнул необходимость возвращения в Иран награбленных им богатств. Но в многочасовом выступлении 29 октября он, как обычно, говорил, что независимость страны можно утвердить, лишь искоренив западное влияние и западную культуру. Затем имам обрушился на США, от которых, по его словам, идут все беды Ирана, все беды мусульман. В заключение он поставил перед каждым иранцем задачу отдать все свои силы работе, на каком бы посту он ни находился. В этой речи был и такой нюанс: народ должен в целях сохранения исламского движения взять свою судьбу в собственные руки и самостоятельно выйти на политическую арену. Однако в целом речь была

направлена не столько против США, сколько против либеральной интеллигенции и высшей прослойки государственных служащих, мыслящих «западными категориями».

Все начало меняться 1 ноября, когда канцелярия имама в Куме издала заявление, призывающее иранских студентов всемерно расширить борьбу против США и Израиля с целью заставить администрацию Картера вернуть шаха в Иран. Выдвинутая Хомейни идея получила конкретизацию в выступлениях его ближайших соратников — Хашеми-Рафсанджани и Монтазери — на состоявшихся в тот же день массовых церемониях по случаю мусульманского праздника. Обращаясь к трем миллионам тегеранцев, собравшихся на молитву в районе столичного парка Хазане, они осудили и заговоры США против Ирана, и предоставление американским правительством убежища бывшему шаху, а также империалистическую политику Картера в отношении угнетенных народов и преступления сионизма на Ближнем Востоке. При этом руководящие религиозные деятели призвали народ довести до конца «исламскую революцию».

Религиозная церемония вылилась в антиамериканскую демонстрацию. После молитвы миллионы людей двинулись к площади Шуш, скандируя лозунги в поддержку имама Хомейни и «исламской революции» и в осуждение подрывной деятельности США и сионизма. На площади была принята резолюция, содержащая протест против предоставления политического убежища бывшему шаху.

Непосредственно у здания американского посольства по призыву Исламской республиканской партии состоялась демонстрация с участием примерно 3,5 тысяч человек, протестующих против пребывания экс-монарха в США. Представитель госдепартамента на пресс-конференции в Вашингтоне утверждал, с одной стороны, что эта демонстрация была организована религиозными группами, а с другой — что власти приняли необходимые меры для обеспечения безопасности персонала посольства и охраны американской собственности. Посольство США в Иране, добавил он, было заранее предупреждено о демонстрации. Антиамериканские манифестации, охватившие наряду со столицей Тебриз, Зенджан, Захедан, Мешхед и многие другие города, продолжались и в последующие дни.

Активное участие в массовых демонстрациях принимали студенты. Группы, занявшие ранее отели и виллы с целью превращения их в общежития, были оставлены властями в покое. Еще недавно проходившие под ярко выра-

женными социальными лозунгами, студенческие выступления теперь под воздействием призывов религиозных лидеров усилить борьбу против Соединенных Штатов получили исключительно антиамериканскую направленность. Особый размах они приняли 4 ноября, в День учащегося, установленный в память студентов и школьников, погибших год назад от пуль шахских гвардейцев в Тегеранском университете.

В тот же день примерно 400 человек, объявивших себя членами Организации мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни, напали на дипломатическое представительство США. Обращения сотрудников посольства за помощью к иранской полиции, не выставившей в этот день свой обычный караульный отряд, и политическому руководству остались без ответа. Через два-три часа нападавшие преодолели сопротивление 13 американских морских пехотинцев, пытавшихся рассеять их с помощью гранат со слезоточивым газом.

Захватив посольство, организация заявила, что эта акция предпринята в знак протеста против нахождения в США бывшего иранского шаха, а также с целью сорвать заговоры американского империализма и международного сионизма против «исламской революции» в Иране. Студенты требовали выдачи шаха для предания его революционному суду. В этом и последующих заявлениях студенческой организации посольство США неизменно называлось «шпионским центром ЦРУ» — выражение, которое стало использоваться всеми, начиная с Хомейни и кончая рядовыми участниками антиамериканских демонстраций.

В районе посольства в тот день демонстрации населения не прекращались до глубокой ночи. Демонстранты, сжигая флаги США и Израиля, скандировали: «Смерть Картеру и его гостю — свергнутому шаху!», «Долой американский империализм!», «Долой двустороннее ирано-американское военное соглашение!», «Посольство США, гнездо ЦРУ, должно быть закрыто!»

Телевидение и радио, транслировавшие штурм посольства, передавали заявления различных религиозных, политических и общественных организаций Ирана в поддержку предпринятой акции, нескончаемые потоки телеграмм и посланий от различных групп населения и отдельных лиц.

Получив всеобщую поддержку, представители Организации мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни имели все основания заявить, что захват

американского посольства является выражением протеста иранского народа против господства США в Иране. Одновременно было отмечено, что правительство Базаргана сразу после прихода к власти стало отходить от «революционной линии» Хомейни, в результате чего с каждым днем наблюдалось усиление зависимости Ирана от американского империализма. Последним свидетельством примиренческой политики кабинета была встреча Базаргана с Бжезинским в Алжире, которая якобы полностью противоречила политике имама. В поступавших затем посланиях и заявлениях в адрес студентов переговоры в Алжире назывались «секретными».

В водовороте событий, вероятно, мало кто вспомнил опубликованное в начале августа в «Техран таймс» интервью Язди, в ходе которого он сказал: «Цели нашей внешней политики всегда соответствуют желаниям имама». Забылась и встреча Язди с Вэнсом в начале октября, и интервью Базаргана агентству Парс 2 ноября о переговорах с Бжезинским. И еще меньше, наверное, было тех, кому довелось несколько позже прочесть в номере от 14 ноября одного из западных журналов, выходящих с пометкой «Конфиденциально», статью под названием «Аятолла в посольстве». В статье говорилось, что Базарган и Язди уведомили Хомейни о предстоящей встрече с Бжезинским и сразу же после нее представили ему полный доклад; Хомейни выслушал их молча; министры не сумели правильно истолковать его молчание и попали в расставленную им ловушку — их алжирская встреча была использована как повод для начала действий студентов.

Было это точно так или не совсем так, но с этих пор (или чуть раньше) в иранском руководстве действительно обнаружились два разных взгляда на вопросы ирано-американских отношений.

После захвата американского посольства правительство Базаргана в ответ на выраженную госдепартаментом США «озабоченность» заверило, что «предпримет все усилия для удовлетворительного решения проблемы» и освобождения сотрудников дипломатического представительства. «Нью-Йорк таймс» в связи с этим писала: «Несмотря на сообщения о том, что Хомейни одобрил захват американского посольства, в Вашингтоне есть свидетельства того, что ни премьер-министр Базарган, ни министр иностранных дел Язди не причастны к этим событиям».

В отношении роли религиозного руководства в захвате посольства большинство иностранных наблюдателей со-

шло в том, что имам не только вольно или невольно инспирировал этот захват своими постоянными антиамериканскими заявлениями, но и прямо санкционировал накатывавшую акцию, запланированную студентами. К такому мнению подводили, в частности, следующие два факта: среди участников нападения на посольство находилось одно из подразделений тегеранского отряда «стражей»; духовным руководителем студентов выступал до тех пор практически неизвестный ходжат-оль-эслам Мусави-Хоеи, который в последующем поддерживал контакты только с имамом. Аналогичный вывод сделал Совет национальной безопасности США на основе данных разведки. Материалы секретных заседаний совета проникли в печать в январе 1980 г.

Позже, летом 1980 г., Мусави-Хоеи говорил в интервью газете «Джомхурийе эслами», что, начав со своими сторонниками разрабатывать план захвата посольства, он считал необходимым «держать аятоллу Хомейни в неведении», поскольку «с политической точки зрения было бы неблагоразумно предоставлять имаму приоритет в этом вопросе... Я сказал студентам, что сначала мы захватим посольство, а затем уже проинформируем об этом Хомейни. Если он прикажет нам освободить посольство, мы сделаем это и таким образом продемонстрируем всем, что всегда подчиняемся имаму». Но Мусави-Хоеи не проявлял достаточную последовательность в своих высказываниях. В зарубежном интервью итальянской газете «Република» в октябре 1980 г. он заявил: «Директивы нашего движения были разработаны с самого начала имамом».

В отличие от той вооруженной группировки, которая захватила американское посольство вскоре после февральского восстания в Тегеране, Организация мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни основательно подготовилась к своей акции. Студенты были экипированы веревками и повязками для глаз, предназначенными для сотрудников посольства. Представитель организации сразу же заявил на пресс-конференции, что эта акция планировалась сначала с применением оружия, но позже было решено, использовав манифестации по случаю Дня учащегося, войти на территорию посольства под видом мирных демонстрантов. За пресс-конференциями, интервью и другими многочисленными заявлениями организация не забыла предоставить имаму окончательное решение вопроса о судьбе посольства США. В послании в адрес Хомейни студенты повторили собственную версию причин

захвата американского посольства и далее, как бы оправдывая название своей организации, претендующее на право интерпретации курса имама, отметили, что принятая ими акция отвечает позиции лидера революции в отношении США. Вместе с тем утверждалось, что некоторые элементы в правительстве пытаются свернуть революцию с ее истинного пути, преклоняются перед Западом и садятся за один стол для переговоров с зубрами американского империализма.

Имам незамедлительно откликнулся на обращение. Он заявил, что США, не желая расстаться с грабежом природных богатств Ирана и пытаясь создать контрреволюционную базу в стране, превратили американское посольство, как ему-де сказали, в шпионский центр ЦРУ. В таких условиях нельзя требовать, чтобы народ оставался сторонним наблюдателем. А между тем, продолжал аятолла, «некоторые» теперь добиваются того, чтобы студенты очистили территорию посольства. Далее Хомейни предложил США выдать шаха или изгнать его из страны. Происшедшие события он назвал «второй революцией, еще более великой, чем первая».

Однако требование различных слоев населения о разрыве отношений с США им упомянуто не было. Повисло в воздухе и высказанное по радио предложение министра нефти (выражавшее требования демонстрантов и рабочих нефтяной промышленности Ирана) немедленно прекратить поставки нефти в США в случае, если прикажет Хомейни. А когда 7 и 8 ноября на Западе распространились слухи, что отгрузка нефти на американские танкеры в эти два дня в Иране не производилась (вероятно, в связи с забастовкой рабочих), министр нефти поспешил категорически опровергнуть такие утверждения.

Захват американского посольства прозвучал как звон погребального колокола над правительством Базаргана. 6 ноября тегеранское радио передало текст прошения премьера на имя Хомейни об отставке. Там говорилось: в результате вмешательства посторонних лиц в дела правительства, а также наличия многих центров власти и противоречий среди членов кабинета министров создались условия, в которых дальнейшая деятельность правительства стала невозможной. На одном из митингов Базарган сказал, что нынешние события являются «наиболее неприятными» со времени назначения его на пост премьер-министра. Спустя некоторое время он выступит по телевидению: «Править страной стало невозможно. Иран —

страна тысячи шерифов». Это уже звучало как некролог первому правительству антишахской революции и первой жертве «второй революции».

В связи с прошением Базаргана Организация мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни, неожиданно вышедшая на авансцену иранской политической жизни, выступила с заявлением. Обращенное к Исламскому революционному совету, заявление содержало просьбу — следуя «курсу имама» — более решительно проводить антиимпериалистическую политику. Иными словами, организация начинала претендовать на нечто большее, чем только интерпретация указанного курса. Но для религиозного руководства в данный момент главное заключалось в том, что новая организация, ставшая совестью и орудием «второй революции», демонстрировала силу и влияние исламского движения, сразу же оттеснившего с политической арены все другие течения. Нужда в правительстве Базаргана отпадала окончательно. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

Хомейни на этот раз удовлетворил прошение премьера об отставке. Почти сразу после оглашения текста прошения радио передало указ Хомейни о принятии отставки и передаче всех государственных дел Исламскому революционному совету, которому поручалась подготовка референдума по «исламской конституции», выборов президента и меджлиса, а также проведение в государственном аппарате «революционной, решительной чистки». Осуществление этих мероприятий и составило основное содержание «второй революции», победа которой, по словам имама, должна была облагодетельствовать «обитателей хижин, а не дворцов».

В тот же день, 6 ноября, после двухчасовой встречи ведущих членов ИРС с аятоллой Хомейни состоялось заседание Исламского революционного совета. В заседании принимали участие и те, кого наиболее проникательные наблюдатели называли в те дни козлами отпущения «второй революции», — Базарган, Язди и три других министра. Тем временем Организация мусульманских студентов — последователей курса имама Хомейни в очередном заявлении предупредила население не принимать участия в планируемых «подстрекателями» демонстрациях. Бюро Хомейни в Куме в обращении к народу по радио отметило, что «некоторые элементы» призывают население и студентов выйти на улицы, и в связи с этим предостерегало против участия в каких-либо манифестациях во избежание

кровопролития. Одним словом, запрещались все несанкционированные властями общественные мероприятия. Так против кого была обращена «вторая революция» — США, правительства Базаргана или тех, кто, будучи подлинным носителем антиимпериалистических и антикапиталистических настроений, мог представить опасность политическому господству духовенства?

7 ноября, передавая по радио программу своих действий на предстоящий период, Исламский революционный совет со своей стороны призвал население сохранять единство и бдительность, подавлять «заговоры контрреволюции», а органы охраны порядка — не допускать «смут и волнений». Изложенная программа наряду с указанными Хомейни конкретными мероприятиями по созданию исламской государственности предусматривала и такое: осуществление коренных преобразований в экономической, социальной и культурной жизни; выработка и реализация программ по улучшению условий жизни «обездоленных»; укрепление сельского хозяйства, решение земельной проблемы, борьба с «феодализмом». Одним словом, мир хижинам — война дворцам. Иранцы много раз слышали подобное в дни антишахской революции. Что ветер принес, говорят персы, то ветер и унесет.

Но в политической структуре власти произошли заметные изменения. Исламский революционный совет — теперь уже не только фактически, но и официально — полностью взял в свои руки государственные дела. Все министерства и учреждения были поставлены под руководство членов совета (пост премьера не предусматривался). Хотя состав ИРС так и не был обнародован, в течение нескольких последующих дней имена большинства его членов постепенно все же стали известны.

В связи с реорганизацией совета в печати появились имена оставшихся в нем прежних гражданских членов — «мирских мулл»: Банисадра, Готбзаде, Чамрана, Моинфара и... все тех же Базаргана и Язди. После отставки членство в ИРС за Базарганом было сохранено без определенной должности, но он еще много месяцев по-прежнему продолжал фактически работать в канцелярии премьер-министра. Язди был назначен личным распоряжением Хомейни ответственным за вопросы национальных отношений в стране, а затем — попечителем газетно-журнального объединения «Кейхан», принадлежащего Фонду обездоленных. В марте 1980 г. оба стали депутатами парламента.

Ключевую роль в ИРС играл аятолла Мохаммед Бехешти, считавшийся ведущим стратегом в окружении имама: в период антишахского революционного движения он некоторое время был одним из главных внутри страны проводников политики Хомейни (в его доме находился секретный иранский штаб имама), а после февральской победы возглавил Исламскую республиканскую партию. Среди других священнослужителей в ИРС стали известны Хосейни-Хаменеи, Хашеми-Рафсанджани, Бахонар, Махдави-Кяни и Мусави-Ардебили. Первые три деятеля тоже входили в руководство названной партии.

Однако переход всей полноты государственной власти к Исламскому революционному совету отнюдь не означал установления единогласия среди руководящих деятелей Ирана. Прежние конфликты и трения между правительством и ИРС уступили место разладу внутри последнего — между сторонниками «жесткого» и «умеренного» курса.

Одним из первых выражений нарастающего разлада явилась оценка событий, связанных с отставкой кабинета Базаргана. Так, религиозное большинство ИРС во главе с аятоллой Бехешти (ставшим в 1980 г. председателем Верховного суда) называло причиной отставки подготовки некоторыми правительственными деятелями, в частности Амир-Энтезамом, плана по захвату всей полноты власти в стране с целью связать «исламскую революцию» с политикой США. (Спустя полтора года Амир-Энтезам был осужден на пожизненное заключение как «агент ЦРУ».) По мнению же Банисадра (избранного в январе 1980 г. первым президентом Исламской Республики Иран) и некоторых других светских деятелей ИРС, правительство Базаргана ушло в отставку не потому, что члены кабинета встретились с Бжезинским в Алжире, а потому, что иранский народ не был доволен его деятельностью.

Связь между организацией захвата американского посольства и стремлением ослабить недовольство народа невольно прояснил ходжат-оль-эслам Мусави-Хоеи. В заявлении французской «Монд» в октябре 1980 г. он с удовлетворением сказал:

— Мы пожали все плоды нашей операции. Мы сорвали попытку либералов захватить в свои руки государственный аппарат. Мы заставили правительство Базаргана подать в отставку. Дерево революции выросло и укрепилось. Мы доказали как нашему народу, так и международной общественности, что у нас есть средства не только для

того, чтобы оказывать сопротивление, но и для того, чтобы одержать победу над всесильной Америкой.

«Вторая революция», направившая шквал народных выступлений в русло исламизации иранского общества, не признавала ничего иного, кроме «побед». К их числу руководители Исламской Республики относили, в частности, и соглашение об условиях освобождения сотрудников американского посольства, заключенное спустя четырнадцать с половиной месяцев после их захвата — в январе 1981 г. Не добившись ни выдачи шаха (в декабре 1979 г. он отбыл из США в Панаму, а оттуда в Египет, где скончался в июле 1980 г.), ни возвращения в страну вывезенных им богатств, Иран согласился выплатить из своих разблокированных в США авуаров все долги шахского режима американским банкам и компаниям. Народу это объяснялось необходимостью «порвать финансовые связи с великим дьяволом» — США. Последние использовали захват посольства в Тегеране для укрепления военных позиций империализма не только в районе Персидского залива и всего Ближнего Востока, но и в Западной Европе, а также в целях перехода от политики международной разрядки к политике международной конфронтации.

Но для руководителей «второй революции» самым важным было то, что захват американского посольства, дав выход антиимпериалистическим настроениям масс, позволил восстановить «единство всего народа», использованное в целях создания исламской государственной структуры. В декабре 1979 г. всенародный референдум одобрил «исламскую конституцию», в январе 1980 г. были проведены выборы президента, в марте — мае того же года избран парламент, а в августе — сентябре создано новое, постоянное правительство. Вспыхнувшая 22 сентября 1980 г. и продолжающаяся до сих пор ирано-иракская война стала новым фактором «национального сплочения» и разрядки революционных, антиимпериалистических настроений масс. Эта война также была использована империализмом в целях укрепления своих позиций.

Хомейни, заботившийся прежде всего об «исламском единстве всего народа», как и прежде, не позволял себе открыто поддерживать ни одну из соперничающих политических группировок, предоставляя им всем возможность бороться за право интерпретации «курса имама». Не желая ставить духовенство в то положение, в котором в свое время оказалось правительство Базаргана, он по-прежнему стремился обезопасить политическое верховен-

ство религиозных деятелей путем выдвижения на первый план практически бессильной гражданской власти, которую теперь представлял Банисадр, ставший президентом при явной поддержке имама. Вместе с тем Хомейни помог Исламской республиканской партии установить свое господство в парламенте и создать послушное себе правительство. Тем самым были созданы условия для нового тура «стабилизирующего конфликта».

Банисадр, сыгравший в свое время немалую роль в отстранении от власти правительства Базаргапа, став первым президентом Исламской Республики Иран, оказался по логике вещей в том же положении, в каком до него был первый республиканский премьер-министр. С целью укрепить свою власть путем ликвидации всех «самозванных центров принятия решений» он всячески добивался возвращения в мечети религиозных деятелей под предлогом того, что «всякие ришелье и мазарины» должны пользоваться лишь «надправительственной властью». Одновременно он стремился привлечь на свою сторону народ посулами установления в стране «порядка и безопасности» во имя созидательного труда с целью создания «исламской экономики божественной гармонии». Внешнеполитическая платформа президента, несмотря на подчас острую критику американского империализма, на деле вела к утверждению прозападной ориентации.

Аятолла Бехешти и другие деятели Исламской республиканской партии после полного разгрома остатков либерального движения, сплотившегося в конце 1979 г. вокруг аятоллы Шариат-Мадари, взяли за Банисадра и его сторонников. Для их дискредитации в глазах народа лидеры Исламской республиканской партии вновь ввели в обиход презрительное прозвище «либералов».

Развязка наступила тогда, когда президент, столкнувшись с превосходящей силой противника, стал проявлять склонность к тактическому союзу с моджахединами и некоторыми другими оппозиционными к властям политическими группировками, а также попытался использовать в своих целях регулярную армию. Все это побудило имама, до последнего момента не лишавшего Банисадра своей поддержки, изменить к нему отношение. В июне 1981 г. парламент признал президента «политически некомпетентным», обвинив его в развале экономики и отходе от «курса имама», после чего он был смещен со своего поста. Банисадр укрылся в подполье, а через полтора месяца тайно перебрался в Париж. (Спустя год власти предали

смертной казни по обвинению в «заговоре против исламского режима» Готбзаде, активно поддерживавшего в свое время банисадровскую политику ограничения власти духовенства, а Шариат-Мадари был лишен звания аятоллы.)

События, связанные со смещением Банисадра, в некоторых кругах клерикального лагеря трактовались как «третья исламская революция».

Новым в политической жизни страны было то, что с этого времени духовенство впервые открыто взяло на себя ответственность за непосредственное руководство государственным управлением. В сентябре 1981 г. президентом Ирана стал ходжат-оль-эслам Али Хосейни-Хаменеи. Все другие руководящие посты также заняли либо религиозные лидеры, либо безусловные сторонники политической власти духовенства из числа светских деятелей. Работа по исламизации страны закипела полным ходом.

Переход к непосредственному правлению духовенства поставил религиозных деятелей в положение, в котором до них находились правительство Базаргана и президентская власть Банисадра. Установление «порядка и безопасности» стало лейтмотивом всей внутривластной деятельности государственных учреждений, постоянно требовавших от низовых органов власти строгого соблюдения «священного принципа» частной собственности, прекращения произвола и «незаконных» конфискаций. В борьбе с оппозицией власти постепенно практически перестали апеллировать к массам. Место народных толп, ранее периодически выводившихся на городские площади и улицы для «демонстрации единства народа и имама», заняли Корпус стражей исламской революции, превратившийся из относительно небольшой гвардии в целую армию, и другие военизированные и полувоеенизированные организации, созданные духовенством. К народу обращались лишь в той мере, в какой это было необходимо для ведения войны с Ираком и предотвращения массовой оппозиции исламскому режиму.

Характерной чертой политической жизни Ирана на новом этапе была начавшаяся со времени смещения Банисадра ожесточенная террористическая борьба организации моджахединов и других оппозиционных вооруженных группировок против руководящих деятелей режима. Власть со своей стороны обрушила на них массовые репрессии, превзошедшие по размаху и числу жертв все предпринимавшиеся до тех пор аналогичные кампании. К концу 1982 г. им удалось значительно ослабить, а то и полно-

стью ликвидировать некоторые из этих группировок. Постепенная стабилизация исламского режима сопровождалась широкой «чисткой», призванной удалить из административного аппарата, с более или менее важных постов в промышленном производстве и даже из числа студентов представителей всех левых сил, в особенности членов и сторонников Народной партии, хотя она осудила террористическую деятельность против режима. Аналогичной линии власти придерживались в отношении близкой к НПИ группы федаинов («большинство»), образовавшейся в июне 1980 г. в результате раскола организации («меньшинство» сблизилось с моджахедами). А в течение 1983 г. власти провели новую серию крупномасштабных кровавых репрессивных кампаний, призванных полностью уничтожить Народную партию и ознаменовавших важный поворот в общественно-политической жизни страны. Во внутренней политике режима открыто утвердился курс на капиталистическое развитие (многие из национализированных ранее предприятий были возвращены их прежним владельцам), а во внешней — все больше стали проявляться тенденции к «примирению» с империализмом.

«Исламская революция», осуществленная от имени народа, с участием народа и против народа, торжествовала очередную победу.

Но род приходит, и род уходит, а земля пребывает веки.

Два столетия назад в революционной Франции шла ожесточенная публичная полемика относительно политической оценки вождя революции. Его обвиняли в том, что он «льстит предрассудкам народа», и предлагали «подвергнуть себя ostracismu, потому что устраниться от идолопоклонства со стороны народа — значит оказать ему услугу». Некоторые друзья находили в его защиту лишь один довод: «Он всегда проявлял только деспотизм разума». Робеспьер парировал:

— Вы осмеливаетесь обвинять меня в том, будто я хочу обмануть народ и льстить ему! Как я мог бы это сделать? Ведь я не куртизан, не модератор, не трибун, не защитник народа; я сам народ!

«Неужели же вы удивляетесь этому рассказу, и смеетесь, а не плачете?..» — такой стих-вопрос обращен к читателям Корана в одной из его сур.

Крупным историческим событиям, а стало быть, и их восприятию всегда свойственна внутренняя противоречивость — крайности смыкаются. С легкой руки Наполеона, бегущего из России, стало поговоркой крылатое выражение французского писателя XVIII в. Мармонтеля «От великого до смешного один шаг». А талантливый иранский народ создал пословицу «От истинного до сомнительного

всего четыре пальца», имея в виду расстояние от глаза до уха.

Отделить «великое от смешного», «истинное от сомнительного» — такова задача логического анализа, которого требуют описанные выше события девяти месяцев.

Большинство наблюдателей того времени пытались выявить социально-политическую суть событий в Иране через оценку деятельности их главных действующих лиц. Несмотря на господствовавший в Иране тезис о несравнимости иранской и всех других революций, образованные иранцы именно в исторических примерах искали аналоги местным лидерам — от тех, кто стал носителем трагического начала иранской революции, до тех, кто сделал себя объектом мрачного юмора. Многие часто вспоминали Савонаролу, флорентийского монаха XV в., сторонника возвращения католической церкви к апостольскому идеалу, способствовавшего установлению во Флоренции в 1494 г. республиканского строя.

В дни наивысшего подъема иранской революции западная печать называла ее наиболее последовательных руководителей «якобинцами». В первое время после свержения монархии этот термин использовался не столько в качестве синонима радикализма и решительности, сколько в рамках традиционной для буржуазной историографии трактовки якобинской власти как кровожадной террористической диктатуры. В дальнейшем на страницах западной печати в этой же связи все чаще варьировался известный афоризм Пьера Верньо: «Революция как Сатурн — она пожирает собственных детей».

Практический смысл подобной позиции буржуазных авторов очевиден: еще раз осквернить память Робеспьера и заодно дискредитировать идею революции вообще. При этом используется такой неблагоприятный прием: народная революция в Иране, в ходе которой с января 1978 г. по февраль 1979 г. проявился могучий порыв широких слоев населения к социальному переустройству общества, незаметно отождествляется с так называемой «исламской революцией», которую пришедшее к власти духовенство начало осуществлять после февральской победы в своих корпоративных (групповых, сословно-цеховых) целях. Между тем, как мы уже видели, каждая «новая победа ислама» вела революционное движение народа не вперед, а назад. Это само по себе исключает возможность каких-либо прямых аналогий между французской и «исламской» революциями.

В принципе же марксистская историография не только не отвергает, но и широко использует сравнительно-исторические методы исследования. Однако при этом ставится подлинно научная цель: путем установления сходства между двумя историческими явлениями выявить то, что их отличает, и на этой основе раскрыть новые черты в общественном развитии. С такой целью обращение к идеям и образам Великой французской буржуазной революции для понимания иранских событий вполне допустимо, тем более что Иран по степени развития капитализма «снизу» — из торгово-ремесленной верхушки — отнюдь не превосходил Францию того периода, несмотря на проводившуюся монархическим режимом политику буржуазной модернизации, затронувшей лишь верхушечные общественные слои. Но правомерно ли ставить знак равенства между якобинцами и «исламскими революционерами» только на том основании, что во взглядах и деятельности руководителей обеих революций, какими бы несовместимыми они ни были, действительно обнаруживается немало общего? Рассмотрим — что именно.

Можно, в частности, отметить сходные черты в их основной мировоззренческой позиции, которые прослеживаются даже при всей специфичности идеи исламской республики, излагавшейся Хомейни во многих интервью. Нацеленная на моральное оздоровление иранского общества и всего народа после десятилетий насаждавшегося в стране культа буржуазной вседозволенности, эта идея, несомненно, обнаруживает определенное сходство с морально-этическим, гуманистическим (и иллюзорным в тех исторических условиях) идеалом «царства добродетели и вечной справедливости», который проповедовал Робеспьер. Случайно ли, что революционные лидеры Франции и Ирана считали своими смертными врагами, заслуживающими казни, не только политических инакомыслящих, но и даже всех тех, кто позволял себе вслух усомниться в проповедуемых ими морально-этических ценностях?..

— Имам Хомейни... Давайте поговорим о справедливости. Справедливы ли приговоры к высшей мере наказания? Я имею в виду смертные приговоры в Иране не агентам секретной полиции и палачам, а обыкновенным людям, которые не имели ничего общего со старым режимом. Людей сегодня расстреливают за супружескую измену, за проституцию.

— То, что оскверняет всю страну, весь народ, должно быть вырвано с корнем, как вырывают сорняки, выросшие

на пшеничном поле... Мы, дети ислама, хотим очистить общество от скверны, а для того, чтобы осуществить эту задачу, мы должны наказывать тех, кто учит нашу молодежь злу. Нравится это кому-то или нет, мы не можем допустить, чтобы грязные и растленные люди распространяли вокруг заразу.

...В борьбе за свой идеал аятолла, подобно Робеспьеру, делал ставку на народ, на поддержание его боевого духа и патриотизма, хотя и использовал при этом — в соответствии с канонами ислама — весьма своеобразные средства...

— Вы говорите о законах и обычаях, которые были установлены 1400 лет назад. Не кажется ли Вам, что мир с тех пор ушел вперед? Требуя соблюдения этих законов, Вы одновременно воскресили запрет на музыку и на спиртные напитки.

— Ислам запрещает спиртные напитки, и этим все сказано. Он категорически запрещает их потому, что алкоголь заставляет людей терять голову и лишает их ясности мысли. Музыка затуманивает голову потому, что она приносит удовольствие и приводит в экстаз, так же как это делают наркотики. Я имею в виду вашу музыку. Обычно ваша музыка не возвышает дух — она его убаюкивает, расслабляет. Она губит нашу молодежь, отравляет ее, и молодежь перестает любить свою родину.

— Даже музыка Баха, Бетховена, Верди?

— Я не знаю этих имен. Если их музыка не затуманивает ум, мы не будем ее запрещать. Некоторая ваша музыка разрешена, например, марши и гимны. Нам нужна музыка, которая возвышает дух, например, маршевая музыка, которая пробуждает в нашей молодежи бодрость, а не парализует ее. Такая музыка помогает им больше любить свою страну.

...При всем своеобразии этот исламский идеал, помимо всего прочего, выступал как выражение той интегристской политики объединения «всего народа», которая была присуща и Робеспьеру до самого последнего дня...

— Значит, когда Вы говорите о народе, имам, Вы имеете в виду народ, связанный исключительно с исламским движением. Но как, по-Вашему, те люди, среди которых тысячи, десятки тысяч отдали свои жизни, погибли за свободу или ислам?

— За ислам. Народ боролся за ислам. А ислам означает все, в том числе все то, что в вашем мире называют

свободой, демократией. Да, ислам содержит все, ислам включает все. Ислам — это все.

...Таково предельно просто выраженное исламское политическое кредо ставших у власти религиозных лидеров Ирана. Но как таковое оно еще не отличает лидера иранского революционного движения от вождя французской революции. Вспомним созданный Робеспьером культ «верховного существа»: будучи лично неверующим, до глубины души ненавидя духовенство, всеми силами борясь с фанатизмом, он тем не менее считал, что «атеизм аристократичен», а культ «верховного существа» — «народная и, следовательно, социальная идея». Почти по Вольтеру: если бы бога не было, его следовало бы выдумать.

Здесь уже явно напрашивается разговор о различиях — и весьма важных — между идеалами аятоллы и Робеспьера. Но взявшись за гуж... продолжим линии наших параллелей в плоскость конкретной политики.

Рассмотрим вопрос о политической опоре Хомейни. В своих речах и выступлениях, подобно вождю французской революции, он неизменно апеллировал к наиболее обездоленным слоям населения — люмпенам, пауперам, сельским мигрантам в городах, рабочим традиционных предприятий, крестьянам, а также ремесленникам, мелким торговцам и лояльно настроенной к исламу части интеллигенции и служащих (главным образом мелких и средних). Как и Робеспьер, обличавший «аристократию богатства», Хомейни обрушивался на крупных собственников — помещиков, капиталистов, торговцев-скупщиков, а также высших чиновников. Но реально репрессивные меры были приняты лишь против части тех, кто запятнал себя слишком тесным и открытым сотрудничеством с шахским режимом. Таким образом, на деле главным и практически единственным критерием принадлежности к категории «обездоленных» была приверженность исламу и исламским традициям, хотя основную политическую опору аятоллы, конечно же, составляли лишь недавно пробудившиеся к политической жизни, но еще не искушенные в политике и безграмотные в своей основной массе широкие слои населения, среди которых лидер иранской революции в то время пользовался прямо-таки нечеловеческим авторитетом. Безграничную, доходящую до фанатизма преданность большей части народа Хомейни искренне считал свидетельством правоты своей идейной и политической позиции...

— Имам Хомейни, вся страна находится в Ваших руках. Каждое принимаемое Вами решение приобретает силу приказа. Вы вызываете страх, и многие называют Вас диктатором. Новым диктатором, новым боссом. Новым хозяином. Что Вы скажете по этому поводу. Не огорчает ли Вас это или же Вам это безразлично?

— С одной стороны, мне грустно слушать это. Да, меня это огорчает потому, что называть меня диктатором несправедливо и бесчеловечно. С другой стороны, мне это в общем безразлично, потому что я знаю, что злобность органически присуща человеку, и понимаю, что эту злобную характеристику мне дают наши враги. Учитывая, что избранный нами путь не по душе сверхдержавам, вполне естественно, что прислужники иностранных интересов чернят меня.

— Но Вы пугаете людей. Эта толпа, скандирующая Ваше имя, производит пугающее впечатление. Что Вы испытываете, когда день и ночь слышите их крики, зная, что они часами сидят возле Вашего дома, в тесноте и толкотне, страдая от жары и жажды, лишь бы на секунду увидеть Вас, лишь бы воздать Вам хвалу?

— Мне это доставляет удовольствие. Мне нравится слышать и видеть их, ибо это те самые люди, которые встали против гнета и выбросили из страны внешних и внутренних врагов. Их аплодисменты — продолжение боевого клича, который был на их устах, когда мы свергли узурпатора. Очень хорошо, что они не успокаиваются, потому что враг еще не исчез. Пока жизнь в стране не будет упорядочена, люди должны сохранять боевое настроение, быть готовыми к новым маршам и атакам. Кроме того, это любовь, сознательная любовь. Невозможно не радоваться ей.

— Любовь или фанатизм? Мне кажется, что это — фанатизм, к тому же фанатизм самого опасного рода. Я имею в виду фашиствующий фанатизм.

— Нет, это не фашизм и не фанатизм. Повторяю, что они кричат потому, что любят меня, а любят меня потому, что чувствуют, что я забочусь об их благе. Я воспринимаю их хвалебные выкрики как выражение любви, свободы и демократии.

...Подобное отношение большинства народа к лидеру революции сохранилось и к концу рассмотренного периода, когда многие группы населения явно переживали чувства усталости и разочарованности. Единства, под знаменем которого все политические течения объединились с целью свержения шахского режима, больше не было, но

массы все еще шли за аятоллой, по-прежнему маршируя по улицам при 45 градусах жары, под палящими лучами солнца и непрерывно скандируя выдвигаемые им одни и те же лозунги. Что это — задавались вопросом западные наблюдатели — свидетельство лояльности или взрыв массовой истерии?

Кое-кто пытался найти ответ в религиозных чувствах иранского населения. Однако ссылка на таковые не объясняет с достаточной полнотой характер отношения народа к духовенству. По свидетельствам очевидцев, ни накануне февральского восстания, ни после него население страны не проявляло особого религиозного рвения. Напротив, мечети посещались слабо, пиво и арак (местная водка) потреблялись повсеместно даже муллами, крестьянки работали на полях без паранджи или чадры, а в разговорах часто можно было услышать непочтительные замечания по поводу исламских догматов или духовенства. Правда, в среде сельских мигрантов в городах иногда всерьез обсуждался вопрос — является ли Хомейни 12-м имамом или только его предвестником. Но факты такого рода не отражали общего положения в стране, где даже в деревнях часто встречаются простые люди, знающие наизусть десятки стихов своих великих, всемирно известных поэтов, воспевавших вполне мирские радости и вполне земные страсти. Народному творчеству персов принадлежат такие явно антиклерикальные пословицы: «Легко муллой стать, но трудно человеком быть», «Лампу, нужную в доме, в мечеть не дают», «Сделаю дозволенным и съем» (когда пренебрегают кораническим запретом) и т. п. Так что отнюдь не в религиозных чувствах иранского населения заложен ответ на вопрос о причинах поддержки им Хомейни.

Дело обстояло все же гораздо проще и гораздо сложнее. Массы людей, потерявших доверие к посулам шаха и к вводимому им буржуазному прогрессу на западный манер, который приносил пользу только горсточке людей из высших сфер, верили теперь обещаниям Хомейни, который вел простой образ жизни, говорил на их языке и правил с помощью традиционных религиозных институтов, понятных народу. Хомейни умел привлекать к себе массы. Они были его «мостазефинами» — обездоленными. «Вы одни выиграли дело революции, — без конца восклицал он, обращаясь к ним. — Не либералы, не левые и коммунисты, не представители интеллигенции, не торговцы базара». Мостазефины должны были пожинать плоды ре-

волюции: получать квартиры, когда Исламский квартирный фонд забирал себе пустующие апартаменты сторонников шахского режима, и продукты питания по сниженным ценам. Их жизнь должна была когда-нибудь стать лучше. Одновременно аятолла старался приглушить иллюзии: он предсказывал наступление трудных времен, которые сможет пережить лишь тот, кто твердо верит, что в результате осуществления основных принципов ислама будут решены все проблемы.

В этом, пожалуй, самое главное: широкие слои населения связывали с духовенством свои надежды и свои иллюзии. И хотя в социально-экономической области новый политический режим ограничился полумерами, патриархально-благотворительная деятельность духовенства поддерживала в обездоленных — мостазефинах надежды и иллюзии на возможности кардинального улучшения условий их жизни. Эта популистская (то есть претендующая на выражение интересов «всего народа») политика затрудняла неграмотным массам понимание того факта, что реформистская платформа Базаргана была тогда до известной степени ее практическим выражением в социальной плоскости.

Конечно, в рамках отношений между новой властью и теми, кто составлял ее политическую опору, не могли не возникать определенные трения и даже конфликты. Большинство населения, принимавшее активное участие в революции, не желало мириться с экономическими тяготами, тем более что многие религиозные деятели, осуждавшие «жажду потребления», не очень-то ограничивали себя. Поэтому и недовольство духовенством высказывалось в основном в русле привычного отношения к государственной власти, как всегда противостоящей простому люду. Послушаем представителей различных групп населения:

— Вчера считался хорошим шах. Сегодня хорошим считается аятолла... Кто может сказать, что будет завтра? (безработный тегеранец, в прошлом крестьянин);

— Мы израсходовали последние деньги на еду. Мы голодны. Местный мулла сейчас обзавелся автомобилем, и его теперь не увидишь. Если бы это помогло, мы собрали бы все свои пожитки и отправились бы в Кум. Но это бесполезно. Для простого люда не имеет значения, кто находится у власти... Шах еще может вернуться (крестьянин из деревни, жители которой работали на строительстве гидрокомплекса, приостановленном новыми властями);

— Я хочу получить наградные, которые раньше выплачивались нам регулярно каждые полгода. Я должен кормить семью. Разве за это меня можно называть противником революции? (рабочий на складе).

Но сила Хомейни как раз и заключалась в том, в чем западные наблюдатели видели подчас только слабость, обрекающую новый режим на неминуемый крах уже в самые ближайшие дни,— в стремлении любой ценой создать в стране исламскую республику. Именно это стремление побуждало его поощрять надежды и приглушать иллюзии и в то же время постоянно прислушиваться к голосу масс и осуществлять в их интересах определенные мероприятия — как в рамках собственных исламско-эгалитаристских (уравнительных) концепций, так и в порядке «перехвата» требований левых сил. И в этом можно увидеть еще один момент, общий для Хомейни и Робеспьера.

Несмотря на возникавшие трения и конфликты низших слоев общества с исламской властью, они имели какие-то основания считать новое руководство страны «своим». Так, хотя рабочие комитеты в большинстве случаев были заменены смешанными комитетами в составе рабочих, мулл и предпринимателей, они сохранили право увольнять администрацию, вмешиваться в вопросы производства и зарплаты, определяя ее в соответствии с «исламскими принципами». Предприниматели же не только не могли увольнять рабочих, но и были обязаны платить им увеличенную по распоряжению правительства заработную плату вне зависимости от состояния производственной деятельности предприятия. Одним из элементов вновь приобретенной свободы было, в частности, то, что многие учреждения прекращали в середине дня работу, чтобы совершить намаз во главе со своим управляющим. Исламские комитеты низших служащих в учреждениях, ведомствах и министерствах составляли «внутренний фронт» своим управляющим. И хотя многие крестьяне весьма нерешительно вступали в создаваемые в деревнях исламские кооперативы, руководящие должности в которых во многих случаях занимали помещики, они терпеливо ждали улучшения своего положения. Выступление против духовенства для них означало бы выступление против веры. А те крестьяне, которые явочным порядком заняли и распределили между собой земли бежавших из страны крупных собственников, приобрели основание активно поддерживать новую власть. Безработные, бездомные, жители трущоб, получившие хлеб и пристанище в созданных при

городских мечетях мусульманских общинах, имели возможность рассчитывать на причитающиеся им пособия и выплаты из Фонда обездоленных и пользоваться привилегией быть незарегистрированными членами «единственной партии — партии Аллаха». Тысячи молодых безработных приобрели кров, пропитание и одежду вместе с гордым званием «стражей исламской революции». Постепенно большинство активных рядовых участников революции было обеспечено не только хлебом, но и зрелищами... демонстраций и погромов с собственным участием.

Вместе с тем можно констатировать определенное типологическое сходство социальной основы нового иранского режима и якобинского правления. В классовой структуре политической власти якобинцев доминирующая роль принадлежала мелкой буржуазии, которая в тех исторических условиях могла только расчистить путь к буржуазному господству. Социальную базу политической власти послефевральского Ирана составляли в основном также мелкобуржуазные по своей природе «средние слои», которые, правда, в современных условиях получили возможность самостоятельного исторического действия в пределах относительно большого промежутка времени.

Несомненно, что в политическом плане от революции в Иране в первую очередь выиграло духовенство, не только отстаившее право на свое существование как социальной группы, но и добившееся непосредственного контроля над государственной властью. Прямые же материальные выгоды от революции пришлось на долю представителей мелкого и отчасти среднего торгово-предпринимательского капитала как в городе, так и в деревне. Именно их интересам преимущественно соответствовали такие меры, как национализация банков, страховых компаний и крупнейших промышленных корпораций, защита и поощрение местной промышленности и торговли, ограничение деловых операций, господствующее положение в которых занимали иностранцы, запрещение импорта предметов роскоши, облегчение доступа к кредитам и займам, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и т. п.

— Революция принесла нам национальную независимость (торговец базара);

— Мы верим Хомейни, потому что он святой (хозяин чайханы);

— Мы пошли бы за ним на край земли (владелец грузовика).

Упор на моменты морального порядка в этих высказываниях отнюдь не случаен: проповедь норм исламской морали в конечном счете отвечала главным образом интересам того же мелкого торгово-предпринимательского капитала. Торговцы, которые финансировали революцию, считали себя архитипичными исламскими деятелями, теми «справедливыми торговцами» из Корана, которые сочетают активную торговлю с ревностной приверженностью религии. Основной динамизм экономической жизни страны в то время исходил именно от базарных торговцев — единственной общественной прослойки, которая в долгосрочном плане выиграла от революции. Вместе с тем прокламируемое новыми властями создание небольших мастерских, базирующихся на местном сырье, также было частью программы внедрения исламских норм поведения в промышленность, которая отвечала интересам мелких предпринимателей.

Однако экономическая политика нового режима отражала интересы мелкого торгово-предпринимательского капитала не прямо и непосредственно, не сознательно и целеустремленно, а лишь своим общим объективным содержанием. (Субъективно для духовенства, добивавшегося увековечения условий своего существования, более важным было удовлетворение наиболее насущных материальных нужд широких масс — без народа оно было бы в положении полководца без армии.) Это-то и затрудняло поначалу более или менее точную оценку социально-экономической природы исламского режима. Некоторые наблюдатели полагали, будто религиозное руководство планирует для Ирана экономику натурального типа, то есть нацеленную лишь на удовлетворение внутренних потребностей без рыночного обмена. При этом ссылались на то, что утверждение примата духовной жизни над материальной, аскетизма над потреблением, выражение вслух презрения ко всякому предпринимательству с целью обогащения, запрещение брать проценты, резкие выпады против «торговцев, дорого продающих свои товары», и т. п. не могут стимулировать капиталовложения. Отсюда делался вывод, что следование божественному своду законов мало совместимо с капитализмом.

Но были ли действительные основания сомневаться в совместимости экономической концепции религиозного руководства с развитием капитализма? Благодаря мероприятиям нового режима представителям мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала фактически

сразу же было обеспечено центральное место во внешней и внутренней торговле страны. Правда, над ними постоянно висел дамоклов меч национализации внешней торговли (соответствующий пункт был зафиксирован даже в принятой в декабре 1979 г. «исламской конституции»), однако, как говорят персы, между замыслом и его осуществлением расстояние большое. На внутреннем рынке им предписывалось не продавать свои товары «слишком дорого», но подобными предписаниями вполне можно было пренебречь, хотя и ценой получения в отдельных случаях изрядной порции розог в публичном месте. Когда же отдельные мероприятия властей (такие, например, как запрещение вывоза ковров, принятое с целью предотвратить утечку капиталов за границу) более явно ущемляли интересы представителей мелкого бизнеса, последние могли соответственно уменьшать взносы в «церковные кассы». Кроме того, они имели возможность влиять на правительственные решения через духовенство, большинство представителей которого являлись выходцами из торгово-ремесленных слоев, и местные исламские комитеты.

При всем том нельзя упускать из виду такой немаловажный момент, что представители мелкого и среднего торгово-предпринимательского капитала, получившие определенные материальные выгоды от революции, в новых условиях не могли не стремиться к более прямому овладению административным и хозяйственным аппаратом с целью полнее воспользоваться плодами революционных завоеваний в условиях «порядка и безопасности». Вот слова одного из представителей этих кругов — торговца, экспортера ковров:

— Мы поставили на карту наше состояние, чтобы оказывать финансовую помощь забастовкам, мы посылали миллионы риалов в Париж, в штаб-квартиру Хомейни, а теперь нам говорят, что революцию делали не мы.

В начале июня в Иране было опубликовано открытое письмо, адресованное Хомейни. Автор письма — владелец небольшого предприятия в Тегеране — писал:

— Я всегда был правоверным мусульманином. Я поддерживал борьбу, которую муллы вели против шахской тирании. Однако сегодня я призываю Вас распустить исламские комитеты, запретить духовенству вмешиваться в дела государства, предоставить правительству, которое Вы сами назначили, право самостоятельно управлять страной.

— Муллы должны вернуться в свои мечети. Если мы захотим послушать Коран, то пойдем туда, но они не должны диктовать нам любой наш шаг — так обычно говорили представители мелких и средних торгово-предпринимательских кругов.

Эти круги, как видно, популистскому настрою Хомейни, выступавшему от имени «всего народа», предпочитали реформистскую политику Базаргана, более прямо проявлявшего свои социально-классовые симпатии.

Выразителями политических устремлений торгово-предпринимательской части «средних слоев» были либерально настроенные деятели из числа научно-технической интеллигенции, лиц свободных профессий, служащих чиновничьего аппарата, имеющих, как правило, западное образование. Эти представители так называемой служилой части «средних слоев», довольно значительной в количественном отношении, разумеется, имели и собственные интересы, в еще большей мере расходившиеся со стремлениями пришедшего к власти духовенства, — развитие и усовершенствование просвещения, научно-технического прогресса, общественного обслуживания, здравоохранения, планирования и т. п. Некоторые из них занимали исключительно светские позиции, но большинство рассматривало ислам как культурную традицию, выражение национальной идентичности и — соответственно этому — внешнюю обличовку либерально-демократического по сути режима, скопированного с западных образцов. Вынашиваемый духовенством идеал исламской теократии, хотя он облачался в современные парламентско-представительные формы, претил не только явно прозападно настроенным правым либералам (типа Бахтияра), не только леволиберальным кругам интеллигенции и служащих, занимавших левоцентристские позиции (типа Матин-Дафтари), но и происламски настроенным либералам центристского толка (типа Базаргана), которых Хомейни после февральской победы формально поставил у руля исполнительной власти. Впоследствии выяснилось, что и такие деятели исламского движения, как Банисадр и Готбзаде, не очень-то способны ужиться с теократическим режимом. Ниже приводится ряд публиковавшихся в западной печати высказываний представителей служилой части «средних слоев»:

— У моих родителей было много денег, они знали, что многое потеряют. И все же они пожертвовали деньги на революцию. Многие из нас помогали революции деньгами.

Мы переживали патриотический подъем. У нас было чувство, что мы на гребне исторических событий. Это был взрыв народной совести, коснувшийся всех нас. Сейчас мы разочарованы. Мы не ожидали, что в стране установится диктатура мулл (женщина из зажиточной семьи, пытающаяся перебраться на Запад);

— Многие студенты впитали в себя западные представления; они не являются сторонниками возвращения шаха, однако новый режим им не по душе. Большинство из них хранит молчание, ибо чувствует себя не в силах дать отпор воинствующим элементам (преподавательница, ссылающаяся на сочинения своих питомцев);

— 1979 год — год победы невежества над несправедливостью (надпись на транспаранте в Тегеранском университете, быстро сорванном исламскими активистами).

Это говорили люди, еще несколько месяцев назад верившие, что ислам обеспечит национальное единство на базе демократического (главным образом в формально-либеральном смысле) развития. Вот слова одной и той же преподавательницы Тегеранского университета, сказанные с перерывом менее чем в год:

— Ислам является для нас связующим звеном. Ничего из того, что может дать нам ислам, не пугает меня как современную женщину;

— Как же мы были наивны, когда ради единства согласились отойти от наших собственных требований и верили, что муллы не хотят абсолютной власти.

Все эти слова, кое в чем созвучные жирондистской, дантонистской и левоякобинской критике Робеспьера, объясняют, почему идеал исламской республики стал порождать цепную реакцию термидорианского типа — от Бахтияра к Базаргану и затем к Банисадру. Каждый из них в той или иной форме добивался реализации «средними слоями» тех позитивных завоеваний революции, которым объективно в интересах торгово-предпринимательских кругов способствовало духовенство, но которыми эти круги не могли воспользоваться в полной мере в условиях его интегристской, популистской политики.

Исламский режим имел и левую оппозицию. В стране существовала вооруженная научной теорией партия коммунистов, марксистов-ленинцев. Если во времена Робеспьера левые силы, естественно, не могли выйти за рамки незрелых социальных устремлений городского плебейства и предпролетариата, то ныне они черпают свою силу как в объективном ходе общественного развития в современ-

ную эпоху, так и в формирующемся классовом и политическом сознании передовых отрядов местного промышленного пролетариата. При этом им, разумеется, приходится учитывать и особенности массового общественного сознания, и то, что большинству слоев трудящихся еще предстоит пережить длительный процесс изживания многих иллюзий и предрассудков на пути осознания своих действительных социально-политических интересов. Этим и определялась избранная Народной партией Ирана политическая линия, проведение которой в условиях страны оказалось делом весьма трудным. К тому же партия имела весьма ограниченные возможности для развертывания активной деятельности среди рабочего класса, тогда как духовенство в полной мере смогло использовать еще не преодоленные до конца последствия реформистской политики шахского режима в рядах промышленного пролетариата, кстати сказать, уступавшего по численности даже государственным служащим. В конечном счете незавершенность буржуазной социальной дифференциации общества и определяющаяся ею неразвитость классовых противоречий были обусловлены особенностями капиталистического развития восточных стран, в которых экономический рост не сопровождается соответствующими ему социально-классовыми сдвигами капиталистического типа.

Усложненная социально-экономическая действительность восточного общества породила и весьма сложные процессы и формы внутривнутриполитической борьбы в Иране после февральской победы. О необходимости продолжения революции говорили все, кроме Базаргана, который, выступая против коренной перестройки старой структуры государственного аппарата и поэтому противясь избранию руководящих административных работников рядовыми служащими, исходил из того, что «революция должна закончиться». В этом он противостоял двум течениям — сторонникам Хомейни и левым силам, считающим, что республика выживет лишь в том случае, если революция будет продолжаться. Но каждое из этих двух течений стремилось к продолжению своей революции. Для сторонников Хомейни это была «исламская революция» с ее религиозно-эгалитарным идеалом, восходящим к временам пророка Мохаммеда и имама Али, для левых сил (взятых в целом) — революция национально-демократического типа, ведущая к выходу за рамки капитализма. Идеал такого типа левые видели в развитии наиболее радикальных современных национально-освободительных движений.

Таким образом, на политической арене Ирана выступили три тенденции: исламская (мелкобуржуазно-популистская по социальной ориентации, исламско-интегрისტская по политическому содержанию, антизападная по внешней направленности), либеральная (в целом пробуржуазная, но с различными оттенками внутри- и внешнеполитической ориентации — от прозападной до националистической) и левая (народная, антиимпериалистическая и антикапиталистическая). Ни одно из соответствующих течений не было однородным: среди исламских сил отчетливо выделялись экстремистские круги, центристско-консервативное ядро и умеренно-либеральный фланг; либералы также делились на правых, центристов и левых; левые имели в своем составе марксистско-ленинские, революционно-демократические и леворадикальные группы. В результате все три течения сосуществовали в сложных отношениях, в рамках которых сталкивались как взаимопроверочивые, так и взаимопересекающиеся интересы. Однако в условиях характерной для страны размытости социально-классовых границ и обусловленной ею пестроты политического спектра исламское течение в силу своей популистско-интегристской сути в наименьшей степени было подвержено разрыву на классовом и политическом уровнях.

Именно это обеспечило исламскому движению возможность добиться безраздельной политической гегемонии, подчинить себе всю низовую структуру революционной власти и наложить свою печать даже на такие в принципе прогрессивные мероприятия, как национализация банков и крупной промышленности, создание самоуправленческих комитетов на предприятиях и т. д. Поскольку популистско-интегристская, антизападная направленность исламского течения имела тогда целый ряд точек соприкосновения с народной, антиимпериалистической линией левого течения, постольку главную для себя опасность духовенство усматривало в деятельности либералов, особенно их левоцентристских кругов, пытавшихся объединить на своей платформе все оппозиционные силы. Именно в этой части либерального течения (а отнюдь не в слабой и деморализованной промонархической контрреволюции) видел новый режим тех «правых», которые стояли на пути создания исламской республики. Конечно, публичной рекламы больше были удостоены шахские приспешники, но это являлось скорее средством привлечь на сторону режима народные, антиимпериалистические силы.

Итак, в сложившихся условиях Хомейни, подобно Робеспьеру, в борьбе за «счастье добродетели и скромного довольства» наносил удары как направо, так и налево. Нельзя не заметить и сходство методов борьбы обоих лидеров: раскол оппозиционных групп с целью не допустить их объединения, подчинение одних и ликвидация других в зависимости от характера решаемых задач и т. п. Показателен и такой пример: если Робеспьер считал всех своих противников «агентами англичан», то Хомейни в соответствующих обвинениях доходил до того, что объявлял даже левые силы «созданием американцев»...

— В одной из Ваших первых речей, произнесенных в Куме, Вы сказали, что новое исламское правительство гарантирует свободу мысли и слова всем, и в том числе коммунистам и национальным меньшинствам. Но это обещание не было выполнено. И сейчас Вы называете коммунистов «детьми сатаны», а лидеров национальных меньшинств, поднявшихся на борьбу, «злом на земле».

— Неужели я должен был позволить организовывать заговоры тем, кто стремится ввергнуть страну в анархию и коррупцию, как будто свобода мысли и слова — это то же самое, что свобода организовывать заговоры и способствовать коррупции... Мы заставим их замолчать, чтобы все знали, что они собой представляют и какую цель перед собой ставят. И эти действия отнюдь не направлены против свободы. Так поступают всюду.

— Нет, имам. И во всяком случае, как Вы можете называть «сторонниками шаха» тех, кто боролся против шаха, кого он преследовал, арестовывал, пытал? Как Вы можете называть их врагами, как Вы можете отказывать в праве на существование левым, которые столько боролись и столько страдали?

— Никто из них не боролся и не страдал. Они разве что использовали для своих целей горе народа, который боролся и страдал.

— Извините, имам... Вы говорите, что левые не имели никакого отношения к изгнанию шаха, в том числе левые, среди которых было столько арестованных, столько людей, подвергнутых пыткам, столько убитых. Ни живые, ни мертвые в рядах левых сил ничего не значат?

— Они не способствовали ничему. Они не служили революции ни в каком смысле. Некоторые из них боролись, это верно, но лишь за свои идеи, и только, за свои цели, и только, за свои интересы, и только. Они ничем не способствовали победе. Они не внесли в нее никакого

вклада. Они не поддерживали никаких отношений с нашим движением, не оказывали на него никакого влияния. Нет, левые никогда не сотрудничали с нами: они лишь вставляли нам палки в колеса, и только... Я считаю, что это даже не настоящие левые, а искусственные левые, созданные американцами.

— Левые, «сделанные в США», имам?

— Да. Рожденные и поддерживаемые американцами для того, чтобы клеветать на нас, саботировать наши действия и уничтожить нас.

...Слов нет, Хомейни немало сделал для того, чтобы разбудить дремавшие силы иранского народа, организовать его и поднять на борьбу против тирании и угнетения. Но ценой тому должно было быть превращение народной революции, с ее могучим, хотя и стихийным порывом к социальной справедливости и равенству, в «исламскую революцию», добивающуюся утверждения религиозных идеалов, выгодных в первую очередь духовенству. В условиях Франции конца XVIII в., с ее вольнодумством, безбожием и атеизмом, подобное воздействие на массовое общественное сознание просто не могло иметь места, и созданный Робеспьером культ «верховного существа» был не чем иным, как культом Природы, хотя такая форма выражения просветительских идей сама по себе являлась одним из проявлений его исторической ограниченности.

Но в идеале Робеспьера «бог» существовал для народа. В идеале религиозного руководства Ирана — народ для бога.

Идеал Робеспьера был целиком и полностью обращен в будущее. Идеал «исламских революционеров» — весь в прошлом (и прошлое все в нем).

Значит ли это, что консерватизм иранского религиозного руководства следовало однозначно расценивать как реакционную попытку увести общество назад? Такое мнение часто высказывалось в мировой печати, но вряд ли с ним можно согласиться. Нельзя не учитывать, что консервативные черты его культурно-религиозной политики объективно служили расчистке пути для широкого и массового развития капитализма «снизу», для свободной и независимой эволюции тех огромных по численности традиционных слоев населения (связанных с мелкотоварным и мелкокапиталистическим укладами), которые в условиях шахского режима оставались вне процесса социальной модернизации или подключались к нему лишь частично и в

степени, не соответствующей общим темпам экономического роста. Но это объективно позитивное содержание политики духовенства не так-то просто было реализовать. Если трагедию шаха обусловило то, что ускоренный экономический рост, обеспечивая относительно эффективную технико-экономическую модернизацию, оказался не способен расширить в достаточной степени узкие рамки складывания капиталистического способа производства, то трагизм положения духовенства определялся безысходностью стремлений к широкому и массовому развитию капитализма «снизу» в стране в условиях господства государственно-монополистических структур в рамках мировой капиталистической системы. Не проявлением ли этой безысходности был довольно быстрый переход социальной политики духовенства от мелкобуржуазно-популистского радикализма к заурядному буржуазно-реформистскому либерализму? Может быть, именно потребности такой тупиковой ситуации и определяли идеализацию староисламских общественных и семейных форм жизни, равно как и общие попытки двигаться вперед полным задним ходом?..

— Скажите, почему Вы заставляете женщин скрывать свое лицо и фигуру под чадрой, этим неудобным и нелепым одеянием, в котором трудно работать и двигаться. Между тем даже здесь женщины доказали, что они не хуже мужчин. Они сражались не хуже мужчин, их бросали в тюрьмы и подвергали пыткам наравне с мужчинами. Они также помогали делать революцию.

— Женщины, которые внесли свой вклад в революцию, носили и носят одежду, предписанную исламом... Кокетки, которые мажутся, пудрятся и выходят на улицы без чадры, демонстрируя свою шею, волосы, фигуру, не сражались против шаха. Эти женщины никогда ничего хорошего не сделали. Они не умеют приносить пользу ни в социальном, ни в политическом, ни в профессиональном отношении, и все потому, что, открывая лицо, они отвлекают мужчин от дела и лишают их душевного равновесия. Они отвлекают от дела и лишают душевного равновесия даже и других женщин.

— Это неправда, имам. Но как бы то ни было, я говорю не только о предмете одежды, а о том, что чадра символизирует. Чадра — символ дискриминации, которой вновь подвергаются женщины в вашей стране после революции. Возьмем, к примеру, то, что им не разрешается ни учиться в университете вместе с мужчинами, ни работать вместе

с мужчинами, ни ходить на пляж или в бассейн вместе с мужчинами. Им приходится плавать в специальных женских бассейнах прямо в чадре.

— Я знаю, что всю свою жизнь, что бы я ни говорил, я оказывался прав. Если бы не существовало этого одеяния, предписываемого исламом, женщины не могли бы полезно работать для общества. Не могли бы в таком случае полезно работать и мужчины. Наши законы — правильные законы.

— Даже если закон разрешает мужчине иметь четырех жен?

— Закон о том, что мужчина может иметь четырех жен, — прогрессивный закон, и он был принят для блага самих женщин, поскольку женщин больше, чем мужчин. На свет рождается больше женщин, чем мужчин, и на войне гибнет больше мужчин, чем женщин. Каждой женщине нужен мужчина. Так что же делать, если женщин на свете больше, чем мужчин? Что же, по-Вашему, лучше — чтобы излишние женщины занимались проституцией или чтобы они вышли замуж за мужчин, уже имеющих других жен? По-моему, несправедливо, чтобы одинокие женщины становились проститутками только потому, что на их долю не хватило мужей. Позвольте мне отметить еще один момент. Даже при таких трудных условиях, в которых оказывается мужчина с двумя, тремя и четырьмя женами, ислам предписывает мужу относиться ко всем женам одинаково, одинаково любить их и уделять всем им равное внимание. Этот закон лучше, чем моногамия.

...Можно было бы и дальше продолжить линию противопоставлений между идеалами французской и «исламской» революций. Но поскольку этот сюжет интересует нас исключительно в плане логического анализа социально-политической сути событий в Иране, постольку в интересах полноты этого анализа сейчас следует перейти к другим вопросам. В частности, к вопросу о тех объективно обусловленных факторах, которые лишили иранское духовенство главного из того, что сделало Робеспьера Робеспьером — деятелем, под руководством которого в течение шести недель с лица французской земли были начисто стерты ее многовековые феодальные наслоения и тем самым расчищен путь развитию капитализма не только во Франции, но и во всей Европе. Напомним, что, выполнив эту великую историческую миссию, французская революция, влекомая дальше иллюзорно-утопическим идеалом Робеспьера, стала вступать в полосу глубокого кризиса

(хотя одновременно закрепляла антифеодальные завоевания).

В Иране, в отличие от Франции, революция произошла в условиях почти полной решенности антифеодальных задач. Главной социально-классовой силой, определявшей объективный ход развития народной революции, здесь с самого начала выступала мелкобуржуазная по природе торгово-предпринимательская часть «средних слоев». Условия ее экономического процветания были обеспечены уже в результате победы антишахской революционной борьбы. Естественно поэтому, что предпринятая затем духовенством, оказавшимся в силу объективных исторических условий во главе народного движения, попытка превратить исламскую по форме революцию в исламскую по содержанию сразу же вовлекла ее в полосу все углубляющегося кризиса (хотя одновременно закрепляла некоторые завоевания антишахской революционной борьбы).

Таким образом, если иранское духовенство и можно сравнивать с робеспьеристами, то только в тот период их политической деятельности, когда, осуществив с величайшей основательностью все назревшие антифеодальные преобразования, они стали увлекать революционное движение на путь борьбы за иллюзорно-утопические цели.

Конечно, иранские религиозные лидеры до соответствующего периода в своей деятельности осуществили и такую кардинальную задачу революции, как свержение монархического режима. Но это сближает их не с якобинцами, не с робеспьеристами, а скорее с жирондистами, с бриссотинцами 1792 г., которые смело ликвидировали монархию, установили республику, а затем, придя к власти, попытались остановить, затормозить народную революцию с ее ярко выраженным социальным порывом к общественному переустройству. И вместе с тем, подобно робеспьеристам 1794 г., иранские деятели решительно повели революционное движение народа к иллюзорной цели «вечной (исламской) добродетели».

И здесь мы наконец подошли к наиболее полному определению лидеров иранской революции, своеобразно соединивших в своей деятельности восход Жиронды и закат Горы. Кстати сказать, отсутствие в Иране антифеодальных задач, решение которых составило в свое время вершину деятельности якобинцев, достаточно ясно объясняет, почему реакция термидорианского типа возникла в Иране еще до полной победы шиитского духовенства (мы имеем в виду Бахтияра).

Остается указать на важнейшие причины того, что блестящие штиблеты Бриссо и напудренный парик Робеспьера оказались под монашеской рясой Савонаролы.

Духовенство пришло к руководству революцией в Иране не только потому, что смогло заполнить политический вакуум, вызванный отсутствием в шахском Иране легальных оппозиционных партий, не только потому, что смогло дать движению организацию и антиираиическую идеологию, но и главным образом потому, что в силу своего специфического положения смогло на том этапе наиболее полно, решительно и последовательно выразить те потребности революционной борьбы, которые вытекали из объективного общественного бытия и субъективных социальных устремлений традиционных слоев. В первое время после прихода к власти духовенство продолжало пользоваться почти таким же влиянием, как в дни антишахской борьбы, и этим оно было обязано не только личному авторитету Хомейни, но и тому, что традиционные условия, в которых духовенство сохраняло право на свое существование как особой общественной группы, для большинства населения были субъективно и объективно гораздо более приемлемыми, чем шахский прогресс на западный манер. «Исламский ренессанс», проявившийся в широком обращении к религиозным истокам, явился реакцией на очевидный крах той концепции «догоняющего развития», осуществление которой во всех областях жизни укрепляло влияние империализма и подрывало национальную самобытность...

— Имам Хомейни, Вы всегда сурово судите о Западе. Любое Ваше суждение о нас наводит на мысль, что Вы видите в нас защитников всего дурного, всяких извращений. А между тем Запад оказал Вам убежище, когда Вы уехали в эмиграцию, и многие Ваши соратники начинали свое дело на Западе. Не кажется ли Вам, что в нас есть и кое-что хорошее?

— Кое-что да, кое-что. Но когда человека укусит змея, он боится даже веревки, издали похожей на змею. А вы кусали нас слишком часто. Вы видели в нас всего лишь рынок сбыта. Вы экспортировали в нашу страну все плохое, а все хорошее, например, материальный прогресс, вы сохраняли для себя. Запад причинил нам много зла, много страданий, и сейчас у нас есть серьезные причины опасаться его, оберегать нашу молодежь от западного влияния. Я не хочу, чтобы наша молодежь училась на Западе, потому что там она привыкает к спиртному, ее развращает

музыка, затуманивающая ум, наркотики и неприкрытые женщины.

— Если мы настолько растленны и распространяем вокруг себя заразу, почему Вы пользуетесь продуктами нашей растленной цивилизации?

— Потому что на Западе есть и кое-что хорошее. Мы не боимся пользоваться этим хорошим. Мы не боимся вашей науки и техники. Мы боимся только ваших идей и обычаев. А из этого следует, что мы боимся вас в политическом и социальном отношении. Мы хотим, чтобы эта страна была нашей страной. Мы не желаем, чтобы вы вмешивались в нашу политику и экономику, в наши обычаи, в наши дела.

...Действие вызывает противодействие, но, увы, не всегда адекватное. Политика империализма может вызвать не только законный антиимпериализм, но, как выяснилось в ходе событий 4 ноября 1979 г. в Иране, и содействовать изобретению тех внешнеориентированных революционных целей, которые позволяют сохранять шаткое «единство всего народа» и благодаря этому удлинять кризис революции...

— Экономическое положение Ирана не улучшилось. Бедняки в южных районах Тегерана так же бедны, как и раньше... Нормальной политической деятельности нет. Не справедливо ли в свете этих обстоятельств сказать, что революция не принесла плодов?

— Все эти замечания, возможно, и правильны. Но нельзя говорить, что революция закончилась неудачей. Устои революции еще более укрепились. Наш народ привык к революции. Все иранцы — революционеры. Все они охотно пойдут на мученичество... В этом духе мы решим все проблемы Ирана.

— Вы не занимались серьезным изучением экономики, международных политических отношений. Вы получили главным образом богословское образование. Не зарождает ли это у вас сомнение в том, что в этом уравнении могут быть факторы, которых Вы не сознаете?

— Мы отмечаем уравнения и социальные и политические критерии, которыми до сих пор пользовались для оценки всех мировых проблем. Мы создали новую систему ценностей во имя справедливости и борьбы против несправедливости. Мы будем отстаивать и поддерживать справедливость и обрушиваться на всех, кто попытается вершить несправедливость. Вы можете называть эту систему ценностей как Вам угодно... Я действи-

тельно ничего не понимаю в ваших критериях и считаю это благом.

— Вы когда-нибудь в чем-нибудь ошибались?

— Только пророк Мохаммед и другие святые непогрешимы. Все другие допускают ошибки.

...К Робеспьеру — рано ли, поздно ли — пришло прозрение. К другому оно могло и вовсе не прийти. Каждому — свое. Но ведь в конце концов дело не в личных качествах людей, а в объективно обусловленной исторической ситуации. Во Франции той эпохи, когда капитализм еще только начинал свое восходящее шествие как прогрессивная по сравнению с уходящим феодализмом система, преодоление негативных последствий его утверждения было не под силу даже такой личности, как Робеспьер. В Иране «исламская революция» в какой-то мере смогла стать исторической реальностью в конечном счете именно потому, что в современных условиях на передний план выдвигаются не преобразовательные, а разрушительные функции капитализма. При шахском режиме капиталистическое развитие страны происходило не через соответствующую трансформацию традиционных городских общественно-экономических структур, а путем ликвидации «сверху» феодальных отношений в деревне и насаждения на все традиционное массовое мелкое производство «архитектурного украшения» в виде «новейших», монополистических и государственно-монополистических форм. При таком положении социальная программа буржуазно-демократической революции состояла в «снятии» этих форм, поскольку именно они препятствовали широкому и массовому развитию капитализма «снизу». В результате подобной операции обществу предстояло в какой-то мере словно бы вернуться в то переходное состояние, которое с известной долей условности может быть охарактеризовано как *уже* не феодализм, *еще* не капитализм. На этой почве и возникла реальная возможность использования ислама (зародившегося, кстати сказать, как идеология переходной эпохи) в качестве основы общественно-политического устройства. Так что главное не в религиозных убеждениях Хомейни и его пуританско-аскетических взглядах, которые ставились зачастую во главу угла некоторыми западными наблюдателями...

— Имам Хомейни, неужели Вы никогда никого не прощали? Неужели Вам незнакомо чувство жалости или сострадания? Плакали ли Вы когда-нибудь?

— Я плачу, я смеюсь, я страдаю, как и все люди. Что ж, по-вашему, я не человек?

...Да, во многой мудрости много печали. Но и юдолю печали может вместить в себя очень многое. Плавающее сердце рыцаря французской революции сгорело от безысходной боли за несбывшиеся мечты. Непоколебимую уверенность лидера иранской революции в конечном торжестве его идеалов омрачало лишь сознание невозможности осуществить их так скоро, как того хотелось бы.

После падения якобинцев многие во Франции, да и в других странах мира, задавались вопросом: к чему бы пришли робеспьеристы, сумеют ли они одолеть всех своих врагов? Некоторым историкам уже тогда ответ был ясен: не будь термидорианского переворота против робеспьеристской власти, было бы термидорианское перерождение самой этой власти. Для самого же Робеспьера подобного вопроса не существовало: установлению личной диктатуры он предпочел «могилу и бессмертие». И грохот телеги, отвозившей вождя революции и его друзей к эшафоту, и лязг ножа гильотины, опускавшегося и поднимавшегося 22 раза сряду, отзывались в веках набатным призывом к борьбе против всех форм угнетения. Сегодня, в изменившихся после Великого Октября объективных условиях исторического развития, это — призыв к борьбе за подлинное (а не иллюзорное) социальное раскрепощение и счастье всего человечества. Но всем ли дано услышать его? Тем более что собственное термидорианское перерождение не так-то легко заметить. А возможность такого перерождения сохраняется и поныне — достаточно только занять антикоммунистическую позицию...

— Последний вопрос, имам... В Иране большое недовольство, серьезные беспорядки, большой хаос. Революция не принесла добрых плодов, которые она обещала. Страна плывет в мутных водах, и кое-кто ожидает мрачных дней для Ирана.

— Я отвечу вот что: мы похожи на шестимесячного ребенка. Ведь революция была совершена в стране, пережившей массу всяких бед, подобно полю пшеницы, на которое набросилась стая саранчи. Мы только начали свой путь вперед. Что Вы хотите от шестимесячного ребенка, который родился в поле, пожираемом саранчой, после 2500 лет плохого урожая и 50 лет урожая, состоящего из зараженного зерна (имеются в виду монархический строй в Иране и правление династии Пехлеви.— *Авт.*)? Это прошлое нельзя зачеркнуть за несколько месяцев и даже за

несколько лет. Нам нужно время. Мы требуем времени. И мы требуем его прежде всего у тех, кто называет себя коммунистами или демократами.

...В разговорах на подобные темы образ ребенка использовали и другие деятели Исламской Республики Иран. Ибрагим Язди:

— Я с самого начала говорил, что эта революция — все равно что первый ребенок в семье. Родители ожидают его с нетерпением, но после того, как он рождается, им предстоит много бессонных ночей.

К ноябрьским событиям 1979 г. «исламская революция» в Иране насчитывала уже полных девять месяцев.

Муки родов исламской республики продолжались, а «исламское бесклассовое общество» правящее духовенство надеялось создать в течение двух десятилетий.

«И если бы Кораном двигались горы, или рассекалась земля, или говорили бы мертвые...»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
От автора	17
МЕССИЯ С «БОИНГА» (Навстречу народной революции)	26
Месяц первый БОЛЬШАЯ ПОБЕДА С МАЛЫМИ ПОТЕРЯМИ	53
Месяц второй «ДА» ИЛИ «НЕТ» ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ?	88
Месяц третий СТРАНА ТЫСЯЧИ ШЕРИФОВ	122
Месяц четвертый БОЛЬШИНСТВО И МЕНЬШИНСТВО	148
Месяц пятый ДАЕШЬ КОНСТИТУЦИОННУЮ АССАМБЛЕЮ?!	175
Месяц шестой БОГАТЫЕ, ДЕЛИТЕСЬ С БЕДНЫМИ!	196
Месяц седьмой НЕ ЛЕВЫМ, НЕ ПРАВЫМ, А ИСЛАМУ!	224
Месяц восьмой ЕДИНСТВЕННАЯ ПАРТИЯ — ЭТО ПАРТИЯ АЛЛАХА!	247
Месяц девятый ИСЛАМ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ!	262
ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ (К новым победам ислама)	286
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	310

1 р. 40 к.

